

ISSN 1810-0201 (Print)
ISSN 2782-5825 (Online)

ВЕСТНИК ТАМБОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2023
ТОМ 28
№ 3

СЕРИЯ:
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

TAMBOV UNIVERSITY REVIEW
S E R I E S : H U M A N I T I E S

ВЕСТНИК Тамбовского университета

Научно-теоретический
и прикладной журнал

Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ
НАУКИ

2023
Т. 28
№ 3

ЖУРНАЛ ТАМБОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени Г.Р. ДЕРЖАВИНА

Издается с 15 мая 1996 года
Выходит 6 раз в год

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки России (К1) (педагогические науки, исторические науки), индексируется РИНЦ, Ulrich's Periodicals Directory, SciLIT, CrossRef

Сквозной
номер
выпуска – 204

СОДЕРЖАНИЕ

524 CONTENTS

ПЕДАГОГИКА СРЕДНЕГО И ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

527 Л.Н. Макарова, С.А. Перышкова

Нейропсихологический подход как методологическая основа коррекционно-развивающей работы с дошкольниками с речевыми трудностями

538 Г.М. Первова

Концептуальное моделирование библиотеки детского чтения педагогами

548 П.С. Крюков

Специфика формирования духовно-нравственных ценностей младшего школьника средствами музыкального фольклора

ПЕДАГОГИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

556 А.Н. Ковин

Формирование психологической готовности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях

567 Т.Ю. Анпилогова

Этапы развития историко-краеведческой деятельности студенчества Луганщины в советский и постсоветский периоды

ПЕДАГОГИКА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

580 В.В. Гладких, Е.И. Панкова

Интеграция науки и образования как эффективное средство сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей

592 Е.Б. Володарская, С.Л. Лукиш

Методы формирования конфликтологической компетентности воспитанников детских домов

603 С.Н. Кипреев

Полиция против Хэллоуина: противодействие угрозам национальной безопасности и защита традиционной культуры

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

- 613 М.И. Долженкова, Н.В. Медведев, Н.В. Хаусманн-Ушкова**
Развитие иноязычной читательской компетенции с помощью гипертекстов
- 625 И.Е. Абрамова, А.В. Ананьина**
Обучение написанию академических текстов аспирантов гуманитарного профиля: билингвальный подход
- 634 К.Т. Темурян**
Теоретические и методические основы развития стратегий интеракции у студентов лингводидактических направлений подготовки

ОЗДОРОВИТЕЛЬНАЯ И АДАПТИВНАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

- 647 З.В. Кузнецова, Л.П. Федосова, Г.В. Федотова, В.А. Белова**
Исследование применения элементов йоги на занятиях по физической культуре для улучшения здоровья
- 657 Д.А. Зобков**
Антропометрические данные хоккеиста как основа вариативности методики игровой адаптации в любительских студенческих командах

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- 665 П.В. Попов**
Торгово-промышленные занятия и повинности южнорусских пушкарей в XVII веке (по материалам крепостей региона Белгородской черты)
- 673 Д.А. Сафонов**
Крестьянское поколение «революционного перелома»: начало становления
- 689 В.В. Миронов, П.Э. Сальников**
Чешско-Словацкий корпус летом 1918 г.
- 703 Е.А. Ефимова, А.В. Захаров**
Особенности формирования и реализации регионального бюджета в условиях советской модернизации конца 1920-х – 1930-х гг. на примере Нижнего Поволжья

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

- 716 И.В. Денисова**
Дамаский как источник по интеллектуальной истории ранневизантийских Афин
- 725 С.В. Шевяков**
«Кирсановское движение» военнопленных итальянской национальности австро-венгерской армии в годы Первой мировой войны

РЕЦЕНЗИЯ

- 737 Н.В. Попова**
Рецензия на: Обучение иностранному языку на основе технологий искусственного интеллекта: коллективная монография / П.В. Сысоев, О.Г. Поляков, М.Н. Евстигнеев [и др.]; под науч. ред. П.В. Сысоева; М-во науки и высш. обр. РФ, ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2023. 132 с. ISBN 978-5-00078-732-8

Цель и миссия научного журнала

Издание «Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки» является рецензируемым научно-теоретическим и прикладным журналом, в котором публикуются результаты междисциплинарных фундаментальных и прикладных исследований в области педагогики и истории.

Миссия журнала – публикация результатов научных исследований, которые вносят оригинальный вклад в развитие следующих направлений в рамках отраслей научного знания: педагогики (общая педагогика, история педагогики и образования, педагогика высшей школы, теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования), оздоровительная и адаптивная физическая культура) и истории (отечественная история и всеобщая история).

Целевая аудитория журнала – научное сообщество исследователей в области педагогики и истории (ученые, преподаватели высшей школы, соискатели ученых степеней кандидата наук и доктора наук).

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР д. пед. н., проф. П.В. Сысоев (г. Тамбов, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Педагогические науки

д. пед. н., проф. Е.А. Алисов (г. Москва, Российская Федерация), д. пед. н., проф. И.Ю. Горская (г. Омск, Российская Федерация), д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева (г. Москва, Российская Федерация), к. пед. н., доц. Г.И. Дерябина (г. Тамбов, Российская Федерация), д. пед. н., проф. И.Ф. Исаев (г. Белгород, Российская Федерация), д. пед. н., доц. А.А. Колесников (г. Москва, Российская Федерация), д. пед. н., проф. В.Л. Кондаков (г. Белгород, Российская Федерация), д. пед. н., проф. Л.Н. Макарова (г. Тамбов, Российская Федерация), д. пед. н., проф. А.В. Малев (г. Москва, Российская Федерация), д. пед. н., проф. Т.Э. Мангер (г. Тамбов, Российская Федерация), д. педагогики, проф. П.Дж. Митчелл (г. Томск, Российская Федерация), д. филос. н., проф. И.В. Налетова (г. Тамбов, Российская Федерация), д. пед. н., проф. О.Г. Поляков (г. Тамбов, Российская Федерация), д. пед. н., проф. Н.В. Попова (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), д. пед. н., проф. М.А. Правдов (г. Шуя, Ивановская область, Российская Федерация), д. пед. н., доц. Т.А. Селитренникова (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), д. психол. н., проф. Е.А. Уваров (г. Тамбов, Российская Федерация), д. пед. н., проф. И.А. Шаршов (г. Тамбов, Российская Федерация)

Исторические науки

д. ист. н., проф. В.В. Канищев (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., проф. В.В. Кондрашин (г. Москва, Российская Федерация), д. ист. н., проф. Ю.А. Мизис (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., доц. В.В. Миронов (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., проф. В.В. Романов (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., д. юрид. н., проф. А.С. Туманова (г. Москва, Российская Федерация), д. ист. н., доц. А.Н. Учаев (г. Саратов, Российская Федерация), д. ист. н., проф. М.В. Ходяков (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Ответственный секретарь объединенной редакции научных журналов И.В. Ильина

Редакторы: Ю.А. Бирюкова, М.И. Филатова

Редакторы английских текстов: М.А. Бударин, В.В. Клочихин, Д.Г. Самодуров

Администратор сайта М.И. Филатова

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-70574 от 3 августа 2017 г.

ISSN 1810-0201 (Print)

ISSN 2782-5825 (Online)

Тираж 1000 экз. Заказ № 23179

Подписано в печать 28.06.2023. Дата выхода в свет 11.07.2023

Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman». Печать на ризографе. Печ. л. 27,5. Усл. печ. л. 25,6.

Свободная цена

Издатель: ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Адрес редакции и издателя: 392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Телефон редакции: +7(4752)72-34-34 доб. 0440

Электронная почта: ilina@tsutmb.ru

Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/humanities/>; <http://journals.tsutmb.ru/humanities-eng/>

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский»

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г. Электронная почта: izdat_tsu09@mail.ru

Подписной индекс 83371 в каталоге ООО «УП Урал-Пресс»

Для цитирования:

Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3. 220 с. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3>

Материалы журнала доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2023
© Журнал «Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки», 2023
При перепечатке, а также при цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.
Ответственность за содержание публикаций несет автор

16+

CONTENTS

PEDAGOGY OF SCHOOL AND PRESCHOOL EDUCATION

- 527 *Lyudmila N. Makarova, Svetlana S. Pyoryshkova*
Neuropsychological approach as a methodological basis for correctional and developmental work with preschoolers with speech difficulties
- 538 *Galina M. Pervova*
Library of children's reading conceptual modeling by teachers
- 548 *Pavel S. Kryukov*
The specifics of the development of spiritual and moral values of a junior school student by means of musical folklore

PEDAGOGY OF HIGHER EDUCATION

- 556 *Andrei N. Kovin*
Internal affairs bodies of the Russian Federation employees' psychological readiness development to accomplish responsive and official tasks in special conditions
- 567 *Tatyana Y. Anpilogova*
Historical and local studies activity of Lugansk region studentship development stages in the Soviet and post-Soviet periods

PEDAGOGY OF ADDITIONAL EDUCATION

- 580 *Valentina V. Gladkikh, Elena I. Pankova*
Integration of science and education as an effective means of preserving and strengthening spiritual and moral values
- 592 *Elena B. Volodarskaya, Sergey L. Luksha*
Orphans' conflictological competence development methods
- 603 *Sergey N. Kipreev*
Police against Halloween: countering threats to national security and protecting traditional culture

THEORY AND METHODS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

- 613 *Marina I. Dolzhenkova, Nikolay V. Medvedev, Nadezhda V. Hausmann-Ushkova*
Foreign language reading competence development via hypertexts
- 625 *Irina E. Abramova, Anastasia V. Ananyina*
Teaching academic writing to post-graduate students of humanities: bilingual approach

634 Christina T. Temuryan

Theoretical and methodical foundations for the interaction strategies development for linguodidactic training program students

RECREATIONAL AND ADAPTIVE PHYSICAL EDUCATION

647 Zinaida V. Kuznetsova, Lyudmila P. Fedosova, Galina V. Fedotova, Vera A. Belova

Research on the use of yoga elements in physical education classes to improve health

657 Dmitry A. Zobkov

Hockey player anthropometric data as the variability basis of the game adaptation method in amateur student teams

NATIONAL HISTORY

665 Pavel V. Popov

Trade and commercial occupations and duties of South Russian cannons in the 17th century (based on the Belgorod trait region fortresses materials)

673 Dmitriy A. Safonov

Peasant generation of the “revolutionary turning point”: beginning of its formation

689 Vladimir V. Mironov, Pavel E. Salnikov

Czech-Slovak corps in the summer of 1918

703 Elena A. Efimova, Alexander V. Zakharov

Development and implementation features of the regional budget in Soviet modernization conditions of the late 1920s – 1930s on the Lower Volga region example

FOREIGN COUNTRIES' HISTORY

716 Irina V. Denisova

Damascius as a source on the intellectual history of Early Byzantine Athens

725 Sergey V. Shevyakov

“Kirsanov movement” of the Austro-Hungarian army Italian nationality captives during the World War I

REVIEW

737 Nina V. Popova

Review of: Foreign Language Teaching Based on Artificial Intelligence Technologies: joint monograph; of P.V. Sysoev, O.G. Polyakov, M.N. Evstigneev et al.; academ. ed. by P.V. Sysoev, Tambov, Publishing House “Derzhavinsky”, 2023, 132 p. (In Russ.) ISBN 978-5-00078-732-8.

Scope and mission

Publication "Tambov University Review. Series: Humanities" is a peer-reviewed scientific-theoretical and applied journal, which publishes the results of interdisciplinary fundamental and applied research in the field of pedagogy and history.

The mission of the journal is to publish the results of scientific research that make an original contribution to the development of the following areas within the framework of scientific knowledge: pedagogy (general pedagogy, history of pedagogy and education, pedagogy of higher education, theory and methods of teaching and education (by field and level of education), recreational and adaptive physical education) and history (national history and general history).

The target audience of the journal is the scientific community of researchers in the field of pedagogy and history (scientists, higher school lecturers, applicants for the degrees of candidate of science and doctor of science).

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Derzhavin Tambov State University"
(33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation)

EDITOR-IN-CHIEF Dr. habil. (Education), Professor P.V. Sysoyev (Tambov, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL:

Pedagogical Sciences

Dr. habil. (Education), Professor E.A. Alisov (Moscow, Russian Federation), Dr. habil. (Education), Professor I.Y. Gorskaya (Omsk, Russian Federation), Dr. habil. (Culturology), Professor E.I. Grigorieva (Moscow, Russian Federation), PhD (Education), Associate Professor G.I. Deryabina (Tambov, Russian Federation), Dr. habil. (Education), Professor I.F. Isayev (Belgorod, Russian Federation), Dr. habil. (Education), Associate Professor A.A. Kolesnikov (Moscow, Russian Federation), Dr. habil. (Education), Professor V.L. Kondakov (Belgorod, Russian Federation), Dr. habil. (Education), Professor L.N. Makarova (Tambov, Russian Federation), Dr. habil. (Education), Professor A.V. Malyov (Moscow, Russian Federation), Dr. habil. (Education), Professor T.E. Manger (Tambov, Russian Federation), Dr. habil. (Education), Professor P.J. Mitchell (Tomsk, Russian Federation), Dr. habil. (Philosophy), Professor I.V. Naletova (Tambov, Russian Federation), Dr. habil. (Education), Professor O.G. Polyakov (Tambov, Russian Federation), Dr. habil. (Education), Professor N.V. Popova (St. Petersburg, Russian Federation), Dr. habil. (Education), Professor M.A. Pravdov (Shuya, Ivanovo Region, Russian Federation), Dr. habil. (Education), Associate Professor T.A. Selitrenikova (St. Petersburg, Russian Federation), Dr. habil. (Psychology), Professor E.A. Uvarov (Tambov, Russian Federation), Dr. habil. (Education), Professor I.A. Sharshov (Tambov, Russian Federation)

Historical Sciences

Dr. habil. (History), Professor V.V. Kanishev (Tambov, Russian Federation), Dr. habil. (History), Professor V.V. Kondrashin (Moscow, Russian Federation), Dr. habil. (History), Professor Y.A. Mizis (Tambov, Russian Federation), Dr. habil. (History), Associate Professor V.V. Mironov (Tambov, Russian Federation), Dr. habil. (History), Professor V.V. Romanov (Tambov, Russian Federation), Dr. habil. (History), Dr. habil. (Law), Professor A.S. Tumanova (Moscow, Russian Federation), Dr. habil. (History), Associate Professor A.N. Uchayev (Saratov, Russian Federation), Dr. habil. (History), Professor M.V. Khodyakov (St. Petersburg, Russian Federation)

Executive Editor of Incorporate Editorial of Scientific Journals I.V. Ilyina

Editors: Y.A. Biryukova, M.I. Filatova

English texts editors: M.A. Budarin, V.V. Klochikhin, D.G. Samodurov

Web-site administrator M.I. Filatova

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor), the mass media registration certificate ПИИ no. ФЦ77-70574 of August 3, 2017

ISSN 1810-0201 (Print)

ISSN 2782-5825 (Online)

Copies printed 1000. Order no. 23179

Signed for printing 28.06.2023. Release date 11.07.2023

Format A4 (60×84 1/8). Typeface "Times New Roman". Printed on risograph. Pr. sheet 27,5. Conv. pr. sheet 25,6.

Free price

Publisher: Derzhavin Tambov State University

Editorial Office and Publisher address: 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation

Editorial Office telephone number: +7(4752)72-34-34 extension 0440

E-mail: ilina@tsutmb.ru

Web-site: <http://journals.tsutmb.ru/humanities/>; <http://journals.tsutmb.ru/humanities-eng/>

Published basing on ready-to-print file in Instant Print Department of Publishing House "Derzhavinskiy" of FSBEI of HE "Derzhavin Tambov State University"

190g Sovetskaya St., Tambov, 392008, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

Subscription index in the catalogue of LLC "Ural-Press" is 83371

For citation:

Tambov University Review. Series: Humanities, 2023, vol. 28, no. 3, 220 p. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3>

Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

© FSBEI of HE "Derzhavin Tambov State University", 2023

© The journal "Tambov University Review. Series: Humanities", 2023

The reference is obligatory while reprinting and citation of materials.

The author is responsible for the contents of publications

ПЕДАГОГИКА СРЕДНЕГО И ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья
УДК 371.2+159.922.7

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-527-537>

Нейропсихологический подход как методологическая основа коррекционно-развивающей работы с дошкольниками с речевыми трудностями

Людмила Николаевна МАКАРОВА¹ ^{*}, Светлана Алексеевна ПЕРЫШКОВА²

¹ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

²ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет»

393760, Российская Федерация, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101

^{*}Адрес для переписки: maiko20@inbox.ru

Актуальность. Проблемное поле детского развития в современном социуме актуализировало интеграцию имеющихся знаний и поиск новых методологических подходов, в рамках которых возможны комплексные исследования путей решения возникающих проблем. В науке и практике дошкольного образования актуальными и востребованными становятся знания о влиянии функционального состояния мозга и высших психических функций на познавательное и личностное развитие ребенка с ограниченными возможностями здоровья. Цель исследования – обосновать необходимость использования основных положений нейропсихологического подхода в коррекционно-развивающей работе с детьми, имеющими речевые нарушения.

Методы исследования. Исследование выполнено на основе системного и нейропсихологического подходов. В качестве методов исследования применялись: анализ психолого-педагогической литературы, сравнение, обобщение, систематизация.

Результаты исследования. Обосновано, что нейропсихологический подход является наиболее перспективным направлением современных исследований детей с нарушением речи с позиции изучения психоречевой патологии на основе взаимодействия мозговых систем и функций. Это позволяет более детально рассмотреть речь в качестве высшей психической функции и определить перспективы ее развития у ребенка с речевыми трудностями. Доказано, что использование нейропедагогических методов в работе с дошкольниками позволяет не только скорректировать речевые нарушения, но и способствует развитию социокультурных и коммуникативных навыков, активизирует эмоционально-волевую сферу личности. На основе нейропсихологического подхода разработаны направления комплексной работы педагога с детьми, имеющими речевые нарушения.

Выводы. Практическое применение полученных теоретических результатов позволяет выявить взаимосвязь развития мозговых структур с потенциальными возможностями конкрет-

ного ребенка, что необходимо при разработке педагогом-логопедом индивидуальной коррекционно-развивающей программы для дошкольников с нарушениями речи.

Ключевые слова: нейропсихологический подход, дошкольники с нарушениями речи, высшие психические функции, междисциплинарные связи, комплексная интеграция методов, коррекционно-развивающая программа

Для цитирования: Макарова Л.Н., Перышкова С.А. Нейропсихологический подход как методологическая основа коррекционно-развивающей работы с дошкольниками с речевыми трудностями // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3. С. 527-537. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-527-537>

PEDAGOGY OF SECONDARY AND PRESCHOOL EDUCATION

Original article

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-527-537>

Neuropsychological approach as a methodological basis for correctional and developmental work with preschoolers with speech difficulties

Lyudmila N. MAKAROVA¹ , Svetlana S. PYORYSHKOVA²

¹Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

²Michurinsk State Agrarian University

101 Internatsionalnaya St., Michurinsk, 393760, Tambov Region, Russian Federation

*Corresponding author: mako20@inbox.ru

Importance. The child development in modern society problem field actualized the integration of existing knowledge and the search for new methodological approaches, within which comprehensive researches of ways to solve emerging problems are possible. In the preschool education science and practice of, knowledge about the influence of functional brain and higher mental functions state on the cognitive and a child with disabilities personal development is relevant and in demand. The purpose of the research is to substantiate the need to use the neuropsychological approach basic provisions in correctional and developmental work with children with speech disorders.

Research methods. The research is carried out on the basis of systemic and neuropsychological approaches. The following research methods were used: psychological and pedagogical literature analysis, comparison, generalization, systematization.

Results and Discussion. It is proved that the neuropsychological approach is the most promising direction of children with speech disorders modern research from the perspective of studying psycho-speech pathology based on brain systems and functions interaction. This allows us to consider speech in more detail as the highest psychological function and determine the prospects for its development in a child with speech difficulties. It is proved that the use of neuropsychological methods in working with preschoolers allows not only to correct speech disorders, but also contributes to the development of socio-cultural and communicative skills, activates the personality emotional and volitional sphere. Based on the neuropsychological approach, the directions of the teacher's complex work with children with speech disorders is developed.

Conclusion. The theoretical results practical application obtained makes it possible to identify the relationship between the development of brain structures and the particular child's potential capa-

bilities, which is necessary when developing an individual correctional and developmental program for preschoolers with speech disorders by a speech therapist.

Keywords: neuropsychological approach, preschoolers with speech disorders, higher mental functions, interdisciplinary connections, complex methods integration, correctional and developmental program

For citation: Makarova, L.N., & Pyoryshkova, S.S. (2023). Neuropsychological approach as a methodological basis for correctional and developmental work with preschoolers with speech difficulties. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 3, pp. 527-537. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-527-537>

АКТУАЛЬНОСТЬ

В современной социокультурной ситуации происходит активное увеличение контингента детей с отклонениями в развитии различного генеза, поступающих в дошкольные образовательные организации. Ученые и практики констатируют не только резкое возрастание числа детей с ограниченными возможностями здоровья, но и комплексность, неоднозначность возникающих проблем, обилие негативных феноменов, прямую взаимосвязь с психологическим здоровьем ребенка.

В связи с этим специалисты отмечают значительные трудности в процессе реализации воспитательно-развивающих задач с детьми, имеющими ограниченные возможности здоровья, в условиях инклюзивного образования, грамотная организация которого является одной из ведущих тенденций современного социума. Как отмечает Л.В. Ахметшина, «...существует проблема, как удовлетворить потребности в обучении всех учащихся как тех, кто обычно развивается, так и тех, у кого есть особые потребности и нарушения» [1, с. 216].

В настоящее время система дошкольного образования ориентирована на поиск и реализацию инновационных форм и методов развития дошкольников с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в инклюзивном формате, основанных на базовых положениях междисциплинарных подходов. Своевременная диагностическая и коррекционно-развивающая работа с детьми данной категории позволит компенсировать имею-

щиеся у них нарушения и предупреждать появление новых.

Одним из часто встречающихся нарушений у детей является общее недоразвитие речи. Вариативные подходы к изучению данной проблемы, поиск путей решения проблем, связанных с активным включением данных детей в совместную деятельность с дошкольниками в комбинированных группах, психолого-педагогические рекомендации для детей с задержкой речевого развития традиционно рассматриваются в логопедии.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что социализация детей с коммуникативно-речевыми трудностями предполагает интегративные связи логопедии со смежными научными областями. Особое значение на сегодняшний день приобретают интеграционные связи педагогики, психологии и логопедии. Применение коррекционно-развивающих методов с различной степенью интеграции в обучении и развитии детей с трудностями в общении является сегодня одним из условий оптимизации их развития в условиях инклюзивного образования в дошкольной образовательной организации. По мнению Т.Н. Волковской и И.А. Кутковой, «сформированность навыков общения и межличностного взаимодействия является важнейшим фактором успешной социализации ребенка с ОВЗ, а несовершенство коммуникативных умений существенно осложняет процесс психического развития и препятствует созданию условий для успешной интеграции детей с коммуникативно-речевыми трудностями в инклюзивный образовательный процесс» [2, с. 186].

Проблемное поле детского развития в последние десятилетия актуализировало интеграцию имеющихся знаний и поиск новых научно-практических областей, в рамках которых возможны исследования путей решения возникающих проблем. В современной науке и практике дошкольного образования актуальными и востребованными становятся знания о влиянии функционального состояния мозга и высших психических функций на познавательное и личностное развитие ребенка. Особая роль применению нейропсихологического подхода отводится в условиях недостаточности функций при дизонтогенезе. Нейропсихологический подход позволяет выявить вторичные отклонения на основе первичного дефекта; дать более точное диагностическое описание на основе оценки состояния функциональных систем и блоков мозга; наметить пути коррекционной работы на основе более сохранных функций; прогнозировать динамику психического развития ребенка с ограниченными возможностями здоровья на основе нейропсихологического анализа.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Данное исследование выполнено на основе системного и нейропсихологического подходов. В психолого-педагогических исследованиях подчеркивается важность системного анализа высших психических функций: выявление как недостаточно сформированных, так и сохранных психических функций позволит более эффективно построить коррекционно-развивающую работу с детьми, имеющими нарушения речевого развития, прогнозируя зону их ближайшего развития (Л.С. Выготский¹, А.Р. Лурия²).

¹ *Выготский Л.С.* Вопросы детской психологии. М.: Юрайт, 2019. 160 с. URL: <https://urait.ru/book/voprosy-detskoy-psihologii-513887> (дата обращения: 30.01.2023); *Выготский Л.С.* Лекции по психологии. Мышление и речь. М.: Юрайт, 2020. 432 с. URL: <https://urait.ru/book/lekcii-po-psihologii-myshlenie-i-rech-513911> (дата обращения: 30.01.2023).

² *Лурия А.Р., Цветкова Л.С.* Нейропсихологический анализ решения задач. М.: МПСИ, 2010. 367 с.

Нейропсихологический подход ориентирует на использование в коррекционной работе с дошкольниками с ОВЗ методов, разработанных с учетом мозговой организации ребенка, позволяющих развивать и корригировать нарушенные или несформировавшиеся функции. В своих исследованиях А.Р. Агрис и Т.В. Ахутин [3], Т.Г. Визель [4], Ж.М. Глозман, Е.И. Николаева, Н.Л. Карпова и А.В. Добрин [5], Л.С. Цветкова, С.В. Покровская, и А.В. Цветков [6] и другие отмечали значимость интеграции нейропсихологических знаний в коррекции речевых нарушений. Продуктивность коррекционной работы с дошкольниками с общим недоразвитием речи зависит от адекватности понимания этиологических факторов, взаимосвязи первичных и вторичных нарушений в структуре данного дефекта.

В качестве методов исследования применялись: анализ научной литературы по теме исследования, сравнение, обобщение, систематизация. Теоретический анализ проведенных исследований позволяет сделать вывод о наличии взаимосвязи речи с другими высшими психическими функциями. Ученые подтверждают у детей с общим недоразвитием речи отставание от возрастной нормы в развитии познавательной, эмоционально-волевой, двигательной сфер. Это свидетельствует о необходимости целенаправленной интеграции логопедической работы с работой, направленной на оптимизацию всех высших психических функций у детей с речевыми нарушениями.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вполне закономерен интерес исследователей и специалистов к применению исследований функционирования мозга в решении проблем дизонтогенетического характера. Основные идеи нейропсихологического подхода успешно находят применение в анализе проблем нарушенного развития, нейропсихологической диагностике в дефектологии,

нейрокоррекции, нейропсихологической реабилитации³ [7].

Нейропсихологические знания о строении и организации высших психических функций могут выступить в качестве методологической основы исследования детей с речевой патологией⁴. В этом смысле нейропсихологический подход является наиболее перспективным направлением современных исследований детей с нарушением речи с позиции изучения психоречевой патологии на основе взаимодействия мозговых систем и функций. Это позволяет более детально рассмотреть речь в качестве высшей психической функции (ВПФ) и определить перспективы ее развития у ребенка с речевыми трудностями.

На сегодняшний день многие исследования дают характеристику ребенка с данным нарушением с позиций нейропсихологического подхода⁵, что позволяет уточнить и более детально обозначить особенности организации психолого-педагогического сопровождения такого ребенка [8]. Тем не менее проблема корректного подбора и применения нейропсихологических методик для детских возрастов остается открытой, так как отечественная нейропсихология занималась в основном изучением нарушений речи у взрослых. Недостаточность ВПФ у детей преимущественно свидетельствует о незрелости и органических поражениях центральной нервной системы, а не является следствием локальной мозговой патологии⁶.

Зачастую коррекция речевых нарушений в педагогической практике реализуется без

учета основных причин и механизмов несформированности высших психических процессов у детей. Это свидетельствует о недостаточном опыте использования основных положений нейропсихологического подхода в коррекционной работе с детьми с общим недоразвитием речи, что приводит к снижению эффективности коррекционной работы с детьми данной категории.

Нейропсихологические особенности детского возраста заключаются, прежде всего, в незавершенности развития головного мозга ребенка и неокончательном развитии ВПФ. Поэтому основным фактором, который препятствует развитию мозговой деятельности ребенка и формированию ВПФ, является неразвитость межзональных связей мозга, в то время как у взрослых речь идет о нарушениях уже сформированных мозговых структур. По этой причине необходимо в коррекционно-развивающей работе учитывать существенные отличия нарушений высших психических функций у детей и взрослых.

Психологическая структура и мозговая локация психических процессов в детском возрасте находится на стадии формирования, не завершаясь и не получая конкретную функциональную специализацию. Таким образом, в осуществлении высших психических функций ребенка задействовано гораздо большее количество участков мозга, чем у взрослого. Можно констатировать, что высшие психические функции в детском возрасте имеют более развернутую структуру и локализацию (Л.С. Выготский).

Соответственно, отставание или недостатки в развитии одной функции могут привести к нарушению развития других психических функций, связанных с ней. Нейропсихологический подход, применяемый на каждом этапе работы с ребенком с речевыми нарушениями, поможет выявить взаимосвязь развивающегося мозга ребенка и психических функций; а также разработать и реализовать наиболее оптимальный план коррекционной работы. Нейропсихологические методы в коррекционно-развивающей работе с детьми с общим недоразвитием речи, осно-

³ Бизюк А.П. Компендиум методов нейропсихологического исследования. СПб.: Речь, 2005. 399 с.

⁴ Хомская Е.Д., Ефимова И.В., Будыка Е.В., Ениколопова Е.В. Нейропсихология индивидуальных различий. М.: Академия, 2011. 160 с. URL: https://ruseb.ru/catalog/002072_000044_ARONB-RU_Архангельская+ОНБ_DOLIB_88.485я73_H+469-352121/

⁵ Глозман Ж.М., Потанина А.Ю., Соболева А.Е. Нейропсихологическая диагностика в дошкольном возрасте. СПб.: Питер, 2006. 75 с.

⁶ Выготский Л.С. История развития высших психических функций. М.: Юрайт, 2019. 336 с. URL: <https://urait.ru/book/istoriya-razvitiya-vysshih-psihicheskikh-funkciy-513910> (дата обращения: 30.01.2023).

ванные на анализе ВПФ ребенка и активном включении в коррекционный процесс методик развития высших психических функций (прежде всего – психологической базы речи), будут активизировать компенсаторные и адаптивные механизмы [9; 10].

Таким образом, нейропсихологический подход позволяет рассматривать неравномерность созревания структур головного мозга и развития ВПФ у ребенка как норму возрастного развития, а не как нарушение онтогенетического развития. Через изучение этой неравномерности (как в норме, так и при нарушенном развитии) и следует определять пути дальнейшего развития ребенка, прогнозируя его зону ближайшего развития. Поэтому выделение особенностей развития ВПФ у ребенка с общим недоразвитием речи поможет выявить конкретные недостатки развития психических функций. Это позволит конкретизировать цели и задачи коррекционной работы, что значительно повысит ее эффективность.

Являясь сложнейшей психической функцией, речь взаимосвязана с другими психическими функциями, которые изменяются на разных этапах онтогенетического развития ребенка и напрямую влияют на уровень речевого развития. Специфика речевой деятельности у детей характеризуется тем, что правополушарные компоненты, занимая больше места, более значимы для психической организации речи, чем у взрослого человека. Соответственно, изменения мозговой организации речи в онтогенезе зависят от изменений внутренней психологической структуры речи. Поэтому речевое нарушение не является единственной причиной нарушения ВПФ.

Главную роль здесь выполняет нарушение формирования психических процессов, сложности языковой и символической деятельности ребенка, несформированность мыслительных операций, недостаточный уровень развития психологической базы речи. Как подчеркивают А.В. Астаева, Д.И. Воронкова и М.Б. Королева «считается, что различия в мозговой организации речевых процессов у

детей и взрослых могут быть объяснены изменениями внутренней психологической деятельности и, в частности, спецификой детской речи, в которой правополушарные компоненты занимают больше места и являются более значимыми, чем у взрослых» [11, с. 83].

Таким образом, изучение становления речевой функции и организацию коррекционной работы у детей с общим недоразвитием речи необходимо реализовывать с применением нейропсихологического подхода, учитывая взаимозависимость речи с другими высшими психическими функциями.

Во многих исследованиях отмечается продуктивность объединения знаний нейропсихологии, логопедии, психологии. Исследования Т.В. Ахутиной, Т.Г. Визель, Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, А.В. Семенович, Л.С. Цветковой убедительно доказывают эффективность применения в коррекции речевого развития средств и методов нейропсихологии. В то же время данные исследования отмечают неэффективность подходов, рассматривающих речь изолированно от других психических процессов, подчеркивая взаимосвязь всех психических функций человека. Также исследователи обращают внимание на многообразие факторов развития речи: погружение в речевую среду, развитие эмоциональной сферы ребенка, стимулирование кинестетических процессов, активизация социализирующего воздействия среды, дыхательные практики, развитие пространственного, слухового, зрительного гнозиса.

С этих позиций речевую патологию следует рассматривать не обособленно, а в совокупности с уровнем развития других психических функций, выявляя нарушения развития ВПФ. Своевременное применение нейропсихологического подхода позволит выявить этиологический фактор нарушений и оптимально организовать индивидуальный подход в коррекционной работе, направленной на компенсацию уровня развития высших психических функций. Важным моментом интеграции современного научного знания является применение центрального положения нейропсихологии о коррекционной

работе как о целостной системе, согласованно воздействующей на все ВПФ и обеспечивающей всестороннее развитие ребенка.

Таким образом, применение традиционных для специальной педагогики методов может не принести ожидаемого результата коррекционной работы. При этом интеграция нейропсихологических методов коррекции в традиционные, используемые в деятельности педагога-логопеда, поможет повысить энергетический потенциал ребенка с общим недоразвитием речи, развить его когнитивные процессы, стимулировать основные психические процессы, повысить мышечный тонус, активизировать гностические процессы, развить самоконтроль и произвольность ребенка.

Помимо этого, использование нейропсихологического подхода в коррекционной работе со старшими дошкольниками с общим недоразвитием речи окажет позитивное влияние на развитие личности ребенка в целом. Нейропсихологический подход предполагает, прежде всего, направленность на развитие высших психических функций ребенка, что будет способствовать развитию социокультурных и коммуникативных навыков, регулированию самооценки ребенка, активизации эмоционально-волевой сферы личности.

Особое значение применение нейропсихологических средств и методов коррекции имеет в дошкольном возрасте, учитывая особенности мозговой организации психических процессов дошкольника. Развитие психики ребенка напрямую зависит от степени зрелости конкретных отделов мозга и мозговых структур. Нейробиологическая готовность мозговых структур и подструктур определяет успешность и продуктивность церебрального функционирования определенной системы. Таким образом, успешность речевого развития на каждом этапе онтогенеза определяется уровнем готовности мозговых структур.

Старший дошкольный возраст является своеобразным фундаментом, обеспечивающим успешность следующего возрастного этапа. Как правило, данный возраст актуализирует

внимание различных специалистов к уровню развития ребенка. Коррекционная, развивающая, профилактическая работа со старшими дошкольниками направлена на предупреждение трудностей в обучении, преодоление имеющихся недостатков развития, укрепление психосоматического здоровья, повышение общего энергетического тонуса и адаптивных возможностей ребенка, познавательное развитие и т. д. Соответственно работа с детьми, имеющими речевые нарушения, в старшем дошкольном возрасте интенсифицируется [12].

Эффективность применения нейропсихологического подхода в коррекции общего недоразвития речи объясняется таким свойством головного мозга детей, как пластичность. Именно пластичностью обусловлен компенсаторный потенциал детского мозга. Нейропсихологический механизм нарушений речевого развития, по мнению Т.Г. Визель, может быть интерпретирован следующим образом. Развитию ранней речи ребенка способствует взаимовлияние внешнего стимулирования с областью переработки речевых сигналов (речевой механизм). Этот процесс обеспечивается работой так называемых «проводников» – белых волокон – между разными частями мозга. Речевой навык формируется при отсутствии нарушений функций работы проводников. Нарушения речевого развития обусловлены частичным повреждением проводящих путей. Более грубые повреждения работы белых волокон могут привести к несформированности речи.

Следовательно, компенсация речевых расстройств, связанных с нарушением работы проводников, возможна за счет формирования «обходных путей», то есть расширения области внешнего стимулирования (нахождение ребенка в сообразной речевой среде, сопровождаемое зрительными образами) и усиление сенсорного стимулирования. Поэтому применение нейропсихологического подхода в коррекции ОНР будет продуктивным на разных этапах практической работы с детьми при:

- проведении нейродиагностики, которая направлена на выявление сильных и слабых звеньев ВПФ и определение продуктивных направлений коррекционной работы в каждом конкретном случае;
- осуществлении нейропсихологической коррекции, построенной с опорой на сохраненные ВПФ и направленной на зону ближайшего развития ребенка;
- проведении консультирования родителей и педагогов по вопросам понимания важности развития психологической базы речи у детей; по вопросам включения родителей и воспитателей в коррекционную работу с применением нейропсихологического подхода;
- организации просвещения как вид помощи в работе с детьми с речевой патологией поможет проинформировать родителей и педагогов об особенностях речевого нарушения и обосновать преимущества применения в коррекционно-логопедической работе нейропсихологического подхода;
- реализации нейропсихологической профилактики за счет применения массажных и дыхательных техник, нейрофитнеса, нейрогимнастических упражнений поможет сохранить и приумножить психофизиологический резерв ребенка, повысить общий тонус организма, формировать психологическую базу речи и развивать ВПФ у детей.

Интеграция нейропсихологического подхода и логопедического воздействия в коррекционной работе позволит реализовать системное воздействие на компенсацию речевого нарушения. Неразрывное и гармоничное функционирование системы мозга, обеспечиваемое применением нейропсихологического подхода и развитием ВПФ ребенка, возможно благодаря комплексному коррекционному воздействию. Подключение ресурсов нейропсихологической науки и практики в логопедическом воздействии позволяет корректировать не только речевые нарушения, но и нарушения развития когнитивной, поведенческой, личностной, эмоционально-волевой, двигательной сфер ребенка. Коррекционный процесс, построенный на основе

нейропсихологического подхода, позволит реализовать комплексное воздействие и усилить логопедическую работу благодаря опоре на сохраненные ВПФ, активизации нарушенных ВПФ, формированию психологической базы речи.

ВЫВОДЫ

Современная система дошкольного образования, опираясь на традиционные подходы, открыта для новых направлений в решении задач обучения и воспитания детей. В современных условиях особую популярность обретает применение научного аппарата и практических достижений нейронаук. Многие направления коррекционно-дефектологической работы успешно применяют знания нейропсихологии для всестороннего изучения проблем развития ребенка и комплексного их решения.

В системе дошкольного образования наряду с сохранением традиций идет поиск новых форм и методов работы, способствующих обучению и воспитанию детей [13]. В современной коррекционно-дефектологической практике приоритетным является использование знаний нейропсихологии, которые позволяют более глубоко изучить природу нарушений и в соответствии с этим комплексно подойти к решению проблемы.

Общее недоразвитие речи традиционно рассматривалось в рамках логопедической науки и практики. Но тенденция последних лет к объединению методологической базы смежных наук для поиска оптимального решения проблемы ориентирует на межпредметные связи. В частности, очевидна и закономерна связь специальной педагогики с нейропсихологией и нейрофизиологией. Применение диагностического инструментария, коррекционно-развивающих методик активизирует интегративный характер современной логопедии и повышает продуктивность работы с речевыми нарушениями и личностью ребенка в целом.

Более того, применение знаний о ВПФ на сегодняшний день актуально и своевременно для различных областей жизнедеятельности. Востребованность применения знаний о взаимном влиянии высших психических функций и функциональных систем мозга стимулирует возможность применения нейропсихологического подхода при научно-практической работе с речевыми недостатками у детей. Продуктивное изучение общего недоразвития речи, как достаточно распространенного варианта дизонтогенеза, требует интегративных усилий специальной психологии, педагогики, логопедии и нейропсихологии.

Нейропсихологический подход позволяет выстроить диагностический процесс комплексно, изучив взаимное влияние и особенности совместного развития психических функций. Нейропсихологическая диагностика направлена на выявление как недостаточно сформированных, так и сохранных психических функций. Благодаря применению нейропсихологического подхода возможно прогнозирование зоны ближайшего развития ребенка с недостатками в развитии.

Речевые нарушения у детей практически всегда сочетаются с недостаточным уровнем развития ВПФ. Каждая мозговая структура участвует в организации и осуществлении деятельности каждой ВПФ. Поэтому высшие психические функции, по сути, являют-

ся результатом системной деятельности мозга, обеспеченной взаимосвязью мозговых структур. Нейропсихологический базис высших психических функций определяет взаимосвязь одного психического процесса с другим.

Особое значение приобретает изучение ВПФ у детей с общим нарушением речи. В исследованиях совокупность высших психических функций рассматривается как психологическая база речи, необходимая для развития ребенка. Прежде всего, для формирования речи необходим оптимальный уровень развития восприятия различной модальности, внимания, памяти, мышления. Но и сама речь как психический процесс является высшей психической функцией, организующей и преобразующей все другие процессы.

Подключение ресурсов нейропсихологической науки и практики в логопедическом воздействии позволяет корректировать не только речевые нарушения, но и нарушения развития когнитивной, поведенческой, личностной, эмоционально-волевой, двигательной сфер ребенка. Коррекционный процесс, построенный на основе нейропсихологического подхода, позволит реализовать комплексное воздействие и усилить работу педагога-логопеда благодаря опоре на сохранные ВПФ, активизации нарушенных ВПФ, формированию психологической базы речи.

Список источников

1. *Ахметшина Л.В.* Инклюзивное образование: проблемы и пути их решения // Казанский педагогический журнал. 2020. № 4 (141). С. 214-221. <https://elibrary.ru/uochxm>
2. *Волковская Т.Н., Куткова И.А.* К проблеме изучения коммуникативных трудностей дошкольников в условиях образовательной интеграции // Психолого-педагогический поиск. 2020. № 2 (54). С. 186-195. <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.54.2.019>, <https://elibrary.ru/bwxprk>
3. *Агрис А.Р., Ахутина Т.В.* Регуляция активности у детей с трудностями обучения по данным нейропсихологического обследования // Национальный психологический журнал. 2014. № 4 (16). С. 64-78. <https://doi.org/10.11621/npj.2014.0407>, <https://elibrary.ru/tpuwpm>
4. *Визель Т.Г.* Артикуляция и ее нарушения (теоретический аспект с позиции нейропсихологии) // Специальное образование. 2018. № 3 (51). С. 123-135. <https://doi.org/10.26170/sp18-03-11>, <https://elibrary.ru/ybsfvb>
5. *Глоzman Ж.М., Николаева Е.И., Карпова Н.Л., Добрин А.В.* Роль функциональной асимметрии в развитии и динамике когнитивных и речевых расстройств. М.: Психол. ин-т РАО, 2022. 194 с. <https://elibrary.ru/ggydcg>

6. Цветкова Л.С., Покровская С.В., Цветков А.В. Письменная речь: Будущее с позиции нейропсихологии // Научное мнение. 2013. № 12. С. 339-342. <https://elibrary.ru/rthrgx>
7. Цветков А.В., Покровская С.В. Возможна ли нейропсихологическая «экспресс»-коррекция? // Теория и практика общественного развития. 2015. № 22. С. 307-309. <https://elibrary.ru/vboarb>
8. Перышкова С.А. Применение нейропсихологического подхода в коррекции общего недоразвития речи у детей старшего дошкольного возраста // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2021. Т. 20. № 3 (49). С. 9-13. [https://doi.org/10.20310/1810-231X-2021-20-3\(49\)-9-13](https://doi.org/10.20310/1810-231X-2021-20-3(49)-9-13), <https://elibrary.ru/dnreze>
9. Чуприкова Н.И. Психика и предмет психологии в свете достижений современной нейронауки // Вопросы психологии. 2004. № 2. С. 104-118. <https://elibrary.ru/ekmukx>
10. Макарова Л.Н., Перышкова С.А. Теоретические аспекты организации коррекционно-развивающей работы с дошкольниками с ограниченными возможностями здоровья с использованием нейропсихологических технологий // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2022. Т. 21. № 1. С. 9-16. <https://doi.org/10.20310/1810-231X-2022-21-1-9-16>, <https://elibrary.ru/uqjeux>
11. Астаева А.В., Воронкова Д.И., Королева М.Б. Нейропсихологический анализ развития высших психических функций у детей в норме и с общим недоразвитием речи // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2010. № 27 (203). С. 82-86. <https://elibrary.ru/mwjyhz>
12. Беленкова С.Н. Использование нетрадиционных техник в работе с детьми, имеющими речевые нарушения // Преемственность в образовании. 2022. № 33 (11). С. 31-37. <https://elibrary.ru/tcgbrs>
13. Левченко И.Ю., Бутко Г.А., Чижикова Е.О. О некоторых тенденциях развития современного дошкольного образования детей с ограниченными возможностями здоровья // Стандарты и мониторинг в образовании. 2019. Т. 7. № 2. С. 46-54. https://doi.org/10.12737/article_5ca4a138dd2096.48549353, <https://elibrary.ru/ynthcs>

References

1. Akhmetshina L.V. (2020). Problems and solution ways of inclusive education. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*, no. 4 (141), pp. 214-221. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uochxm>
2. Volkovskaya T.N., Kutkova I.A. (2020). To the issue of investigating communication problems experienced by preschool children in the conditions of educational integration. *Psikhologo-pedagogicheskii poisk = Psychological and Pedagogical Search*, no. 2 (54), pp. 186-195. (In Russ.) <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.54.2.019>, <https://elibrary.ru/bwxprk>
3. Agris A.R., Akhutina T.V. (2014). Regulating activity in children with learning disabilities: neuropsychological testing data. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, no. 4 (16), pp. 64-78. (In Russ.) <https://doi.org/10.11621/npj.2014.0407>, <https://elibrary.ru/tpuwpn>
4. Vizel' T.G. (2018). Articulation and its disorders (a theoretical study from the position of neuropsychology). *Spetsial'noe obrazovaniye = Special Education*, no. 3 (51), pp. 123-135. (In Russ.) <https://doi.org/10.26170/sp18-03-11>, <https://elibrary.ru/ybsfvb>
5. Glozman Zh.M., Nikolaeva E.I., Karpova N.L., Dobrin A.V. (2022). *Rol' funktsional'noi assimetrii v razvitiy i dinamike kognitivnykh i rechevykh rasstroistv* [The Functional Asymmetry Role in Cognitive and Speech Disorders Development and Dynamics]. Moscow, Psychological Institute of Russian Academy of Education Publ., 194 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ggydcg>
6. Tsvetkova L.S., Pokrovskaya S.V., Tsvetkov A.V. (2013). Writing: the future from the positions of neuropsychology. *Nauchnoe mnenie = The Scientific Opinion*, no. 12, pp. 339-342. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rthrgx>
7. Tsvetkov A.V., Pokrovskaya S.V. (2015). Is rapid neuropsychological correction possible? *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, no. 22, pp. 307-309. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vboarb>
8. Peryshkova S.A. (2021). Neuropsychological approach in the correction of specific language impairment among older preschool children. *Psikhologo-pedagogicheskii zhurnal Gaudeamus = Psychology-Pedagogical Journal Gaudeamus*, vol. 20, no. 3 (49), pp. 9-13. (In Russ.) [https://doi.org/10.20310/1810-231X-2021-20-3\(49\)-9-13](https://doi.org/10.20310/1810-231X-2021-20-3(49)-9-13), <https://elibrary.ru/dnreze>

9. Chuprikova N.I. (2004). Psikhika i predmet psikhologii v svete dostizhenii sovremennoi neironauki [Psychology and psychology subject in the light of modern neuroscience achievements]. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psychologii*, no. 2, pp. 104-118. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ekmukx>
10. Makarova L.N., Peryshkova S.A. (2022). Theoretical aspects of organizing remedial program with neuropsychological technologies for preschoolers with disabilities. *Psikhologo-pedagogicheskii zhurnal Gaudeamus = Psychology-Pedagogical Journal Gaudeamus*, vol. 21, no. 1, pp. 9-16. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/1810-231X-2022-21-1-9-16>, <https://elibrary.ru/uqjeux>
11. Astaeva A.V., Voronkova D.I., Koroleva M.B. (2010). Neuropsychological analysis of the development higher mental functions in children with standard and with a common maldevelopment speech. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya = Bulletin of the South Ural State University. Series "Psychology"*, no. 27 (203), pp. 82-86. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mwjyhz>
12. Belenkova S.N. (2022). *Ispol'zovanie netraditsionnykh tekhnik v rabote s det'mi, imeyushchimi rechevye narusheniya* [The use of non-traditional techniques in working with children with speech disorders]. *Preemstvennost' v obrazovanii* [Continuity in Education], no. 33 (11), pp. 31-37. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tcgbrs>
13. Levchenko I.Yu., Butko G.A., Chizhikova E.O. (2019). On some trends of development of modern pre-school education of children with disabilities. *Standarty i monitoring v obrazovanii = Standards and Monitoring in Education*, vol. 7, no. 2, pp. 46-54. (In Russ.) https://doi.org/10.12737/article_5ca4a138dd2096.48549353, <https://elibrary.ru/ynthcs>

Информация об авторах

Макарова Людмила Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и образовательных технологий, Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0003-1167-4185>
mako20@inbox.ru

Перышкова Светлана Алексеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии, Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск, Тамбовская обл., Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0003-1553-6003>
perissveta@yandex.ru

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 09.03.2023
Поступила после рецензирования 01.06.2023
Принята к публикации 19.06.2023

Information about the authors

Lyudmila N. Makarova, Dr. habil. (Education), Professor, Head of Pedagogy and Educational Technologies Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0003-1167-4185>
mako20@inbox.ru

Svetlana A. Peryshkova, PhD (Psychology), Associate Professor of Pedagogy and Psychology Department, Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Tambov Region, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0003-1553-6003>
perissveta@yandex.ru

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

Received 09.03.2023
Approved 01.06.2023
Revised 19.06.2023

Научная статья
УДК 373.2

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-538-547>

Концептуальное моделирование библиотеки детского чтения педагогами

Галина Михайловна ПЕРВОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
gmp47@yandex.ru

Актуальность. Отражено место детского чтения в пространственно-развивающей среде дошкольного образовательного учреждения как функционально значимого для интеллектуального развития ребенка. Поставлена проблема отсутствия книжного фонда в детском саду, созданного по законам науки. Цель исследования – разработать концепцию формирования библиотеки детских книг в дошкольном образовательном учреждении.

Материалы и методы. Раскрыты теоретические основания формирования библиотечки для детей в дошкольном образовательном учреждении. Рассмотрены историко-литературные, книговедческие и культурологические принципы отбора и группировки детских книг и произведений для младших, средних и старших возрастных групп юных слушателей. Охарактеризованы книги картинного, игрового, деятельностного типа и классический вид книжного издания для детей. Предложены алгоритмы метода рассматривания детской книги, организации слушания, игры, творческих заданий.

Результаты исследования. Сформулированы психолого-педагогические и литературоведческие законы формирования круга детского чтения: закон возрастных ограничений, возрастных соответствий и возрастной перспективы, закон содержательного пятилетия, тематического богатства и жанрового разнообразия. Отражены методические аспекты общения ребенка с книгой и журналом. Выявлена динамика мотивов обращения к детской литературе дошкольников от года-двух лет до начала школьного обучения. Подведены итоги научно-педагогических утверждений автора о качественной библиотечке детского чтения в дошкольном образовательном учреждении.

Выводы. Выражена концепция комплексного научного подхода к формированию библиотек в детских садах и отражен опыт данной деятельности, неоднократно нами апробированный. В качестве наглядного обобщения дан рисунок концептуальной модели. Данная модель может быть использована для формирования круга чтения младших школьников.

Ключевые слова: дошкольники, круг детского чтения, законы и принципы составления библиотеки детского сада

Для цитирования: Первова Г.М. Концептуальное моделирование библиотеки детского чтения педагогами // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3. С. 538-547. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-538-547>

Original article

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-538-547>

Library of children's reading conceptual modeling by teachers

Galina M. PERVOVA

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

gmp47@yandex.ru

Relevance. The place of children's reading in the spatially developing environment of a preschool educational institution as functionally significant for the child's intellectual development is reflected. The problem of book fund's lack in a kindergarten, created according to science's rules, is posed. The purpose of the research is to elaborate a concept for the formation of a library of children's books in a preschool educational institution.

Materials and methods. The library formation theoretical foundations for children in a preschool educational institution are revealed. Historical-literary, book-study and culturological principles of selection and grouping of children's books and works for younger, middle and older age groups of young listeners are considered. The books of the picture, game, activity type and the classic type of book publication for children are characterized. Method algorithms of viewing a children's book, organizing listening, playing, and creative tasks are proposed.

Result and Discussion. The psychological, pedagogical and literary rules of children's reading range formation are formulated: the rule of age restrictions, age correspondences and age perspective, the rule of meaningful peace, thematic richness and genre diversity. The methods aspects of the child's interaction with the book and magazine are reflected. Appeal to children's literature motives dynamics of preschoolers from one to two years before the beginning of school education is revealed. The results of the author's scientific and pedagogical statements about a high-quality library of children's reading in a preschool educational institution are concluded.

Conclusion. The concept of an integrated scientific approach to the libraries formation in kindergartens is declared and the experience of this activity, repeatedly tested by us, is reflected. As a visual generalization, a drawing of the conceptual model is given. This model can be used to develop the reading range of younger schoolchildren.

Keywords: preschoolers, children's reading range, rules and principles of kindergarten library composition

For citation: Pervova, G.M. (2023). Library of children's reading conceptual modeling by teachers. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 3, pp. 538-547. (In Russ., abstract in Eng.)
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-538-547>

АКТУАЛЬНОСТЬ

В пространственно-развивающей среде дошкольного образовательного учреждения насчитывается более десяти образовательных территорий: игровая зона, физкультурная, природная, музыкальная, интеллектуальная, юридическая, изобразительного искусства и др. Особое внимание воспитатели уделяют интеллектуальному развитию де-

тей, что невозможно без включения дошкольников в территорию книжного окружения, без создания качественной библиотеки детского чтения.

Формирование библиотеки не является инновационной педагогической деятельностью, существует традиция формирования круга детского чтения в хрестоматиях для воспитателя [1; 2]. Издавались сборники произведений с жанрами народного и лите-

ратурного творчества в историко-сравнительном аспекте [3]. В XXI веке индустрия детских книг развита настолько, что детская литература представлена на всех международных и всероссийских книжных выставках как одно из самых популярных явлений современности. В настоящее время воспитатель имеет возможность не читать детям в течение года одну и ту же книгу в виде хрестоматии, а предложить для чтения-рассматривания прекрасно изданные и удачно иллюстрированные детские книги, которые как предметы культуры и искусства вызывают гораздо больший интерес у детей, чем книга в руках воспитателя [4–6].

Важна научная, теоретически обоснованная систематизация круга детского чтения, учет законов, не соблюдая которые можно упустить важное в умственном и речевом развитии детей, их гармоничном, духовно-нравственном воспитании [7]. В современных группах детского сада обязательно выделяется место для библиотеки детских книг, организуется «читальный зал» с разложенными на столе книгами и журналами. В детском саду «Жемчужинка» г. Тамбов под библиотеку отведена специально оборудованная комната, в которой проходят литературные занятия. Сотрудники ДОУ составляют библиотеку детского сада на основе законов формирования круга детского чтения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Теоретические основания составления круга чтения дошкольников и библиотеки в целом предоставляют несколько наук. В первых, учитываются разделы истории детской литературы: мифы и устное народное творчество составляют сердцевину круга чтения; обязательна классика литературы XIX и XX веков как золотой фонд читательских традиций; включается в библиотеку переводная детская литература стран ближнего и дальнего зарубежья; самый большой объем круга детского чтения составляет современный литературный процесс, то есть изданные в XXI веке новинки и переизданные в новом

времени актуальные для современных дошкольников классические произведения, детская периодика. Образец формирования четырех кругов программного чтения мы можем обнаружить в учебниках по детской литературе, в пособиях для воспитателей детских садов [8–10] и для родителей [11].

Во-вторых, помимо доступных для детей текстов художественных произведений, необходимо произвести отбор детских книг с учетом психолого-педагогических особенностей восприятия литературы детьми определенного возраста. Мы учитываем современные, широко распространенные дизайнерские типы детских книг. Методом чтения-рассматривания педагог устанавливает книговедческую типологию издания: книжка игрового и картинного типа, книга для практической деятельности, классическое литературно-художественное издание для совместного чтения взрослых и детей. Методом сравнительного анализа содержания и формы детской книги определяем при формировании библиотечки, какие книги предназначены для младших, средних и старших дошкольников. Учитываем книжный указатель издательства. Методику работы с детскими книгами активизируют библиотечные работники [12], конкретные разработки предлагают сотрудники Российской государственной детской библиотеки и областных библиотек. Основу методической работы составляет соединение слушания, рассматривания, бесед разных типов, игры и творческих упражнений по развитию речи.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный подход к формированию библиотеки происходит при соблюдении следующих законов: закон возрастных ограничений, закон возрастных соответствий и закон возрастной перспективы.

По закону возрастных ограничений надо ставить барьеры тем книгам, которые малыши не поймут, не оценят, которые их не заинтересуют. Наблюдения показывают, что в определенном возрасте у детей формируется

набор любимых книг, что отвечает закону возрастных соответствий. Писатели, сохранившие память детства, познавшие или угадавшие насущные потребности и возможности восприятия детей, становятся базовыми в репертуаре детского чтения. Так, любимыми авторами для дошкольников становятся прозаики Н. Носов, В. Сутеев, Е. Чарушин, поэты И. Токмакова, А. Орлова, Ю. Симбирская и другие писатели, создававшие стихи и прозу специально для детей. По закону возрастной перспективы в круг детского чтения включаются произведения общей литературы, доступные дошкольникам по форме и языку, расширяющие их читательский кругозор. Так попали в круг детского чтения никогда не писавший для детей А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев и другие классики золотого века русской литературы.

Детская книга соединяет в себе несколько видов искусства: искусство слова, живописи, книжной графики и дизайна. Чем меньше ребенок, тем отчетливее мы наблюдаем интерес малыша к внешнему ряду книги, ее оформлению.

В младших группах детского сада мы предлагаем воспитателю для работы книги картинного типа, в которых иллюстрации занимают 80–90 % площади листа. К картинным относятся также ширмочки (родители называют такие книжки «раскладушки»), сделанные из прочных материалов, чтобы их можно было дать детям в руки. Большое место занимают книги фигурные, изображающие определенные предметы: башмачок, корзину, машинку. Дети узнают знакомые предметы и затем интересуются, что внутри. Самый занимательный тип книг для малышей – это книжки-игрушки, в которых открываются «оконца» или «дверцы» («Волк и семеро козлят»), в которых спрятана игра, например, как Красная Шапочка нашла дорогу к бабушке. Самостоятельное общение с источником знаний предлагают также звуковые книжки, говорящие с ребенком, когда он нажимает кнопку.

В младших группах воспитатель работает с книгой сам, а детей учит рассматрива-

нию иллюстративного ряда. Он стремится вызвать интерес к книге как к предмету игры, к наглядному пособию для развития в соответствии с предметно-действенным и наглядно-образным типом мышления ребенка. Книга для детей ясельного возраста не является предметом первой необходимости, как ложка, кукла или стул. Этот этап работы важен для взрослого, который вводит ребенка в книгу как в источник новых представлений о мире.

В средних группах детского сада к книгам картинного и игрового типа добавляются книги деятельностного типа. Для изобразительной деятельности предназначены книжки-раскраски: с их подачи дети выполняют раскрашивание готового образца, рисование по пунктирам, дорисовывание начатого рисунка и т. д. Такие книги развивают мелкую моторику детской руки, что важно для речевого и умственного развития. Несомненный развивающий характер несут в себе книги-театр с движущимися фигурками персонажей, которые позволяют организовать озвучивание ролей – театральную деятельность. Нельзя обойтись в 3–4 года без книг с доступными текстами: это книги-рассказки, в которых записаны известные мультфильмы или комиксы, по которым дети начинают учиться монологической речи, рассказыванию сказок и рассказов. Одновременно в этом возрасте учим алгоритму слушания: настрой на слушание создает поза, удобная мебель, музыкальная пауза, загадочное, интригующее задание, проблемный вопрос. Во время слушания нет отвлекающих звуков, проводится выразительное чтение и словарное комментирование текста, сопоставление картинки и эпизода произведения. Обучение слушанию рождает послушных детей.

Воспитатель показывает детям возраста «я – сам», как ребенок может пользоваться детской книгой деятельностного типа, как книга позволяет развивать речевые, коммуникативные и иные навыки. Заметно растет мотивация обращения к книге, так как, помимо рассматривания, ребенок начинает самостоятельно с нею общаться, взаимодействовать.

В старших группах детского сада основу круга чтения составляют классические детские книги, в которых и писатель, и художник-иллюстратор являются классиками детской литературы. Такие книги десятилетиями переиздаются в нашей стране, так как пользуются неизменным успехом и занимают первые места в рейтингах издательств. Это сказки А.С. Пушкина с иллюстрациями Б. Дегтярева, басни И. Крылова с иллюстрациями Е. Рачева, стихи В. Маяковского с иллюстрациями А. Пахомова, книжки К. Чуковского с иллюстрациями В. Конашевича, произведения И. Токмаковой с иллюстрациями Л. Токмакова, рассказы Ю. Ковалю с иллюстрациями Т. Мавриной и т. п. Лучшие детские книги классического типа представлены на ежегодных выставках в нашем государстве и за рубежом, в Москве, в Санкт-Петербурге, во Франкфурте-на-Майне, в Братиславе. Классические книги проходят оценку на биеннале детской литературы и получают международные премии им. Х.К. Андерсена. Новые художники решаются на иллюстрирование классики, например, сказки А.С. Пушкина прошли через руки известных художников эпохи Серебряного века (И. Билибин и др.), Золотого времени детской литературы в XX веке (В. Конашевич, Т. Маврина и др.) и в новом веке получили свою награду в творчестве Г. Спирина («Сказка о царе Салтане»).

Воспитатель реализует новую задачу по развитию мотивации отношения ребенка к книгам. Старшие дошкольники учатся воспринимать книгу как предмет материальной и духовной культуры, учатся слушанию-рассматриванию избранных книг, самостоятельному рассматриванию знакомой детской книги по правилам. Правила предполагают внимательное изучение обложки по трем ориентирам: фамилия автора, заглавие и основная иллюстрация. Сопоставление этих элементов оформления рождает ассоциации и предположения о теме чтения. Знакомство с вводными листами, и особенно с титулом, дополняет сведения о книге фамилией художника, выходными данными. Постранич-

ное рассматривание обеспечивает общие впечатления от рассматривания иллюстраций, и происходит антиципация содержания книги в целом, выбор произведения, которое захотелось прочитать.

Выбор источников круга детского чтения, постепенно расширяясь, подчиняется четвертому закону – закону содержательного пятимирия. Необходимо прочитать дошкольнику за пять лет его жизнедеятельности в детском саду произведения, предоставляющие ребенку общую картину мира, в котором он учится ориентироваться. Для этого надо провести детей через пять миров: мир детства, окружающей среды, мир природы, социальную действительность и виртуальный мир. Заметим, что четыре мира детских книг имеют реалистический характер и только пятая часть библиотеки отражает фантастический уровень КДЧ. Это позволяет привлечь внимание растущего ребенка к человеку, изучению себя как личности, наблюдениям над природой, это предупреждение тем, кто увлекается только чтением сказок, формируя вкус к нереальной выдумке и не обучая вдумчивому отношению к окружающим людям, событиям, явлениям, вещам.

Содержательное пятимирие репертуара детского чтения выражено в тематической группировке книг. Ежедневно в течение полугодия воспитатель должен иметь возможность менять тематику чтения. Основной принцип формирования библиотечки для дошкольников – тематический. К основным или широким темам детского чтения мы относим следующие: детство как самоценная пора человека, игры и занятия детей, семья и родные люди, труд и профессии взрослых, человек и природа, картины родной природы, родина большая и малая, жизнь родного края, жизнь в далеких странах, путешествия и приключения, чудеса и волшебство, школа знаний, в мире прекрасного, праздники нашей страны, мир человеческих отношений, народная мудрость.

Как правило, воспитатель в календарном плане формулирует темы чтения конкретно и привлекательно для детского восприятия,

например: «О наших друзьях – животных», «Весна, весна, и все ей рады», «Осень золотая в гости к нам пришла», «Я и мои товарищи», «Здравствуй, Новый год!», «Сказка – ложь, да в ней намек: добрым молодцам урок!» и т. д.

Пятый закон, выстраивающий модель библиотеки ДООУ, связан с жанровой формой произведений и детских книг. Закон жанрового разнообразия требует включения в КДЧ произведений народного творчества и литературы. Прежде всего, это малые жанры устного народного творчества в сборниках «Гуленьки», «Сорока-белобока», «Ладушки»: потешные, колыбельные, календарные песенки, загадки, скороговорки, заклички, приговорки, прибаутки, считалки и т. д.

Весомую часть библиотеки составляют народные сказки: анималистические, волшебные, бытовые, а также адаптированные былины как героические сказки о богатырях земли русской. Авторские сказки включают ту классификацию, что взята из народного творчества, но имеют и дополнительные жанровые разновидности: созданы для детей приключенческие или авантюрные волшебные повести, познавательные или научно-художественные сказки (В. Бианки называл их сказки-несказки); сказки-рассказы (чудеса в них заявлены, но не случаются там, где их ищут герои); легенды, соединяющие реальное и чудесное; сказки как повествования от первого лица рассказчика. Дети узнают стихотворные и прозаические сказки отечественных писателей и авторов разных стран.

Не менее половины произведений в детской библиотеке должны быть в стихотворной форме. Распространены сюжетные стихотворения, рассказы и сказки в стихах, которые доступны дошкольникам благодаря занимательно изображенным событиям. Литерические стихотворения передают всю гамму детских переживаний: чувства дружбы, заботы взрослых о детях, детские радости, обиды и печали. Дошкольники учатся слышать музыку поэзии, образные обороты речи, созвучия-рифмы. Благодаря стихам идет развитие

фонематического слуха, необходимого для обучения грамоте. Многие жанры детской литературы имеют педагогическую значимость: скороговорки и чистоговорки развивают дикцию, загадки – сообразительность, лучшие стихи формируют художественный вкус. Стихами фольклора и литературы воспитатель сопровождает все режимные моменты детской жизни.

Небольшую часть библиотеки представляет жанр стихотворной и прозаической басни, в которой ярко выражены черты сатиры (осмеяние недостатков, критика человеческих пороков), аллегории (читаем о животных, а думаем о людях) и морали (авторского поучения). В детском чтении явное преимущество имеют не сатирические, а юмористические произведения, так как юмор в качестве добродушного смеха более соответствует возрасту неразвитого критического мышления.

Включение в круг чтения рассказов обогащает детей жизненным и поведенческим опытом. Жанр рассказа развивает умение рассуждать о поведении, поступках героев, так как основную часть библиотеки составляют нравоописательные рассказы психологического или юмористического характера. В репертуар литературы для детей входят научно-художественные рассказы природоведческого и обществоведческого характера, исторические рассказы о героическом прошлом и настоящем времени.

Чем старше дошкольник, тем больше оснований включить в занятия познавательную детскую книгу в виде энциклопедий и справочников, широко распространившихся в информационную эпоху, в эпоху научно-технического прогресса и технологий. Необходимо научить старших дошкольников при подготовке к школе пользоваться порционным чтением-рассматриванием данного типа книг.

Прикладную цель преследует включение в КДЧ художественных азбук, созданных для освоения звуков и букв родного языка. Мастерство поэтов, создающих занимательные азбуки (Маршак, Благинина, Заходер, Берестов, Лунин, Гамазкова, Сте-

панов и мн. др.), заключается в том, что при чтении и внимательном слушании непосредственно запоминаются алфавит, гласные и согласные звуки, написание заглавных и строчных букв в печатном и рукописном варианте. Впоследствии в первом классе школы художественные азбуки облегчают детям науку чтения и письма.

Достойное место в библиотеке ДОУ отведено аудиокнигам и экранизированной детской литературе. Из Интернета скачаны короткие по времени сказки, стихи и рассказы для индивидуального слушания через наушники, почетное место занимают мультипликационные фильмы по сказкам А.С. Пушкина, П. Ершова – «Конек-горбунок», «Серая

Рис. 1. Концептуальная модель формирования библиотеки детского чтения
Fig. 1. Children's reading library development conceptual model

Шейка» Д.Н. Мамина-Сибиряка, «Дюймовочка» Х. Андерсена и др.

Развивают логическое мышление старших дошкольников детские книги с одинаковыми литературными произведениями, оформленные разными художниками. Рассматривая такие книги, следует сравнить, то есть найти общее и оригинальное, в иллюстрациях В. Лебедева и И. Калининенко к произведению С. Маршака «Усатый полосатый», серьезные в своей исторической достоверности иллюстрации Б. Дегтярева и веселые картинки В. Конашевича к сказкам А.С. Пушкина. Дошкольники недостаточно в силу возраста оценивают эстетические достоинства словесного искусства, но с определенным успехом «критикуют» изобразительное творчество. В частности, на одном из литературных занятий пятилетки нашли разницу в изображении животных разными иллюстраторами, сравнив реалистические рисунки художника-анималиста Е. Чарушина, сказочные образы Ю. Васнецова и условных басенных героев Е. Рачева.

Наконец, детская библиотека немислима без современной периодики. Выходит большое количество журналов для детей разных возрастов, в которых представлена беллетристика, познавательные и досуговые разделы, печатается материал для ручного труда, публикуются детские рисунки и поделки. Современные журналы, в отличие от книги, выполняют и организационно-педагогические функции, разнообразят виды занятий в детском саду и приучают дошкольников к самостоятельной работе. Столетнюю историю имеет журнал «Мурзилка», специально для дошколят разработаны «Веселые картинки», развивают способности детей «Веселый художник» и «Непоседы». Все без исключения журналы учитывают, что ведущим видом деятельности в дошкольном возрасте является игровая деятельность, поэтому именно в этом виде изданий много головоломок, ребусов, словесных и иных дидактических игр.

ВЫВОДЫ

Таким образом, модель библиотеки дошкольного образовательного учреждения имеет психологические, педагогические, методические, историко-литературные, теоретико-литературные, книговедческие и культурологические обоснования (рис. 1). Круг чтения, построенный с учетом знаний названных наук, позволяет сформировать достаточный читательский кругозор на первом этапе литературного образования детей. Мы приводили мало примеров конкретных книг, произведений и авторов, так как в современных детских садах отсутствует единое финансирование материальной части, неодинаковы спонсорские возможности учреждений. Именно междисциплинарные связи научно-педагогической работы воспитателей и методистов являются источником успешного результата обучения, развития и воспитания дошкольников средствами детской литературы.

В детской литературе главным предметом развития ребенка является качественно изданная специально для читателей определенного возраста книга. Самый распространенный вид изображения жизни в ней – чередование реального и фантазийного плана, что соответствует специфике детского мышления. При этом превалирует точка зрения ребенка, его взгляд на мир. Детская книга как синтез искусства художественного слова, книжной графики и современного дизайна занимает достойное место в альтернативных программах дошкольных образовательных организаций и учреждений, реализует эстетическую, гедонистическую, мировоззренческую, познавательную, коммуникативную и прикладную функции литературы, формируя у детей основы будущей читательской культуры, феноменом которого озабочены современные исследователи [13].

Список источников

1. Хрестоматия для маленьких / сост. Л.Н. Елисеева. М.: Просвещение, 1978. 399 с.
2. Хрестоматия для маленьких и постарше / сост. Л.Н. Елисеева. М.: Знание, 1996. 382 с.
3. Литература и фантазия / сост. Л.Е. Стрельцова. М.: Просвещение, 1992. 255 с.
4. Путилова Е.О. Золотых ступенек ряд: книга о детстве и книги детства. СПб.: Дом детской книги, 2015. 310 с.
5. Первова Г.М. Формирование библиотечки детского сада // Практика управления ДОУ. 2015. № 1. С. 28-37.
6. Первова Г.М. Литературное образование дошкольников. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. 104 с.
7. Гриценко З.А. Детская литература. М.: Академия, 2007. 312 с.
8. Первова Г.М. Детская литература. М.: Инфра-М, 2023. 190 с.
9. Первова Г.М. Классики русской литературы в детском чтении. М.: Инфра-М, 2023. 205 с.
10. Гурович Л.М., Береговая Л.Б., Логинова В.И., Пирадова В.И. Ребенок и книга. СПб., 1996. 127 с.
11. Тимофеева И.Н. Что и как читать вашему ребенку от года до десяти. СПб., 2000. 511 с.
12. Растим читателя: Программы литературного развития детей 3–9 лет / под общ. ред. Н.К. Малаховой. М.: НФ «Пушкинская библиотека», 2015. 250 с.
13. Чиндилова О.В. Феноменология развития читательской культуры детей дошкольного возраста в контексте непрерывного литературного образования: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Челябинск, 2011. 40 с.

References

1. Eliseeva L.N. (compiler). (1978). *Khrestomatiya dlya malen'kikh* [Chrestomathy for the Little Ones]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 399 p. (In Russ.)
2. Eliseeva L.N. (compiler). (1996). *Khrestomatiya dlya malen'kikh i postarshe* [Chrestomathy for Young and Older]. Moscow, Znanie Publ., 382 p. (In Russ.)
3. Strel'tsova L.E. (compiler). (1992). *Literatura i fantaziya* [Literature and Fantasy]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 255 p. (In Russ.)
4. Putilova E.O. (2015). *Zolotykh stupenek ryad: kniga o detstve i knigi detstva* [Golden Steps Row: a Book about Childhood and Childhood Books]. St. Petersburg, Dom detskoi knigi Publ., 310 p. (In Russ.)
5. Pervova G.M. (2015). *Formirovanie bibliotekhi detskogo sada* [Formation of a kindergarten library]. *Praktika upravleniya DOU* [Practice of Preschool Educational Institution Management], no. 1, pp. 28-37. (In Russ.)
6. Pervova G.M. (2017). *Literaturnoe obrazovanie doshkol'nikov* [Literary Education of Preschool Children]. Tambov, Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 104 p. (In Russ.)
7. Gritsenko Z.A. (2007). *Detskaya literatura* [Child's Literature]. Moscow, Akademiya Publ., 312 p. (In Russ.)
8. Pervova G.M. (2023). *Detskaya literatura* [Child's Literature]. Moscow, Infra-M Publ., 190 p. (In Russ.)
9. Pervova G.M. (2023). *Klassiki russkoi literatury v detskom chtenii* [Classics of Russian Literature in Children's Reading]. Moscow, Infra-M Publ., 205 p. (In Russ.)
10. Gurovich L.M., Beregovaya L.B., Loginova V.I., Piradova V.I. (1996). *Rebenok i kniga* [The Child And the Book]. St. Petersburg, 127 p. (In Russ.)
11. Timofeeva I.N. (2000). *Chto i kak chitat' vashemu rebenku ot goda do desyati* [What and how to Read to Your Child from One Year to Ten]. St. Petersburg, 511 p. (In Russ.)
12. Malakhova N.K. (2015). *Rastim chitatelya: Programmy literaturnogo razvitiya detei 3–9 let* [Mentoring the Reader: Literary Development Programs for Children 3–9 Years Old]. Moscow, Noncommercial Foundation "Pushkin Library", 250 p. (In Russ.)
13. Chindilova O.V. (2011). *Fenomenologiya razvitiya chitatel'skoi kul'tury detei doshkol'nogo vozrasta v kontekste nepreryvnogo literaturnogo obrazovaniya: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk* [Preschool Children's Reading Culture Development Phenomenology in the Continuous Literary Education Context. Dr. habil. (Education) diss. abstr.]. Chelyabinsk, 40 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Первова Галина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и методики дошкольного и начального образования, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-5777-2832>
gmp47@yandex.ru

Поступила в редакцию 13.03.2023

Поступила после рецензирования 05.06.2023

Принята к публикации 19.06.2023

Information about the author

Galina M. Pervova, Dr. habil. (Education), Professor, Professor of Theory and Methods of Preschool and Primary Education Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-5777-2832>
gmp47@yandex.ru

Received 13.03.2023

Approved 05.06.2023

Revised 19.06.2023

Научная статья
УДК 371

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-548-555>

Специфика формирования духовно-нравственных ценностей младшего школьника средствами музыкального фольклора

Павел Сергеевич КРЮКОВ

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»
129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., 4, корп. 1
rufolker@yandex.ru

Актуальность. Описана проблематика духовно-нравственного воспитания детей на этапе обучения в начальной школе. Проработана актуализация вопроса формирования духовно-нравственных ценностей младших школьников с позиции социокультурных предпосылок развития общества, государственных требований к воспитанию подрастающего поколения и со стороны практики образования.

Методы исследования. Методологическим основанием проведенного исследования выступили философско-антропологический, аксиологический и личностно-ориентированные подходы, определяющие содержательные ориентиры концепции духовно-нравственного воспитания младшего школьника. В рамках данных подходов использованы методы теоретического анализа, синтеза и обобщения научной литературы, а также персонифицированного наблюдения за обучающимися начальной школы.

Результаты исследования. Обоснованы духовно-нравственные ценности в контексте педагогической категории. Дана характеристика возрастных особенностей младших школьников в процессе духовно-нравственного воспитания, обоснован музыкальный фольклор как ведущее средство формирования духовно-нравственных ценностей у младших школьников.

Выводы. Нивелирующее воздействие современных тенденций развития общества и наличие кризисов в различных областях жизнедеятельности общества доказывают необходимость формирования духовно-нравственных ценностей с раннего возраста обучающихся. Доказано, что обращение к истокам народной культуры в музыкальном формате способствует более углубленному и проникновенному протеканию процесса духовно-нравственного воспитания младшего школьника.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, духовность, нравственность, духовные ценности, нравственное поведение, музыкальное искусство, музыкальный фольклор

Для цитирования: Крюков П.С. Специфика формирования духовно-нравственных ценностей младшего школьника средствами музыкального фольклора // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3. С. 548-555. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-548-555>

Original article

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-548-555>

The specifics of the development of spiritual and moral values of a junior school student by means of musical folklore

Pavel S. KRYUKOV

Moscow City University

1 Bldg., 4 2nd Selskokhozyaistvennyi Dr., Moscow, 129226, Russian Federation

rufolker@yandex.ru

Importance. The problems of spiritual and moral education of children at the stage of primary school education are described. The actualization of the issue of the development of spiritual and moral values of junior school students from the position of socio-cultural prerequisites for the development of society, state requirements for the upbringing of the younger generation and from the side of educational practice has been worked out.

Research methods. The methodological basis of the conducted research was philosophical-anthropological, axiological and personality-oriented approaches that determine the content guidelines of the concept of spiritual and moral education of a junior school students. Within the framework of these approaches, methods of theoretical analysis, synthesis and generalization of scientific literature, as well as personalized observation of primary school students are used.

Results and Discussion. The spiritual and moral values are substantiated in the context of the pedagogical category. The characteristics of the age characteristics of junior school students in the process of spiritual and moral education are given, and musical folklore as the leading means of forming spiritual and moral values in junior school students is also substantiated.

Conclusion. The leveling effect of modern trends in the development of society and the presence of crises in various areas of society's life prove the need for the development of spiritual and moral values from an early age of students. It is proved that the appeal to the origins of folk culture in a musical format contributes to a more in-depth and penetrating course of the process of spiritual and moral education of a junior school student.

Keywords: spiritual and moral education, spirituality, morality, spiritual values, moral behavior, musical art, musical folklore

For citation: Kryukov, P.S. (2023). The specifics of the development of spiritual and moral values of a junior school student by means of musical folklore. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 3, pp. 548-555. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-548-555>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Вопросы воспитания младшего поколения всегда были в центре внимания ученых и практиков в области обучения, воспитания и развития детей. Духовно-нравственное воспитание как базис общественного развития общества выступает центральным звеном системы образования, в основе которого лежит процесс формирования духовно-нравственных ценностей обучающихся через приобщение их к отечественной культуре, знакомство с ведущими народными и авторскими творческими (музыкальными, изобразительными, художественными и пр.) произведениями.

В условиях непрерывных кризисных трансформаций в социально-экономическом развитии страны современное общество характеризуется тенденциями «социального инфантилизма», «падения нравов», «антигражданственности» и пр. Духовно-нравственный регресс повлек за собой прирост негативных последствий развития общества и страны в целом, поскольку ценностными установками современного человека выступают потребление, материальные блага, «общество вещей». Кризис духовной сферы требует от социальных сфер жизни активизации воспитательных потенциалов, направленных на возрождение духовно-нравственных ценностей (Добро, Красота, Справедливость, Мужество, Правда, Родина). Безусловно, одной из основных социальных сфер выступает система образования, обладающая многочисленными возможностями реализации стратегии духовно-нравственного воспитания обучающихся, начиная с начальной школы. В подтверждение этому Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. регламентирует такие направления, как «формирование у детей высокого уровня духовно-нравственного развития, чувства причастности к историко-культурной общности российского народа и судьбе России», «поддержка общественных институтов, которые являются носителями духовных ценностей», «формирование внут-

ренней позиции личности по отношению к окружающей социальной действительности».

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическим основанием проведенного исследования являются философско-антропологический, аксиологический и личностно-ориентированные подходы, определяющие содержательные ориентиры концепции духовно-нравственного воспитания младшего школьника. В рамках данных подходов использованы методы теоретического анализа, синтеза и обобщения научной литературы, а также персонифицированного наблюдения за обучающимися начальной школы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В 2020 г. в результате исследования Т.И. Власовой произошел резкий спад уровня духовно-нравственного поведения младших школьников: обучающиеся не соотносят нравственные понятия с жизненными ценностями, беспристрастно относятся к обществу и стране, не владеют способами рефлексии и саморегуляции [1]. Таким образом, практика образования также преследует цель – расширение границ духовно-нравственного потенциала образовательной среды, включающей необходимые условия для формирования устойчивых ценностных установок, нравственных представлений и положительного социального поведения обучающихся.

Цель исследования – выявить особенности духовно-нравственных ценностей младших школьников, определить специфику их формирования средствами музыкального фольклора.

Духовно-нравственные ценности являются социально-педагогической проблемой, в связи с этим процесс духовно-нравственного воспитания базируется на постижении человеком общечеловеческих ценностей. Духовность и нравственность как базовые категории духовно-нравственного воспитания личности взаимосвязаны и рассматрива-

ются исследователями как тождественные понятия, связанные с истоками развития культуры определенного народа и страны, национальными идеалами и правилами, традициями и религией [2]. Важный аспект духовности заключается в направленности процесса воспитания на самосовершенствование личности в стремлении человека к высшим ценностям. Нравственная составляющая воспитания обусловлена согласованием собственных чувств и действий с интересами людей. Существует определенная мера нравственности – мораль, сфера которой ограничивает человека определенным сводом правил и норм общественной жизни.

Результатом духовно-нравственного воспитания выступает целостное сознание личности в совокупности нравственной, политической, религиозной, эстетической позиции. Такое сознание характеризует мотивацию поведения, направленную на другого, на общество, а не на самого себя [3]. Таким образом, в основе духовно-нравственных ценностей лежит идея любви, бескорыстия, сопереживания, обеспечивающая идеальные отношения с людьми и окружающей действительностью в целом. В основе духовно-нравственных ценностей заключены базовые и общенациональные категории: Человек, Бескорыстие, Свобода, Мир, Родина, Любовь, Красота и т. д.

Духовно-нравственные ценности исходят из потребностей личности, которые в свою очередь определяются накопленной системой духовных ценностей и способностью их реализации в структуре нравственного поведения. Духовно-нравственное воспитание выступает процессом организованного целенаправленного педагогического воздействия на личность, осуществляемого в рамках единого ценностно-смыслового пространства образовательной среды [4]. Результатом духовно-нравственного воспитания выступают ценности, выраженные в когнитивном, эмоциональном и деятельностном критериях.

Определяющим содержательным показателем духовно-нравственных ценностей вы-

ступает полнота и объем знаний в области нравственности человека (нормах, правилах, законах), выражающаяся в осознании ключевых категорий духовно-нравственного человека, понимании качеств нравственного поведения и духовных образцов. В эмоциональном аспекте важно отметить наличие положительного отношения к себе и людям, к своей Родине, к участию в социальной жизни. Духовно-нравственные ценности определяются степенью нравственной рефлексии, эмоциональной отзывчивости на образы культуры народа, интересе к познанию событий семьи, страны, человечества. В поведении человека, обладающего духовно-нравственными ценностями, прослеживается стремление к самосовершенствованию, способность соотнесения полученного опыта с общественными правилами и нормами.

В рамках нашего исследования важно дать характеристику возрастным особенностям младшего школьника в аспекте духовно-нравственного воспитания.

Возрастная педагогика очерчивает представления и особенности становления личности на каждом этапе жизненного цикла, которым присущи определенные содержательные характеристики, специфика и изменения. Младший школьный возраст – это период интенсификации развития личности, активизации познавательных интересов и потребностей, заложения основ управления основными психическими процессами [5]. Духовно-нравственное воспитание в данный период имеет особую значимость, поскольку активизирует уровень самосознания, критического мышления, формирует новые качества, которые в свою очередь определяют нравственный выбор ребенка.

В младшем школьном возрасте происходит выработка нравственных норм, правил одобряемого и осознанного поведения, способов саморегуляции. То есть поведение ребенка становится опосредованным фактором духовно-нравственного воспитания. В данный период закладываются знания о системе отношений ребенка с обществом на основе общепринятых законов и традиций; форми-

руются духовно-нравственные качества, определяющие отношение ребенка к себе, миру, людям, жизни. Если исход данной фазы будет положительным, то ребенок освоит инициативность и стремление к разнообразным видам деятельности, стремление к соревнованию. Негативным исходом будут выступать внутренние конфликты, эгоизм, негативное отношение к людям, самолюбование.

Младший школьный возраст сенситивен к формированию духовно-нравственных ценностей, поскольку сосредоточен на выработке способности к нравственной самооценке, критическому подходу, навыков самоорганизации и саморегуляции. Воплощением нравственного идеала для ребенка в данном возрасте выступает учитель, поэтому в системе различных отношений у младшего школьника появляется новая связь: «ребенок – учитель», в которой происходит полноценное приобщение к нравственным правилам поведения, сознательным целям жизнедеятельности, ориентировка на внутренний мир (духовность) человека. Самыми значимыми выступают первые два года обучения (7–8 лет), когда ребенок безусловно слушает мнение и суждения учителя (даже в противовес суждениям семьи), поскольку они воспринимаются как истинные, а педагог как авторитет, владеющий системой значимых духовно-нравственных ценностей, – это идеал и хранитель знаний. Педагогу в данный период необходимо исходить в своих оценках из чувств справедливости, добра и внимания.

Важной особенностью духовно-нравственного воспитания в младшем школьном возрасте выступает ярко выраженный познавательный интерес, благодаря которому ребенок отчетливо и на всю жизнь запоминает примеры нравственного и безнравственного поведения. Непроизвольность действий развивается и превращается в стабильное поведение, основанное на осознанном сосредоточенном и мотивированном наблюдении за окружением. В данном возрасте особенно значимо изучение разнообразных произведений литературного и музыкального творчества, погружение в художественное искусство,

театральное и любое другое, имеющее в своем сюжете примеры нравственности [6].

Таким образом, формирование духовно-нравственных ценностей в младшем школьном возрасте основывается на процессах социального созревания ребенка, готовности принятия им социального опыта и традиций. Основными ценностями, определяющими результативность духовно-нравственного воспитания ребенка и начинающими развиваться в данном возрасте, выступают: Долг, Сопереживание, Мое, Чужое.

Переход из дошкольного в младший школьный возраст ознаменован эгоцентричностью и наивной бессознательностью, поэтому крайне важно именно в этом возрасте начинать активные действия по формированию духовно-нравственных ценностей обучающихся. Это время начала осознанного приспособления к миру, реалистического взгляда на окружающую действительность, осмысленность суждений и взглядов на жизнь и людей.

Особую значимость при формировании духовно-нравственных ценностей младшего школьника имеет музыкальный фольклор.

В младшем школьном возрасте процесс духовно-нравственного воспитания происходит в основном за счет приобщения обучающихся к культуре общества, запечатленной в искусстве – это яркие образы и символы, легко воспринимающиеся детьми. Общеизвестно, что любая форма искусства выполняет ценностно-ориентационную функцию, поскольку является основой в воспитании подрастающего поколения, готового к активной социально значимой деятельности, способного к самоидентификации как гражданина страны, владеющего нормами и правилами социального поведения, ценностными ориентациями и национальной духовностью [7].

Музыка сама по себе как вид искусства призвана углублять духовно-нравственные установки и стремления личности, обеспечивать окультуривание общества через прослушивание классических профессиональных и народных произведений, нравственно образовывать и духовно наполнять детей.

Совершенствование личности младшего школьника через музыку происходит на основе изучения музыкальных сочинений, которые передают смыслы и истории личностей, образов защитников русской земли, идеалов исторического времени. Классические произведения активизируют эмоционально-нравственную отзывчивость ребенка, доброжелательность и эстетические чувства.

Но в большей степени младший школьный возраст с интересом воспринимает фольклорное музыкальное искусство, поскольку в переходе от дошкольного возраста устойчивыми примерами нравственного поведения выступали герои фольклорных произведений, частушек, потешек и песен.

Музыкальный фольклор – это отражение жизни народа. Народное творчество всегда легко воспринималось детьми и оказывало влияние на формирование духовно-нравственного облика подрастающего поколения. Нравственно-эстетические идеалы представлены в музыкальном фольклоре через особенности разговорной народной речи, природные условия жизни и быт народа. Слушая народную и классическую музыку, ребенок осваивает бесценный культурный опыт поколений [8].

Цель занятий с детьми народной музыкой – не только познакомить с образцами фольклора (прибаутками, небылицами, скороговорками, игровыми и плясовыми песнями, играми и хороводами), но и привить любовь к родной природе, чувствовать ее, соприкасаться с ней, эмоционально переживать. Прибаутки важны для воспитания в детях музыкальных, творческих навыков. Очень любят дети и небылицы, в которых развиваются события совершенно нереаль-

ные. Они развивают у ребенка чувство юмора, а также логическое мышление. Знакомство с традициями и историей народной музыки обуславливает творческий, познавательный, духовно-нравственный и увлекательный характер процесса музыкального развития детей и его результативность. У детей вырабатывается потребность собираться вместе, чтобы попеть. Песня входит в их духовную жизнь, придавая яркую эмоциональную окраску их мыслям, пробуждает чувство любви к Родине, красоте окружающего мира.

ВЫВОДЫ

Исследования последних лет показывают, что значимой проблемой современности выступает недостаточный уровень сформированности духовно-нравственных ценностей младших школьников. На сегодняшний день сформирована достаточная научная база для всестороннего изучения данной проблемы, однако, в данном исследовании была предпринята попытка синтезировать три основных аспекта: теоретическое понимание педагогической сущности духовно-нравственных ценностей, возрастных особенностей младших школьников как субъектов духовно-нравственного воспитания и роли музыкального фольклора в формировании духовно-нравственных ценностей младших школьников. Учитывая специфику данной возрастной категории, определено, что именно фольклорные произведения обладают необходимыми активизирующими возможностями для реализации полноценного процесса приобщения детей к духовно-нравственным ценностям.

Список источников

1. Власова Т.И. Педагогика духовности: содержание и технологии духовно-нравственного воспитания. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 107 с. <https://doi.org/10.23681/575702>, <https://elibrary.ru/fpkffn>
2. Логинова Ю.А., Сокольская Е.А., Макушкина Н.В. и др. Духовно-нравственное воспитание младших школьников как педагогическая проблема // Проблемы и перспективы развития образования: материалы 9 Междунар. науч. конф. / отв. ред. И.Г. Ахметов, Г.А. Кайнова, Е.И. Осянина. Краснодар: Новация, 2018. С. 23-27. <https://elibrary.ru/xvubpf>

3. Бакурова Т.П. Содержание модели духовно-нравственного воспитания младших школьников средствами познавательного туризма // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 256-260. <https://doi.org/10.24411/2309-4370-2019-13303>, <https://elibrary.ru/gyfgqg>
4. Теуважуква Р.Т., Озрокова К.А. Духовно-нравственное воспитание младших школьников в учебном процессе // Успехи современной науки. 2017. Т. 1. № 3. С. 148-151. <https://elibrary.ru/ynfkvv>
5. Добровольский Ю.А., Токарев А.А. Основные принципы организации духовно-нравственного развития и воспитания // Молодой ученый. 2017. № 49 (183). С. 348-350. <https://elibrary.ru/zwlswv>
6. Сизова О.А., Ульянова Р.А. Исследование проблем музыкальных предпочтений подрастающего поколения // Перспективы науки. 2021. № 3 (138). С. 89-91. <https://elibrary.ru/ehjfyf>
7. Храмова Л.А., Сизова О.А., Медведева Т.Ю. Особенности формирования интереса к музыкальному творчеству у обучающихся дошкольного возраста // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 68-4. С. 258-260. <https://elibrary.ru/tarhqu>
8. Григорьева Е.И., Круглова М.Г. Особенности восприятия музыки детьми и их влияние на жанры детской музыки // Ученые записки Российского социального университета. 2020. Т. 19. № 1 (154). С. 137-143. <https://doi.org/10.17922/2071-5323-2020-19-1-137-143>, <https://elibrary.ru/fznkaf>

References

1. Vlasova T.I. (2020). *Pedagogika dukhovnosti: sodержanie i tekhnologii dukhovno-nravstvennogo vospitaniya* [Pedagogy of Spirituality: Content and Technologies of Spiritual and Moral Education]. Moscow, Berlin, Direct-Media Publ., 107 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.23681/575702>, <https://elibrary.ru/fpkffn>
2. Loginova Yu.A., Sokol'skaya E.A., Makushkina N.V. et al. (2018). Dukhovno-nravstvennoe vospitanie mladshikh shkol'nikov kak pedagogicheskaya problema [Spiritual and moral education of younger schoolchildren as a pedagogical problem]. In: Akhmetov I.G., Kainova G.A., Osyanina E.I. (executive eds.). *Materialy 9 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya»* [Proceedings of the 9th International Scientific Conference "Problems and Prospects of Education Development"]. Krasnodar, Novatsiya Publ., pp. 23-27. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xvubpf>
3. Bakurova T.P. (2019). The content of younger students' spiritual and moral education by means of educational tourism. *Samarskii nauchnyi vestnik = Samara Journal of Science*, vol. 8, no. 3 (28), pp. 256-260. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2309-4370-2019-13303>, <https://elibrary.ru/gyfgqg>
4. Teuvazhukova R.T., Ozroкова K.A. (2017). Spiritually-moral education of younger schoolchildren in the educational process. *Uspekhi sovremennoi nauki* [Successes of Modern Science], vol. 1, no. 3, pp. 148-151. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ynfkvv>
5. Dobrovolskii Yu.A., Tokarev A.A. (2017). Osnovnye printsipy organizatsii dukhovno-nravstvennogo razvitiya i vospitaniya [Basic principles of the organization of spiritual and moral development and education]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], no. 49 (183), pp. 348-350. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zwlswv>
6. Sizova O.A., Ulyanova R.A. (2021). The research into problems of musical preferences of younger generation. *Perspektivy nauki = Science Prospects*, no. 3 (138), pp. 89-91. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ehjfyf>
7. Khramova L.A., Sizova O.A., Medvedeva T.Yu. (2020). Peculiarities of formation of interest in musical creativity in students of preschool age. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, no. 68-4, pp. 258-260. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tarhqu>
8. Grigoreva E.I., Kругlova M.G. (2020). Features of children's perception of music and their impact on children's music genres. *Uchenye zapiski Rossiiskogo sotsial'nogo universiteta = Scientific Notes of the Russian State Social University*, vol. 19, no. 1 (154), pp. 137-143. (In Russ.) <https://doi.org/10.17922/2071-5323-2020-19-1-137-143>, <https://elibrary.ru/fznkaf>

Информация об авторе

Крюков Павел Сергеевич, аспирант, Департамент социально-культурной деятельности и сценических искусств, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0009-0009-5882-5332>
rufolker@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.02.2023
Поступила после рецензирования 26.04.2023
Принята к публикации 27.04.2023

Information about the author

Pavel S. Kryukov, Post-Graduate Student, Social and Cultural Activities and Performing Arts Department, Moscow City University, Moscow, Russian Federation.

<https://orcid.org/0009-0009-5882-5332>
rufolker@yandex.ru

Received 01.02.2023
Approved 26.04.2023
Revised 27.04.2023

ПЕДАГОГИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Научная статья

УДК 378

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-556-566>

Формирование психологической готовности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях

Андрей Николаевич КОВИН^{1,2}

¹Главное управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Челябинской области
454091, Российская Федерация, г. Челябинск, ул. Елькина, 34

²ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации»
125171, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8
an_kovin@mail.ru

Актуальность. Исследование биосоциальных особенностей при формировании психологической готовности сотрудников органов внутренних дел в ходе выполнения оперативно-служебных задач военнослужащих становится одной из приоритетных в связи с их участием в специальной военной операции и обеспечении безопасности жизнедеятельности граждан на подведомственных территориях. Растущая динамика организованных преступлений с увеличением их тяжести актуализирует необходимость организации особых направлений профессиональной подготовки служащих по освоению стратегий работы с психоэмоциональным напряжением, повышенным уровнем стресса, ситуациями высокого риска для здоровья и жизни. Цель исследования – раскрыть особенности формирования психологической готовности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях.

Материалы и методы. Раскрыто влияние специфических условий труда сотрудников отдела внутренних дел на психофизиологический, психологический, социальный уровни личности. При описании аспектов психологической готовности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях проанализированы ее структура, этапы и методы формирования.

Результаты исследования. Обосновано наличие гендерных различий сотрудников органов внутренних дел в особых условиях труда, выявлены детерминанты деструктивного поведения служащих при различных типах высшей нервной деятельности и описаны эффективные технологии преодоления разрушающего воздействия стрессовых факторов.

Выводы. Вопрос формирования психологической готовности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях является многоаспектным и требует комплексной работы: анализа внешних условий (грамотного профессионального взаимодействия руководящего состава, психологической службы) и внутренних импульсов (непрерывная самообразовательная деятельность,

направленная на развитие профессионально-важных качеств личности и навыков выполнения оперативно-служебных задач в особых условиях).

Ключевые слова: психологическая готовность, выполнение оперативно-служебных задач, особые условия деятельности, органы внутренних дел Российской Федерации

Для цитирования: Ковин А.Н. Формирование психологической готовности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3. С. 556-566. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-556-566>

PEDAGOGY OF HIGHER EDUCATION

Original article

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-556-566>

Internal affairs bodies of the Russian Federation employees' psychological readiness development to accomplish responsive and official tasks in special conditions

Andrei N. KOVIN^{1,2}

¹Main Directorate of the Ministry of the Interior of the Russian Federation for the Chelyabinsk region
34 Yelkina St., Chelyabinsk, 454091, Russian Federation

²Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
8 Zoi i Aleksandra Kosmodemyanskikh St., Moscow, 125171, Russian Federation
an_kovin@mail.ru

Importance. The research of biosocial features in the internal affairs bodies of the Russian Federation employees' psychological readiness development during the accomplishing responsive and official tasks of military personnel becomes one of the priorities in connection with their participation in a special military operation and ensuring the safety of citizens' life in the subordinate territories. The growing dynamics of organized crimes with an increase in their severity actualizes the need to organize special areas of employees' professional training to master strategies for dealing with psychoemotional stress, increased stress levels, high-risk situations for health and life. The purpose of the research is to reveal the peculiarities of internal affairs bodies of the Russian Federation employees' psychological readiness development to accomplish responsive and official tasks in special conditions.

Materials and methods. The influence of specific working conditions of internal affairs bodies employees' on the psychophysiological, psychological, social levels of personality is revealed. When describing aspects of internal affairs bodies of the Russian Federation employees' psychological readiness development to accomplish responsive and official tasks in special conditions, its structure, stages and methods of formation are analyzed.

Result and Discussion. The presence of gender differences of internal affairs bodies employees in special working conditions is substantiated, the determinants of destructive behavior of employees in various types of higher nervous activity are identified and effective technologies for overcoming the destructive effects of stress factors are described.

Conclusion. The issue of internal affairs bodies of the Russian Federation employees' psychological readiness development to accomplish responsive and official tasks in special conditions is mul-

tidimensional and requires complex work: analysis of external conditions (competent professional interaction of the management staff, psychological service) and internal impulses (continuous self-educational activity aimed at the professionally important personality qualities development and accomplish responsive and official tasks in special conditions skills).

Keywords: psychological readiness, responsive and official tasks accomplishing, activity special conditions, internal affairs bodies of the Russian Federation

For citation: Kovin, A.N. (2023). Internal affairs bodies of the Russian Federation employees' psychological readiness development to accomplish responsive and official tasks in special conditions. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 3, pp. 556-566. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-556-566>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Государственная служба в органах внутренних дел направлена на реализацию публичных интересов и признана особым видом профессиональной деятельности в аппарате государственного управления. Она «предопределяет наличие у сотрудников специального правового статуса, обусловленного выполнением конституционно значимых функций по обеспечению правопорядка и общественной безопасности» [1, с. 210]. Поступая на военную службу, каждый гражданин возлагает на себя обязанность соответствовать повышенным требованиям не только к выполнению специфической деятельности, обусловленной целями и принципами государственной политики, но и личностным и профессионально важным качествам [2, с. 113].

Исследование биосоциальных особенностей выполнения оперативно-служебных задач военнослужащих становится одной из приоритетных в связи с участием сотрудников органов внутренних дел в специальной военной операции. Формирование психологической готовности служащих к профессиональной деятельности при постоянном негативном воздействии на личность средовых и морально-этических факторов становится одним из ключевых и обязательных условий качественного выполнения поставленной задачи [3, с. 78]. Соответственно, для обеспечения качественного сопровождения личного состава необходима слаженная и взаимодополняющая работа руководителей и

корпуса психологов органов внутренних дел. Выявлению причин и следствий влияния особой военной и политической обстановки, осуществления психологической реабилитации сотрудников органов внутренних дел посвящены труды отечественных психологов М.И. Дьяченко, Е.А. Климова, А.М. Столяренко, М.А. Громова (цит. по: [4, с. 66]).

При этом нестабильная социальная ситуация в регионах Российской Федерации оказывает воздействие не только на командированных сотрудников [5, с. 22], но и на тех, кто обеспечивает безопасность жизнедеятельности граждан на подведомственных территориях. Растущая динамика организованных преступлений с увеличением их тяжести актуализирует необходимость организации профессиональной подготовки служащих по освоению стратегий работы с психоэмоциональным напряжением, повышенным уровнем стресса, ситуациями высокого риска для здоровья и жизни [6, с. 31]. Непрофессиональные действия, психологическая неготовность к выполнению оперативно-служебных задач и выраженная недисциплинированность служащих становится причиной ранения и гибели личного состава [6, с. 32].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Мы проанализировали содержание и сущность понятий «особые условия», «экстремальные ситуации» и их взаимосвязь с психофизиологическими особенностями сотрудников органов внутренних дел; выявлены аспекты влияния на эффективность про-

фессиональной деятельности эмоционального состояния сотрудника силовых структур и на основе полученных данных описаны наиболее успешные стратегии формирования психологической готовности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации к выполнению оперативно-служебных задач.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проявляющаяся угроза безопасности личности сотрудника органов внутренних дел становится маркером особых условий труда военнослужащих [3, с. 79]. М.А. Чунов под особыми «условиями деятельности в широком смысле понимает ситуацию, в которой возникает необходимость реализации дополнительных (в том числе законодательных и исполнительных) мер правового, организационно-тактического и иного характера, потребность ресурсного обеспечения, направленных на нормализацию социально-политической обстановки в минимально сжатые сроки с наименьшими затратами» [7, с. 287]. Р.М. Гаджиев и Г.Ш. Гамзаев подчеркивают важность фактора внезапности возникновения опасных ситуаций и стихийный характер их проявления, что требует от сотрудников мобилизации как физических, так и психофизиологических резервов, готовности к слаженным и высококвалифицированным действиям [6, с. 32]. Ряд исследователей Волгоградской академии МВД России приходят к выводу, что подобного рода экстремальные условия предъявляют «предельные требования к готовности физических, психологических и эмоциональных ресурсов организма и личности, что задает высокую степень риска» для здоровья и жизни человека [8, с. 85]. Отдельно рассматриваются особенности психологической готовности к стрессовым состояниям и психоэмоциональным нагрузкам у офицеров (по Б.А. Смирнову и Е.В. Долгополовой). В первую очередь говорится о возрастающей ответственности за принятие решений, усложнении содержания выполняемых функций, об увеличении темпа деятельности и объема обрабаты-

мой информации – и все это в условиях временного дефицита [3, с. 80].

Научные разработки в области изучения подверженности чрезмерному влиянию негативных факторов экстремальных ситуаций в особых условиях деятельности выявляют у 35 % военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел выраженные признаки. Из них отмечено наличие нервно-психической неустойчивости и дезорганизации психической деятельности – у 10 %. На поведенческом уровне наблюдаются нестабильность возбуждения и торможения психомоторных реакций, на физиологическом – глубокие изменения нейродинамических показателей, на психологическом – эмоциональный дискомфорт [3, с. 78]. Нервно-психические маркеры являются детерминантами типа поведения сотрудника органов внутренних дел и его реагирования на негативные воздействия факторов профессиональной среды. По данным Т.Н. Берга, это могут быть непоследовательность в поведении, нарушение трудовой дисциплины, отступление от моральных норм, инфантильность и возникновение предпатологических личностных нарушений.

Анализируя особенности нервно-психической деятельности, обусловленные гендерными различиями сотрудников, И.А. Филиппова и Н.Н. Соловьев отмечают, что у женщин-сотрудников, имеющих высокий уровень экстраверсии, наблюдается большая активность, импульсивность, психотичность и лабильность, а у женщин с пониженным уровнем экстраверсии наблюдаются более развитые навыки самоконтроля [9, с. 114]. Мужчины сильнее проявляют гнев и агрессию, женщины – эмоции печали и страха. Интересным оказывается факт экспериментального подтверждения нивелирования гендерных особенностей при предъявлении высоких требований к профессиональной деятельности: «женщины демонстрируют эмоциональную сдержанность, мужчины – повышенную чувствительность» [10, с. 10].

Наряду с гендерными различиями в социально-профессиональном плане для жен-

щин определяющей ролью обозначаются факторы карьеры и заработной платы. При этом отмечается преобладание ассоциаций значимости общественного характера. Для мужчин подчеркивается важность профессиональной коммуникации и функциональной активности выполняемых задач рабочей деятельности [10, с. 11].

Так, в выполнении оперативно-служебных задач в особых условиях для обеспечения эффективности профессиональной деятельности особую роль приобретает поддержание положительного эмоционального состояния сотрудника силовых структур [11, с. 38]. Под эмоциональной устойчивостью, «как иммунитетом к эмогенным факторам, отрицательно влияющим на психологическое состояние человека, понимают «способность человека контролировать и сдерживать возникающие астенические эмоции, обеспечивая успешное выполнение необходимых действий, возможность переносить большие физические и умственные нагрузки, успешно решать задачи в экстремальных ситуациях» [12, с. 12]. Главным фактором, блокирующим эмоциональное равновесие, является страх как состояние тревоги, связанное с пониманием характера опасности и сопровождаемое ощущением угнетения или возбуждения в зависимости от типа нервной деятельности [11, с. 39]. В момент опасности и старта реакции страха в организме происходит активное расщепление сахаров, являющихся источником клеточной энергии. Опытные экспериментальные работы доказывают, что люди, испытывавшие сильные формы страха, на некоторое время становятся неспособными. Дальнейшее распространение диффузной эмоциональной реакции переходит в область психических процессов и нейтрализует волевую и интеллектуальную активность человека [11, с. 40]. Вследствие коллективного взаимодействия [13, с. 135] при выполнении оперативно-служебных задач в особых условиях страх одного человека может спровоцировать панику всего подразделения [11, с. 40]. Одним из основных способов предотвращения появления подобных деструктив-

ных реакций может стать своевременное достаточное информирование личного состава об оперативной обстановке, усиление организации порядка и мониторинга дисциплины [11, с. 40], однако, при превалировании исключительно дисциплинарных мер будет проявлена демотивация сотрудников [14, с. 137]. Последствиями деструктивного неконтролируемого влияния стрессовых факторов на организм могут стать развитие аддикций, стойкое снижение эмоционального тонуса и наличие ложного беспокойства [15, с. 108]. Ключевым звеном смещения акцента реакций на позитивные становится актуализация внутренней уверенности служащего [5, с. 22]. Для развития копинг-стратегий противодействия фобическим реакциям целесообразно проводить дополнительную психологическую работу [16, с. 53]: комплексные и систематические тренировки [15, с. 108], чтобы формировать быстрое и точное мышление, мгновенную реакцию, повышенную сосредоточенность и концентрацию внимания, предприимчивость и профессиональную инициативность, а также настойчивость в достижении целей [15, с. 109] и формировать установку будущей деятельности [10, с. 10].

Обеспечение общей психологической готовности к профессиональной деятельности раскрывалось в трудах В.Д. Шадрикова, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимней в военной психологии – «относительно развития психологической готовности к ведению боевых действий и обеспечению эмоциональной устойчивости к боевым стресс-факторам – А.Г. Караяни, И.В. Сыромятников»; «в сфере профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел» – исследования В.Л. Кубышко, С.Н. Федотова, А.В. Верещак [17, с. 70]. «Психологическая подготовка как процесс, направленный на создание оптимального психологического состояния, формирования внутренней готовности сотрудника при реализации наиболее совершенной техники» приведет к достижению высоких результатов независимо от степени сложности обстановки и уровня влияния стрессовых ситуаций [15, с. 115]. В стремлении развить

ключевые психологические компетенции, в соответствии с точкой зрения Ф.В. Пекарского, необходимо обратить внимание на профессионально-психологическую ориентированность личности, психологическую устойчивость и развитие морально-волевые качества, коммуникативные качества, «профессионально-развитое мышление, способность уверенно оказывать последовательное психологическое воздействие на граждан (без технологий психического давления и принуждения) [5, с. 23] при решении различного рода оперативно-служебных задач» с высокой степенью гарантии получения ожидаемого результата [18, с. 187].

При формировании готовности к деятельности сотрудника отдела внутренних дел С.В. Асямовым и Ю.С. Пулатовым выделены психологические особенности: правовая регламентация, напряженность, дефицит времени, широкий спектр взаимодействия, наличие властных полномочий (цит. по: [19, с. 174]). Для успешной реализации профессиональной деятельности важно стимулирование развития личностных качеств и физической подготовленности [6, с. 34], при которой происходит наработка объективизации оценки ситуации на момент решения оперативно-служебной задачи [20, с. 28]. О.В. Гарманова добавляет к существующей позиции относительно психологической готовности сотрудников внутренних дел развитие прогностических функций и способности выделять маркеры опасности [17, с. 71].

М.А. Чуносков считает, что мотивационная составляющая структуры психологической готовности сотрудников отдела внутренних дел «характеризуется наличием у сотрудников органов внутренних дел различных установок (этических, социальных и др.), убеждений, взглядов, позволяющих относиться к профессиональной деятельности с позиции ценности ее результатов как для себя лично, так и для общества в целом. Мотивационная составляющая объединяет в себе два вида мотивации: познавательную и профессиональную. Познавательная мотива-

ция (познавательные потребности, интересы, установки) необходима для качественного усвоения знаний, умений и навыков, которые необходимо усвоить сотрудникам органов внутренних дел в процессе профессиональной подготовки. Профессиональная мотивация деятельности обеспечивает качественное выполнение профессиональных обязанностей, а также наличие установки на достижение целей» [7, с. 286]. Эмоционально-волевой компонент раскрывает возможность «контролировать собственное психоэмоциональное состояние на всех стадиях выполнения оперативно-служебных задач: и при подготовке, и при непосредственном выполнении, а также после выполнения. Операциональная доминанта обеспечивает «сформированность у сотрудника органов внутренних дел знаний и умений, которые составляют инструментальный практический деятельности» [7, с. 288].

Определяющее значение при формировании компонентов психологической готовности в подготовке сотрудников отдела внутренних дел является профессиональная направленность образовательного процесса, связанная со специфическими особенностями предстоящей деятельности [6, с. 33], где результативность развития данного свойства связана с непосредственной деятельностью преподавателя [20, с. 29]. От преподавателя требуется умение в ходе занятий вызывать у курсантов и слушателей психические реакции, характерные для реальной обстановки. «От этого зависит формирование и развитие компонентов профессиональной готовности. Достигнуть это можно следующими способами:

1) условия проведения занятий и тренировок должны быть приближены к реалиям, что достигается с помощью воспроизведения обстановки, моделирования ситуаций. Это позволит обучающимся сильнее погрузиться в процесс;

2) условия проведения занятий и тренировок должны быть приближены к внутренним, то есть психологическим условиям. Это позволит вызвать характерные процессы

психической деятельности, которые будут схожи с теми, что возникают, например, в ситуациях противодействия вооруженному правонарушителю» [6, с. 33].

В психологическом сопровождении формирования готовности сотрудников отдела внутренних дел при выполнении оперативно-служебных задач в особых условиях выделяют два этапа: «1 этап – этап подготовки к особым и экстремальным условиям, который включает разъяснение сотрудникам норм законодательства и складывающейся геополитической «...обстановки в стране и районе действий, тенденциях и прогнозах ее развития и разъяснение вытекающих из этого выводов для действий», ознакомление с обычаями, традициями, бытом, национальными особенностями противостоящей страны, тактики его действий в боевых условиях. Основная деятельность психологов и других должностных лиц на данном этапе направлена на повышение морального духа личного состава, формирование психологических и профессионально важных качеств; навыков грамотного и умелого применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, формирование групп боевого порядка (оперативного построения) с учетом психологической совместимости личного состава, сплочение воинских коллективов; организацию грамотного руководства и другие мероприятия. 2 этап – этап осуществления служебной деятельности и выполнения функциональных обязанностей в особых и экстремальных условиях. Он заключается в организации и проведении психологической работы и психологического сопровождения, направленных на повышение стрессоустойчивости в особых условиях деятельности, формирование и поддержание стойкости личного состава, поддержание высокого уровня профессиональных навыков и умений, способствующих эффективному выполнению боевых, служебных и других задач обеспечения. На данном этапе рекомендуется особо обращать внимание на нервно-

психическую неустойчивость некоторых сотрудников ОВД, их психические состояния и поведение» [3, с. 80]. Распространенными методами взаимодействия с сотрудниками отдела внутренних дел на данном этапе выделяют: «пример, упражнение, критику действий (поступков)» [17, с. 73].

Повышение эффективности педагогической деятельности со стороны руководящего состава может достигаться путем применения методов мотивации служащих: «наличие системы поощрений; объективная, без предвзятости, обвинительного уклона оценка результатов профессиональной деятельности сотрудника; равномерное распределение нагрузки, обязанностей; соблюдение нормального режима труда и отдыха; материально-техническое оснащение служебной деятельности; создание благоприятного морально-психологического климата в служебном коллективе на всех уровнях как между коллегами, так и во взаимоотношениях «руководитель – подчиненный» [1, с. 210].

ВЫВОДЫ

Формирование психологической готовности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях является многоаспектным явлением и требует комплексной работы: внешних условий (грамотного профессионального взаимодействия руководящего состава, психологической службы) и внутренних импульсов (непрерывная самообразовательная деятельность, направленная на развитие профессионально-важных качеств личности и навыков выполнения оперативно-служебных задач в особых условиях).

¹ Филиппов Д.Е. Социально-педагогические условия функционирования системы довузовского образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2000. С. 13-19.

Список источников

1. Красинская Е.С. Отдельные аспекты профессионального становления и морально-психологической готовности сотрудников ОВД к эффективной служебной деятельности // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 3 (13). С. 208-214. <https://elibrary.ru/cwbjky>
2. Бугров П.П. Психологические особенности профессиональной мотивации сотрудников органов внутренних дел // Актуальные исследования. 2020. № 9-2 (12). С. 111-116. <https://elibrary.ru/hfjxup>
3. Охотникова Ю.М. Психологические аспекты готовности сотрудников органов внутренних дел МВД России к деятельности в особых условиях // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2022. Т. 6. № S (92). С. 77-80. <https://elibrary.ru/faiizs>
4. Костина Л.Н., Котенев И.О., Дворниченко Ю.В. Об изменениях индивидуально-психологических особенностей сотрудников полиции Российской Федерации, исполняющих обязанности в особых условиях служебной деятельности // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 4. С. 64-67. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-4-64-67>, <https://elibrary.ru/fzegnx>
5. Овчинникова О.Д. Влияние психологического фактора на готовность сотрудников органов внутренних дел к выполнению служебных задач в особых условиях // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2022. № 2 (43). С. 21-23. <https://elibrary.ru/wfewcm>
6. Гаджиев Р.М., Гамзаев Г.Ш. Роль физической подготовки сотрудников органов внутренних дел в формировании профессиональной готовности к выполнению оперативно-служебных задач // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 90-1. С. 31-34. <https://doi.org/10.18411/trnio-10-2022-08>, <https://elibrary.ru/hbrpby>
7. Чуносков М.А. Компоненты профессиональной готовности сотрудников органов внутренних дел к выполнению служебных задач в экстремальных ситуациях // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 3-1. С. 285-290. [https://doi.org/10.37279/2413-1733-2021-7-3\(1\)-285-290](https://doi.org/10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)-285-290), <https://elibrary.ru/qzmuka>
8. Косяченко В.И., Егоренков Д.В., Жарков С.А., Тимошенко М.А. Особенности формирования психофизической готовности сотрудников ОВД к выполнению оперативно-служебных задач // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 3 (156). С. 82-86. <https://elibrary.ru/iztucj>
9. Филиппова И.А., Соловьев Н.Н. Гендерные психологические особенности офицеров полиции // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 2 (40). С. 113-115. <https://elibrary.ru/uweuka>
10. Фишер И.В. Гендерные особенности сотрудников ОВД и роль психологических установок в их служебной деятельности // Психология и педагогика служебной деятельности. 2019. № 2. С. 9-11. <https://elibrary.ru/tjpoxy>
11. Науменко С.В., Шеин А.И. Влияние страха сотрудника полиции на эффективность выполнения оперативно-служебных задач // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 92-3. С. 38-40. <https://doi.org/10.18411/trnio-12-2022-109>, <https://elibrary.ru/lcbbfa>
12. Монгуш К.Н. Эмоциональная устойчивость сотрудников при выполнении служебно-боевых задач в особых условиях службы // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. 2022. № 2. С. 11-15. <https://elibrary.ru/uqxqvw>
13. Морозов В.А., Калинин С.В., Левченко А.А. Формирование готовности сотрудников полиции к выполнению задач в служебном коллективе ОВД России // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1 (74). С. 135-136. <https://elibrary.ru/wuwegy>
14. Зимин Л.А., Лайпанов А.И. Некоторые вопросы подготовки сотрудников ОВД к непосредственному выполнению оперативно-служебных задач // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 76-4. С. 136-138. <https://elibrary.ru/hmcbaa>
15. Диденко Е.Я., Темур Г.М. Специальная психологическая подготовка как условие оптимизации влияния стресса на эффективность выполнения служебных задач сотрудником правоохранительных органов // Вестник Оренбургского государственного университета. 2019. № 2 (220). С. 107-117. <https://doi.org/10.25198/1814-6457-220-107>, <https://elibrary.ru/mwufve>
16. Кужевская Е.Б., Смык Е.И., Панурова Н.С. Формирование морально-психологической устойчивости у сотрудников правоохранительных органов, выполняющих служебные обязанности в особых усло-

- виях // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 1. С. 52-54. <https://doi.org/10.24411/2658-638X-2020-10011>, <https://elibrary.ru/imzyku>
17. Гарманова О.В. Формирование психологической готовности сотрудников органов внутренних дел к выполнению служебных обязанностей // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2021. № 2 (17). С. 69-74. <https://elibrary.ru/tdeaew>
18. Пекарский Ф.В. Приоритетные задачи в формировании психологических компетенций сотрудников практических подразделений ОВД // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 4. С. 187-188. <https://doi.org/10.24411/2658-638X-2020-10146>, <https://elibrary.ru/lgthdy>
19. Домышева Т.В., Алиев Т.Ф. Значимость морально-психологических аспектов при проведении оперативно-служебных задач сотрудников ОВД // Modern Science. 2021. № 11-4. С. 173-176. <https://elibrary.ru/zgtfca>
20. Бинецкая Е.Д., Еремин Р.В. Формирование психологической готовности сотрудников ОВД к применению физической силы в реальных условиях // Наука-2020. 2022. № 7 (61). С. 26-31. <https://elibrary.ru/aqfrwv>

References

1. Krasinskaya E.S. (2021). Individual aspects of professional development and moral and psychological readiness employees of the department of internal affairs to effective performance. *Nauchnyi daidzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Scientific Digest of East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, no. 3 (13), pp. 208-214. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cwbjky>
2. Bugrov P.P. (2020). Psychological features of professional motivation of employees of internal affairs bodies. *Aktual'nye issledovaniya* [Current Research], no. 9-2 (12), pp. 111-116. (In Russ.) <https://elibrary.ru/hfjxup>
3. Okhotnikova Yu.M. (2022). Psychological aspects of the readiness of employees of the internal affairs bodies of the ministry of internal affairs of to activities under special conditions. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk* [Actual Problems of Humanities and Socio-Economic Sciences], vol. 6, no. S (92), pp. 77-80. (In Russ.) <https://elibrary.ru/faiizs>
4. Kostina L.N., Kotenev I.O., Dvornichenkova Yu.V. (2022). On the change in the individual psychological characteristics of law enforcement officers of the Russian federation performing duties in special conditions of official activity. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatel'nosti = Psychology and Pedagogics in Official Activity*, no. 4, pp. 64-67. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-4-64-67>, <https://elibrary.ru/fzegnx>
5. Ovchinnikova O.D. (2022). Vliyanie psikhologicheskogo faktora na gotovnost' sotrudnikov organov vnutrennikh del k vypolneniyu sluzhebnykh zadach v osobykh usloviyakh [The influence of the psychological factor on the readiness of employees of internal affairs bodies to perform official tasks in special conditions]. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Barnaul Law Institute Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia], no. 2 (43), pp. 21-23. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wfcwcm>
6. Gadzhiev R.M., Gamzaev G.Sh. (2022). Rol' fizicheskoi podgotovki sotrudnikov organov vnutrennikh del v formirovanii professional'noi gotovnosti k vypolneniyu operativno-sluzhebnykh zadach [The role of internal affairs bodies employees physical training in the professional readiness development to accomplish responsive and official tasks]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the Development of Science and Education], no. 90-1, pp. 31-34. (In Russ.) <https://doi.org/10.18411/trnio-10-2022-08>, <https://elibrary.ru/hbrpby>
7. Chunosov M.A. (2021). Components of professional readiness of employees of internal affairs bodies to perform official tasks in extreme situations. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*, vol. 7, no. 3-1, pp. 285-290. (In Russ.) [https://doi.org/10.37279/2413-1733-2021-7-3\(1\)-285-290](https://doi.org/10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)-285-290), <https://elibrary.ru/qzmuka>
8. Kosyachenko V.I., Egorenkov D.V., Zharkov S.A., Timoshenko M.A. (2021). Peculiarities of the formation of the psychophysical readiness of the police officers to the fulfilment of the operational and service tasks. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 3 (156), pp. 82-86. (In Russ.) <https://elibrary.ru/iztucj>

9. Filippova I.A., Solov'ev N.N. (2018). Gender psychological features of police officers. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], no. 2 (40), pp. 113-115. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uweuka>
10. Fisher I.V. (2019). Gender features of ATS staff and the role of psychological installations in their service activity. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatel'nosti = Psychology and Pedagogics in Official Activity*, no. 2, pp. 9-11. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tjpoxy>
11. Naumenko S.V., Shein A.I. (2022). Vliyanie strakha sotrudnika politsii na effektivnost' vypolneniya operativno-sluzhebnykh zadach [The influence of the fear of a police officer on the effectiveness of the performance of operational and service tasks]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the Development of Science and Education], no. 92-3, pp. 38-40. (In Russ.) <https://doi.org/10.18411/trnio-12-2022-109>, <https://elibrary.ru/lcbbfa>
12. Mongush K.N. (2022). Emotional stability of the OMON employees in performing service and combat tasks in special conditions of service. *Akademicheskii vestnik voisk natsional'noi gvardii Rossiiskoi Federatsii = Akademicheskyy Vestnik of the National Guard Troops of the Russian Federation*, no. 2, pp. 11-15. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uqxqvw>
13. Morozov V.A., Kalinin S.V., Levchenko A.A. (2019). Forming readiness of police staff to implementation of tasks in the service team of ATS Russia. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = World of Science, Culture, Education*, no. 1 (74), pp. 135-136. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wuwey>
14. Zimin L.A., Laipanov A.I. (2022). Some issues of preparation of police officers for the direct performance of operational and service tasks. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, no. 76-4, pp. 136-138. (In Russ.) <https://elibrary.ru/hmcbaa>
15. Didenko E.Ya., Temur G.M. (2019). Special psychological training as a condition for optimizing the impact of stress on the efficiency of performance of official tasks by a law enforcement officer. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of the Orenburg State University*, no. 2 (220), pp. 107-117. (In Russ.) <https://doi.org/10.25198/1814-6457-220-107>, <https://elibrary.ru/mwufve>
16. Kuzhevskaya E.B., Smyk E.I., Panurova N.S. (2020). Formation of moral-psychological stability of law enforcement officers fulfilling their duties under special conditions. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatel'nosti = Psychology and Pedagogics in Official Activity*, no. 1, pp. 52-54. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2658-638X-2020-10011>, <https://elibrary.ru/imzyku>
17. Garmanova O.V. (2021). Formirovanie psikhologicheskoi gotovnosti sotrudnikov organov vnutrennikh del k vypolneniyu sluzhebnykh obyazannostei [Development of internal affairs bodies employees psychological readiness to accomplish official duties]. *Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii* [Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia], no. 2 (17), pp. 69-74. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tdeaew>
18. Pekarskii F.V. (2020). The priorities in the formation of psychological competence of the employees of practical ATS divisions of internal affairs bodies. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatel'nosti = Psychology and Pedagogics in Official Activity*, no. 4, pp. 187-188. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2658-638X-2020-10146>, <https://elibrary.ru/lgthdy>
19. Domysheva T.V., Aliev T.F. (2021). Znachimost' moral'no-psikhologicheskikh aspektov pri provedenii operativno-sluzhebnykh zadach sotrudnikov OVD [The importance of moral and psychological aspects in carrying out responsive and official tasks of police officers]. *Modern Science*, no. 11-4, pp. 173-176. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zgtfca>
20. Binetskaya E.D., Eremin R.V. (2022). Formation of psychological readiness of police officers to use physical force in real conditions. *Nauka-2020* [Science-2020], no. 7 (61), pp. 26-31. (In Russ.) <https://elibrary.ru/aqfrwv>

Информация об авторе

Ковин Андрей Николаевич, подполковник полиции, начальник ОМВД России по Уйскому району Челябинской области, Главное управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Челябинской области, г. Челябинск, Российская Федерация; слушатель факультета заочного обучения, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

an_kovin@mail.ru

Поступила в редакцию 21.03.2023

Поступила после рецензирования 13.06.2023

Принята к публикации 19.06.2023

Information about the author

Andrei N. Kovin, Police Half Colonel, Head of the Ministry of Internal Affairs Department of Russia for the Uyskoye District of Chelyabinsk Region, Main Directorate of the Ministry of the Interior of the Russian Federation for the Chelyabinsk Region, Chelyabinsk, Russian Federation; Student of Extramural Education Faculty, Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

an_kovin@mail.ru

Received 21.03.2023

Approved 13.06.2023

Revised 19.06.2023

Научная статья

УДК 378.016:908-022.344(477.61)«191/202»

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-567-579>

Этапы развития историко-краеведческой деятельности студенчества Луганщины в советский и постсоветский периоды

Татьяна Юрьевна АНПИЛОГОВА

ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. Владимира Даля»
91034, Российская Федерация, Луганская Народная Республика, г. Луганск, кв. Молодежный, 20а
dana-100@yandex.ru

Актуальность. Важное место в контексте современного реформирования системы высшей школы Российской Федерации приобретает процесс организации историко-краеведческой деятельности, направленной на развитие гражданственности и патриотизма, социализацию и самореализацию студенческой молодежи. Конструирование новых подходов к данному виду деятельности обучающихся неизменно опирается на исторический опыт, полученный педагогами и учеными в советский и постсоветский периоды на основе использования регионального подхода к изучению проблемы. В этой связи обоснована необходимость разработки периодизации развития историко-краеведческой деятельности студенческой молодежи в системе отечественных учреждений высшего образования. Цель исследования – на основе разработанных критериев выделить этапы историко-краеведческой деятельности студенческой молодежи Луганщины, осуществляемой с начала 1920-х гг. по современный период.

Методы исследования. В основе исследования лежал диалектический принцип исторического развития, использовались парадигмальный, системный, синергетический, средовой и культурологический подходы, теория деятельности, теория гуманизации, метод анализа документальных источников, сравнительно-исторический, диалектический методы научного исследования.

Результаты исследования. В процессе анализа ряда критериев (тенденций в развитии высшего образования, уровня развития краеведческой деятельности в государстве и регионе, сущности государственной политики в отношении исторического краеведения; идеологических постулатов, продуцируемых политической элитой и обуславливающих развитие всей социокультурной сферы в различные исторические периоды; социокультурных факторов, обуславливавших краеведческую деятельность в вузах; социально-экономических факторов) выделены и охарактеризованы пять этапов развития историко-краеведческой деятельности, каждый из которых имел свои отличительные особенности.

Выводы. Сделан вывод о влиянии изменений, произошедших в общественно-политической жизни государства и системе отечественной высшей школы, на характер каждого из этапов.

Ключевые слова: историко-краеведческая деятельность студенчества, студенческая молодежь, историческое краеведение, этапы развития историко-краеведческой деятельности молодежи, высшие учебные заведения

Для цитирования: Анпилогова Т.Ю. Этапы развития историко-краеведческой деятельности студенчества Луганщины в советский и постсоветский периоды // Вестник Тамбовского

университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3. С. 567-579.
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-567-579>

Original article
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-567-579>

Historical and local studies activity of Lugansk region studentship development stages in the Soviet and post-Soviet periods

Tatyana Y. ANPILOGOVA

Lugansk Vladimir Dahl State University
20a Molodezhnyi Qr., Lugansk, 91034, Lugansk People's Republic, Russian Federation
dana-100@yandex.ru

Importance. An important place in modern reform context of the Russian Federation higher school system is acquired by the process of organizing historical and local studies activities aimed at the development of citizenship and patriotism, socialization and self-realization of student youth. New approaches to this students' activity type construction is invariably based on the historical experience gained by teachers and scientists in the Soviet and post-Soviet periods based on the regional approach use to problem study. In this regard, the necessity of students' historical and local studies activities development periodization developing in the system of domestic higher education institutions is justified. The research purpose is to identify the stages of the Lugansk region student youth historical and local studies activity, carried out from the beginning of the 1920s to the modern period, on the basis of the developed criteria.

Research methods. The research was based on the dialectical principle of historical development, using paradigmatic, systemic, synergetic, cultural and cultural approaches, theory of activity, theory of humanization, method of documentary sources analysis, comparative historical, dialectical methods of scientific research.

Results and Discussion. In the process of analyzing a number of criteria (trends in the higher education development, local studies activity development level in the state and the region, the essence of state policy in relation to historical local studies; ideological postulates produced by the political elite and determining the development of the entire socio-cultural sphere in various historical periods; socio-cultural factors that determined local studies activity in universities; socio-economic factors) identified and characterized five stages of the development of historical and local studies activities, each one had its own distinctive features.

Conclusion. The conclusion about changes influence occurred in the socio-political life of the state and the national higher school system on each stage nature is made.

Keywords: historical and local studies activity of students, student youth, historical local studies, youth historical and local studies activity development stages, higher educational institutions

For citation: Anpilogova, T.Y. (2023). Historical and local studies activity of Lugansk region studentship development stages in the Soviet and post-Soviet periods. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 3, pp. 567-579. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-567-579>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Создание периодизации любого сложного, хронологически пролонгированного явления или процесса отражает стремление к структурированию, выделению наиболее значимых признаков, отражающих его основные свойства как предмета научного исследования. Главная задача исследователя при создании периодизации состоит в определении существенных содержательных признаков изучаемого процесса, в рамках которого выделяются этапы или периоды.

Разработка периодизации развития историко-краеведческой деятельности студенческой молодежи на примере региона Луганщины обуславливает необходимость выявления цели, которую ставила система образования перед органами и учреждениями, направляющими и осуществляющими данный вид активности студенчества. В данном контексте целеполагание коррелирует с конкретной образовательной парадигмой, определяемой идеологическим вектором того или иного периода развития отечественного общества. Сложность разработки периодизации становления и развития историко-краеведческой деятельности студенческой молодежи в системе высшего образования Луганщины в 1920–2020-е гг. состоит в необходимости осуществления эклектичного синтеза подходов, положенных в основу периодизации как системы отечественного образования, так и научной отрасли краеведения. Цель исследования – на основе разработанных критериев выделить этапы историко-краеведческой деятельности студенческой молодежи Луганщины, осуществляемой с начала 1920-х гг. по современный период.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Историко-краеведческая деятельность студенчества в советский и постсоветский периоды рассматривалась в исследовании в нескольких аспектах – как система, процесс деятельности, социальное и историческое явление, объект социокультурного влияния

среды. При рассмотрении проблемы использовался ряд принципов и методов, составляющих четыре уровня методологии – философский, общенаучный, конкретно-научный, технологический. На философском уровне был использован диалектический принцип исторического развития, на общенаучном – парадигмальный, системный, синергетический, средовой и культурологический подходы, на конкретно-научном – теория деятельности и теория гуманизации; на технологическом – метод анализа документальных источников, сравнительно-исторический, диалектический методы научного исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обзор литературы. Немало научно обоснованных периодизаций развития высшего образования, отечественной педагогической мысли, системы образования Донбаса встречаются в исследованиях ученых, посвященных различным аспектам истории педагогики (Я.И. Бурлака, Н.Н. Гупан, Ю.Д. Руденко; В.А. Змеев, В.Н. Мамяченков, В.В. Липинский, И.П. Наулко, С.Я. Батышев; В.К. Майборода и др.). Некоторые исследователи, в частности, Б.А. Дейч [1], О.Г. Некрылова [2], М.О. Чеков¹, при разработке периодизации отдельных педагогических явлений выделяли в качестве критерия доминанты, свойственные данному явлению, или преобладающие образовательные модели, характерные для различных этапов. Отдельные аспекты историко-краеведческой деятельности обучающейся молодежи, нашли отражение в исследованиях Т.Ю. Анпиловой [3], Т.А. Коваленко и М.Н. Шашковой [4], Л.А. Новиковой [5], И.А. Постыки [6], Е.Н. Трегубенко [7] и др.

Критерии периодизации историко-краеведческой деятельности в системе высшего профессионального образования Луганщины. Обобщив существующие подходы к периодизации педагогических явле-

¹ Чеков М.О. Теория и практика дополнительного образования детей в России. Самара: Изд-во СамГПУ, 2001. 288 с.

ний и процессов в отечественной истории новейшего и современного периода, можно выделить комплекс критериев, положенных в основу вычленения отдельных этапов историко-краеведческой деятельности в системе высшего профессионального образования Луганщины. К ним относятся:

- трансформации в системе высшей школы, связанные с изменением педагогической парадигмы как системы научно-педагогических взглядов, подходов к решению проблем образования и обучения. При этом следует учитывать, что совокупность теоретико-методологических установок – понятие более общее, чем теория, концепция или подход: «несколько педагогических теорий, концепций или подходов могут соответствовать одной и той же парадигме, которая служит их идейной основой» [8, с. 5];

- уровень развития краеведческой деятельности в государстве и регионе: формы, содержание, степень приобщения различных групп населения к краеведческой работе, издательская активность и т. д.;

- сущность государственной политики в отношении исторического краеведения: степень содействия его развитию, влияние цензуры/гласности, создание условий для активизации краеведческого движения, приобщения к нему школьной и студенческой молодежи и др.;

- идеологические постулаты, продуцируемые политической элитой и обуславливающие развитие всей социокультурной сферы в различные исторические периоды;

- социокультурные факторы, подготавливавшие почву для краеведческой деятельности как в системе высшей школы, так и за ее пределами: уровень образованности и сформированности гражданско-патриотического сознания всего общества, его восприимчивость к целям, задачам, формам и методам, практикуемым в рамках краеведческой деятельности, и т. д.;

- иницилируемые государством изменения, происходившие в социально-экономической и этнорегиональной политике и определявшие особенности развития Донбасса. В

этой связи следует отметить, что тенденции социально-экономического, культурного, политического развития данного региона не в полной мере совпадали с соответствующими тенденциями в других административно-территориальных единицах УССР и СССР – внедрение в жизнь ряда политических директив в Донбассе реализовывались с заметным опозданием.

Таким образом, разработка научного подхода к периодизации историко-краеведческой деятельности студенческой молодежи Луганщины является сложным системным процессом, опирающимся на синтез концептуальных основ ряда используемых в исследовании проблемы общенаучных методов, а также на логику исторического развития отечественного общества. Особенности и тенденции, свойственные социально-экономическому, общественно-политическому, социокультурному развитию общества на том или ином этапе развития государства в XX–XXI веках, закономерно отражались на уровне развития науки и системы образования, трансформации модели образовательной парадигмы, степени духовной свободы населения. Эти характеристики во многом обуславливали цели, содержание, формы и методы историко-краеведческой деятельности, аккумулирующей в себе как научный, так и образовательный потенциал.

Этапы историко-краеведческой деятельности в системе высшего профессионального образования Луганщины. Опираясь на вышеизложенную систему критериев в процессе становления и развития историко-краеведческой деятельности студенчества Луганщины, можно выделить следующие этапы историко-краеведческой деятельности в системе вузов Луганщины:

- 1) начало 1920-х – начало 1930-х гг. – становление и развитие историко-краеведческой деятельности в условиях относительного социокультурного плюрализма;

- 2) начало 1930-х – середина 1950-х гг. – «огосударственное» краеведение в условиях жесткой унификации и цензуры;

3) середина 1950-х гг. – начало 1990-х гг. – разработка новых форм историко-краеведческой деятельности в условиях политехнизации и идеологизации образовательной системы;

4) начало 1990-х гг. – 2014 г. – развитие исторического краеведения периода гласности и формирования украинской государственности;

5) 2014 г. – наши дни – формирование новой модели историко-краеведческой деятельности студенческой молодежи в условиях становления Луганской Народной Республики.

Нижняя хронологическая рамка первого этапа в развитии историко-краеведческой деятельности студенчества Луганского региона совпадает с началом 1920-х гг., когда на территории УССР и на Луганщине, в частности, были открыты первые советские вузы – техникумы и институты народного образования (Луганские высшие губернские учительские курсы (1921 г.), с 1923 г. – Донецкий институт народного образования), а также научные учреждения и краеведческие организации (Украинский комитет краеведения (1925 г.), Научный краеведческий кружок для изучения бассейна Среднего Донца (1923 г.) и др.).

К 1924 г. на Луганщине, географически составлявшей часть территории Донбасса, действовали несколько высших профессиональных учебных заведений разного типа: Индустриальный рабочий техникум в Луганске, вечерний рабочий техникум в Лисичанске, Луганский сельскохозяйственный техникум, Донецкий институт народного образования (далее – ДИНО), трехлетние педагогические курсы в Старобельске, Луганский кооперативный техникум, Луганский механический техникум.

Данный этап был наиболее продуктивным периодом в развитии исторического краеведения для всего СССР. Несмотря на определенную стихийность, деятельность профессионалов – ученых-историков и краеведов-любителей охватила все регионы государства. «Разные по формам и масштабам (от

губернских и областных до сельских и школьных), краеведческие организации ставили перед собой единые задачи: всестороннее изучение родного края, сохранение памятников культуры, широкое распространение знаний об Отечестве, памятникоохрительных представлений», – характеризует данный период исследователь Е.В. Беглова². 1920-е гг. историки нередко называют «золотым десятилетием» в истории отечественного краеведения: именно в этот период оформилась организационная структура краеведческого движения, сформировались основные институты, координирующие краеведческую работу в масштабах всего государства, были сформулированы важнейшие положения теории краеведения, выработаны и закреплены основы краеведческой методики, оформились основные направления научно-исследовательской краеведческой работы, были налажены механизмы взаимодействия краеведческих объединений через всероссийские (всесоюзные конференции) и печатные органы – центральные журналы «Известия ЦБК», «Краеведение» и местную краеведческую периодику [9, с. 9-10].

Известный ученый-краевед П.Н. Савицкий, характеризуя развитие краеведения в СССР в 1920-е гг., отмечал, что в 1923 г. произошла эмансипация украинского краеведения, «когда для руководства им была организована Краеведческая комиссия при Украинской академии наук. Собравшаяся в 1925 г. в Харькове Конференция производителей сил постановила учредить при Украинском народном комиссариате просвещения Всеукраинский краеведческий комитет. К нему и перешли в том же году функции академической комиссии» [10, с. 260].

Исследователь С.Б. Филимонов, характеризуя процесс развития краеведческой деятельности в России в течение первого после революционного десятилетия, отмечает, что

² Беглова Е.В. Рязанское краеведческое движение в конце 1920-х – 1930-е годы: взлет и разгром. URL: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2008/1104-ryazanskoe-kraevedcheskoe-dvizhenie-v-kontse-1920-kh-1930-e-gody-vzlet-i-razgrom> (дата обращения: 13.12.2022).

она имела две особенности: «Во-первых, члены краеведческих организаций изучали прошлое и настоящее края преимущественно по первоисточникам. Во-вторых, костяк краеведческих организаций составляли представители старой, дореволюционной формации интеллигенции, не владевшие ремеслом фальсификации истории в угоду идеологии» [11, с. 114-115]. В этот период основными печатными органами краеведов являлись журналы «Краеведение» (выходил с 1923 г. в Петрограде) и «Известия Центрального бюро краеведения» (выходил с 1925 г. в Ленинграде).

Существенный вклад в развитие краеведения и его популяризации в системе образования внесли ученые П.Н. Савицкий, В.Ф. Карпыч, С.Ф. Ольденбург, А.М. Большаков, С.П. Толстов, П.Г. Смидович, Г.М. Кржижановский, М.М. Богословский, Н.Я. Марр, С.Ф. Платонов, А.Е. Ферсман, М.М. Покровский, А.Н. Самойлович, Ю.М. Шокальский и др. Важную роль в становлении историко-краеведческой деятельности студентов на Луганщине в 1920-е – начале 1930-х гг. сыграли местные краеведы – преподаватели местных вузов С.А. Локтюшев, А.И. Глядковская, С.Г. Грушевский, Ф.А. Бельский.

Второй этап в развитии краеведческой деятельности в регионе с участием студенческой молодежи охватывает период с начала 1930-х по середину 1950-х гг. Исследователь В.Ф. Козлов определяет 1930-е гг. как период «огосударствленного» краеведения, связывая его начало с полным подчинением краеведческой деятельности, как и науки в целом, государству в лице отдельных официальных органов государственной власти, обладающих полной монополией на осуществление любой культурной, научной, образовательной деятельности.

Прелюдией ко второму этапу можно считать IV Всесоюзную краеведческую конференцию, проведенную в марте 1930 г. Анализируя выступления делегатов конференции, исследователь В.Ф. Козлов пишет, что «перед краеведами были поставлены четыре важнейшие государственные задачи»,

от них потребовали положить конец «разнобойности краеведной работы, разнокалиберности краеведной сети» [12, с. 56]. Так было положено начало процессу унификации организации краеведческой работы в СССР и УССР, в частности.

На рубеже 1920–1930-х гг. в корне изменилась организационная структура краеведческих организаций: с этого момента «работу низовых «краеведческих ячеек на предприятиях, в совхозах, колхозах, школах и учреждениях» должны были объединять и направлять местные конференции, в республиках, автономных республиках, краях и областях учреждались соответствующие бюро краеведения при органах народного образования, а возглавляло эту систему, как и прежде, ЦБК при Наркомпросе, в которое входили представители государственных, профессиональных и общественных организаций» [9, с. 12].

Унификация краеведческой деятельности в советском государстве завершилась с принятием 30 марта 1931 г. Постановления Совета народных комиссаров РСФСР № 396 «О мероприятиях по развитию краеведческого дела». Согласно документу, Наркомпросу поручалось в месячный срок разработать положение о центральном и местном бюро краеведения. Республиканские и краевые (областные) совнаркомы обязались «в целях увязки деятельности краеведческих организаций с местными плановыми и хозяйственными органами возлагать на краеведческие организации конкретные задания по изучению и выявлению местных природных богатств, оказывая краеведческим организациям в необходимых случаях материальную поддержку; обратить особое внимание на постановку краеведческой работы в национальных районах, где, наряду с общей задачей изучения производительных сил и природных богатств, краеведческие организации должны развернуть работу по осуществлению культурной революции и борьбе с отсталыми формами быта»³.

³ О мероприятиях по развитию краеведческого дела: постановление Совета народных комиссаров РСФСР № 396 // Собрание узаконений и распоряжений

В документе содержались пункты, касающиеся краеведческой деятельности учащейся молодежи республик. В частности, СНК РСФСР обращался к ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ с просьбой дать директивы об участии профсоюзных, комсомольских и пионерских организаций в краеведческой работе, а также поручить Наркомпросу развить школьно-краеведческую работу и ускорить издание необходимых учебных пособий, основанных на краеведческом материале. Началось изъятие из образовательных учреждений и библиотек «политически вредных изданий» краеведческого характера.

Следующим этапом уничтожения краеведческой науки стало преследование гуманитарной интеллигенции – педагогов, ученых, работников библиотечных, архивных, музейных учреждений. Начиная с 1929 г., в ходе ряда сфабрикованных уголовных процессов политического характера жертвами репрессий стали тысячи ученых, историков и краеведов СССР. Среди них – С.Ф. Платонов, А.И. Заозерский, А.И. Андреев, С.В. Рождественский, Б.А. Романов, В.Г. Дружинин, П.Г. Васенко, М.Ф. Приселков, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев, М.К. Любавский, Ю.В. Готье, Д.Н. Егоров, А.И. Яковлев, С.В. Бахрушин, В.И. Пичета, М.И. Смирнов [13, с. 241]. Были репрессированы и ученые-педагоги, работавшие на Луганщине, – И.М. Погодин, Н.Ю. Мирза-Авакянц, К.А. Коликова, А.Н. Миланич, И.И. Лещина-Мартыненко, С.Г. Грушевский, Д.Г. Литвиненко и др.

В связи с перестройкой на новый лад краеведческих организаций, реорганизацией высшей школы, унификацией культурной жизни, централизацией руководства литературной и издательской деятельностью перестали издаваться (или были переименованы) многие подвергнутые критике научные журналы. Взамен ликвидированных стали выходить в свет новые идеологически выдержанные периодические научные издания обще-

союзного и республиканского подчинения: «Краевед-массовик», «Московский краевед», «Советское краеведение», «Народное творчество и этнография», «Коммунистическое образование» (так в 1931 г. стал называться известный журнал «Советская школа») и др.

Тенденции, связанные с унификацией содержания и методов обучения, усилением внимания к изучению таких дисциплин, как история классовой борьбы, исторический материализм, история пролетарской революции, история РКП(б) и др., разработка новых учебников и методических рекомендаций, были характерны и для развития системы высшего образования УССР 1930-х гг.

Начало Великой Отечественной войны и последовавший после ее окончания процесс восстановления, растянувшийся почти на десять лет, существенно замедлили процесс развития историко-краеведческой деятельности студенчества в регионе.

Третий этап в развитии историко-краеведческой деятельности студентов Луганщины начался в середине 1950-х гг. и длился до начала 1990-х гг. Важным событием, ознаменовавшим начало данного периода, стало издание «Закона об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», существенно изменившего содержание, формы и методы образовательного процесса во всех видах учебных заведений союзных республик. В 1959 г. подобный закон был принят во всех союзных республиках.

Согласно принятому закону, основными задачами высшей школы провозглашались: подготовка высококвалифицированных специалистов, воспитанных на основе марксистско-ленинского учения, овладевших новейшими достижениями отечественной и зарубежной науки и техники, хорошо знающих практику дела, способных не только полностью использовать современную технику, но и создавать технику будущего; выполнение научно-исследовательских работ, способствующих решению задач коммунистического строительства; подготовка научно-педагогических кадров; повышение квалификации

специалистов, занятых в различных отраслях народного хозяйства, культуры и просвещения; распространение научных и политических знаний среди трудящихся⁴. Декларируемый в документе процесс реформирования средней и высшей школы был направлен на укрепление связи средней школы и профессионально-технических училищ с производственной сферой с целью удовлетворения потребности всех отраслей народного хозяйства в хорошо подготовленных трудовых кадрах. В то же время в разделе закона, посвященном высшей школе, говорилось: «Конкретные формы соединения обучения с практикой, с трудом должны определяться в зависимости от профиля вуза, от состава студентов, а также от национальных и местных особенностей»⁵. Достижение указанных целей, как и поставленная перед вузами задача «организовать подготовку учителей по агрономии, животноводству, технике и другим специальным дисциплинам; повысить научно-теоретический уровень преподавания в педагогических институтах; усилить значение производственной и педагогической практики в подготовке учителей», обуславливали необходимость активизации краеведческой работы, связанной с изучением «национальных и местных особенностей»⁶.

«Закон об укреплении связи школы с жизнью...», по мнению исследователя А.С. Коноховой, появился не случайно, а стал реакцией со стороны государственного руководства на необходимость решения проблемы подготовки молодых специалистов: «Главные проблемы системы среднего и высшего образования нашли отражение в «Записке о системе народного образования СССР» Н.С. Хрущева, в которой говорилось, что «отношение к высшему образованию как к самоцели приводит к понижению качества

подготовки специалистов» [14, с. 127]. Основными результатами реформы в системе вузов стали изменение социального состава студентов и максимальное увеличение срока студенческой производственной практики по специальности. В итоге мероприятия, осуществляемые в течение нескольких лет в рамках реформирования, не дали планируемых результатов, вследствие чего со временем были «свернуты» сверху.

1950–1960-е гг. стали сложным, противоречивым периодом в развитии краеведения, в ходе которого руководство государства делало акцент в обучении и воспитании детей и молодежи на процесс политехнизации, что нередко негативно отражалось на состоянии изучения социально-гуманитарных дисциплин. В то же время, в 1976 г. был принят Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», давший возможность активизировать краеведческую деятельность на всех уровнях. Документ четко регламентировал «систему правовых норм, устанавливающих функции и полномочия государственных органов власти, общественных организаций и граждан по охране и использованию памятников истории и культуры, а также по государственному контролю над охраной памятников, в чьей собственности бы они ни находились» [15, с. 56]. Прописанный в нем комплекс мероприятий, направленных на выявление, учет, сохранение, восстановление и рациональное использование памятников истории и культуры, сохранял действие вплоть до начала 1990-х гг.

Значимую работу, направленную на реализацию историко-краеведческой деятельности, проводили комитеты комсомола вузов области. В рамках военно-патриотического воспитания они организовывали экскурсии по местам боевой и революционной славы Ворошиловградской области, встречи с Героями Советского Союза, участниками Великой Отечественной войны, Героями социалистического труда, известными деятелями края.

Большой вклад в развитие краеведения и истории Луганского края внесли преподава-

⁴ Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5337.htm (дата обращения: 14.09.2020).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

тели ЛГПИ им. Т.Г. Шевченко В.Г. Мотренко, А.В. Торба, П.А. Литвиненко, Н.Г. Гончаренко, А.А. Климов, Б.В. Пичугин, С.Г. Панченко, Л.М. Билогуб, Г.М. Гончарук, А.П. Залещенко, А.А. Михно, О.П. Фисуненко, В.И. Пилипенко и др.

Предпоследний, четвертый, этап в развитии историко-краеведческой деятельности охватывает период с 1991 по 2014 г. Нижняя хронологическая рамка совпала с выходом в свет Постановления Политбюро ЦК Компартии Украины «О содействии развитию краеведения в республике» от 23 января 1991 г. Документ стал отправной точкой для развития краеведения во всех его формах в тогда еще Украинской Советской Социалистической Республике. Произошедший вскоре после его издания распад СССР и начало создания украинской государственности активизировали процесс развития краеведческой работы, приобретшей особую актуальность в контексте политического и социокультурного развития тех лет. Катализаторами данного процесса стали принятые в последующие годы нормативные документы: Закон Украины «Об образовании» (1993 г.), Государственная национальная программа «Образование. Украина XXI века» (1994 г.), Распоряжение президента Украины Л.Д. Кучмы «Об обеспечении комплексного развития малых городов Украины» (2000 г.), Закон Украины «О высшем образовании» (2002 г.), Указ Президента Украины Л.Д. Кучмы «О мероприятиях относительно поддержки краеведческого движения в Украине» (2001 г.), Постановление Кабинета Министров Украины «Об утверждении Программы развития краеведения на период до 2010 г.» (2002 г.), Постановление Президиума Национальной академии наук Украины «О создании Межведомственного координационного совета по вопросам краеведения» (2002 г.) и др.

В 2012 г. была принята целевая Программа «Образование Луганщины. 2012–2016 годы», в соответствии с которой и согласно плану работы областной государственной администрации было утверждено положение о ежегодном областном конкурсе на

лучшую студенческую научно-исследовательскую работу по краеведению. Эта инициатива стала одним из мероприятий, дававших реальную возможность студенческой молодежи всех вузов области реализовать свои навыки научно-исследовательской деятельности в сфере исторического краеведения.

На данном этапе в развитии краеведения Луганщины наблюдалась определенная противоречивость: с одной стороны, на законодательном уровне декларировалась поддержка государством краеведческих инициатив, в учебные планы вводились дисциплины краеведческого характера, с другой – катастрофически не хватало учебной и научной литературы по истории Донбасса и Луганщины, ощущался дефицит средств, необходимых для экскурсионной работы, издательской активности и других форм деятельности студентов.

Пятый этап развития краеведческой деятельности студенческой молодежи Луганщины начался в условиях военно-политического конфликта 2014 г. в Донбассе, приведшего к провозглашению и становлению нового государства – Луганской Народной Республики. Этот период охватывает хронологический отрезок с сентября 2014 г. (окончания активной фазы боевых действий и возобновления работы вузов) по настоящий момент времени. Характерными чертами данного этапа стали: отход от современной украинской парадигмы развития системы высшего профессионального образования, формирование в Луганской Народной Республике собственной концепции патриотического воспитания детей и молодежи, реконструкция и популяризация элементов исторической памяти, на нивелирование которых направлена официальная государственная политика Украины, увеличение удельного веса историко-краеведческой деятельности в содержательной части программной составляющей, реализуемой в ходе образовательного процесса. Обновление и расширение тематического спектра регионального компонента имело своей целью идеологическое обеспечение процесса формирования патриотических ценностей, гражданской идентичности сту-

дентов путем расширения их знаний об истории региона Луганщины, осмысления исторических связей и культурной общности Донбасса и России, роли ЛНР и ДНР в защите интересов «русского мира», совершенствования навыков организации краеведческой работы. Расширение арсенала форм и методов историко-краеведческой деятельности характеризовалось использованием наряду с традиционными новых – активных и интерактивных методов.

Нормативную базу для реализации краеведческой деятельности в системе высшего профессионального образования Республики составляют Конституция Луганской Народной Республики (с изменениями, внесенными Законом ЛНР от 24 сентября 2014 г. № 22-I и от 3 декабря 2014 г. № 1-II); Закон ЛНР «Об образовании» от 10 ноября 2017 г. № 128-II; Закон ЛНР «Об основах государственной молодежной политики» от 11 сентября 2015 г. № 52-II; Закон ЛНР «О системе патриотического воспитания граждан ЛНР» от 30 июля 2015 г. № 51-II, Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 9 ноября 2022 г. № 809, программная, уставная, распорядительная документация высших образовательных учреждений Республики.

Данный этап является по своей длительности наименее протяженным. Свойственные ему процессы, тенденции, достижения в сфере исторического краеведения и ныне продолжают свое развитие и требуют рассмотрения в интраспективе и незавершенной динамике.

ВЫВОДЫ

В различные исторические периоды на развитии историко-краеведческой деятельности отражались изменения, происходившие в нескольких плоскостях. Первой и основопо-

лагающей из них являлась общественно-политическая жизнь государства, обуславливающая доминирование той или иной идеологии, содержание которой определяло роль и место краеведческого компонента в жизни всего общества. Вторая плоскость отражала уровень и особенности развития системы отечественного образования на разных исторических этапах, а также происходившие в ней реформы, определявшие приоритетность тех или иных научных парадигм и концепций. Кроме того, значительное влияние на развитие историко-краеведческой деятельности студентов в системе вуза имели такие факторы, как уровень развития краеведения на Луганщине в тот или иной исторический период, мировоззренческие установки самих представителей студенческой молодежи, региональные особенности. Выбор критериев, положенных в основу периодизации предмета исследования, обусловил эффективность осуществления его исследования с учетом исторических особенностей каждого из указанных периодов.

Полученные в процессе исследования результаты могут быть использованы в педагогической деятельности учреждений высшего образования с целью решения задач совершенствования историко-краеведческой деятельности студенчества. Представленный в статье материал может быть применен для расширения содержания учебных курсов высшей школы по истории педагогики, методики преподавания истории, историческому краеведению. Перспективными направлениями дальнейшего изучения проблемы является раскрытие возможностей использования советского и постсоветского опыта практической организации историко-краеведческой деятельности студенчества в современных условиях и определение перспективы ее дальнейшего развития в системе высшей школы на территории новых субъектов Российской Федерации.

Список источников

1. Дейч Б.А. Анализ современных подходов к периодизации процесса становления и развития дополнительного образования (внешкольной работы) в России // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 6. С. 147-153. <https://elibrary.ru/pdtthv>
2. Некрылова О.Г. Развитие системы школьного исторического образования в 1920-е гг. // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2019. № 3 (20). С. 107-113. <https://elibrary.ru/iwzaiv>
3. Анпилогова Т.Ю. Историко-краеведческая деятельность студенческой молодежи в системе высшего образования Луганщины (1921–2014 гг.). Луганск: Книта, 2022. 592 с.
4. Коваленко Т.А., Шашкова М.Н. Краеведение как источник патриотического воспитания личности // Донецкий край: история, культура, люди: сб. материалов Межрегион. краевед. чтений / под ред. И.Л. Барыбина сост. И.А. Говорова; науч. ред. М.А. Морозова. Донецк, 2021. С. 89-94. URL: https://lib-dpr.ru/docs/reading/don_reg/rept/Коваленко_Шашкова.pdf (дата обращения: 13.12.2022).
5. Новикова Л.А. Роль школьных музейных комнат в сохранении памяти о историческом прошлом родного края // Донецкий край: история, культура, люди: сб. материалов Межрегион. краевед. чтений / под ред. И.Л. Барыбиной, сост. И.А. Говорова; науч. ред. М.А. Морозова. Донецк, 2021. С. 94-99. URL: http://lib-dpr.ru/docs/reading/don_reg/rept/Новикова.pdf (дата обращения: 13.12.2022).
6. Постыка И.А. Роль Луганского краеведческого музея в образовательной системе Луганщины // Наука и образование в Донбассе: история и практика: материалы Второй открытой науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию создания кафедры истории Отечества ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» / под ред. Т.Ю. Анпилоговой. Луганск: Книта, 2022. С. 301-310.
7. Трегубенко Е.Н. Школьный краеведческий музей: история и перспективы развития // Образование Луганщины: теория и практика. Научно-методический журнал. 2018. № 5. С. 10-13.
8. Тестов В.А. О понятии педагогической парадигмы // Образование и наука. 2012. № 9 (98). С. 5-14. <https://elibrary.ru/pgqfdj>
9. Смирнова А.Г. Журнал «Краевед-массовик» (Московская область) и реалии краеведения начала 1930-х годов // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 10 (19). С. 9-34. <https://elibrary.ru/xvfxbv>
10. Савицкий П.Н. Русское научное краеведение // Вестник РГГУ: научный журнал. Серия «Исторические науки. Региональная история». Краеведение». 2012. № 6. С. 251-289. URL: https://www.rsuh.ru/upload/main/vestnik/ifkv/archive/Regionalnaya_istoriya/№%206_2012.pdf
11. Филимонов С.Б. Революция и социально-политические контексты краеведения в России (1917–1931 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2017. Т. 3. (69). № 3. С. 114-123. <https://elibrary.ru/yohoib>
12. Козлов В.Ф. «Огосударствленное» краеведение. История и уроки (по страницам журнала «Советское краеведение». 1930–1936) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2013. № 9 (110). С. 53-83. <https://elibrary.ru/qizptv>
13. Юркина Н.Н. Значение краеведения и регионоведения для познания отечественной истории // Преподаватель XXI век. 2018. № 3-2. С. 233-246. <https://elibrary.ru/ylhdnj>
14. Конохова А.С. «Об укреплении связи высшей школы с жизнью» (реформа системы высшего образования СССР в 1958 г.) // Вестник Ленинградского государственного университета (ЛГУ) им. А.С. Пушкина. История. Научный журнал. 2015. Т. 4. № 1. С. 126-134. <https://elibrary.ru/txhtxd>
15. Шестова С.М. Российское законодательство об охране и использовании памятников истории и культуры // Обсерватория культуры. 2008. № 4. С. 56-61. <https://elibrary.ru/jvbrsd>

References

1. Deich B.A. (2012). Analysis of current approaches to the periodization of the process of formation and development of supplementary education for children (out-of-school and extracurricular activities) in Russia. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = Siberian Pedagogical Journal*, no. 6, pp. 147-153. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pdtthv>

2. Nekrylova O.G. (2019). Development of school historical education in the 1920s. *Problemy sotsial'nykh i gumanitarnykh nauk = Problems of Social and Humanitarian Sciences*, no. 3 (20), pp. 107-113. (In Russ.) <https://elibrary.ru/iwzaiv>
3. Antilogova T.Yu. (2022). *Istoriko-kraevedcheskaya deyatel'nost' studencheskoi molodezhi v sisteme vysshego obrazovaniya Luganshchiny (1921–2014 gg.)* [Historical and Local History Activity of Students in the Higher Education System of Luhansk Region (1921–2014)]. Lugansk, Knita Publ., 592 p. (In Russ.)
4. Kovalenko T.A., Shashkova M.N. (2021). Kraevedenie kak istochnik patrioticheskogo vospitaniya lichnosti [Local history as a source of patriotic education of the individual]. In: Barybina I.L. (ed.), Govorova I.A. (compiler), Morozova M.A. (academ. ed.). *Sbornik materialov Mezhhregional'nykh kraevedcheskikh chtenii «Donetskii kraj: istoriya, kul'tura, lyudi»* [Proceedings of Interregional Local History Readings Readings “Donetsk Region: History, Culture, People”]. Donetsk, pp. 89-94. (In Russ.) Available at: https://lib-dpr.ru/docs/reading/don_reg/rept/Коваленко_Шашкова.pdf (accessed 13.12.2022).
5. Novikova L.A. (2021). Rol' shkol'nykh muzeinykh komnat v sokhranении pamyati o istoricheskom proshlom rodnogo kraia [The role of school museum rooms in memory preservation of the native land historical past]. In: Barybina I.L. (ed.), Govorova I.A. (compiler), Morozova M.A. (academ. ed.). *Sbornik materialov Mezhhregional'nykh kraevedcheskikh chtenii «Donetskii kraj: istoriya, kul'tura, lyudi»* [Proceedings of Interregional Local History Readings Readings “Donetsk Region: History, Culture, People”]. Donetsk, pp. 94-99. (In Russ.) URL: http://lib-dpr.ru/docs/reading/don_reg/rept/Новикова.pdf (accessed 13.12.2022).
6. Postyka I.A. (2022). Rol' Luganskogo kraevedcheskogo muzeya v obrazovatel'noi sisteme Luganshchiny [The role of the Luhansk regional Museum in the educational system of the Luhansk region]. In: Antilogova T.Y. (ed.). *Materialy Vtoroi otkrytoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 90-letiyu sozdaniya kafedry istorii Otechestva GOU VO LNR «LGPU» «Nauka i obrazovanie v Donbasse: istoriya i praktika»* [Proceedings of the Second Open Scientific and Practical Conference with International Participation Dedicated to the 90th Anniversary of the Creation of the Department of the History of the Fatherland of the State Educational Institution of the Lugansk State Pedagogical University of Lugansk People's Republic “Science and Education in the Donbass: History and Practice”]. Lugansk, Knita Publ., pp. 301-310. (In Russ.)
7. Tregubenko E.N. (2018). Shkol'nyi kraevedcheskii muzei: istoriya i perspektivy razvitiya [School museum of local study: history and prospects of development]. *Obrazovanie Luganshchiny: teoriya i praktika. Nauchno-metodicheskii zhurnal* [Education of Lugansk Region: Theory and Practice. Scientific and Methods Journal], no. 5, pp. 10-13. (In Russ.)
8. Testov V.A. (2012). About the concept of pedagogic paradigm. *Obrazovanie i nauka = Education and Science Journal*, no. 9 (98), pp. 5-14. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pgqfdj>
9. Smirnova A.G. (2016). The magazine “Kraeved-Massovik” (the Moscow region) and the realities of local studies in the beginning of the 1930s. *Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie»* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. The Series “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies”], no. 10 (19), pp. 9-34. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xvfxbv>
10. Savitskii P.N. (2012). Russkoe nauchnoe kraevedenie [Russian scientific local studies]. *Vestnik RGGU: nauchnyi zhurnal. Seriya «Istoricheskie nauki. Regional'naya istoriya». Kraevedenie» = RGGU Bulletin: Scientific Journal. Historical Sciences. Regional and Local History Series*, no. 6, pp. 251-289. (In Russ.) Available at: https://www.rsuh.ru/upload/main/vestnik/ifkv/archive/Regionalnaya_istoriya/№%206_2012.pdf
11. Filimonov S.B. (2017). The revolution and socio-political contexts of localization in Russia (1917–1931). *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Cultural Studies], vol. 3 (69), no. 3, pp. 114-123. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yohoib>
12. Kozlov V.F. (2013). “Governmentalising” local history. History and lessons. (The pages of the magazine “Soviet Kraevedenie”. 1930–1936). *Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie»* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. The Series “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies”], no. 9 (110), pp. 53-83. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qizptv>
13. Yurkina N.N. (2018). The importance of regional and area studies for understanding national history. *Prepodavatel' XXI vek = Prepodavatel XXI vek*, no. 3-2, pp. 233-246. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ylhdnj>

14. Konokhova A.S. (2015). Strengthening the connection between higher school and life: reform of higher education in 1958. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta (LGU) im. A.S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Journal*, vol. 4, no. 1, pp. 126-134. (In Russ.) <https://elibrary.ru/txhtxd>
15. Shestova S.M. (2008). Russian legislation on preservation and use of culture and history monuments. *Observatoriya kul'tury = Observatory of Culture*, no. 4, pp. 56-61. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jvbrsd>

Информация об авторе

Анпилогова Татьяна Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Луганский государственный университет им. Владимира Даля, г. Луганск, Луганская Народная Республика, Российская Федерация.
<https://orcid.org/0000-0003-2944-2518>
dana-100@yandex.ru

Поступила в редакцию 25.01.2023
Поступила после рецензирования 19.04.2023
Принята к публикации 19.05.2023

Information about the author

Tatyana Y. Anpilogova, PhD (History), Associate Professor, Associate Professor of State and Legal Disciplines Department, Lugansk Vladimir Dahl State University, Lugansk, Lugansk People's Republic, Russian Federation.
<https://orcid.org/0000-0003-2944-2518>
dana-100@yandex.ru

Received 25.01.2023
Approved 19.04.2023
Revised 19.05.2023

ПЕДАГОГИКА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья

УДК 37.03

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-580-591>

Интеграция науки и образования как эффективное средство сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей

Валентина Владимировна ГЛАДКИХ¹ , Елена Игоревна ПАНКОВА²

¹ФГКВОУ ВО «Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)
394064, Российская Федерация, г. Воронеж, ул. Старых Большевиков, 54А

²ФГКВОУ ВО «Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (филиал в г. Челябинск)
454015, Российская Федерация, г. Челябинск, ул. 11-й городок, 1

*Адрес для переписки: voenprof.gv@yandex.ru

Актуальность. В современном мире сохранение и укрепление духовно-нравственных ценностей является одной из главных задач общества. В этом процессе наука и образование играют ключевую роль, так как они формируют мировоззрение и ценностные ориентации у людей. Сохранение национальной идентичности и укрепление духовно-нравственных ценностей позволяют создавать благоприятные условия для развития каждого гражданина, а также способствуют формированию новой, более высокой культуры взаимоотношений внутри общества и между нациями.

Методы исследования. Теоретической базой исследования является междисциплинарный подход, позволяющий анализировать образовательную практику в контексте, с одной стороны, педагогических подходов, с другой – социокультурных изменений, происходящих в обществе. В основе исследования лежит эмпирическое обобщение, анализ и интерпретация научной литературы, практических разработок по проблеме сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей личности в обществе.

Результаты исследования. Раскрыты виды духовно-нравственных ценностей, которые играют важную роль в формировании мировоззрения и поведения людей; проанализированы программы, способствующие развитию духовно-нравственных ценностей личности; дана характеристика технологиям, позволяющим за счет интеграции науки и образования использовать новейшие научные достижения для формирования ценностных ориентаций личности.

Выводы. Интеграция науки и образования является ключевым фактором в сохранении и укреплении духовно-нравственных ценностей в обществе. Она позволяет использовать научный подход для решения проблем, связанных с развитием ценностей, а также создавать новые программы и проекты, направленные на обучение навыкам межличностного общения, эмоциональной саморегуляции и конфликтологии. Важно, чтобы образование было ориентировано на развитие личности и уважение к разным культурам и традициям.

Ключевые слова: интеграция, наука, образование, духовно-нравственные ценности, личность, программы, технологии

Для цитирования: Гладких В.В., Панкова Е.И. Интеграция науки и образования как эффективное средство сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3. С. 580-591. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-580-591>

PEDAGOGY OF ADDITIONAL EDUCATION

Original article

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-580-591>

Integration of science and education as an effective means of preserving and strengthening spiritual and moral values

Valentina V. GLADKIKH *, Elena I. PANKOVA

¹Military Educational and Scientific Centre of the Air Force
N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy (Voronezh)
54A Starykh Bolshevikov St., Voronezh, 394064, Russian Federation

²Military Educational and Scientific Centre of the Air Force
N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy (Chelyabinsk branch)
1 11th gorodok St., Chelyabinsk, 454015, Russian Federation

*Corresponding author: voenprof.gv@yandex.ru

Importance. In the modern world, the preservation and strengthening of spiritual and moral values is one of the main tasks of society. In this process, science and education play a key role, as they form the worldview and value orientations of people. The preservation of national identity and the strengthening of spiritual and moral values make it possible to create favorable conditions for the development of each citizen, and also contributes to the formation of a new, higher culture of relations within society and between nations.

Research methods. The theoretical basis of the research is an interdisciplinary approach that allows analyzing educational practice in the context of, on the one hand, pedagogical approaches, on the other hand, socio-cultural changes taking place in society. The research is based on empirical generalization, analysis and interpretation of scientific literature, practical developments on the problem of preserving and strengthening the spiritual and moral values of the individual in society.

Results and Discussion. The types of spiritual and moral values that play an important role in the formation of people's worldview and behavior are revealed; programs that contribute to the development of spiritual and moral values of the individual are analyzed; technologies that allow using the latest scientific achievements to form value orientations of the individual through the integration of science and education are characterized.

Conclusion. The integration of science and education is a key factor in the preservation and strengthening of spiritual and moral values in society. It allows you to use a scientific approach to solve problems related to the development of values, as well as to create new programs and projects aimed at teaching interpersonal communication skills, emotional self-regulation and con-

flictology. It is important that education is focused on personal development and respect for different cultures and traditions.

Keywords: integration, science, education, spiritual and moral values, personality, programs, technologies

For citation: Gladkikh, V.V., & Pankova, E.I. (2023). Integration of science and education as an effective means of preserving and strengthening spiritual and moral values. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 3, pp. 580-591. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-580-591>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Интеграция науки и образования в контексте формирования духовно-нравственных ценностей личности является одной из наиболее актуальных проблем современности. На протяжении многих столетий образование помогало формировать духовность, нравственность и мировоззрение личности, однако в наше время этот процесс стал терять свою значимость. Духовно-нравственные ценности являются важной составляющей человеческой жизни и культуры. Они определяют нашу систему ценностей, отношение к жизни и окружающему миру, моральные и этические принципы поведения. Сохранение духовно-нравственных ценностей является актуальной проблемой в современном мире, где многие из этих ценностей подвергаются угрозам со стороны глобализации и современной культуры.

В связи с этим возникает необходимость интеграции научных знаний о человеке и его окружении с системой образования, что будет способствовать сохранению истинных ценностей, которые были переданы нам из поколения в поколение.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретической базой исследования является междисциплинарный подход, позволяющий анализировать образовательную практику в контексте, с одной стороны, педагогических подходов, с другой – социокультурных изменений, происходящих в обществе. В основе исследования лежит эмпириче-

ское обобщение, анализ и интерпретация научной литературы, практических разработок по проблеме сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей личности в обществе.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сохранение духовно-нравственных ценностей является одной из главных задач современного общества. Современный мир меняется с каждым днем, и человеку необходимо иметь стабильную основу, на которую можно опираться в любой ситуации. Образование и наука являются основой этой стабильности, поэтому интеграция этих двух сфер является необходимой для сохранения духовно-нравственных ценностей и развития личности.

Образование является ключевым фактором для развития человеческой личности и формирования ее ценностного мировоззрения. Образование должно обеспечивать не только получение знаний и умений, но и прививать учащимся важные моральные ценности, такие как доброта, честность, этика и ответственность. В этом случае наука является отличной платформой для преподавания и интеграции этических, философских и социологических знаний.

Наука, в свою очередь, помогает формировать человеческий лад в образовании, уделяя большое внимание эмпирическим и эмпатическим подходам к пониманию мира. Наука также позволяет людям лучше понимать себя и мир, развивать творческий потенциал и критическое мышление.

Интеграция науки и образования – это процесс, позволяющий объединить знания из разных областей и использовать их для создания новых знаний и технологий. Этот процесс является основным способом для сохранения духовно-нравственных ценностей и развития личности.

Духовно-нравственные ценности – это нормы, принципы и убеждения, которые определяют моральный и духовный кодекс человека и общества. Они являются основой культуры и традиций, которые передаются из поколения в поколение.

Духовно-нравственные ценности – это фундамент, на котором строится жизнь людей. Они определяют жизненные ценности и личностный рост, генерируя качество жизни человека и общества в целом. Духовно-нравственные ценности включают в себя такие понятия, как любовь, справедливость, честность, долг, ответственность и др.

По мнению И.И. Горловой, «Традиционные духовно-нравственные ценности – вид нематериального культурного наследия, исторически сформированные устойчивые ценности, признанные народами Российской Федерации, образующие культурную идентичность, государственный и культурный суверенитет общества, передаваемые в семье из поколения в поколение, образующие ядро культурно-исторической социальной памяти, являющиеся базисными в отношении прав и свобод человека, признанных законодательством» [1].

Проанализируем, какие виды духовно-нравственных ценностей играют важную роль в формировании мировоззрения и поведения людей.

1. Религиозные ценности. Религия играет важную роль в формировании духовной жизни человека. Религиозные ценности включают в себя веру в Бога, молитву, поклонение, милосердие, смирение, честность, доброту и другие духовные качества.

2. Этические ценности. Этические ценности определяют правильное поведение и отношение к другим людям. Они включают в себя честность, справедливость, уважение к

правам и свободам других людей, ответственность, доброту, сотрудничество и другие качества.

3. Социальные ценности. Социальные ценности определяют правильное поведение в обществе, уважение к культуре и традициям других людей. Они включают в себя трудолюбие, ответственность, уважение к другим, сотрудничество, солидарность, гражданскую ответственность и другие качества.

4. Культурные ценности. Культурные ценности определяют традиции и обычаи народа, к которому принадлежит человек. Они включают в себя уважение к истории и культуре своей страны, традиции, обычаи, язык, литературу, искусство и другие культурные ценности.

5. Эстетические ценности. Эстетические ценности определяют красоту и гармонию в жизни. Они включают в себя любовь к природе, музыке, искусству, архитектуре, литературе и другим формам творчества.

6. Личностные ценности. Личностные ценности определяют индивидуальные качества человека. Они включают в себя самореализацию, самодисциплину, самоконтроль, самоуважение, уверенность в себе, творческий потенциал, честность и другие качества.

В основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей «традиционные ценности обозначены как нравственные ориентиры, которые передаются от поколения к поколению и лежат в основе общероссийской гражданской идентичности». К ним относятся: патриотизм, жизнь, достоинство, высокие нравственные идеалы, историческая память, преемственность поколений и др.¹

В Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. отмечается, что духовно-нравственные ценности, сложившиеся в процессе культурного развития

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809. Доступ из СПС «Гарант».

России, включают в себя человеколюбие, справедливость, честь, совесть, волю, личное достоинство, веру в добро, стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством².

Следует подчеркнуть, что среди основных ценностей, которые сегодня ценят, должны быть упомянуты толерантность, свобода и независимость. Эти ценности отражают потребность в индивидуальности и праве на свой выбор. Современная молодежь является тем ресурсом, который будет в будущем проводником сохранения культурных ценностей. Соответственно, подрастающее поколение становится более открытым к идеям и людям с других культур, рас и наций и находит свою изначальную свободу.

Принятые ценности молодежи приводят их к выбору профессий, образованию и мировоззрению. Многие молодые люди стремятся к участию в благотворительных, социальных и политических проектах. Это отражает их стремление быть частью общества и нахождение своего места в нем.

В связи с этим проводятся множество научных исследований, направленных на изучение проблем и способов сохранения этих ценностей.

Одним из таких исследований является работа С.В. Пашкова «Духовно-нравственное воспитание в системе современного российского образования»³. В своем исследовании С.В. Пашков пришел к выводу, что необходимо проводить воспитательную работу на основе традиционных духовных ценностей через организацию внеклассной и внешкольной воспитательной и просветительской работы.

Еще одним исследованием в этой области является работа Ю.В. Любезновой⁴. В своей работе ученый акцентирует внимание на художественной литературе, которая и делает акцент на применении педагогических технологий, которые способствуют развитию духовно-нравственных ценностей старшеклассников средствами художественной литературы.

Также важным исследованием является работа Т.А. Берсеновой «Духовно-нравственные основания традиционного уклада жизни как социально-педагогическая проблема». Т.А. Берсенева под эффективной реализацией педагогического потенциала духовно-нравственных оснований уклада жизни в православной русской традиции понимает «педагогическую деятельность, включающую в себя осознанный выбор человеком нравственно-ориентированной позиции; формирование критериев самооценки поступков, которые определяются ценностями, укорененными в мировоззренческой составляющей традиционного уклада и др.»⁵.

В целом, проведенные исследования показывают, что сохранение духовно-нравственных ценностей в современном обществе является актуальной задачей. Для решения этой задачи важным является создание условий для развития духовности и нравственности в семье, обществе и образовании. Также важен примерный личный пример и образ жизни, направленный на сохранение и развитие этих ценностей.

Важно понимать, что духовно-нравственные ценности являются основой культуры и традиций, которые формируют общество и определяют поведение людей. Они играют важную роль в формировании мировоз-

² Головки О., Амелина Т. В России утвержден список духовно-нравственных ценностей // Правмир: сайт. URL: <https://www.pravmir.ru/v-rossii-utverzhden-spisok-duhovno-nravstvennyih-tsennostey/> (дата обращения: 10.01.2023).

³ Пашков С.В. Духовно-нравственное воспитание в системе современного российского образования: дис. ... канд. пед. наук. Курск, 2010. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004726497>

⁴ Любезнова Ю.В. Формирование духовно-нравственных ценностей старшеклассников средствами художественной литературы: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Саранск, 2020. 26 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01010245118>

⁵ Берсенева Т.А. Духовно-нравственные основания традиционного уклада жизни как социально-педагогическая проблема: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Курск, 2008. 42 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003448731>

зрения и личностного роста. Однако каждый человек может иметь свои собственные ценности и убеждения, которые могут отличаться от общепринятых. Важно уважать мнения и убеждения других людей и стремиться к сотрудничеству и солидарности в обществе.

Укрепление духовно-нравственных ценностей происходит путем создания благоприятных условий для их развития и реализации в жизни. Одной из эффективных форм укрепления духовно-нравственных ценностей является образование и воспитание. Воспитание, основанное на принципах национальной идентичности и духовно-нравственных ценностей, позволяет формировать моральные и этические нормы поведения у каждого гражданина [2].

Кроме того, укрепление духовно-нравственных ценностей способствует созданию благоприятной атмосферы для общения и сотрудничества между людьми. Ведь человек, который сознательно придерживается моральных и этических ценностей, становится надежным партнером и общественным лидером, что способствует укреплению национальной и общечеловеческой гармонии.

Культурные традиции, религиозные обряды, семейные ценности – все это формировало уникальную культуру и идентичность русского народа. Но в последние годы мир меняется, и Россия не остается в стороне от этих изменений. Но это не значит, что наши традиции и ценности утрачены.

Одним из ключевых факторов сохранения духовных ценностей является поддержка традиционных религий. В России проживают представители разных религий, но многие из них имеют древние традиции и сильную связь с историей и культурой народа. Государство активно поддерживает духовно-нравственную жизнь страны и религиозные организации, которые оказывают заметное влияние на многих представителей общества.

Важную роль в сохранении духовных ценностей играют также семейные традиции и ценности. Семья – это основа общества и его будущего. Воспитание детей в духе традиций и нравственных ценностей – одна из

главных задач каждой семьи [3]. Родители играют важную роль в обучении детей духовным и нравственным ценностям, таким как уважение к старшим, этика поведения, ответственность, любовь и доброта к близким. Многие семьи в России придерживаются древних русских традиций и стараются сохранить культуру и идентичность своего народа.

Важную роль в сохранении духовных ценностей в России играет государство. Российская власть активно поддерживает традиционные ценности и старается сохранить национальную целостность и идентичность страны. Меры, принятые правительством по сохранению исторического и культурного наследия, способствуют сохранению духовных ценностей. По мнению О.Н. Астафьевой, «необходимо активно включать население в культурную жизнь, что позволит укреплять гражданскую и национальную идентичность» [4].

Таким образом, сохранение духовно-нравственных ценностей является важным условием успеха России. Сохранение традиций, поддержка религиозных организаций, воспитание детей в духе истории и культуры своего народа – все это должно стать главной задачей каждого гражданина страны. Только тогда мы сможем сохранить истинные ценности, которые были переданы нам из поколения в поколение, и создать успешное будущее для нашей страны.

Один из главных способов сохранения духовно-нравственных ценностей – это образование. Образование является основой для формирования системы ценностей, позволяет людям осознавать важность духовно-нравственных ценностей и применять их в жизни. В рамках исследований предлагаются различные методы и подходы в образовании, которые способствуют сохранению духовно-нравственных ценностей [5].

Другим способом сохранения духовно-нравственных ценностей является национальное самосознание и культурная идентичность. Исследования показывают, что сохранение своей культуры и традиций спо-

способствует формированию системы ценностей, которые помогают людям понимать и уважать других культур и национальных групп [6].

Сохранение и укрепление духовно-нравственных ценностей нельзя рассматривать без проблем духовности. Несмотря на то, что православие является основной религией в нашей стране, она не носит строго конфессиональный характер, и часть населения не исповедует никакую религию. Это приводит к возникновению многих проблем, связанных с духовностью нации.

В соответствии с исследованиями, проведенными в разных странах мира, религия может оказывать положительное влияние на моральные и этические ценности людей. Более того, религиозные люди часто имеют более высокие уровни счастья, удовлетворенности жизнью и благополучия.

Также следует отметить тот факт, что у большинства людей не хватает времени на духовный рост, на изучение истории и культуры своей страны. Наконец, важно учитывать глобализацию, которая вызывает утрату национальной идентичности и связанных с нею духовно-культурных традиций. Это вызывает депрессию, которая разрушает внутреннюю гармонию человека. Люди постепенно теряют связь с историей своих предков, с их культурой и традициями. Без этого человек не может понимать и относиться серьезно ко всему, что происходит вокруг [7].

Многие проблемы духовности вызывают острый интерес и требуют общественной поддержки. Решение этих проблем должно быть на уровне всего общества. Нужно научиться понимать и принимать культурные и религиозные отличия других народов и уважительно относиться к традициям своей страны. Кроме того, необходимы дальнейшие прогрессивные шаги правительства в этом направлении. Каждый гражданин должен ощутить, что максимально интересуется чем-то большим, чем материальное благо, а также активно участвует в социально-культурной жизни своей страны и берет на себя ответственность за свою духовную жизнь.

В современном обществе все больше людей задумываются о том, как сохранить духовно-нравственные ценности. Интеграция науки и образования позволяет использовать научный подход для решения проблем, связанных с развитием и сохранением духовно-нравственных ценностей. Наука может помочь в поиске новых методов и подходов к формированию ценностей у людей, а также в изучении и анализе истории и культуры для лучшего понимания традиций и ценностей общества.

Образование, в свою очередь, играет важную роль в передаче духовно-нравственных ценностей от поколения к поколению. Оно помогает формировать у учащихся понимание и уважение к разным культурам и традициям, а также развивает навыки межличностного общения и эмоциональной саморегуляции. Вместе с тем образование должно быть ориентировано на развитие личности, ее способностей и потенциала [8].

Сохранение духовно-нравственных ценностей является важной задачей для общества. Для ее решения необходимо применение комплексных подходов, включающих в себя научные подходы, образование, уважение к культурным различиям и культурной идентичности, а также семейное воспитание и обучение.

В России существует множество проектов, направленных на интеграцию науки и образования, что в итоге может помочь в разработке программ и проектов, направленных на сохранение и укрепление духовно-нравственных ценностей.

Один из таких проектов «Научная школа», который создан для того, чтобы помочь студентам и молодым ученым получить более глубокие знания в области науки и технологий. В рамках этого проекта проводятся лекции, семинары и мастер-классы по различным научным дисциплинам. Студенты и ученые, проходящие обучение в «Научной школе», имеют возможность получить практические навыки и опыт работы в лаборатории.

Еще один проект – «Наука 0+» – создан для детей дошкольного возраста. Цель про-

екта – познакомить детей с наукой и технологиями, вызвать у них интерес к научным исследованиям и развить у них научный потенциал. В рамках проекта проводятся различные мероприятия, такие как выставки, лекции, экскурсии в музеи и лаборатории.

Проект «Наука для всех» предназначен для того, чтобы сделать науку доступной для всех, вне зависимости от возраста, социального статуса и образования. В рамках этого проекта проводятся лекции, семинары, «круглые столы» и другие мероприятия, которые позволяют людям познакомиться с новыми научными открытиями и технологиями.

Также существует проект «Наука и образование в России», который направлен на улучшение качества образования в России. В рамках проекта проводятся научные исследования, разрабатываются новые методики обучения и оценки знаний студентов, а также создаются новые образовательные программы.

В целом, все эти проекты способствуют тому, чтобы сделать науку и технологии более доступными и интересными для всех. Они помогают подрастающему поколению и в первую очередь студентам и ученым развивать свои научные и технические навыки, а также улучшать качество образования в России [9].

Рассмотрим программы, способствующие развитию духовно-нравственных ценностей.

1. Федеральная программа «Духовно-нравственное воспитание граждан России». Эта программа была разработана с целью формирования у граждан России духовно-нравственных ценностей, укрепления семьи и традиционных ценностей. Программа включает в себя мероприятия по развитию культурного наследия, поддержке традиционных религий, созданию культурных центров, обучению молодежи, а также проведению культурных и досуговых мероприятий.

2. Программа «Религиозное образование в России». Эта программа направлена на развитие религиозного образования в России. Она включает в себя поддержку религиозных школ, колледжей и университетов, а также создание курсов и программ по религиозной этике и морали.

3. Программа «Сохранение культурного наследия России». Эта программа направлена на сохранение и укрепление культурного наследия России. Она включает в себя поддержку музеев, галерей, библиотек, архивов и других культурных учреждений, а также проведение мероприятий по сохранению и восстановлению исторических и культурных памятников.

4. Программа «Молодежь России». Эта программа направлена на воспитание молодежи России в духе традиционных ценностей и патриотизма. Она включает в себя поддержку молодежных организаций, проведение мероприятий по развитию творческого потенциала молодежи, обучение молодежи социальным и культурным навыкам, а также создание культурных и спортивных центров для молодежи.

5. Программа «Семья и дети». Эта программа направлена на поддержку семей и защиту интересов детей. Она включает в себя мероприятия по поддержке семейных ценностей, созданию условий для совместного времяпрепровождения родителей и детей, обучение родителей навыкам воспитания детей, а также защиту прав детей.

Все эти программы являются важными для сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей и направлены на развитие культурного наследия, религиозного образования, воспитание молодежи и защиту интересов семей и детей. Важно понимать, что сохранение духовно-нравственных ценностей является задачей всего общества, и каждый из нас может внести свой вклад в этот процесс.

Одним из ключевых инструментов, который позволяет решать вопросы сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей, являются различные виды современных технологий. Наиболее востребованными в настоящее время во всех сферах науки, образования, социальной жизни являются проектные технологии.

Проектные технологии – это способ решения задачи, при котором проект, целью которого является достижение определенно-

го результата, разрабатывается и воплощается в жизнь. В контексте сохранения духовно-нравственных ценностей личности такой подход позволяет учиться самостоятельности, открытости, этическим нормам и уважению к другим людям.

1. Проектные технологии дают возможность людям проявлять свои способности, развиваться и использовать свой потенциал в полной мере. При этом основным принципом является ориентация на достижение конечного результата, что также способствует развитию эффективности и творческой мышления [10].

Важно отметить, что проектные технологии не только содействуют сохранению духовно-нравственных ценностей личности, но и позволяют обогащать и расширять их. Реализация проекта может вызвать интерес к истории, наследию, традициям и культуре.

Также следует подчеркнуть, что ценностные ориентации современной молодежи являются центральным аспектом их мировоззрения и влияют на их поведение и принятие решений. В современном мире социальный контекст и данные ценности изменяются, что влияет на молодежь и способствует изменению их ценностных установок.

Ярким примером внедрения проектных технологий в сохранение духовно-нравственных ценностей является проект «Эко-культура». В рамках этого проекта молодые люди обучаются экологическому мышлению, осуществляют экологические проекты и пекут хлеб с использованием местных ингредиентов. Этот проект продвигает уважение к окружающей среде и традициям, а также формирует положительную социальную и культурную атмосферу.

Функциями подобных проектов являются защита прав человека и ее осуществления в различных областях жизни. В целом, ценности современной молодежи играют важную роль в развитии общества в целом. Они должны всегда рассматриваться в контексте социальных изменений и развития, чтобы сохранять и улучшать жизненный уровень и удовлетворение потребностей молодой части общества.

Именно за счет своих ценностей молодежь привносит в этот мир новые ценности и идеи.

2. Таким образом, проектные технологии являются важным инструментом, который позволяет сохранять и развивать духовно-нравственные ценности личности. Особенно важно применение данной технологии в молодежной среде, где формируются ценности и убеждения, определяющие систему жизненных ценностей [11].

Другой технологией, играющей значимую роль в сохранении духовно-нравственных ценностей, являются информационные технологии. Их использование может быть эффективным способом сохранения духовно-нравственных ценностей, например, путем создания специальных приложений и онлайн-ресурсов, которые помогают людям получать информацию о ценностях и принимать осознанные решения.

Технологии личностно-ориентированного образования – это одна из главных технологий, которая способствует сохранению духовно-нравственных ценностей. Эта технология направлена на развитие словесного, эстетического, морального, интеллектуального и физического развития. Она основана на принципах педагогики Ж.Ж. Руссо и А.С. Макаренко.

Культуротворческие технологии – это также важная технология, которая помогает сохранить духовно-нравственные ценности. Творческий подход к обучению помогает развить в себе уважение к культуре, традициям и национальной истории. Она помогает осознать свои индивидуальные способности и научиться использовать их на благо общества.

Технология построения командной работы – это еще один способ сохранить духовно-нравственные ценности. Она помогает человеку научиться эффективно сотрудничать друг с другом и решать задачи вместе. Люди, которые научились работать в команде, могут легче найти свое место в обществе и достичь успеха в жизни.

ВЫВОДЫ

Духовно-нравственные ценности являются важной составляющей человеческой жизни и культуры. Они определяют нашу систему ценностей, отношение к жизни и окружающему миру, моральные и этические принципы поведения. Сохранение духовно-нравственных ценностей является актуальной проблемой в современном мире, где многие из этих ценностей подвергаются угрозам со стороны глобализации и современной культуры. В рамках анализа научных исследований нами были выявлены несколько способов сохранения духовно-нравственных ценностей.

Один из главных способов сохранения духовно-нравственных ценностей – это образование. Образование является основой для формирования системы ценностей, позволяет людям осознавать важность духовно-нравственных ценностей и применять их в жизни.

Другим способом сохранения духовно-нравственных ценностей является национальное самосознание и культурная идентичность. Сохранение своей культуры и традиций способствует формированию системы ценностей, которые помогают людям понимать и уважать другие культуры и национальные группы.

Особое значение имеет роль семьи в сохранении духовно-нравственных ценностей. Семья является основной социальной средой, где дети формируют свои ценности и моральные убеждения. Родители играют важ-

ную роль в обучении детей духовным и нравственным ценностям, таким как уважение к старшим, этика поведения, ответственность, любовь и доброта к близким.

Интеграция науки и образования является ключевым фактором в сохранении и укреплении духовно-нравственных ценностей в обществе. Она позволяет использовать научный подход для решения проблем, связанных с развитием ценностей, а также создавать новые программы и проекты, направленные на обучение учащихся навыкам межличностного общения, эмоциональной саморегуляции и конфликтологии. Важно, чтобы образование было ориентировано на развитие личности и уважение к разным культурам и традициям.

Таким образом, интеграция науки и образования играет важную роль в сохранении духовно-нравственных ценностей и развитии личности. В свете быстро развивающегося мира важно, чтобы образование и наука работали вместе, чтобы обеспечить качественное обучение, социальные и моральные ценности и взаимный рост.

Интеграция науки и образования предполагает использование новейших научных достижений для формирования ценностных ориентаций личности, то есть включает в себя обучение, направленное на формирование таких основных ценностей, как милосердие, толерантность, доброта, уважение к человеку, национальная культура и история, экологическое сознание и мн. др.

Список источников

1. Горлова И.И. Традиционные духовно-нравственные ценности в нормативно-правовых документах Российской Федерации: состояние и пути совершенствования // Культурологический журнал. 2021. № 2 (24). С. 1-6. <https://doi.org/10.34685/HI.2021.95.60.018>, <https://elibrary.ru/rppxfi>
2. Дьячкова М.А. Понятие ценности и духовно-нравственные ценности в педагогике // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 12. С. 142-150. <https://elibrary.ru/pixqah>
3. Мартынюк О.Б. Семья как социокультурная ценность и семейные ценности как духовно-нравственные ориентиры создания нормально функционирующей семьи // Способы, модели и алгоритмы модернизации науки в современных условиях: сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.А. Сукиасян. Стерлитамак, 2021. С. 52-65. <https://elibrary.ru/eceuhy>
4. Астафьева О.Н. Теория и практика культурной политики: смыслы – образы – действия // Государственная служба. 2014. № 1 (87). С. 71-78. <https://elibrary.ru/scldxh>

5. Тазов П.Ю. Социокультурные условия формирования духовно-нравственных ценностей студентов вуза // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 2. Ст. 69. <https://elibrary.ru/xzwxta>
6. Ищенко А.А. Духовно-нравственные ценности и идентичность российского общества // Инновационные технологии современной научной деятельности: стратегия, задачи, внедрение: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.А. Сукиасян. Уфа, 2020. С. 123-126. <https://elibrary.ru/yoxzhx>
7. Ефимцева Т.В. Духовно-нравственные ценности как основа национальной безопасности Российской Федерации // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2022. № 1 (51). С. 26-28. <https://elibrary.ru/anexrl>
8. Бялт В.С., Чимаров С.Ю. К вопросу о традиционных российских духовно-нравственных ценностях // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 93-1. С. 46-47. <https://doi.org/10.18411/trnio-01-2023-14>, <https://elibrary.ru/ttfeiq>
9. Таранов П.М. Проблемы формирования семейных духовно-нравственных ценностей молодежи // Образовательные технологии (г. Москва). 2016. № 3. С. 43-52. <https://elibrary.ru/xgvmvb>
10. Григорьева Е.И. Возможности технологий социально-культурного проектирования для развития творческой активности молодежи // Культурно-образовательное пространство современного города: проблемы и перспективы: сб. науч. тр. департамента социально-культурной деятельности и сценических искусств института культуры и искусств Московского городского педагогического университета / отв. ред. Э.И. Медведь, Г.В. Ганьшина. М., 2022. С. 32-35. <https://elibrary.ru/procdf>
11. Тиленбаева Г.Э. Духовно-нравственные ценности и качества личности в современном обществе // Наука. Образование. Техника. 2021. № 2 (71). С. 63-69. <https://elibrary.ru/cckwup>

References

1. Gorlova I.I. (2021). Traditional spiritual and moral values in the regulatory legal documents of the Russian federation: state and ways of improvement. *Kul'turologicheskii zhurnal = Journal of Cultural Research*, no. 2 (24), pp. 1-6. (In Russ.) <https://doi.org/10.34685/HI.2021.95.60.018>, <https://elibrary.ru/rppxfi>
2. Dyachkova M.A. (2007). Ponyatie tsennost' i dukhovno-nravstvennye tsennosti v pedagogike [The concept of value and spiritual and moral values in pedagogy]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = Siberian Pedagogical Journal*, no. 12, pp. 142-150. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pixqah>
3. Martynyuk O.B. (2021). Sem'ya kak sotsiokul'turnaya tsennost' i semeinye tsennosti kak dukhovno-nravstvennye orientiry sozdaniya normal'no funktsioniruyushchei sem'i [Family as a socio-cultural value and family values as spiritual and moral guidelines for creating a normally functioning family]. In: Sukiasyan A.A. (executive ed.). *Sbornik statei po itogam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sposoby, modeli i algoritmy modernizatsii nauki v sovremennykh usloviyakh»* [Proceedings on the results of the International Scientific and Practical Conference "Methods, Models and Algorithms of Modernization of Science in Modern Conditions"]. Sterlitamak, pp. 52-65. (In Russ.) <https://elibrary.ru/eceuhy>
4. Astafeva O.N. (2014). Teoriya i praktika kul'turnoi politiki: smysly – obrazy – deistviya [Theory and practice of cultural policy: meanings – images – actions]. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public Administration*, no. 1 (87), pp. 71-78. (In Russ.) <https://elibrary.ru/scldxh>
5. Tazov P.Yu. (2019). Socio-cultural context in the process of formation of spiritual and moral values of university students. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*, no. 2, art. 69. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xzwxta>
6. Ishchenko A.A. (2020). Dukhovno-nravstvennye tsennosti i identichnost' rossiiskogo obshchestva [Spiritual and moral values and identity of Russian society]. In: Sukiasyan A.A. (executive ed.). *Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Innovatsionnye tekhnologii sovremennoi nauchnoi deyatel'nosti: strategiya, zadachi, vnedrenie»* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Innovative Technologies of Modern Scientific Activity: Strategy, Tasks, Implementation"]. Ufa, pp. 123-126. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yoxzhx>
7. Efimtseva T.V. (2022). Spiritual and moral values as the basis of national security of the Russian Federation. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Scientific Works of Orenburg Institute (Branch) of MSLA*, no. 1 (51), pp. 26-28. (In Russ.) <https://elibrary.ru/anexrl>

8. Byalt V.S., Chimarov S.Yu. (2023). K voprosu o traditsionnykh rossiiskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostyakh [On the question of traditional Russian spiritual and moral values]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the Development of Science and Education], no. 93-1, pp. 46-47. (In Russ.) <https://doi.org/10.18411/trnio-01-2023-14>, <https://elibrary.ru/ttfeiq>
9. Taranov P.M. (2016). Problemy formirovaniya semeinykh dukhovno-nravstvennykh tsennostei molodezhi [Problems of formation of family spiritual and moral values of youth]. *Obrazovatel'nye tekhnologii (g. Moskva)* [Educational Technologies (Moscow)], no. 3, pp. 43-52. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xgvmyvb>
10. Grigoreva E.I. (2022). Vozmozhnosti tekhnologii sotsial'no-kul'turnogo proektirovaniya dlya razvitiya tvorcheskoi aktivnosti molodezhi [Possibilities of technologies of socio-cultural design for the development of creative activity of youth]. In: Medved E.I., Ganshina G.V. (executive eds.). *Sbornik nauchnykh trudov departamenta sotsial'no-kul'turnoi deyatel'nosti i stenicheskikh iskusstv instituta kul'tury i iskusstv Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta «Kul'turno-obrazovatel'noe prostranstvo sovremennogo goroda: problemy i perspektivy»* [Proceedings of Socio-Cultural Activities and Performing Arts Department of Institute of Culture and Arts of the Moscow City University "Cultural and Educational Space of a Modern City: Problems and Prospects"]. Moscow, pp. 32-35. (In Russ.) <https://elibrary.ru/procdf>
11. Tilenbaeva G.E. (2021). Dukhovno-nravstvennye tsennosti i kachestva lichnosti v sovremennoy obshchestve [Spiritual and moral values and personal qualities in modern society]. *Nauka. Obrazovanie. Tekhnika = Science. Education. Engineering*, no. 2 (71), pp. 63-69. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cckwup>

Информация об авторах

Гладких Валентина Владимировна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Воронеж, Российская Федерация.
<https://doi.org/0000-0002-4058-9011>
voenprof.gv@yandex.ru

Панкова Елена Игоревна, кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры иностранных языков, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», Челябинский филиал, г. Челябинск, Российская Федерация.
<https://orcid.org/0000-0001-5645-0025>
vitlen.85@mail.ru

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 07.02.2023
Поступила после рецензирования 02.05.2023
Принята к публикации 19.05.2023

Information about the authors

Valentina V. Gladkikh, Dr. habil. (Education), Professor, Professor of Foreign Languages Department, Military Educational and Scientific Centre of the Air Force N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy, Voronezh, Russian Federation.
<https://doi.org/0000-0002-4058-9011>
voenprof.gv@yandex.ru

Elena I. Pankova, PhD (Education), Lecturer of Foreign Languages Department, Military Educational and Scientific Centre of the Air Force N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russian Federation.
<https://orcid.org/0000-0001-5645-0025>
vitlen.85@mail.ru

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

Received 07.02.2023
Approved 02.05.2023
Revised 19.05.2023

Научная статья
УДК 37.025

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-592-602>

Методы формирования конфликтологической компетентности воспитанников детских домов

Елена Борисовна ВОЛОДАРСКАЯ¹ , Сергей Леонидович ЛУКША²

¹ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»
195251, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

²АНО ДПО «Институт изучения семьи и социальных конфликтов «БИССК»»
195265, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Гражданский просп., 113/3-72

*Адрес для переписки: volodaelena@yandex.ru

Актуальность. Для адаптации как в коллективе, так и в будущей самостоятельной жизни воспитанники детских домов должны обладать определенным уровнем конфликтологической компетентности, который можно развивать в рамках учебного и воспитательного процессов в образовательных учреждениях. Компетентность воспитанников детских домов – это их способность принимать решения в реальной конфликтной ситуации и предпринимать шаги для эффективного решения возникающих проблем.

Методы исследования. Описаны методы мониторинга эффективности исследования путем предварительного, периодического и окончательного тестирования контрольной и пилотной групп.

Результаты исследования. Проанализированы методы развития конфликтологической компетентности воспитанников детских домов, их характерные особенности и возможности применения в образовательном процессе. Подчеркнута необходимость установления некоторых критериев оценки для определения уровня развития конфликтологической компетентности на всех трех этапах исследовательского процесса. Объяснены социально-педагогические условия для эффективной реализации курса, которые включают в себя: обеспечение интенсивного цикла обучающих тренингов, предназначенных для получения и усвоения знаний и навыков, а также развитие навыков конфликтологической компетентности подростков детских домов и разработка портала данных с размещением базы знаний по разрешению межличностных, социальных и бытовых конфликтных ситуаций.

Выводы. Сделан вывод о возможности эффективного повышения уровня конфликтологической компетентности воспитанников детских домов за счет реализации занятий, включающих циклические тренинги обучения и тройной мониторинг динамики его результатов.

Ключевые слова: конфликтологическая компетенция, конфликтные ситуации, учебный курс, воспитанники детских домов, игрофикация

Для цитирования: Володарская Е.Б., Лукша С.Л. Методы формирования конфликтологической компетентности воспитанников детских домов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3. С. 592-602. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-592-602>

Original article

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-592-602>

Orphans' conflictological competence development methods

Elena B. VOLODARSKAYA¹ , Sergey L. LUKSHA²

¹Peter the Great Saint Petersburg State Polytechnic University
29 Politekhnicheskaya St., St. Petersburg, 195251, Russian Federation

²Institute for family and social conflicts studies "BISSC"
113/3-72 Grazhdanskii Ave., St. Petersburg, 195265, Russian Federation

*Corresponding author: volodaelena@yandex.ru

Importance. To adapt to new conditions in orphanages and future independent life orphans should have a certain level of conflictological competence which can be developed within educational process. Conflictological orphans' competence is their ability to make decisions in a real conflict situation and take steps to deal with it effectively.

Research methods. Monitoring methods of the research effectiveness by preliminary, periodic and final testing of the control and pilot groups is described.

Result and Discussion. The article analyzes the methods of developing orphans' conflictological competence. The necessity of establishing some assessment criteria to determine the level of conflictological competence development in all three stages of the research process is outlined. The methodology of teaching orphans through training courses is introduced. The socio-pedagogical conditions for the effective implementation of the course are explained, which include: providing an intensive cycle of training sessions designed to obtain and assimilate knowledge and skills, as well as the development of skills of conflictological competence of adolescents in orphanages and the development of a data portal with the placement of a knowledge base for resolving interpersonal, social and domestic conflict situations.

Conclusion. It is concluded that it is possible to increase effectively the level of conflictological competence of orphans by implementing classes which include cycle training courses and triple monitoring of its result dynamics.

Keywords: conflictological competence, conflict situations, training courses, orphans, gamification

For citation: Volodarskaya, E.B., & Luksha, S.L. (2023). Orphans' conflictological competence development methods. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 3, pp. 592-602. (In Russ., abstract in Eng.)
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-592-602>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Для успешной социализации и адаптации в учебном, а затем и в трудовом коллективе воспитанник детского дома должен обладать определенным уровнем конфликтологической компетентности, который невозможно развить в рамках учебного процесса в школе, так как в утвержденных ФГОС учебных программах таких уроков не предусмотрено [1]. Этим необходимо заниматься во внешкольное время.

Конфликтологическая компетентность воспитанников детских домов – это способность принимать эффективные решения в реальных конфликтных ситуациях и предпринимать шаги для их конструктивного разрешения. Сложность в ее формировании именно этой группы детей обусловлена их перманентным пребыванием в замкнутом коллективе, острым восприятием действительности, зачастую принятой ими антисоциальной моделью поведения [2].

На сегодняшний день конструктивная роль конфликта признана мировым научным

сообществом [3–5]. Формирование и развитие конфликтологической компетентности у воспитанников детских домов для их эффективной социализации и решения повседневных жизненных вопросов является как никогда актуальным, так как жизнь в детском доме связана с высоким уровнем конфликтогенов, а у детей нет отдельного предмета «Конфликтология». Обучение в сфере конфликтологии должно являться для любой категории детей важной частью воспитательного и учебного процесса, а для воспитанников детских домов значимость такого обучения повышается в разы [6].

Согласно данным центров по содействию семейному устройству (ЦССУ) Ленинградской области за 2021 г., 38 % выпускников интернатных учреждений стали наркоманами и алкоголиками, 36 % совершили преступления, 32 % стали жертвами криминала, 9 % совершили суицид. Лишь немногим более 10 % выпускников, выйдя за порог детского дома, удалось наладить жизнь, соответствующую общественным нормам. Одной из главных причин тому является полнейшее отсутствие умения конструктивно решать возникающие конфликты с окружающими [7; 8].

Несмотря на высокую степень важности, в ФГОС основного общего образования развитие их конфликтологической компетентности не предусмотрено, а вопросы конфликтологии в дополнительных занятиях носят лишь фрагментарный характер [9].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Понятие конфликтологической компетентности было введено в научную литературу российским социальным психологом, основоположником теории и практики социально-психологического тренинга Л.А. Петровской в 1994 г. Она понимала данный термин как совокупность знаний о конфликте, наличие персональной позиции по отношению к вопросу конфликта, владение широким диапазоном оперативных и стратегиче-

ских действий в конфликте и умение адекватно их применять (цит. по: [10]).

Среди современных научных исследователей до сих пор не существует единого мнения ни в области вопроса функциональных характеристик конфликтологической компетентности, ни в области самой терминологии.

Так, например, Б.И. Хасан и Т. Юстус определяют конфликтологическую компетентность как способность индивидуума осуществлять деятельность, направленную на минимизацию деструктивных форм реально протекающего конфликта и умение перевести его в социально-позитивное русло [11]. Развивая тему, Б.И. Хасан представляет конфликтологическую компетентность как уровень развития осведомленности о диапазоне возможных стратегий конфликтующих сторон и умение оказать содействие в реализации конструктивного взаимодействия в конкретной конфликтной ситуации [12].

С точки зрения И.В. Заусенко и Е.В. Озеровой, конфликтологической компетентностью можно считать способность субъекта эффективно разрешать вопросы в конкретной области знаний, в нашем случае – в области разрешения конфликтов [13].

По мнению Е.Н. Богданова и В.Г. Зазыкина, которые одними из первых ученых-исследователей обозначили тему конфликтологической компетентности на концептуальном уровне, компетентность в области разрешения конфликтов представляет собой когнитивно-регуляторную систему профессиональной стороны личности, в состав которой входят специальные знания и умения [14].

Дальнейшее развитие тема конфликтологической компетентности получила в научных трудах Н.В. Гришиной. Ученый рассматривает ее как информационно-регуляторную подсистему профессиональной компетентности индивидуума, которая напрямую связана с умением личности управлять конфликтом и конструктивно его разрешать [15].

Немаловажный вклад в развитие конфликтологии внесла российская ученая Л.Н. Цой, которая обозначила конфликто-

гическую компетентность как профессиональную осведомленность о вариантах возможных потенциальных действий конфликтующих сторон, связанную с возможным сотрудничеством при возможности реализации конструктивного разрешения конфликта в каждой конкретной ситуации конфликтного взаимодействия [16].

Изучив взгляды и мнения, опубликованные в трудах различных ученых, мы вывели свое понятие конфликтологической компетентности, касающееся такой категории, как подростки. Так, по нашему мнению, конфликтологической компетентностью подростков является комплекс их умений, навыков и мотивации к осуществлению деятельности по профилактике конфликтов, минимизации деструктивных форм развивающегося конфликта, переводу конфликта в конструктивное русло, принятию на себя функции медиатора в ходе конфликта в случае реальной необходимости.

Для формирования у воспитанников выбранных нами детских домов Ленинградской области конфликтологической компетентности мы разработали учебный курс «Управление конфликтами в повседневной жизни», по которой обучали подростков в возрасте 12–18 лет. Этот курс введен в дополнительную образовательную программу для воспитанников детских домов Ленинградской области для снижения уровня конфликтогенности в коллективах.

В ходе занятий подростки получают знания о ключевых характеристиках конфликтов и природе их возникновения и формируют умения и навыки в применении этих знаний: они анализируют реальные и смоделированные преподавателями предконфликтные ситуации, определяют типы зарождающихся конфликтов, устанавливают причины их возникновения, учатся регулировать свое эмоциональное состояние, выбирают стиль поведения в конфликте, наиболее подходящий для его конструктивного разрешения. В итоге обучающиеся приобретают навыки конструктивного поведения в конфликтных ситуациях, профилактики конфликтов и управления ими [17].

Характерными особенностями работы с воспитанниками детских домов является необходимость симбиоза всех этапов обучения – теоретического, практического и поведенческого в каждом занятии таким образом, чтобы сформировать мотивацию к обучению уже на первой встрече с экспертом. Это достигается привнесением в обучающий процесс элементов игрофикации.

На первом – теоретическом этапе, подработки в ходе занятия получают представления об определении понятия «конфликт», о его структурных компонентах, о механизмах их возникновения, видах конфликтов и их классификации, методах их разрешения и возможностях управления ими. Это фиксируется игровыми моментами – с делением на команды и розыгрышем приза.

На следующем этапе – практическом, дети учатся контролировать сценарии развития смоделированных на практических занятиях конфликтов и управлять собственными действиями на основе полученных теоретических знаний. Процесс также носит форму игры и поощряется призом.

На третьем этапе – поведенческом, участники проекта, являясь еще и участниками реальных жизненных конфликтных ситуаций, конструируют собственное поведение, ставя своей целью упреждение либо конструктивное разрешение конфликта [18].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Создание и работа курса базируется на результатах научно-контролируемого эксперимента, проведенного экспертами Института изучения семьи и социальных конфликтов «БИССК» – педагогами, психологами и социологами.

Эксперимент проводился в 2022 г. в четырех ресурсных Центрах по содействию семейному устройству (ЦССУ) Ленинградской области, его целью являлось повышение уровня конфликтологической компетентности воспитанников Центров подросткового возраста для эффективной адаптации к социуму.

Задачами эксперимента являлись:

- ознакомление обучающихся с источниками конфликтности;
- ознакомление обучающихся с механизмами возникновения конфликтов, их типами и видами;
- ознакомление обучающихся со стратегиями поведения в конфликтных ситуациях;
- ознакомление обучающихся с алгоритмами предотвращения и разрешения конфликтов.

Для достижения цели и решения задач эксперимента методистами института БИССК был разработан курс повышения конфликтологической компетентности, адаптированный для подросткового возраста и имеющий в своем составе соотношение теории к практике как 10 : 90.

Все воспитанники Центров по содействию семейному устройству Ленинградской области в возрасте от 12 до 18 лет включительно были разделены на две группы: контрольную и экспериментальную. Обучение проводилось экспертами института БИССК – педагогами-психологами, стимульным материалом являлись комиксы, изображающие бытовые конфликтные ситуации. Также в ходе обучения использовались отрывки из мультипликационных и кинофильмов. Сценарии конфликтов задавались поочередно экспертами БИССК и самими обучающимися. Периодичность занятий – один раз в неделю, длительность занятия – 45 минут, количество занятий в курсе – 36 (одна зачетная единица).

В своей работе педагоги БИССК использовали тренинги, включающие активные формы обучения: сократовскую беседу, разбор кейсов, психодраму, мозговой штурм, психолингвистику.

Для контроля эффективности обучения был разработан опросник, который получил название «Опросник для определения уровня конфликтологической компетентности по методу С.Л. Лукши». Данный опросник был разработан на базе следующих методик:

- «Методика оценки способов реагирования в конфликте Томаса–Килманна»;

- «Методика определения личностной агрессивности и конфликтности Е.П. Ильина и П.А. Ковалева»;

- «Опросник враждебности Басса–Дарки» [19; 20].

Опросы проводились трижды: начальный контроль – перед первым занятием, промежуточный контроль – после 18-го занятия и итоговый контроль – после окончания всего курса обучения. Для понимания уровня агрессивности и конфликтности подростков необходимы уровни следующих показателей: бескомпромиссность, вспыльчивость, напористость, мстительность, нетерпимость к чужому мнению, неуступчивость, обидчивость, подозрительность.

Итоговыми показателями были уровень позитивной и негативной агрессивности и уровень конфликтности. Эти данные были получены путем сложения результатов по позициям «напористость» и «неуступчивость» – для показателя негативной агрессии, по позициям «нетерпимость к чужому мнению» и «мстительность» – для показателя позитивной агрессии. Уровень конфликтности измерялся путем сложения показателей по шкалам бескомпромиссности, вспыльчивости, обидчивости и подозрительности.

В эксперименте были возможны только два результата: положительный – снижение уровня конфликтности у подростков, и отрицательный: либо отсутствие изменения вышеуказанного уровня, либо его увеличение. В силу этого для определения достоверности и эффективности эксперимента использовался негативный тип научного контроля. Исследователи считали, что обучение не будет эффективным в следующих случаях: 1) если у членов экспериментальной группы результаты опросов, касающиеся уровня конфликтности, не будут меняться в лучшую сторону; 2) если в ходе обучения членов экспериментальной группы их показатели в части уровня конфликтности по результатам промежуточного и контрольного тестирования будут тождественны результатам контрольной группы.

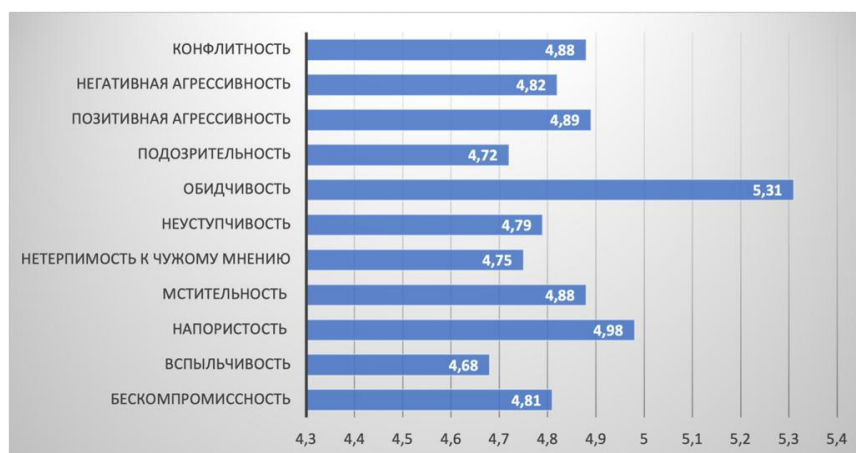

Рис. 1. Усредненные показатели уровня агрессивности и конфликтности воспитанников-подростков ЦССУ Ленинградской области (контрольная и экспериментальная группы, первичное тестирование)

Fig. 1. Averaged indicators of adolescent pupils aggressiveness and conflict level of the Leningrad region Promotion of Family Arrangement Center (control and experimental groups, primary testing)

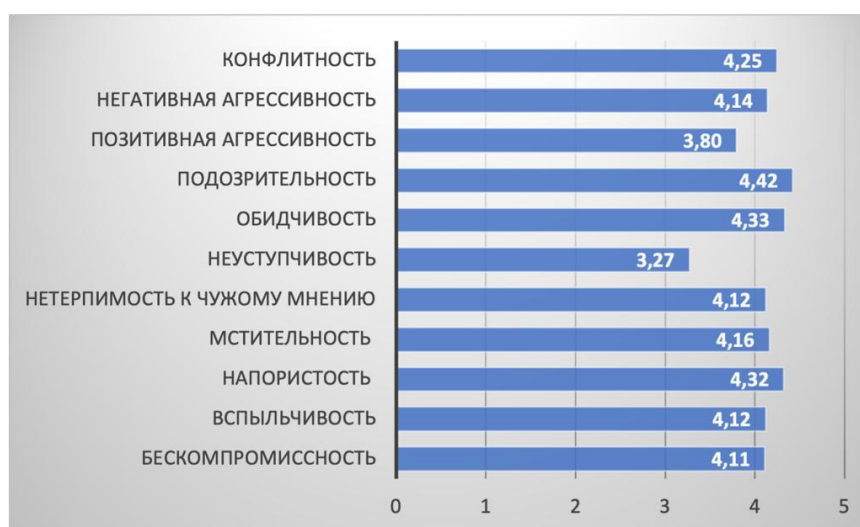

Рис. 2. Усредненные показатели уровня агрессивности и конфликтности воспитанников-подростков ЦССУ Ленинградской области (контрольная группа, итоговое тестирование)

Fig. 2. Averaged indicators of adolescent pupils aggressiveness and conflict level of the Leningrad region Promotion of Family Arrangement Center (control group, final testing)

Снижение уровня агрессивности не было целью эксперимента и принималось в расчет исключительно как потенциальное сопутствующее позитивное изменение.

В итоге были получены следующие усредненные данные.

Уровень конфликтности в контрольной и экспериментальной группе в начале эксперимента – 4,88 балла из 10 возможных (рис. 1).

Уровень конфликтности в контрольной группе по результатам промежуточного опроса – 4,78 балла.

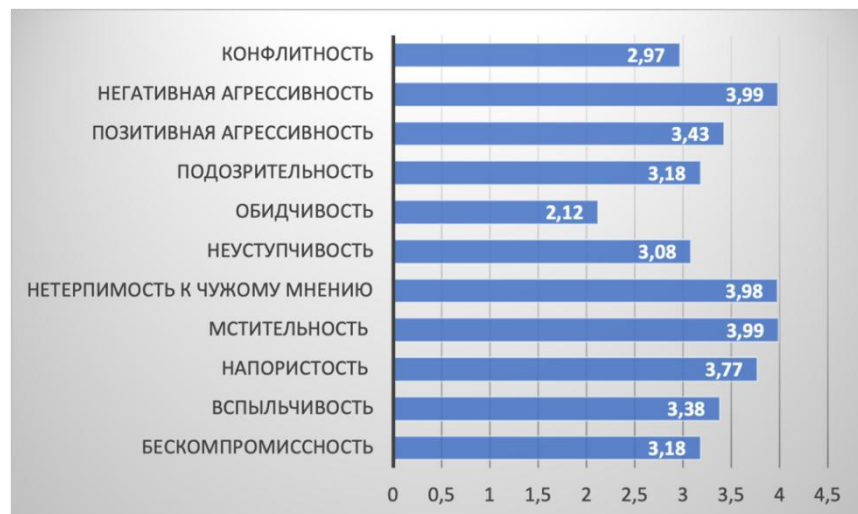

Рис. 3. Усредненные показатели уровня агрессивности и конфликтности воспитанников-подростков ЦССУ Ленинградской области (экспериментальная группа, итоговое тестирование)

Fig. 3. Averaged indicators of adolescent pupils aggressiveness and conflict level of the Leningrad region Promotion of Family Arrangement Center (experimental group, final testing)

Уровень конфликтности в экспериментальной группе по результатам промежуточного опроса – 3,76 балла.

Уровень конфликтности в контрольной группе по результатам итогового опроса – 4,24 балла (рис. 2).

Уровень конфликтности в экспериментальной группе по результатам итогового опроса – 2,97 балла (рис. 3).

Таким образом, мы видим, что эксперимент является успешным, так как по результатам опросов уровень конфликтности у воспитанников-подростков, прошедших курс повышения конфликтологической компетентности, снизился. Необходимо отметить, что положительный результат наблюдается также и в контрольной группе, в силу того что обучающиеся и делились с участниками этой группы своими знаниями, и применяли полученные знания на практике в конфликтных ситуациях с ними.

ВЫВОДЫ

Необходимый компонент эффективной социализации выпускников детских домов –

высокий уровень их конфликтологической компетентности. Она необходима детям для успешного прохождения обучения в школе, получения профессии, эффективной адаптации в коллективе и закладки фундамента своей карьеры. Эта компетентность понадобится им для принятия верных решений в реальных конфликтных ситуациях и определения вариантов действий для эффективного решения возникающих проблем.

Вышеописанный эксперимент доказал эффективность разработанного курса для снижения уровня конфликтности у подростков. Таким образом, мы видим, что внедрение в образовательный процесс детского дома курса «Управление конфликтами в повседневной жизни», включающего в себя обучающие тренинги с элементами игрофикации, построенные на основе комиксов, эпизодов из фильмов, смоделированных конфликтных ситуаций и троекратного тестирования, позволит эффективно сформировать у подростков – воспитанников детских домов конфликтологическую компетентность как элемент их успешной социализации, адаптации к социуму и конструктивного поведения.

Список источников

1. Степанова О.С., Николаева А.А. Исследование конфликтологической компетентности педагогов в контексте оптимизации комфортности и безопасности образовательной среды // Педагогика и просвещение. 2019. № 2. С. 66-76. <https://doi.org/10.7256/2454-0676.2019.2.29590>, <https://elibrary.ru/uuzhzhw>
2. Кибальник А.В., Федосова И.В. Психолого-педагогические особенности младших подростков, склонных к аддиктивному поведению // Казанский педагогический журнал. 2019. № 2 (133). С. 87-93. <https://elibrary.ru/qjdvfz>
3. Ávila Hernández A.K. The evolutive dimension of conflict resolution: contributions from behavioral sciences and the analysis of animal behavior to inquiries about peace // Journal of Aggression, Conflict and Peace Research. 2022. Vol. 15. № 2. P. 85-94. <https://doi.org/10.1108/JACPR-10-2021-0643>, <https://elibrary.ru/ynfthb>
4. Кашипов М.М., Лукина А.С., Махновец С.Н. Структурно-уровневая организация конфликтной компетентности в профессиональной деятельности руководителя // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. № 2. С. 261-278. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.209>, <https://elibrary.ru/qhwtei>
5. Taylor L.K., Bähr C. A multi-level, time-series network analysis of the impact of youth peacebuilding on quality peace // Journal of Aggression, Conflict and Peace Research. 2022. Vol. 15. № 2. P. 109-123. <https://doi.org/10.1108/JACPR-02-2022-0685>, <https://elibrary.ru/ffhtx>
6. Башкин М.В. Когнитивные аспекты поведения в межличностном конфликте студентов с высоким уровнем выраженности внутриличностной конфликтности // Общение в эпоху конвергенции технологий / отв. ред. Н.Л. Карпова, Е.А. Петрова, О.В. Зотова. М.: Психол. ин-т Рос. акад. образования, 2022. С. 303-305. <https://doi.org/10.24412/cl-36917-2022-303-305>, <https://elibrary.ru/azgwgg>
7. Котова С.А., Максим В.И. Детская конфликтологическая компетентность: онтогенез и развитие, теория и практика (окончание) // Вестник практической психологии образования. 2013. № 2 (35). С. 34-46. <https://elibrary.ru/raneev>
8. Худаева М.Ю. Психологические особенности развития конфликтологической компетентности в подростковом возрасте // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 24 (143). С. 226-229. <https://elibrary.ru/rmubcr>
9. Вокуева А.С., Николаева А.А. О роли педагога в возникновении и разрешении конфликтов в образовательном учреждении // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 7. С. 390-394. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/44/50>, <https://elibrary.ru/xddbij>
10. Бандейкина Н.Н., Крюкова Т.В. Об одном подходе к оценке конфликтологической компетентности руководителя методом математического моделирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. № 1. С. 106-117. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.109>, <https://elibrary.ru/btymcq>
11. Khazan B., Yustus T. Mass and Individual: Organized Conflict Against Spontaneity // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2018. Vol. 11. № 2. P. 233-242. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0181>, <https://elibrary.ru/nrowkx>
12. Хасан Б.И. Содержательный конфликт как условие оформления образовательного интереса и профессионального самоопределения // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы 23 Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / отв. ред. Д.В. Ким. Красноярск: Сибир. юрид. ин-т Мин-ва внутренних дел Российской Федерации, 2020. Ч. 2. С. 11-13. https://doi.org/10.51980/2020_2_11, <https://elibrary.ru/uuyzfz>
13. Заусенко И.В., Озерова Е.В. Поведение подростков в конфликте: стратегии и факторы их выбора // Психологическое благополучие современного человека: материалы Междунар. заочной науч.-практ. конф. / отв. ред. С.А. Водяха. Екатеринбург, 2018. Т. 2. С. 410-420. <https://elibrary.ru/rvpiej>
14. Богданов Е.Н., Зазыкин В.Г. О психологии человеческих слабостей // Прикладная юридическая психология. 2020. № 2 (51). С. 88-93. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.2\(51\).088-093](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.2(51).088-093), <https://elibrary.ru/kciwmh>

15. Гришина Н.В. Человек в отношениях с окружающим миром: описание контекста // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2022. № 3. С. 22-39. <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.03.03>, <https://elibrary.ru/sumekg>
16. Цой Л.Н. Социальные инновации: разрешение инновационных конфликтов // Власть. 2018. Т. 26. № 7. С. 143-149. <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i7.5944>, <https://elibrary.ru/xzchxk>
17. Скаврнская И.В., Кожухарь Г.С. Феномен конфликтного поведения личности и выбор стратегии реагирования в конфликтной ситуации // Социальная психология: вопросы теории и практики: материалы 6 Междунар. науч.-практ. конф. памяти М.Ю. Кондратьева. М.: Моск. гос. психол.-пед. ун-т, 2021. С. 517-520. <https://elibrary.ru/upcha>
18. Andronnikova O.O. On the relationship between uncertainty tolerance and hardiness in adolescents // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2021. Vol. 14. № 3. P. 320-326. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0723>, <https://elibrary.ru/moccre>
19. Шейнов В.П. Взаимосвязи виктимизации, макиавеллизма и поведения в конфликте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 4. С. 431-445. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-4-431-445>, <https://elibrary.ru/vrpsp>
20. Шалагинова К.С. Гендерные особенности буллинга в подростковом возрасте // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 4. С. 62-71. <https://doi.org/10.17759/pse.2019240405>, <https://elibrary.ru/uwrqmq>

References

1. Stepanova O.S., Nikolaeva A.A. (2019). Study of conflictological competence of teachers in the context of optimization of comfort and security of the educational environment. *Pedagogika i prosveshchenie = Pedagogy and Education*, no. 2, pp. 66-76. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0676.2019.2.29590>, <https://elibrary.ru/uuzhhw>
2. Kibal'nik A.V., Fedosova I.V. (2019). Psychological and pedagogic peculiarities of early adolescents inclined to addictive behavior. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*, no. 2 (133), pp. 87-93. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qjdvmfz>
3. Ávila Hernández Á.K. (2022). The evolutive dimension of conflict resolution: contributions from behavioral sciences and the analysis of animal behavior to inquiries about peace. *Journal of Aggression, Conflict and Peace Research*, vol. 15, no. 2, pp. 85-94. (In Russ.) <https://doi.org/10.1108/JACPR-10-2021-0643>, <https://elibrary.ru/ynfthb>
4. Kashapov M.M., Lukina A.S., Makhnovets S.N. (2023). Structural-level organization of conflict competence in the professional activities of a manager. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya = Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, vol. 13, no. 2, pp. 261-278. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.209>, <https://elibrary.ru/qhwtei>
5. Taylor L.K., Bähr C. (2022). A multi-level, time-series network analysis of the impact of youth peacebuilding on quality peace. *Journal of Aggression, Conflict and Peace Research*, vol. 15, no. 2, pp. 109-123. <https://doi.org/10.1108/JACPR-02-2022-0685>, <https://elibrary.ru/ffhtx>
6. Bashkin M.V. (2022). Cognitive aspects of behavior in interpersonal conflict of students with a high level of severity of intrapersonal conflict. In: Karpova N.L., Petrova E.A., Zotova O.V. (executive eds.). *Obshchenie v epokhu konvergentsii tekhnologii* [Communication in the Era of Technology Convergence]. Moscow, Psychological Institute of Russian Academy of Education Publ., pp. 303-305. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/cl-36917-2022-303-305>, <https://elibrary.ru/azgwgg>
7. Kotova S.A., Maksim V.I. (2013). Detskaya konfliktologicheskaya kompetentnost': ontogenez i razvitie, teoriya i praktika (okonchanie) [Children's conflictological competence: ontogenesis and development, theory and practice (completion)]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Psychological Practice in Education*, no. 2 (35), pp. 34-46. (In Russ.) <https://elibrary.ru/raneev>
8. Khudaeva M.Yu. (2012). Psychological characteristics of development of conflictological competence in adolescence. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities], no. 24 (143), pp. 226-229. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rmubcr>

9. Vokueva A.S., Nikolaeva A.A. (2019). On the role of the teacher in the emergence and resolution of conflicts in educational institutions. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*, vol. 5, no. 7, pp. 390-394. (In Russ.) <https://doi.org/10.33619/2414-2948/44/50>, <https://elibrary.ru/xddbij>
10. Bandeikina N.N., Kryukova T.V. (2021). On one approach to assessing the conflictological competence of a manager using the method of mathematical modeling. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya = Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 37, no. 1, pp. 106-117. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.109>, <https://elibrary.ru/btymcq>
11. Khazan B.I., Yustus T.I. (2018). Mass and Individual: Organized Conflict Against Spontaneity. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, vol. 11, no. 2, pp. 233-242. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0181>, <https://elibrary.ru/nrowkx>
12. Khasan B.I. (2020). Soderzhatel'nyi konflikt kak uslovie oformleniya obrazovatel'nogo interesa i professional'nogo samoopredeleniya [Content conflict as a condition for the formation of educational interest and professional self-determination]. In: Kim D.V. (executive ed.). *Materialy 23 mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki»: v 2 ch.* [Proceedings of the 23rd International Scientific and Practical Conference "Actual Problems of the Fight Against Crime: Issues of Theory and Practice" in 2 pt]. Krasnoyarsk, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal of Russian Publ., pt 2, pp. 11-13. (In Russ.) https://doi.org/10.51980/2020_2_11, <https://elibrary.ru/uyyzfm>
13. Zausenko I.V., Ozerova E.V. (2018). Behavior of adolescents in the conflict: strategies and factors of their selection. In: Vodyakha S.A. (executive ed.). *Materialy Mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Psikhologicheskoe blagopoluchie sovremennogo cheloveka»* [Proceedings of the International Correspondence Scientific and Practical Conference "Psychological Well-Being of Modern Man"]. Ekaterinburg, vol. 2, pp. 410-420. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rvpiej>
14. Bogdanov E.N., Zazykin V.G. (2020). About the psychology of human weaknesses. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied Legal Psychology], no. 2 (51), pp. 88-93. (In Russ.) [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.2\(51\).088-093](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.2(51).088-093), <https://elibrary.ru/kciwmh>
15. Grishina N.V. (2022). Man in relations with the environment: context descriptions. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, no. 3, pp. 22-39. (In Russ.) <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.03.03>, <https://elibrary.ru/sumekg>
16. Tsoi L.N. (2018). Social innovation: the innovative resolution of conflicts. *Vlast' = The Authority*, vol. 26, no. 7, pp. 143-149. (In Russ.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i7.5944>, <https://elibrary.ru/xzchxk>
17. Skavronskaya I.V., Kozhukhar' G.S. (2021). Fenomen konfliktного povedeniya lichnosti i vybor strategii reagirovaniya v konfliktnoi situatsii [The phenomenon of conflict behavior of a person and the choice of a response strategy in a conflict situation]. *Materialy 6 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii pamyati M.Yu. Kondrat'eva «Sotsial'naya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki»* [Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference in Memory of M.Y. Kondratiev "Social Psychology: Questions of Theory and Practice"]. Moscow, Moscow State Psychological and Pedagogical University, pp. 517-520. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uptcha>
18. Andronnikova O.O. (2021). On the relationship between uncertainty tolerance and hardness in adolescents. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, vol. 14, no. 3, pp. 320-326. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0723>, <https://elibrary.ru/moccre>
19. Sheinov V.P. (2018). Relationships of victimization, machiavellianism and conflict behavior. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, vol. 15, no. 4, pp. 431-445. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-4-431-445>, <https://elibrary.ru/vrpscp>
20. Shalaginova K.S. (2019). Gender features of bullying in adolescence. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, vol. 24, no. 4, pp. 62-71. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2019240405>, <https://elibrary.ru/uwrqmz>

Информация об авторах

Володарская Елена Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент Высшей школы инженерной педагогики, психологии и прикладной лингвистики, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-8590-9680>

Scopus ID: 57210917091

Researcher ID: AAH-1385-2020

volodaelena@yandex.ru

Лукша Сергей Леонидович, директор, Институт изучения семьи и социальных конфликтов «БИССК», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-1888-8410>

s.luksza@yandex.ru

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 09.06.2023

Поступила после рецензирования 14.06.2023

Принята к публикации 19.06.2023

Information about the authors

Elena B. Volodarskaya, PhD., Associate Professor, Associate Professor of the Higher School of Engineering Pedagogy, Psychology and Applied Linguistics, Peter the Great Saint Petersburg State Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-8590-9680>

Scopus ID: 57210917091

Researcher ID: AAH-1385-2020

volodaelena@yandex.ru

Sergey L. Luksha, Director, Institute for family and social conflicts studies "BISSC", St. Petersburg, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-1888-8410>

s.luksza@yandex.ru

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

Received 09.06.2023

Approved 14.06.2023

Revised 19.06.2023

Научная статья
УДК 378

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-603-612>

Полиция против Хэллоуина: противодействие угрозам национальной безопасности и защита традиционной культуры

Сергей Николаевич КИПРЕЕВ

ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»
350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128
komissar.1917@mail.ru

Актуальность. Рассмотрена устремленность системы образования к формированию в современном обществе традиционных духовно-нравственных ценностей. Цель исследования – определение отношения молодежи к Хэллоуину и специфика восприятия данного мероприятия.

Материалы и методы. Предметом исследования определена роль и место празднования Хэллоуина в жизни молодежи. Для достижения цели использовались такие методы, как анализ литературы, социологический опрос, индивидуальная беседа.

Результаты исследования. Рассмотрены особенности охраны общественного порядка сотрудниками полиции в период празднования Хэллоуина; изложена антисоциальная суть данного «праздника»; рассмотрено его пагубное влияние на формирование духовно-нравственных ценностей граждан; описана специфика процесса формирования традиционного мировоззрения у сотрудников полиции как основы противодействия угрозам национальной безопасности; обоснован тезис о необходимости актуализации процесса формирования традиционной культуры в современном российском обществе. Также рассмотрено понимание смыслового содержания Хэллоуина учащейся молодежью. Доказано утверждение о том, что Хэллоуин является замещающим мероприятием, которое оттягивает на себя значительные информационные ресурсы, которые возможно потратить на более полезные направления деятельности, например, развитие традиционной российской культуры. Проанализировано влияние празднования Хэллоуина на обеспечение общественной безопасности.

Выводы. Хэллоуин является частью культурно-языковой интервенции в наше общество. Защитники закона должны придерживаться традиционных российских ценностей, и это будет способствовать повышению общего уровня сформированности культуры.

Ключевые слова: Хэллоуин, духовно-нравственные ценности, полиция, охрана общественного порядка, традиции, общество, угрозы национальной безопасности

Для цитирования: Кипреев С.Н. Полиция против Хэллоуина: противодействие угрозам национальной безопасности и защита традиционной культуры // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3. С. 603-612. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-603-612>

Original article
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-603-612>

Police against Halloween: countering threats to national security and protecting traditional culture

Sergey N. KIPREEV

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
128 Yaroslavskaya St., Krasnodar, 350005, Russian Federation
komissar.1917@mail.ru

Importance. The aspiration of education system to formation of traditional spiritual and moral values in modern society is considered. The aim of the research is to determine the attitude of youth to Halloween and the specifics of the perception of this event.

Materials and methods. The subject of the study determined the role and place of Halloween celebration in the life of young people. To achieve the goal we used such methods as: desk research, sociological survey, individual interview.

Results and Discussion. The features of public order protection by police officers during Halloween celebration are considered; set forth the anti-social essence of this “holiday”; Its detrimental influence on the formation of spiritual and moral values of citizens is considered; described the specifics of the process of formation of traditional worldview of police officers as the basis for counteracting threats to national security; substantiated the thesis on the need to actualize the formation of traditional culture in contemporary Russian society. The understanding of the semantic content of Halloween by students is also considered. The statement that Halloween is a substitute event, which draws on significant information resources that could be spent on more useful activities, such as the development of traditional Russian culture, is proved. The impact of Halloween celebrations on public safety is analyzed.

Conclusion. Halloween is part of the cultural and linguistic intervention in our society. Defenders of the law should adhere to traditional Russian values, and this will contribute to the overall level of cultural formation.

Keywords: Halloween, spiritual and moral values, police, public order protection, traditions, society, threats to national security

For citation: Kipreev, S.N. (2023). Police against Halloween: countering threats to national security and protecting traditional culture. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 3, pp. 603-612. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-603-612>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Сегодня среди россиян очень модными становятся зарубежные праздники, такие как Хэллоуин и День святого Валентина. В среде граждан они не ассоциируются с чем-то негативным и воспринимаются как очередной способ весело провести время. Однако в реальности не все так просто. В данном исследовании нами рассматриваются специфика празднования Хэллоуина и влияние его на

духовно-нравственную сферу личности, стабильность и общественный порядок.

Существует связь между понятиями «духовно-нравственные ценности» и «национальная безопасность», актуализирующаяся в сфере образования. Так, по мнению О.Р. Сигнаевской, «увеличение масштабов терроризма создает широкий спектр внутренних и внешних угроз национальной безопасности страны, заставляет по-новому взглянуть на безопасность образовательного пространства» [1, с. 64]. Зачастую вместе с новыми цен-

ностями в сферу молодежных интересов «просачиваются» негативные стимулы и ценности, которые приводят к плачевной для нашего юношества деформации личностных приоритетов.

Угрозы национальной безопасности формулируются в Стратегии национальной безопасности России, которая раскрывает «понятие глубинной сути защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, указывает на первоочередные задачи, которые необходимо решить и механизмы их реализации» [2, с. 44].

В таких зарубежных странах, как Япония¹ и Франция², неоднократно случались беспорядки в период проведения праздника Хэллоуин. Власти Москвы также тратят значительные средства на охрану общественного порядка в этот день. Обеспечением охраны общественного порядка занимается полиция. В этот день, как правило, не обходится без каких-либо курьезных случаев, молодежь, активно употребляя спиртные напитки, устраивает «разгул и шабаш» на улицах наших городов.

В крупнейших городах России молодые люди в костюмах бросают фейерверки в полицейских, устраивают поджоги и разбивают окна, безрассудное поведение участников Хэллоуина ставит под угрозу жизни других людей. Тем не менее пока нет никаких попыток включить в законодательство Российской Федерации меры по обеспечению защиты традиционных культурных ценностей и по противодействию распространению инкультуры. В отношении Хэллоуина продолжают быть толерантными.

¹ В Токио девять человек задержали за хулиганство во время Хэллоуина // РИА Новости: сайт. URL: <https://ria.ru/20191101/1560466987.html> (дата обращения: 15.09.2022).

² Во Франции во время празднования Хэллоуина задержали мужчину в маскарадном костюме, угрожавшего прохожим винтовкой // Экспресс К: сайт. URL: <https://exk.kz/news/78142/vo-frantsii-vo-vremia-prazdnovaniia-khellouina-zadierzhal-muzhchinu-v-maskaradnom-kostium> (дата обращения: 15.09.2022).

Однако не во всех странах гостеприимно относятся к празднованию Хэллоуина. В Саудовской Аравии полицию используют для понуждения приезжих уважать традиции ислама и местные правила³, которые не приемлют «разгул нечисти», и поэтому данное мероприятие не проводится в мусульманских странах. А.М. Магомедов отмечает, что «для либералов и псевдопатриотов российский патриотизм вроде осинового кола нечистой силе. Иначе бы в канун 4 ноября они заговорили об историческом величии России, а не о каком-то Хэллоуине, абсолютно инородном явлении, которое они пытаются имплантировать в сознание не только школьников, но даже воспитанников детских садов»⁴.

Понятие «традиционная культура» в данном исследовании выбрано согласно Л.Ю. Егле, которая определяет ее как «механизм сохранения, воспроизводства и передачи, а также обновления социально значимого опыта, многовековая апробация основных регуляторов деятельности, сакрализация предания прошлого, жесткое ограничение и регламентация новаций» [3]. В этом дискурсе такая новация, как Хэллоуин, становится неприемлемой.

Справедливо указал на порочность Хэллоуина А.Ю. Ткачев: «Хэллоуин – это праздник внутренней пустоты и побочный признак глобализации»⁵. Подобную мысль высказал и муфтий Дамир-Хазрат Гизатуллин, отметив, что «эту культуру хотят нам привить. Но у нас свои традиции, своя культура и свои праздники»⁶.

³ В Саудовской Аравии 17 филиппинок задержали из-за празднования Хэллоуина // ТВЦ: сайт. URL: <https://www.tvc.ru/news/show/id/148592> (дата обращения: 15.09.2022).

⁴ Магомедов А.М. Истоки нашей мощи и единства // Дагестанская правда. 2016. 3 нояб. С. 1. URL: <https://dagpravda.ru/obshestvo/istoki-nashej-moshi-i-edinstva/>

⁵ Ткачев А., *прот.* Хэллоуин: экспортное язычество // Русская линия: православное информационное агентство: сайт. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=57599> (дата обращения: 27.10.2022).

⁶ Школьникам Москвы запретили отмечать Хэллоуин // Интерфакс: сайт. URL: <http://www.interfax->

Обращает внимание вторжение Хэллоуина в образовательное пространство. Например, учителя английского языка Ю.В. Александрова и Д.Д. Слюнкова предлагают использовать комикс, который не формирует неприязнь к безобразному и злему, а наоборот «учит детей не бояться сверхъестественных существ». Причем педагоги понимают, что «некоторых детей может пугать тематика Хэллоуина со всеми его монстрами и эстетикой смерти» но, по их мнению, «данный комикс может помочь примирить их с культурой данного праздника» [4, с. 419]. Приведенный пример является негативной педагогической тенденцией, когда содержание образования не рассматривается через призму культуросообразности и ценностей, а вводится в учебные программы недостаточно обоснованно.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методами исследования нами определены анализ научной литературы, социологический опрос, индивидуальная беседа. Благодаря комплексному использованию выбранных методов удалось решить задачи исследования и достигнуть его цели.

Тематика Хэллоуина рассматривалась в трудах таких исследователей, как Т.И. Апраксина, М.А. Брага, Д.В. Бураков, М.Е. Вохар, О. Ковзеле, В. Стрелковски, В.Н. Киселева, М.В. Вовк, Т.Х. Мухиддинова и др. Для современных российских граждан понимание сущности праздника заключается в восприятии, что Хэллоуин – это «костюмирование (ряжение) с использованием символики смерти и хоррора, «тыквенная» атрибутика, атмосфера безудержного веселья в сочетании с элементами мрачного, «черного» юмора» [5].

Анализ литературы способствовал формулировке вопросов опросника, актуализировал место изучения Хэллоуина в научно-образовательной сфере. Благодаря социологическому опросу нами была решена задача

классификации людей по различным группам отношения к празднованию Хэллоуина, было выявлено отношение к тем или иным аспектам, связанным с тематикой исследования. Проводя индивидуальные беседы с молодежью, нам удалось добиться доверительных отношений с респондентами и получилось выяснить их истинное отношение к изучаемой проблеме.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Нами проведено исследование молодежи в возрасте 17–24 лет, учащейся в образовательных организациях, обучающих сотрудников полиции. Целью исследования было определение отношения к Хэллоуину и специфики восприятия данного мероприятия.

Выборка исследования характеризовалась однородностью, составила 98 человек, участвовавших один или несколько раз в Хэллоуине, из них юношей – 46, девушек – 52. Этническая принадлежность – русские, конфессиональная принадлежность – традиционное православие. Социальное происхождение респондентов – в основном городские жители.

Результаты исследования представлены в табл. 1.

Прискорбно констатировать факт того, что большое количество участников Хэллоуина не видят ничего отвратительного в использовании «трупов, крови, оторванных частей тела» на данном «шабаше». Большинство людей воспринимает это сборище как возможность проявить себя в компании и еще один повод побыть среди друзей, очередной повод неплохо повеселиться. Мистические заклинания респонденты считают забавными и не видят ничего плохого в одевании костюма ведьмы или дьявола, если хочется повеселиться.

Замечательную мысль по этому поводу высказал протоиерей Федор Бородин: «Если вдруг людям стали только демоны и интересны, значит, в них что-то сильно поменялось. И если весь акцент и весь интерес, как в Хэллоуине, сместился со всех святых на тех,

Таблица 1

Понимание смыслового содержания Хэллоуина молодежью,
учащейся в образовательных организациях МВД России

Table 1

Understanding of the semantic content of Halloween by young students in
Ministry of Internal Affairs of Russia educational organizations

Вопрос/утверждение	Количество ответивших респондентов				
	Нет	Скорее нет	Нечто среднее	Скорее да	Да
Праздник – это возможность проявить себя	3	5	12	29	49
Это еще один повод побыть в компании друзей	1	1	16	24	56
Реализация желания «попугать» знакомых	10	13	3	14	58
Мне интересны ужасы и привлекают вампиры и темнота	21	7	19	8	43
Хэллоуин – это веселое проведение времени	1	2	9	18	68
Готовы ли вы отказаться от данного празднования?	34	9	12	11	32
Употребляю алкоголь на празднике	12	4	2	34	46
Не вижу ничего плохого в одевании костюма ведьмы или дьявола, если хочется повеселиться	4	3	8	41	42
Шуточное, смешное убийство может быть смешным	18	4	22	21	33
Трупы, кровь, оторванные части тела не вызывают у меня отвращения	23	21	14	16	24
Участие в вызывании духов – это интересное занятие	14	10	21	22	31
Мистические заклинания – это забавно	11	6	13	27	41
Нет ничего плохого в том, чтобы пошуметь на улицах	7	13	14	28	36

кто этих святых ненавидел и с ними боролся, то, видимо, демоны победили в душах празднующих. Поэтому для нас, христиан, участие в этом празднике – предательство нашей веры» [6].

Примечателен тот факт, что примерно равное количество ответов «да» и «нет» получено на вопросы «Готовы ли вы отказаться от данного празднования?», что говорит о неготовности участников данного мероприятия защищать его.

Обращает на себя внимание тот факт, что для большего раскрепощения участники международного праздника в России предпочитают употреблять алкоголь и таким образом создают опасность для общества, так как, употребив горячительные напитки, молодежь склонна к антисоциальному поведению.

Выявлена корреляция просмотров фильмов ужасов и интереса к участию в праздновании Хэллоуина. Молодые люди, не интересующиеся данным «праздником», также не выражают желания пощекотать нервы. Лица

со склонностью к гедонизму также чаще участвуют в Хэллоуине. Однако уровень смыслового понимания данного «празднества» как у участников Хэллоуина, так и у безразлично относящихся к нему примерно одинаков.

Безусловно, «основная масса участников «праздника» думает просто пощекотать себе нервы, попугать друг друга, а потом весело посмеяться и вернуться к обычной жизни. Но упоминание темной силы, а тем более воплощение образов зла в нарядах и масках никогда просто так не проходит. Все это вторгается внутрь и со временем произведет свое действие» [6].

Сатанизм праздника Самайн, с которым неразрывно слился Хэллоуин, никто старается не замечать. Многие педагоги используют этот день как дополнительную возможность обучить детей и подростков английскому языку, представляют его в виде культурного явления, присущего иностранной традиции. Религиозные элементы Хэллоуина «противоречат светскому характеру образовательного процесса, его празднование разрушительно

для психики и для психического и духовно-нравственного здоровья учащихся» [7].

Хэллоуин является замещающим мероприятием, которое оттягивает на себя значительные информационные ресурсы, которые возможно было бы потратить на более полезные направления деятельности, например, на развитие традиционной российской культуры. Психологически не является нормой смех над страшным. Радость должна возникать у человека в качестве реакции на приятные стимулы, а объекты, которые по определению являются злом, должны вызывать неприятие и отторжение. Неокрепшая психика у подростков является особенно уязвимой для негативного информационно-психологического воздействия.

Хэллоуин также является частью культурно-языковой интервенции в наше общество. Любители «тыкв с глазами» используют специальную ролевую терминологию, заимствованную из английского языка. Например, слэшерами называют одетого в маску «убийцу», который должен преследовать и изощренно «убивать» участников праздника. «Неразрывная связь языка и культуры предопределила возникновение собственно лингвистических аспектов глобализации, которая ведет не только к взаимопроникновению и обогащению национальных культур, но и представляет угрозу культурно-языковой самобытности» [7].

Для обучающихся в образовательных организациях МВД России участие в таком праздновании неприемлемо. Поздно вечером и в ночное время курсанты, проживающие за пределами образовательной организации, обязаны находиться по месту жительства и не имеют права посещать ночные клубы и массовые гуляния. Однако при нахождении в отпуске данные ограничения снимаются, и вопрос «быть или не быть» остается на совести самого сотрудника. От уровня сформированности духовно-нравственных ценностей зависит и отношение к такому мероприятию, как Хэллоуин.

Актуализация процесса формирования традиционной культуры в современном рос-

сийском обществе налицо. Для формирования личности человека в структуре, в которой одно из важнейших мест будет занимать патриотизм, необходимо формировать социокультурный тип чувства патриотизма, который зиждется на системе традиционных духовно-нравственных ценностей. Человек, имеющий знание о «своем», испытывающий потребность быть причастным родной культуре, искусству, традициям и обычаям, будет направлять все свои силы для обеспечения защиты своего Отечества, будет жить ради благополучия своей Родины, важным критерием которого как раз и является производство культурных ценностей.

ВЫВОДЫ

Культура исследуемого «народно-католического» праздника несвойственна для традиций жителей России, обладает специфической музыкой, символикой, костюмами, традициями, особенной праздничной кухней. Примечательно мнение известного религиоведа Ивара Максута: в нашей стране Хэллоуин никогда не был карнавалом, карнавалы – как правило, довольно редкое явление в русской культуре. Таким образом, все эти переодевания, в чем-то даже театральные, не имеют культурных корней в нашей культуре⁷. В России есть отечественные аналоги данной культуры. Например, традиция выпрашивания сладостей у нас в стране имеет древнюю православную традицию – колядование.

Сегодня в эпоху экономического импортозамещения нам необходимо и импортозамещение культурное. И.Г. Шарков и В.П. Безруков отмечают, что современная молодежь подвергает «опасности собственную духовность и самобытность народа в целом. Ведь слепое подражание оригинальным с виду обычаям может привести к тому, что нацию с устоявшимися традициями и православной культурой заменит собрание самовыражен-

⁷ Алексеева Н. Halloween. Быть или не быть? URL: <https://blonda-s-keksom.livejournal.com/3931.html> (дата обращения: 10.10.2022).

ных людей. Противостоять этой новой традиции в России нужно просвещением, изучением богатой отечественной духовной культуры, а не запретами» [8, с. 118].

Нами разделяется мнение Б.Б. Булатова и Р.И. Сефербекова о том, что навязывание нашему народу праздника Хэллоуин следует рассматривать «как попытки девальвировать наши духовные ценности, в том числе общегосударственные праздники, являющиеся скрепами единой, неделимой державы, символами патриотизма» [9, с. 92].

Н.В. Вакурова и Л.И. Московкин напоминают, что «в первые годы века прошло несколько физических провалов с ростом депрессивных и суицидальных настроений. Для власти страны было бы самоубийственно во время демографического провала помогать народу праздновать деструктивный Хэллоуин» [10, с. 136].

Поэтому следует выдавливать из нашего общества всю иноземную грязь, в которую нас втапывали в течение последних тридцати лет. А.А. Тихонова указывает на опасность замены традиций: «в городе обмирщение собственной коренной культуры и заимствование чужой происходит быстрее, глобализация приводит к кризису идентичности и внутреннему опустошению личности. Заимствуя чужую культуру, мы постепенно забываем свою. Так и происходит со Святками, которые постепенно подменяет Хэллоуин» [11, с. 106].

Необходимо развивать свои традиции, проверенные временем, которым на Руси уже более тысячи лет. О.Н. Прокопюк уверен, что для профилактики нетрадиционного мировосприятия «нужно предупреждать всех сочувствующих этому «празднику», ибо через это, казалось бы, светское и игривое торжество человек, по своей свободной воле и по попущению Божию, может вступить в прямой

контакт с силами зла, которые, в свою очередь, шутить не будут. Последствия будут разрушительными для личности» [12, с. 163].

Для защиты традиционализма Э.М. Молчан предлагает обратиться к опыту социальных структур нашего общества и авторитетных личностей, которые являются гарантами духовной стабильности общества и хранителями ценностей: «от меры включения личностей и социальных групп с высоким уровнем духовно-нравственных ценностей во все процессы педагогической системы зависит способность образования обеспечить устойчивое саморазвитие России» [13, с. 98].

Несмотря на безразличное отношение большинства граждан к Хэллоуину, по-прежнему остается активное меньшинство, которое ежегодно «отдает дань тыкве». Однако в нашем обществе в последние годы наблюдаются положительные сдвиги, и, несмотря на различные противостояния, происходит постепенное обращение нашего народа к традиционным русским праздникам. «Происходит создание аналогичных, но, в отличие от западных, поддерживающих традиционные культурные ценности нашего государства праздников, например, День памяти святых князей Петра и Февронии Муромских» [14].

Благодаря активной разъяснительной деятельности патриотически настроенных общественных организаций и активизации работы государственных структур по защите духовно-нравственных ценностей общественное мнение и приоритетные взгляды граждан меняются в сторону традиционализма. Особое значение здесь также имеет то, каким мировоззрением будут обладать сотрудники правопорядка. Уровень сформированности культуры полицейских должен быть высоким, и защитники закона должны придерживаться традиционных российских ценностей.

Список источников

1. Сигнаевская О.Р. Национальная безопасность и гражданское общество в контексте духовно-нравственных ценностей образования // Философия образования. 2008. № 4 (25). С. 60-66. <https://elibrary.ru/ktxgct>

2. Шинкаревский П.В. Стратегия национальной безопасности о традиционных российских духовно-нравственных ценностях, культуре и исторической памяти // Человек-Природа-Общество: Теория и практика безопасности жизнедеятельности, экологии и валеологии. 2021. № 7 (14). С. 42-44. <https://elibrary.ru/podzxe>
3. Егле Л.Ю. Традиционная культура: основные подходы к исследованию // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 29-2. С. 43-50. <https://elibrary.ru/reobec>
4. Александрова Ю.В., Слюнкова Д.Д. Влияние героев американских комиксов на формирование вторичной языковой личности младших школьников // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. № 12. С. 418-427. <https://doi.org/10.34755/IROK.2021.14.47.014>, <https://elibrary.ru/puldyx>
5. Павлов А.Ю., Фирстова Н.А. Эволюция праздника Хеллоуин // Молодежь третьего тысячелетия: сб. науч. ст. / отв. ред. С.В. Белим. Омск: Омск. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, 2017. С. 1166-1170. <https://elibrary.ru/zthtrr>
6. Бородин П.Ф., Духанин С.В., Ефанов П.А. Почему христианину нельзя участвовать в Хэллоуине? // ОБЖ: Основы безопасности жизни. 2019. № 4. С. 28-29. <https://elibrary.ru/kghnwf>
7. Буракова И.И. Влияние глобализации на русский язык и культуру нации // Медрабботник дошкольного образовательного учреждения. 2018. № 2. С. 70-78. <https://elibrary.ru/tijqtc>
8. Шарков И.Г., Безруков В.П. Духовно-нравственные и культурные угрозы заимствованных праздничных традиций в условиях глобализации // Язык, культура и литература: Ежегодник. Волгоград: Науч. изд. центр «Абсолют», 2021. Вып. 3. С. 116-119. <https://elibrary.ru/arcjdt>
9. Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И. Отношение горожан Дагестана к нетрадиционным для России праздникам: Хэллоуин // Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет» / отв. ред. М.Р. Нахаев. Грозный: ИП Овчинников Михаил Артурович (Типография Алеф), 2018. С. 90-94. <https://elibrary.ru/pnzuxd>
10. Вакурова Н.В., Московкин Л.И. Импортзамещение праздников // Гуманизация информационного пространства в контексте диалога культур: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию со дня рожд. первого декана фак-та журналистики Казан. ун-та Флорида Агзамова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 130-138. <https://elibrary.ru/wytakt>
11. Тихонова А.А. Святки и Хэллоуин: архетипическое единство и различие праздничных народных традиций // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 3 (71). С. 99-107. <https://elibrary.ru/wluebv>
12. Прокопюк О.Н. Появление праздника Хэллоуин в России и его влияние на подрастающее поколение // Труды Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью). 2017. № 6. С. 158-164. <https://elibrary.ru/uqbyxm>
13. Молчан Э.М. Духовно-нравственные ценности в культурно-образовательном пространстве социума // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 1 (21). С. 93-100. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2019-1-93-100>, <https://elibrary.ru/zcnqol>
14. Кондаурова С.А. Хэллоуин: день всех святых или древний языческий праздник? // Студенчество России: век XXI: материалы 8 Всерос. молодеж. науч.-практ. конф.: в 3 ч. Орел: Орлов. гос. аграр. ун-т им. Н.В. Парахина, 2022. Ч. 2. С. 176-179. <https://elibrary.ru/nayljd>

References

1. Signaevskaya O.R. (2008). The national security and the civil society in the context of mental and moral values of education. *Filosofiya obrazovaniya = Philosophy of Education*, no. 4 (25), pp. 60-66. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ktxgct>
2. Shinkarevskii P.V. (2021). Strategy of national security on traditional Russian spiritual and moral values, culture and historical memory. *Chelovek-Priroda-Obshchestvo: Teoriya i praktika bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti, ekologii i valeologii* [Man-Nature-Society: Theory and Practice of Life Safety, Ecology and Valeology], no. 7 (14), pp. 42-44. (In Russ.) <https://elibrary.ru/podzxe>
3. Egle L.Yu. (2014). Traditional culture: the main research approaches. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Art*, no. 29-2, pp. 43-50. (In Russ.) <https://elibrary.ru/reobec>

4. Aleksandrova Yu.V., Slyunkova D.D. (2021). The influence of american comic book characters on the formation of the secondary linguistic personality of younger schoolchildren. *Voprosy ustoychivogo razvitiya obshchestva* [Issues of Sustainable Development of Society], no. 12, pp. 418-427. (In Russ.) <https://doi.org/10.34755/IROK.2021.14.47.014>, <https://elibrary.ru/puldyx>
5. Pavlov A.Yu., Firstova N.A. (2017). Evolyutsiya prazdnika Khellouin [The evolution of the Halloween holiday]. In: Belim S.V. (executive ed.). *Molodezh' tret'ego tysyacheletiya* [Youth of the Third Millennium]. Omsk, Omsk F.M. Dostoevsky State University, pp. 1166-1170. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zthtrr>
6. Borodin P.F., Dukhanin S.V., Efanov P.A. (2019). Pochemu khristianinu nel'zya uchastvovat' v Khellouine? [Why can't a Christian participate in Halloween?]. *OBZh: Osnovy bezopasnosti zhizni = FLS. Fundamentals of Life Safety*, no. 4, pp. 28-29. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kghnwf>
7. Burlakova I.I. (2018). Vliyanie globalizatsii na russkii yazyk i kul'turu natsii [The impact of globalization on the Russian language and culture of the nation]. *Medrabotnik doskol'nogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya* [A Medical Staff of a Preschool Educational Institution], no. 2, pp. 70-78. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tijqtc>
8. Sharkov I.G., Bezrukov V.P. (2021). Dukhovno-nravstvennye i kul'turnye ugrozy zaimstvovannykh prazdnichnykh traditsii v usloviyakh globalizatsii [Spiritual, moral and cultural threats of borrowed holiday traditions in the context of globalization]. *Yazyk, kul'tura i literatura: Ezhegodnik* [Language, Culture and literature: Yearbook]. Volgograd, Scientific Publishing Center "Absolute", issue 3, pp. 116-119. (In Russ.) <https://elibrary.ru/arcjdt>
9. Bulatov B.B., Seferbekov R.I. (2018). Otnoshenie gorozhan Dagestana k netraditsionnym dlya Rossii prazdnikam: Khellouin [The attitude of Dagestan citizens to an unconventional holiday for Russia: Halloween]. In: Nakhaev M.R. (executive ed.). *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu FGBOU VO «Chechenskii gosudarstvennyi universitet» «Kavkazskii mir: problemy obrazovaniya, yazyka, literatury, istorii i religii»* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 80th Anniversary of the Kadyrov Chechen State University "Caucasian World: Problems of Education, Language, Literature, History and Religion"]. Grozny, Ovchinnikov Mikhail Arturovich Sole Proprietorship (Alef Typography), pp. 90-94. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pnzuxd>
10. Vakurova N.V., Moskovkin L.I. (2016). Importozameshchenie prazdnikov [Holidays import substitution]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu so dnya rozhdeniya pervogo dekana fakul'teta zhurnalistiki Kazanskogo universiteta Florida Agzamova «Gumanizatsiya informatsionnogo prostranstva v kontekste dialoga kul'tur»* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 80th Anniversary of Birth of the first Dean of the Faculty of Journalism of Kazan University, Florida Agzamov "Humanization of Information Space in the Context of Cultural Dialogue"]. Kazan, Kazan University Publ., pp. 130-138. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wytakt>
11. Tikhonova A.A. (2016). Christmastide (Svyatki) and Halloween: festive folk customs archetypal unity and distinction. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, no. 3 (71), pp. 99-107. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wluebv>
12. Prokopyuk O.N. (2017). Emergence of Halloween holiday in Russia and its influence on young generation. *Trudy Belgorodskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii (s missionerskoi napravlennoy) = The Works of the Belgorod Orthodox Theological Seminary (With Missionary Orientation)*, no. 6, pp. 158-164. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uqbyxm>
13. Molchan E.M. (2019). Spiritual and moral values in the cultural and educational space of society. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya = Economic and Social Research*, no. 1(21), pp. 93-100. (In Russ.) <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2019-1-93-100>, <https://elibrary.ru/zenqol>
14. Kondaurova S.A. (2022). Khellouin: den' vseh svyatykh ili drevnii yazycheskii prazdnik? [Halloween: All Saints' Day or an Ancient Pagan Holiday?]. *Materialy 8 Vserossiiskoi molodezhnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Studenchestvo Rossii: vek 21»: v 3 chastyakh. Chast' 2* [Proceedings of the 8th All-Russian Youth Scientific and Practical Conference "Students of Russia: 21st Century": in 3 pts.]. Orel, Orel State Agrarian University named after N.V. Parakhin Publ., pt. 2, pp. 176-179. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nayljd>

Информация об авторе

Кипреев Сергей Николаевич, адъюнкт, кафедра социально-гуманитарных дисциплин, Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Краснодар, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-3948-8360>
komissar.1917@mail.ru

Поступила в редакцию 01.02.2023

Поступила после рецензирования 26.04.2023

Принята к публикации 19.05.2023

Information about the author

Sergey N. Kipreev, Adjunct, Social and Humanitarian Disciplines Department, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Krasnodar, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-3948-8360>
komissar.1917@mail.ru

Received 01.02.2023

Approved 26.04.2023

Revised 19.05.2023

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Научная статья
УДК 372.881.111.1

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-613-624>

Развитие иноязычной читательской компетенции с помощью гипертекстов

Марина Игоревна ДОЛЖЕНКОВА , Николай Владимирович МЕДВЕДЕВ ,

Надежда Васильевна ХАУСМАНН-УШКОВА
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

*Адрес для переписки: dolgenkovam@mail.ru

Актуальность. В современных условиях большинство взаимодействий с письменными текстами происходит в цифровой среде, из-за чего появляется необходимость реализации свойства гипертекстуальности учебных материалов для развития актуальных навыков чтения. Цель исследования – интегрировать гипертекстуальность в процесс формирования читательской компетенции.

Материалы и методы. Сопоставительный анализ теорий организации учебного чтения позволил выявить универсальный перечень стратегий. Синтез эмпирических данных, полученных в результате изучения функциональных свойств гипертекстов, способствовал определению специфики этого учебного материала в контексте методики преподавания иностранных языков.

Результаты исследования. Был определен и изучен состав иноязычной читательской компетенции, состоящий из трех компонентов: мотивационного, когнитивного и деятельностного. Компоненты определяют требования к свойствам текста, среди которых присутствует структурное разнообразие, призванное провоцировать применение различных читательских стратегий для выполнения коммуникативных задач. В качестве универсальной типологии видов чтения была использована классификация С.К. Фоломкиной. Было установлено, что взаимодействие с гипертекстом является исследовательской стратегией, при которой комбинированно используются просмотровое чтение и три других типа.

Выводы. Предложенная модель взаимодействия с гипертекстом, разделенная на четыре этапа, позволяет эффективно реализовывать все компоненты иноязычной читательской компетенции: мотивационный – благодаря интерактивности гипертекста, предрасполагающей к автономности проведения исследования; когнитивный – благодаря аутентичности и потенциальной бесконечности учебных материалов, представленных гипертекстом; деятельностный – благодаря созданию условий комплексного использования всех видов чтения.

Ключевые слова: читательская компетенция, гипертексты, исследовательская компетенция, стратегии чтения, навыки чтения

Для цитирования: Долженкова М.И., Медведев Н.В., Хаусманн-Ушкова Н.В. Развитие иноязычной читательской компетенции с помощью гипертекстов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3. С. 613-624.
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-613-624>

THEORY AND METHODS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Original article

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-613-624>

Foreign language reading competence development via hypertexts

Marina I. DOLZHENKOVA *, Nikolay V. MEDVEDEV ,
Nadezhda V. HAUSMANN-USHKOVA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

*Corresponding author: dolgenkovam@mail.ru

Importance. Nowadays most interactions with texts take place on the Internet. Because of this, it is required to implement the properties of hypertextuality for education materials creation in order to develop relevant reading skills. The purpose of the study is to integrate hypertextuality into the process of forming reading competence.

Materials and methods. A comparative analysis of the reading organization theories was used to identify a universal list of strategies. The synthesis of empirical data obtained as a result of studying the functional properties of hypertexts contributed to determining the specifics of this educational material in the context of foreign language teaching methods.

Results and Discussion. The composition of the foreign language reading competence was determined and studied. It consists of three components: motivational, cognitive and practical. The components define the requirements for the properties of the text, among which is a structural diversity used to provoke the implementation of various reading strategies required to perform communicative tasks. S.K. Folomkina's classification was used as a universal typology of reading types. It was found that interaction with hypertext is more of a research strategy which combines skimming with the other three types of reading.

Conclusion. The proposed model of interaction with hypertext, divided into four stages, makes it possible to effectively implement all components of a foreign language reading competence: motivational due to the interactivity of hypertext, predisposing to the autonomy of research; cognitive due to the authenticity and potential infinity of educational materials presented by hypertext; practical due to the creation of conditions for the integrated use of all types of reading.

Keywords: reading competence, hypertexts, research competence, reading strategies, reading skills

For citation: Dolzhenkova, M.I., Medvedev, N.V., & Hausmann-Ushkova, N.V. (2023). Foreign language reading competence development via hypertexts. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 3, pp. 613-624. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-613-624>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Чтение является интегральной частью развития иноязычной коммуникативной компетенции, поскольку с помощью преимущественно этого вида речевой деятельности происходит восприятие и анализ языкового материала в условиях искусственного усвоения иностранного языка. С повышением языковых и речевых навыков пропорционально возрастает объем письменных текстов, с которыми обучающимся необходимо работать для дальнейшего культивирования читательской компетентности на иностранном языке. При прохождении этапа аддитивного билингвизма на средних уровнях развития иноязычной коммуникативной компетенции возможен положительный перенос навыков читательской компетенции из родного языка. Однако в родном языке данная компетентность развивается естественным образом, при котором не всегда присутствует формальный контроль, поэтому вероятно наличие лагун в системе читательских стратегий обучающихся. К тому же развитие иноязычной читательской компетентности отягчается необходимостью развития навыков низшего порядка – языковых и речевых.

Несмотря на указанные трудности, иноязычная читательская компетенция очень часто является способом развития культурной и профессиональной осведомленности. С помощью чтения обучающийся воспринимает и усваивает большинство лингвокультурной информации. Данную функцию также выполняет и слушание, но в учебно-методических комплексах объем письменных текстов превышает в процентном соотношении объем звучащих. Являясь средством передачи лингвокультурной информации, письменный текст находит широкое применение в профессиональном языковом образовании. Например, П.В. Сысоев выделяет тексты профессиональной направленности в качестве системообразующего элемента предметно-языкового интегрированного обучения: «Основной обучения иностранному языку для

профессионального общения вне аутентичной языковой среды выступает текст в различных его функциональных типах» [1]. Исходя из важности роли текстов профессиональной направленности при обучении иностранным языкам в вузах можно утверждать, что развитие иноязычной читательской компетенции неразрывно сопряжено с профессиональным языковым образованием. Поскольку на уровне владения языком В2 необходимо формирование специализированного вокабуляра, отвечающего требованиям коммуникативного поведения специалиста профессиональной сферы. Вместе с обогащением словарного запаса обучающегося происходит расширение его профессиональной концептуальной системы, а расширение пассивного вокабуляра зачастую происходит при экстенсивном чтении.

Средства организации процесса чтения на иностранном языке являются способами предоставления письменного текста учащимся, поэтому, условно, в качестве средств чтения можно использовать любой инструмент обеспечения графической информацией. Тем не менее функциональные возможности средств различаются ввиду особенностей устройства процесса взаимодействия с ними. Актуальным направлением методики преподавания иностранных языков в высших учебных заведениях является информатизация учебного процесса путем его полного или частичного переноса в цифровую среду. За последние несколько лет было опубликовано множество научно-исследовательских работ, в которых освещаются вопросы интеграции интернет-средств обучения в практике преподавания иностранных языков [2–4]. В них выделяется перспективность применения информационно-коммуникационных технологий в преподавании иностранных языков ввиду: 1) возможности комплексного развития общепрофессиональных компетенций; 2) эргономичности организации учебных материалов; 3) увеличения разнообразия учебных материалов и повышения их аутентичности.

Цель исследования – разработать модель развития иноязычной читательской компетенции путем использования свойства гипертекстуальности цифровых текстов. Задачи: определить состав иноязычной читательской компетенции; установить взаимосвязь стратегий чтения с характеристиками текстов; создать модель взаимодействия обучающихся с гипертекстами при выполнении заданий, направленных на развитие иноязычной читательской компетенции.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование основывается на корпусе отечественной и зарубежной научной литературы, посвященной вопросам развития речевых навыков чтения и цифровизации языкового образования. Путем систематизации полученных концепций синтезируется теория организации процесса обучения чтению в цифровой среде. Эмпирическое исследование свойств гипертекстов позволило смоделировать процесс выполнения заданий на чтение с учетом особенностей взаимодействия с узлами гипертекста.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Чтение выступает в качестве самостоятельного вида речевой деятельности, когда учащиеся пользуются автоматизированной системой языковых навыков для извлечения новой информации из текстовых материалов. Автоматизация в данном случае подразумевает сформированность техники чтения – способности соотносить графическую форму речевой единицы с ее значением. Развитие и закрепление техники чтения происходит на начальных этапах обучения иностранному языку, поэтому в контексте развития иноязычной читательской компетенции она не является акцентируемым предметом процесса обучения. Так как на средних этапах языкового образования масштаб анализа текста превышает уровень языковых единиц, сформированность техники чтения воспринимается как должное. Помимо техники чтения,

для взаимодействия с письменным текстом от обучающегося также требуется применение перечня стратегий анализа. В структуре коммуникативной компетенции такие навыки чтения будут занимать более высокую, по сравнению с техникой чтения, ступень, поскольку они применяются на речевом уровне для решения коммуникативных задач, в то время как техника чтения больше относится к языковому уровню, при котором происходит точечный анализ единиц общения.

Иноязычная читательская компетенция включает в себя комплекс процессуальных навыков обработки письменной информации, который позволяет выполнять сложные коммуникативные задачи. Т.А. Разуваева предложила структуру иноязычной читательской компетенции, состоящую из трех компонентов: мотивационного, когнитивного и деятельностного [5]. С помощью мотивационного компонента читательской компетенции обучающийся ставит поисково-исследовательские задачи при анализе корпуса литературы, заранее обозначая критерии отбора информации. Когнитивный компонент соотносится со знаниевой системой обучающегося – с совокупностью фактов о культуре, языке и о предметной сфере специализации. Деятельностный компонент содержит в себе умения, реализуемые непосредственно во время процесса чтения: оценка текста и определение его релевантности по отношению к поставленным критериям отбора информации; анализ письменного текста и его интерпретация; прогнозирование дальнейшего содержания текста.

В компонентном составе иноязычной читательской компетенции, помимо непосредственно языковых и речевых навыков, также фигурируют метапредметные навыки общения с письменным текстом. В частности, целеполагание, интерпретация и прогнозирование не привязаны к конкретному языку. Тем не менее иноязычная читательская компетенция является многоэлементной системой, цельное развитие которой возможно при гармоничном развитии всех ее состав-

ляющих. Например, корректное использование навыков интерпретации текста требует реализации когнитивного компонента, включающего в себя лингвокультурные знания. По этой причине формирование читательской компетенции требует условий, при которых будут реализовываться все ее компоненты, представляющие собой сложно переплетенную совокупность языковых, речевых, предметных и метапредметных навыков. Для создания таких условий преподавателю необходимо: во-первых, предоставить возможности использования разных стратегий чтения для достижения поставленных учебных задач; во-вторых, предоставить многообразие текстов для чтения, позволяющих развивать коммуникативную, предметную и метапредметные компетенции.

В методике преподавания иностранных языков существует множество теорий касательно классификации видов чтения (в нашем исследовании стратегия и вид чтения воспринимаются синонимично). В работах Р.К. Миньяр-Белоручева выделяется дихотомия чтения, разделяемая по учебным целям. Из нее следует, что информативное чтение можно разделить на две стратегии: изучающее чтение нацелено на детальный анализ языковых, речевых и смысловых элементов текста для извлечения наибольшего количества информации; поисковое чтение нацелено на идентификацию ограниченной информации в тексте, которая релевантна по отношению к поисково-исследовательским задачам. При этом Р.К. Миньяр-Белоручев в рамках поискового чтения отдельно выделяет его разновидность – динамическое чтение, которое отличается повышенной скоростью для наискорейшего определения ценности текста [6, с. 177].

С.К. Фоломкина, кроме упомянутых поискового и изучающего чтения, выделяла ознакомительное и просмотровое [7, с. 24-29]. Ознакомительное чтение характеризуется С.К. Фоломкиной как самая распространенная стратегия взаимодействия с письменным текстом – как обычное чтение. Оно подразумевает взаимодействие со всем объемом

текста, но в отличие от изучающего не подразумевает полного понимания путем детализированного анализа всех элементов. Читающим могут быть проигнорированы второстепенные факты ввиду их малой значимости для общего понимания текста. Другим критерием пропуска части информации текста может быть ограниченность когнитивного компонента иноязычной читательской компетенции. Обучающийся не способен понять некоторые элементы из-за недостаточного качества языковых или предметных знаний.

Просмотровое чтение используется для оценивания релевантности текста путем беглого чтения. Степень усвоения содержания крайне низка, поскольку во время просмотрового чтения обучающийся в основном занимается поиском ключевых слов в тексте для прогнозирования его полного предметного содержания. Просмотровое чтение предшествует другим стратегиям, поскольку оно выполняет уникальную функцию отбора корпуса текстов для дальнейшего исследования.

Схожую классификацию стратегий чтения можно наблюдать у зарубежных методистов. Например, К. Наттолл выделяла стратегии “skimming” и “scanning” [8, p. 49]. Их можно соотнести с просмотровым и поисковым чтением соответственно, поскольку функционально они выполняют одни и те же задачи. Схожесть между данными стратегиями заключается в игнорировании большей части текста для повышения эффективности чтения. Выделяется ряд практических рекомендаций для этих видов чтения: чтение только первого предложения абзаца/параграфа для прогнозирования содержания; чтение последнего предложения абзаца/параграфа, в котором зачастую находятся выводы; чтение выделенных полужирным или курсивом слов, поскольку они зачастую являются ключевыми; использование указателя в книге или же поиска по словам в электронном ресурсе [9].

Аналогами изучающего и просмотрового чтения являются “intensive reading” и “extensive reading” [10, p. 4]. Применяется интенсивное и экстенсивное чтение для решения

тех же задач, что изучающее и просмотровое. Особо в литературе выделяются структура и свойства текстов для экстенсивного и интенсивного чтения. Экстенсивное чтение требует больших объемов и отсутствия большого количества специализированных языковых единиц. Условия экстенсивного чтения располагают к увеличению беглости путем закрепления техники чтения и расширения пассивного вокабуляра. Интенсивное чтение наоборот требует малых объемов и большого количества специализированных языковых единиц, свойственных определенной предметной сфере. Интенсивное чтение акцентирует точность понимания.

Таким образом, классификация видов чтения, предложенная С.К. Фоломкиной, способна описать большинство применяемых стратегий при взаимодействии с письменным материалом. Во многом стратегии, описываемые в зарубежной литературе, функционально совпадают с ее системой, поэтому нужда в создании гибридной классификации стратегий отсутствует, так как: просмотровое чтение – *skimming*, поисковое – *scanning*, ознакомительное – *extensive reading*, изучающее – *intensive reading*.

Описанные стратегии чтения входят в деятельностный компонент иноязычной читательской компетенции. Их роль сложно переоценить: применение стратегий является типовым способом решения учебных и профессиональных задач. Поэтому обучение чтению на средних уровнях владения языком нацелено на активизацию этих стратегий с помощью комплекса учебных материалов – предоставляемого текста и заданий к нему. Отбор учебных текстов и создание заданий являются способами проектирования процесса взаимодействия с текстом, с помощью них преподаватель способен контролировать ход развития иноязычной читательской компетенции.

Активизация мотивационного компонента в большой степени зависит от аутентичности и релевантности отбираемых преподавателем учебных материалов. Из-за двойственности дисциплины «Иностранный язык» в вузах, обусловленной необходимостью ком-

бинации языкового и профильного предметного содержания, обеспечение должного уровня мотивации производится за счет поддержания межпредметных связей. Соблюдение общей преемственности курса обучения в отдельных дисциплинах приводит к неразрывности образовательного континуума, тем самым обеспечивая сохранность предметно-тематического планирования. Это также воздействует и на когнитивный компонент читательской компетенции, поскольку в случае наличия опоры на межпредметные связи обучающиеся при взаимодействии с текстами будут способны соотнести их иноязычное предметное содержание со своими знаниями, полученными на родном языке. Посильность предметного содержания и релевантность этого содержания по отношению к личным задачам обучения способствуют обеспечению мотивационного компонента при выполнении заданий на чтение. Соблюдение этого принципа критически важно для просмотрового чтения. Поскольку предвосхищающая чтение текста сформированность личностно-мотивационной сферы учащегося диктует критерии его оценивания. Без посильности и релевантности материалов осуществление просмотрового чтения будет многократно усложнено.

Когнитивный компонент читательской компетенции подчеркивается в учебных материалах с помощью актуальности предоставляемого языкового и предметного содержания. Тексты должны содержать важную для становления специалиста информацию, способствующую обогащению знаний системы: языковую информацию, свойственную определенному профессиональному дискурсу (терминология, профессиональный жаргон, стилистические особенности и т. д.); и злободневную предметную информацию. Когнитивный компонент императивен для изучающего чтение, поскольку точность понимания текста зависит от актуальности знаний системы учащегося.

Деятельностный компонент обеспечивается многообразием текстов и заданий, способных нацелено predisposing к задействи-

вованию того или иного типа чтения. Для каждой стратегии есть свои требования к характеристикам учебных текстов:

- просмотровое чтение. Оно требует обширности и дискретности текстового материала. Предоставляемые тексты многочисленны, но не всегда между ними прослеживается прямая семантическая преемственность;

- поисковое чтение. Оно требует структурированности текстового материала. Предоставляемые тексты должны следовать функционально-стилистическим особенностям устройства текста;

- ознакомительное чтение. Оно требует больших объемов и когерентности. Предоставляемые тексты должны отличаться семантической цельностью, низкой или средней концентрацией сложных языковых элементов и большими размерами;

- изучающее чтение. Оно требует малых объемов и большой концентрации сложных языковых и предметных элементов. Предоставляемые тексты должны обладать семантической однозначностью и выверенной структурой.

При аудиторном преподавании отбор текстов и способ их применения в процессе обучения прямолинейны: находится текст, соответствующий требованиям к типам чтения, производится методическая адаптация с помощью добавления заданий и выделения активной лексики, после чего готовые материалы предоставляются учащимся. Однако с увеличением роли ИКТ в языковом образовании в практику преподавания добавился новый текстовый учебный материал – гипертекстуальный текст. Он имеет сходные с обычным текстом характеристики, но способ взаимодействия обучающихся с ним будет отличаться.

Гипертекст – это нелинейная база текстовых и графических данных, состоящая из узлов (страниц), соединенных между собой гиперссылками. Гиперссылки выполняют функцию логико-смыслового и ассоциативного соединения всех узлов базы данных воедино [11]. Эта особенность меняет свойства

учебного текста, он становится объемным из-за включения в обширную базу данных. При взаимодействии с предоставляемым преподавателем конкретным узлом гипертекста обучающийся потенциально взаимодействует со всеми узлами базы данных, поскольку при прочтении он может свободно переходить на страницы других текстов. Помимо объемности, гипертекст также выделяется характеристиками мультимедийности и интерактивности [12]. Мультимедийность подразумевает наличие содержания, представленного в разных форматах: текстовые, графические, аудио- и видеоматериалы [13]. Свойство интерактивности отображает особенность взаимодействия с гипертекстом, которая заключается в проактивности. При работе с гипертекстом обучающийся принимает решения, реализующие потенциальное содержание, то есть он самостоятельно выбирает предмет чтения, в то время как объект чтения определяется заданием [14]. Автономность взаимодействия с текстом также влияет на форму процесса выполнения задания. Зачастую работа с гипертекстом выполняется в рамках смешанного или дистанционного обучения, так как учащимся фактически необходимо выполнить небольшой исследовательский проект в формате «домашнего чтения» [15].

Из-за этих трех свойств меняется сам процесс чтения до такой степени, что можно говорить о новом типе чтения, о новой стратегии – о гиперчтении. Тем не менее гиперчтение по своей сути является комбинацией ранее описанных стратегий, а не самостоятельным типом взаимодействия с текстом. При гиперчтении обучающимся совершаются следующие действия: «фильтрация, беглый просмотр, нелинейный выбор, определение значимости, фильминг, заимствование, де-авторизация и фрагментация» [16]. Действия направлены на идентификацию, сбор и адаптацию текстового материала под учебные задачи. Первая половина этапов гиперчтения (фильтрация – беглый просмотр – нелинейный выбор – определение значимости) пересекается со смотровым чтением, по-

скольку для успешного гиперчтения чрезвычайно важно оценивание релевантности текстовых материалов. Главным различием является то, что при гиперчтении учащийся самостоятельно производит отбор корпуса текстов благодаря нелинейному выбору. В гипертексте расположены ссылки на иные узлы, обучающийся, согласуя представляемые ссылками концепты со своей читательской мотивацией, определяет их релевантность учебным задачам. Поэтому просмотровое чтение начинает реализовывать свойство интерактивности. Интерактивность приводит к неограниченности потенциальных текстов, поскольку переход от одного узла к другому создает еще большее количество потенциальных текстов, тем самым увеличивая объем просмотрового чтения в геометрической прогрессии [17]. Обучающемуся в свою очередь необходимо ограничить этот объем, чему помогают заранее предопределенные задачи. Таким образом, вне зависимости от того, какие читательские задачи ставятся преподавателем, при работе с гипертекстом обучающийся будет применять элементы просмотрового чтения, поскольку гипертекст бесконечен, и из этой бесконечности текстов необходимо выделить наиболее релевантные.

Вторая половина действий (заимствование – де-авторизация – фрагментация) является вариативной частью работы с гипертекстом. Она определяется типом задания и свойствами гипертекстового узла. В зависимости от них обучающийся будет использовать одну из трех оставшихся стратегий: по-

исковое, ознакомительное или изучающее чтение. Этапирование работы с гипертекстами представлено в табл. 1.

В табл. 1 перечень учебных действий отличается от такового, описанного в работе Т.В. Сапух и А.Х. Хузиной [16], поскольку гиперчтение в контексте настоящего исследования воспринимается именно как комбинация просмотрового чтения и трех оставшихся видов (поискового, ознакомительного и изучающего). Это обусловлено тем, что работа с гипертекстом интерпретируется не как отдельная стратегия чтения, а, скорее, как стратегия исследовательской деятельности, совмещающая в себе несколько типов чтения.

Предоставление учащимся гипертекста предрасполагает к созданию условий, акцентирующих развитие поисково-исследовательских навыков. Из-за интерактивности и гипертекстуальности материалов учащийся не только реализует читательскую компетенцию путем применения всех трех ее компонентов, но и совершает действия, выходящие за ее рамки. В частности, особо подчеркивается информационный компонент исследовательской компетенции. Так как для работы с гипертекстом обучающимся необходимо:

- «применять для решения задач информационные и телекоммуникационные технологии;
- самостоятельно искать, извлекать, систематизировать, анализировать и отбирать необходимую для решения поставленных задач информацию;

Таблица 1

Этапы взаимодействия с гипертекстом при развитии иноязычной читательской компетенции

Table 1

Interaction stages with hypertext in the development of foreign language reader competence

Этап	Компонент читательской компетенции	Учебное действие		
1	Мотивационный компонент	Постановка читательских и исследовательских задач		
2	Деятельностный компонент	Определение релевантности узлов гипертекста		
3		Поисковое чтение	Ознакомительное чтение	Изучающее чтение
4	Когнитивный компонент	Систематизация предметной и языковой информации		

- повышать цифровую грамотность;
- ориентироваться в информационных потоках» [18].

Применение гипертекста при развитии читательской компетенции сопряжено с навыками исследовательской деятельности ввиду проактивности учащихся при взаимодействии с письменными материалами. При необходимости акцентирования профильного содержания преподаватель может предоставить перечень специализированных библиотечно-справочных систем. Гипертекстуальность является их неотъемлемой частью, с ее помощью можно: осуществлять смысловое и функциональное структурирование текста в виде навигационного меню (для поискового чтения); создавать гипертекстовую подсистему путем предоставления ссылок на узлы в виде рекомендаций по ключевым словам или же списку источников [19]. Это способствует развитию познавательной самостоятельности обучающегося [20], так как предоставляет ему свободу выбора исследовательского материала.

ВЫВОДЫ

Использование гипертекстов для развития читательской компетенции является высококомплексным методом организации учебного процесса. Применение в качестве учебного средства гипертекста создает условия не только для чтения, но и для проведения исследования, так как наличие интерактивных узлов предрасполагает к проактивности читателя. Самостоятельно отбирая перечень анализируемых текстов, обучающийся использует просмотровое чтение, чтобы определить их релевантность. Эта отличительная особенность, заключающаяся в повсеместной необходимости применения просмотрового чтения, позволяет относить работу с гипертекстом не к категории видов чтения, а к категории видов исследовательской деятельности. В рамках этой исследовательской деятельности и происходит комбинирование просмотрового и других видов чтения в зависимости от вида текстов и заданий. Поэтому применение гипертекстов предрасполагает к последовательному использованию нескольких видов чтения, что приближает учебный процесс к аутентичной профессиональной деятельности, при которой реализуются все три компонента иноязычной читательской компетенции.

Список источников

1. Сысоев П.В. Этапы разработки учебных материалов для предметно-языкового интегрированного обучения // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 169-178. <https://elibrary.ru/kvbrcl>
2. Сысоев П.В., Юзбашева Э.Г. Формирование грамматических навыков речи студентов на основе реализации иноязычных интернет-проектов // Язык и культура. 2022. № 57. С. 258-273. <https://doi.org/10.17223/19996195/57/13>, <https://elibrary.ru/tiswlm>
3. Мурунов С.С. Создание системы упражнений обучения иностранному языку с применением ИКТ // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 2. С. 362-376. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-2-362-376>, <https://elibrary.ru/dsszbbk>
4. Гюльмагомедов Г.А., Саидова Я.М., Адамова С.М. Специфика преподавания иностранных языков в условиях цифровизации // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 2 (99). С. 300-302. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-299-300-302>, <https://elibrary.ru/hgfmmn>
5. Разуваева Т.А. Формирование читательской компетенции студентов факультета иностранных языков: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тула. 2006. 19 с.
6. Миньяр-Белоручев Р.К. Методика обучения французскому языку. М.: Просвещение, 1990. 224 с.
7. Фоломкина С.К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. М.: Высш. шк., 2005. 253 с. <https://elibrary.ru/qsagzg>

8. Nuttall C. Teaching Reading Skills in a Foreign Language. Oxford: Macmillan, 1996. 282 p. URL: https://archive.org/details/teachingreadings0000nutt_z9a3 (accessed: 10.05.2023).
9. Поморцева Н.П., Шигапова Ф.Ф., Антропова А.Е. Обучение «Эффективному чтению» на иностранном языке (на материале подготовки к международному экзамену IELTS) // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 7. № 6. С. 617-623. <https://doi.org/10.30853/ped20220092>, <https://elibrary.ru/gjbibo>
10. Grellet F. Developing Reading Skills. Cambridge University Press, 1981. 258 p. URL: <https://www.cambridge.org> (accessed: 10.05.2023).
11. Куликова И.В. Использование гипертекста в активном обучении профильно-ориентированному иностранному языку // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. Вып. 4 (44). С. 180-183. <https://elibrary.ru/iixonx>
12. Бурина Е.В. Специфика гипертекста в процессе обучения иностранным языкам // Проблемы современного педагогического образования. 2021. Т. 70. № 3. С. 4-6. <https://elibrary.ru/qweeoh>
13. Цзясюань Ч., Дунаева Л.А. Электронный текст в обучении китайских учащихся аудированию на русском языке // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2 (87). С. 176-179. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-287-176-179>, <https://elibrary.ru/avbtdt>
14. Феоктистова О.В. Учебный гипертекст в системе обучения русскому языку // Проблемы современного педагогического образования. 2021. Т. 72. № 2. С. 284-287. <https://elibrary.ru/wmekxu>
15. Яблокова Т.Н., Яковлева М.А. Организация проектной деятельности по иностранному языку в неязыковом вузе с гуманитарным уклоном в рамках учебной работы в формате «Домашнее чтение» (на материале занятий по английскому языку) // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 7. № 9. С. 942-951. <https://doi.org/10.30853/ped20220153>, <https://elibrary.ru/dntizb>
16. Санух Т.В., Хузина А.Х. Гиперчтение как новая стратегия чтения // Вестник Оренбургского государственного университета. 2021. № 229. С. 91-97. <https://doi.org/10.25198/1814-6457-229-91>, <https://elibrary.ru/mgktur>
17. Горнякова Т.А. Лингвистические особенности гипертекста как фактор его восприятия // Наука и школа. 2021. № 5. С. 224-231. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2021-5-224-231>, <https://elibrary.ru/xuqyox>
18. Чжан С., Янь Ц., Щеглова И.В. Исследовательская компетенция специалиста как надкомпетентностный феномен: теоретические основы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2023. № 1 (174). С. 20-25. <https://elibrary.ru/nekbaф>
19. Ключкова Е.С. Функционально-коммуникативный потенциал гипертекстовых элементов в англоязычной научной статье // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 3. С. 15-22. <https://doi.org/10.18721/JHSS.13302>, <https://elibrary.ru/rxqhhm>
20. Бредихина И.А., Зайцева В.В. Развитие познавательной самостоятельности студентов магистратуры на практических занятиях по английскому языку в эпоху цифровизации // Педагогическое образование в России. 2021. № 2. С. 83-89. https://doi.org/10.26170/2079-8717_2021_02_10, <https://elibrary.ru/eeryhb>

References

1. Sysoev P.V. (2020). Stages of the development of teaching materials for content and language integrated learning. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 169-178. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kvbrcl>
2. Sysoev P.V., Yuzbasheva E.G. (2022). Development of students' grammatical skills using foreign language internet projects. *Yazyk i kul'tura = Language and Culture*, no. 57, pp. 258-273. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19996195/57/13>, <https://elibrary.ru/tiswlm>
3. Murunov S.S. (2023). Task system design for teaching a foreign language using information and communication technologies. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 2, pp. 362-376. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-2-362-376>, <https://elibrary.ru/dsszbk>
4. Gyul'magomedov G.A., Saidova Ya.M., Adamova S.M. (2023). The specifics of teaching foreign languages in the context of digitalization. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture and Edu-*

- cation, no. 2 (99), pp. 300-302. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-299-300-302>, <https://elibrary.ru/hgfmnn>
5. Razuvaeva T.A. (2006). *Formirovanie chitatel'skoi kompetentsii studentov fakul'teta inostrannykh yazykov: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Reading Competence Development of Foreign Languages Faculty Students. PhD (Education) diss. abstr.]. Tula, 19 p. (In Russ.)
 6. Min'yar-Beloruchev R.K. (1990). *Metodika obucheniya frantsuzskomu yazyku* [Methods of Teaching French]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 224 p. (In Russ.)
 7. Folomkina S.K. (2005). *Obuchenie chteniyu na inostrannom yazyke v neyazykovom vuze* [Teaching Reading in a Foreign Language in a Non-Linguistic University]. Moscow, Higher School Publ., 253 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qsaoz>
 8. Nuttall C. (1996). *Teaching Reading Skills in a Foreign Language*. Oxford, Macmillan Publ., 282 p. Available at: https://archive.org/details/teachingreadings0000nutt_z9a3 (accessed 10.05.2023).
 9. Pomortseva N.P., Shigapova F.F., Antropova A.E. (2022). Teaching “effective reading” in a foreign language (based on IELTS training materials). *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Theory & Practice*, vol. 7, no. 6, pp. 617-623. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/ped20220092>, <https://elibrary.ru/gjbibo>
 10. Grellet F. (1981). *Developing Reading Skills*. Cambridge University Press, 258 p. Available at: <https://www.cambridge.org> (accessed 10.05.2023).
 11. Kulikova I.V. (2006). Using hypertext in the active teaching of English for specific purposes. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, issue 4 (44), pp. 180-183. (In Russ.) <https://elibrary.ru/iixonx>
 12. Burina E.V. (2021). Specificity of hypertext in the teaching of foreign languages. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, vol. 70, no. 3, pp. 4-6. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qweeoh>
 13. Tszyasyuan' Ch., Dunaeva L.A. (2021). Electronic text in teaching Chinese students listening skills in Russian. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = World of Science, Culture and Education*, no. 2 (87), pp. 176-179. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-287-176-179>, <https://elibrary.ru/avbtdt>
 14. Feoktistova O.V. (2021). Teaching hypertext in the Russian language teaching system. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, vol. 72, no. 2, pp. 284-287. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wmekxu>
 15. Yablokova T.N., Yakovleva M.A. (2022). Organisation of foreign language project activities at a humanities-focused non-linguistic university within the framework of academic work in the “home reading” format (by the material of English classes). *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Theory & Practice*, vol. 7, no. 9, pp. 942-951. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/ped20220153>, <https://elibrary.ru/dntizb>
 16. Sapukh T.V., Khuzina A.Kh. (2021). Hyper-reading as a new reading strategy. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of the Orenburg State University*, no. 229, pp. 91-97. (In Russ.) <https://doi.org/10.25198/1814-6457-229-91>, <https://elibrary.ru/mgktur>
 17. Gornyakova T.A. (2021). Linguistic features of hypertext as a factor of its perception. *Nauka i shkola = Science and School*, no. 5, pp. 224-231. (In Russ.) <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2021-5-224-231>, <https://elibrary.ru/xuqyox>
 18. Zhang X., Yan Q., Shcheglova I.V. (2023). The research competence of the specialist as the supra competence phenomenon: theoretical foundations. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 1 (174), pp. 20-25. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nekbaf>
 19. Klochkova E.S. (2022). Communicative potential of hypertextual elements in an English-language research paper. *Terra Linguistica*, vol. 13, no. 3, pp. 15-22. (In Russ.) <https://doi.org/10.18721/JHSS.13302>, <https://elibrary.ru/rxqhhm>
 20. Bredikhina I.A., Zaitseva V.V. (2021). Cognitive self-reliance development of master course students in a practical course of English in the age of digitalization. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical Education in Russia*, no. 2, pp. 83-89. (In Russ.) https://doi.org/10.26170/2079-8717_2021_02_10, <https://elibrary.ru/eeryhb>

Информация об авторах

Долженкова Марина Игоревна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой культуроведения и социокультурных проектов, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0001-7656-7028>
dolgenkovam@mail.ru

Медведев Николай Владимирович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-9941-7732>
mnv88@mail.ru

Хаусманн-Ушкова Надежда Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и лингводидактики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-4347-624X>
nush2001@mail.ru

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 13.06.2023
Поступила после рецензирования 16.06.2023
Принята к публикации 19.06.2023

Information about the authors

Marina I. Dolzhenkova, Dr. habil. (Education), Professor, Head of Cultural Studies and Social and Cultural Projects Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0001-7656-7028>
dolgenkovam@mail.ru

Nikolay V. Medvedev, Dr. habil. (Philosophy), Professor, Professor of History and Philosophy Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-9941-7732>
mnv88@mail.ru

Nadezhda V. Hausmann-Ushkova, Dr. habil. (Philology), Professor of Linguistics and Linguodidactics Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-4347-624X>
nush2001@mail.ru

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

Received 13.06.2023
Approved 16.06.2023
Revised 19.06.2023

Научная статья
УДК 372.881.1

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-625-633>

Обучение написанию академических текстов аспирантов гуманитарного профиля: билингвальный подход

Ирина Евгеньевна АБРАМОВА , Анастасия Валерьевна АНАНЬИНА *

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, просп. Ленина, 33

*Адрес для переписки: ananyinastya@yahoo.com

Актуальность. В системе российского высшего образования важное место занимает подготовка будущих специалистов к публикации результатов своих научных исследований в зарубежных журналах. Поэтому на разных уровнях обучения сохраняется потребность в формировании иноязычных компетенций в области академического письма, и поиск соответствующих эффективных методик остается актуальным. Цель исследования – оценить целесообразность использования билингвального подхода с опорой на родной язык при обучении аспирантов гуманитарного профиля созданию качественных научных текстов (на примере введения к англоязычной научной статье).

Методы исследования. На основе анализа научной литературы выявлены основные недостатки монолингвального подхода, широко используемого при обучении академическому письму, а также преимущества применения для этих целей билингвального подхода с опорой на родной язык. Сконструирована модель обучения аспирантов гуманитарных направлений написанию введения к англоязычной научной статье, описаны этапы ее реализации, разработаны соответствующие критерии оценивания.

Результаты исследования. По завершении экспериментального обучения все аспиранты успешно выполнили поставленную перед ними задачу в области академического письма. Были выявлены проблемные аспекты, требующие дальнейшего совершенствования методик преподавания: нарушение абзацной структуры текста, недостаточно эффективное использование лексических маркеров, позволяющих отслеживать логическую последовательность изложения информации, перенос типично русских слов и выражений в англоязычный научный текст.

Выводы. Билингвальное обучение с опорой на родной язык позволяет обучающимся эффективно преодолеть академический и лингвострановедческий барьеры и повысить свою компетентность в области академического письма.

Ключевые слова: академическое письмо, билингвальное обучение, национальные варианты английского языка, исследовательская автономность

Для цитирования: Абрамова И.Е., Ананьина А.В. Обучение написанию академических текстов аспирантов гуманитарного профиля: билингвальный подход // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3. С. 625-633. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-625-633>

Original article
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-625-633>

Teaching academic writing to post-graduate students of humanities: bilingual approach

Irina E. ABRAMOVA , Anastasia V. ANANYINA *

Petrozavodsk State University

33 Lenina Ave., Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russian Federation

*Corresponding author: ananyinastya@yahoo.com

Importance. Russian higher education pays much attention to preparing future specialists for the publication of their research results in foreign journals. Therefore, development of foreign-language competencies in academic writing field still need, and the search for appropriate effective methods remains relevant at different levels of education. The purpose of the study is to assess the feasibility of using the mother tongue-based bilingual approach when teaching academic writing to postgraduate students of humanities (using an introduction to an English-language scientific article as an example).

Research methods. Based on the analysis of scientific literature, the main disadvantages of the monolingual approach, widely used for teaching academic writing, as well as the advantages of the mother tongue-based bilingual approach are revealed. A model for teaching postgraduate students of humanities how to write an introduction to an English-language scientific article is constructed, the stages of its implementation are described, and appropriate evaluation criteria are substantiated.

Results and Discussion. After the experiential learning, all postgraduate students successfully completed their academic writing task. The evaluation of the students' works revealed some problems that require further improvement of teaching methods: violation of the paragraph structure of the text, insufficient usage of lexical markers needed for tracing the text logic, and the transfer of typical Russian words and expressions into an English-language scientific text.

Conclusion. Mother tongue-based bilingual education helps students to effectively overcome academic and linguistic barriers and improve their academic writing competence.

Keywords: academic writing, bilingual education, World Englishes, research autonomy

For citation: Abramova, I.E., & Ananyina, A.V. (2023). Teaching academic writing to post-graduate students of humanities: bilingual approach. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 3, pp. 625-633. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-625-633>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Активный обмен знаниями и опытом посредством научных публикаций играет важную роль в развитии современной науки. Оптимальной представляется ситуация, когда академический дискурс с его унифицированными структурными и стилистическими требованиями, с одной стороны, способствует взаимопониманию и делает исследовательский диалог более эффективным, а с другой – позволяет отразить спе-

цифику научного текста, характерную для той или иной культуры.

Тем не менее количественные показатели и тенденции развития публикационной активности ученых из разных стран существенно различаются. Лидирующие позиции в рейтингах научной продуктивности в настоящее время занимает КНР. В период с 2010 по 2020 г. количество публикаций китайских авторов в области точных и инженерных наук увеличилось более чем в два раза – с 308 до 669 тысяч, что составляет

около 23 % от общемирового количества научных статей по этой тематике, тогда как на долю США приходится 15,5 %, а на долю Российской Федерации – лишь 3 %¹. В наукометрическом рейтинге Scimago КНР занимает второе место после США по количеству публикаций, индексируемых в базе данных Scopus, третье место по количеству цитирований и одиннадцатое место по коллективному индексу Хирша².

Что касается Российской Федерации, то наша страна по вышеуказанным показателям находится на 12-м, 22-м и 25-м местах соответственно. Кроме того, после интенсивного наращивания публикационного потенциала российских университетов в рамках государственной программы «5-100» в 2021 г. произошло снижение не только общего числа научных публикаций со 128 до 126 тысяч статей, но и доли российских статей в мировых наукометрических базах до уровня 2018 г., который составляет 3,26 %³. По данным Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ, с 2011 по 2021 г. в Российской Федерации число специалистов, занимающихся исследованиями и разработками, сократилось более чем на 28 тысяч человек, а убыль научных кадров исследовательских организаций в 2021 г. составила около 5,5 тысяч человек⁴. Сложившаяся ситуация обуславливает необходимость как заметного увеличения количества молодых ученых в России, так и повышения

качества их подготовки, отвечающей новым вызовам времени.

Следовательно, поиск и внедрение в учебный процесс эффективных методик обучения молодых исследователей Российской Федерации для ведения прорывных научных разработок и создания ими конкурентной интеллектуальной продукции не теряет актуальности. Цель исследования – описание и анализ опыта применения билингвального подхода при обучении аспирантов академическому письму на примере написания введения как особо важного структурного элемента англоязычной научной статьи. Преподавателями Петрозаводского государственного университета была выдвинута гипотеза о том, что использование билингвального подхода с опорой на родной язык способствует повышению результативности обучения аспирантов гуманитарного профиля написанию качественных научных текстов, отражающих результаты проведенных ими исследований.

Теоретико-методологические обоснования исследования. Проблема обучения созданию академических текстов в условиях аудиторного билингвизма давно привлекает внимание исследователей и преподавателей-практиков. Повсеместное распространение прямого (беспереводного) метода обучения английскому языку, который предполагает создание искусственной англоязычной среды для полного языкового погружения обучающихся, приводит к тому, что для формирования иноязычных компетенций академического письма также зачастую используется монолингвальный подход [1; 2]. Основными недостатками этого подхода является то, что его использование требует достаточно высокого входного уровня языковой подготовки обучающихся, а также большого количества аудиторных часов. Следует также отметить, что учебные модели, построенные по выше-описанному принципу, обычно применяются в тех случаях, когда обучение ведется на базе специализированных вузовских центров академического письма, куда, как правило, обращаются хорошо подготовленные студенты

¹ White K. Publications output: U.S. trends and international comparisons // National Science Board: Science & Engineering Indicators. 2021. URL: <https://nces.nsf.gov/pubs/nsb20214/publication-output-by-country-region-or-economy-and-scientific-field> (accessed: 06.12.2022).

² Scimago Journal & Country Rank (рейтинг публикационной активности стран мира). URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?order=ci&ord=desc> (accessed: 06.12.2022).

³ Официальный веб-сайт проекта по повышению конкурентоспособности вузов «5-100». URL: <https://www.5top100.ru/> (дата обращения: 06.12.2022).

⁴ Масштабы занятости в российской науке: исследование Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/news/516705296.html> (дата обращения: 06.12.2022).

с высоким уровнем учебной мотивации. Кроме того, такие центры создаются по американским образцам, а это неизбежно приводит к тому, что английский язык рассматривается не просто как приоритетный инструмент обучения, но как главный ресурс международного академического общения [3].

Подобная практика невольно способствует формированию убежденности в том, что качественные англоязычные научные тексты могут создаваться только носителями языка, и вступает в противоречие с идеей о существовании национальных вариантов академического английского в рамках научной парадигмы *World Englishes* и, в частности, с концепцией *Russian English*, разрабатываемой в рамках контактной вариантологии [4]. Приоритет «носительства языка» (*native speakerism*) выражается в том, что многие авторитетные международные научные журналы настоятельно рекомендуют или даже требуют привлекать к подготовке статей носителей английского языка в качестве переводчиков и/или редакторов. Такой подход сопряжен со множеством проблем для авторов. В новых реалиях найти таких специалистов очень сложно, и их услуги являются дорогостоящими. Кроме того, чаще всего складывается ситуация, когда ученые возлагают слишком большую ответственность за качество итоговой публикации на людей, которые владеют английским как родным, но при этом не являются экспертами в области проведенного исследования или профессиональными лингвистами/переводчиками и при этом представляют англоязычную монокультуру, что не позволяет им воспринять, понять, учесть и сохранить национальную специфику научного текста.

В этой связи вызывает интерес иной способ преподавания академического письма на английском языке русскоязычным аспирантам, а именно – более широкое использование на практике билингвального подхода с опорой именно на родной язык. Исследователи отмечают многочисленные достоинства этого подхода при массовом обучении академическому письму и иностранному языку

в целом, включая быстрое усвоение учебного материала и формирование необходимых навыков [5; 6], более тесное взаимодействие внутри учебной группы и высокую степень вовлеченности учащихся с разным уровнем иноязычной подготовки [7], а также максимальную четкость и прозрачность инструкций, эффективное использование аудиторного времени и значительное сокращение трудозатрат преподавателя [8; 9]. Кроме того, применение билингвального подхода при обучении иностранному языку в вузе в полной мере соответствует требованиям актуальных государственных стандартов высшего образования, где способность осуществлять коммуникацию на родном и иностранном языках для академического и профессионального взаимодействия входит в перечень универсальных компетенций.

Далее проанализируем конкретный опыт применения билингвального подхода с опорой на родной язык при обучении академическому письму аспирантов гуманитарного профиля Петрозаводского государственного университета.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании, которое проводилось специалистами кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов ПетрГУ в течение одного учебного года, приняли участие 28 аспирантов гуманитарных специальностей (юридических, педагогических, филологических, исторических и туристических) очной формы обучения. Процесс обучения характеризовался относительно небольшим количеством аудиторных занятий (72 академических часа, по 3 часа в неделю на протяжении 24 учебных недель), большим объемом самостоятельной работы, и индивидуальным и дифференцированным подходом к обучающимся.

Поскольку основная цель курса «Иностранный язык» в соответствии с рабочей программой заключалась в обучении практическому владению языком, обеспечивающему возможность вести научную, экспертно-

аналитическую и профессиональную деятельность с целью обмена знаниями и технологиями в своей профессиональной области, учебный процесс был главным образом ориентирован на написание и подготовку к публикации англоязычной научной статьи на основе требований к журналам, входящих как минимум в перечень рецензируемых журналов ВАК Российской Федерации. Предполагалось, что такое *практико-ориентированное контекстное обучение*, предполагающее моделирование реальных ситуаций из профессиональной области, будет способствовать формированию у аспирантов готовности решать научные и профессиональные задачи в составе интернациональных рабочих и/или исследовательских групп, а также готовности осуществлять эффективную научную коммуникацию не только на родном, но и на иностранном языке.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Организационно-педагогические условия реализации экспериментального процесса обучения академическому письму. Задачи обучения, реализованного в рамках данного исследования, были конкретизированы следующим образом:

- усвоить основные структурные, языковые и стилистические особенности представления результатов своей научной деятельности в письменной форме на родном и иностранном языках (в сравнительном аспекте);
- овладеть навыками критического анализа научных текстов на двух языках;
- сформировать навыки критической оценки эффективности письменной научной коммуникации на двух языках.

С учетом ограниченного объема статьи в рамках анализируемого подхода рассмотрим более подробно методику обучения написанию введения, одного из самых значимых структурных элементов англоязычной научной статьи по версии крупнейшего научного издательства Elsevier, ежегодно выпускающего более четверти всех научных статей в

мире. Введение – это первый раздел, который сразу следует за аннотацией и выполняет важнейшую функцию: объясняет читателю, почему и зачем было проведено исследование (то есть обосновывает актуальность, новизну и формулирует цель работы). Кроме того, эта часть публикации должна заинтересовать читателя, побудить его продолжить чтение, подготовить его к осознанию значимости полученных результатов, их последствий и перспектив дальнейших исследований.

Процесс обучения включал в себя следующие этапы.

1. Установочный этап: преподаватель обосновывал важность оформления введения к научной статье в соответствии с требованиями научного издательства Elsevier (актуальность, новизна, опора на предыдущие исследования, четко сформулированная цель, логическая структура); обучающиеся самостоятельно знакомились с этими требованиями, переводили их на русский язык и сравнивали с правилами и рекомендациями авторитетных отечественных научных журналов по своей специальности (входящих в базу данных Scopus или перечень ВАК).

2. Подготовительный этап: аспиранты подбирали не менее шести статей по теме своей диссертации из высокорейтинговых зарубежных англоязычных журналов, находили достоинства и недостатки их введений в соответствии с критериями Elsevier, после чего аналогичным образом критически анализировали шесть введений из русских статей и выявляли различия в англоязычном и русскоязычном письменных научных дискурсах.

3. Основной этап: обучающиеся создавали текст введения к статье по теме своего исследования на русском языке, но с учетом особенностей англоязычного научного дискурса и требований Elsevier, составляли русско-английский глоссарий необходимых терминов и понятий, с помощью приемов предредактирования адаптировали текст введения для последующего машинного перевода, переводили текст с помощью общедоступных онлайн-инструментов и выполняли

поэтапное редактирование получившегося текста с использованием обратного машинного перевода и заранее подготовленных глоссариев. Необходимо отметить, что на данный момент использование технологий машинного перевода является достаточно распространенной практикой в академической среде, поскольку стремительное развитие искусственных нейронных сетей привело к существенному повышению качества переводов с английского и на английский язык. При условии тщательной подготовки текста его можно подвергнуть эффективной машинной обработке, тем самым существенно снизив временные затраты и трудоемкость работы.

4. Заключительный этап (рефлексия): аспиранты анализировали и самостоятельно оценивали свою работу и достигнутые результаты, определяли потенциальные точки роста, предоставляли конструктивную обратную связь по поводу пройденного обучения.

Критерии оценивания результатов обучения. После завершения экспериментального обучения три преподавателя-лингвиста с опытом англоязычных публикаций в высокорейтинговых журналах оценили студенческие работы по целому ряду заранее установленных критериев с использованием дихотомичной системы: оценка «+» означала соответствие, а оценка «-» – несоответствие конкретному критерию. Перечень оценочных критериев был разработан с учетом структурных, содержательных и языковых требований научного издательства Elsevier⁵ к введению научной статьи [10] и включал в себя следующие пункты: 1) обоснование актуальности исследования / наличие конкретной исследовательской проблемы (*general background*); 2) связь с предыдущими научными изысканиями в данной области (*research background*); 3) обоснование новизны исследования (*knowledge gap*); 4) четкая и правильная формулировка цели исследования

и/или исследовательского вопроса (*research question*); 5) четкое деление введения на абзацы в соответствии с логической структурой; 6) структурирование текста по принципу «перевернутого треугольника» (*funnel technique*), то есть от более общих постулатов или тезисов к более конкретным формулировкам, аргументирующим или иллюстрирующим сказанное ранее; 7) наличие слов-маркеров («цель, вопрос, актуальность, изученность» и т. д.) для отслеживания логической структуры текста; 8) демонстрация фоновых и специальных знаний (за счет использования терминов и понятий); 9) отсутствие русицизмов (неоправданного буквального переноса языковых единиц из русского текста); 10) отсутствие элементов разговорного стиля; 11) отсутствие общих мест, банальностей и псевдонаучной риторики.

Также для оценки того, насколько полезной для обучающихся была работа над англоязычным введением к научной статье по теме их исследования, было проведено формализованное анкетирование закрытого типа, в ходе которого респондентам было предложено ответить на вопрос «Какую основную цель, на ваш взгляд, должен преследовать курс иностранного языка для аспирантов?». Можно было выбрать любое количество ответов из трех вариантов: «Подготовка к сдаче соответствующего кандидатского экзамена», «Обучение критическому анализу англоязычных научных текстов» и «Обучение написанию научных статей на английском языке».

Экспертное оценивание итоговых письменных работ обучающихся. По итогам обучения все 28 аспирантов, участвующих в эксперименте, справились с написанием введения к англоязычной статье, посвященной результатам их исследования. В ходе обучения был выявлен ряд сложностей, обусловленных академическим и лингвокультурным барьерами, с которыми столкнулись респонденты при выполнении задания, проделана работа по их устранению. В табл. 1 представлены результаты оценивания итоговых текстов по 11 критериям, которые для

⁵ Borja A. 11 steps to structuring a science paper editors will take seriously. 2014. URL: <https://www.elsevier.com/connect/11-steps-to-structuring-a-science-paper-editors-will-take-seriously> (accessed: 28.12.2022).

удобства разделены на три основные группы: 1) аргументированность собственной исследовательской позиции при выборе темы; 2) композиционная структура; 3) языковое и стилистическое оформление.

Согласно данным табл. 1, после завершения обучения с использованием билингвального подхода аспиранты продемонстрировали достаточно высокие показатели качества научного текста, созданного на неродном языке с учетом основных требований англоязычного академического дискурса. Все обучающиеся (100 %) сумели обосновать новизну своего диссертационного исследования, четко объяснив, в чем будет заключаться их вклад в разработку сформулированной проблемы; подавляющее большинство участников экспериментального курса продемонстрировали актуальность изучения выбранной темы на современном этапе (89,3 %) и вписали свое исследование в контекст существующих научных работ (71,4 %). При этом структурно-композиционный анализ выявил, что лишь две трети обучающихся справились с делением текста на абзацы (67,9 %) и использовали лексические едини-

цы, позволяющие отслеживать логическую последовательность информации (64,2 %). Однако 71,4 % работ были грамотно выстроены по дедуктивному принципу, а 92,8 % введений содержали четко сформулированную научную цель или правильно заданный исследовательский вопрос. Наконец, оценка соблюдения языковых и стилистических требований показала, что примерно у трети аспирантов сохранялся перенос типично русских слов и выражений в англоязычный научный текст, что является одной из наиболее устойчивых проблем при обучении академическому письму. При этом все студенты (100 %) правильно использовали достаточное количество терминологических единиц, чтобы соблюсти требования научного стиля и продемонстрировать уровень своей компетентности, и при этом избегали псевдонаучных формулировок и разговорности.

ВЫВОДЫ

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что применение билингвального подхода с опорой на родной язык

Таблица 1

Результаты экспертной оценки введений к англоязычной статье, написанных после экспериментального обучения

Table 1

The results of introductions to English-language article expert assessment, written after experimental training

Критерий оценивания	% работ, соответствующих критерию
Аргументированность	
Обоснование новизны	100
Обоснование актуальности и/или постановка конкретной проблемы	89,3
Связь с предыдущими исследованиями	71,4
Структура и логика	
Цель исследования и/или исследовательский вопрос	92,8
Дедуктивная организация текста (от общего к частному)	71,4
Четкое деление на абзацы	67,9
Слова-маркеры для отслеживания структуры	64,2
Язык и стиль	
Термины/понятия из области исследования	100
Отсутствие разговорности	100
Отсутствие общих мест и «псевдонаучности»	100
Отсутствие русицизмов	67,9

является достаточно эффективным при обучении аспирантов гуманитарных направлений написанию англоязычных текстов научного стиля. Несмотря на осложнение геополитической ситуации в мире и последующую трансформацию международных отношений в области образования и науки⁶, очевидно, что аспиранты не теряют интереса к научной коммуникации с коллегами из других стран и продвижению результатов своих исследований.

В ходе закрытого анкетирования аспирантов гуманитарных направлений ПетрГУ, проходивших обучение в рамках описанного исследования, меньше половины опрошенных (42,8 %) указали, что курс иностранного языка на третьей ступени высшего образования должен быть ориентирован на сдачу кан-

дидатского экзамена, тогда как, по мнению большинства респондентов, основной целью должно быть обучение написанию (64,2 %) и критическому анализу (71,4 %) англоязычных научных статей. В связи с этим потребность в эффективном формировании у обучающихся иноязычных компетенций в области академического письма по-прежнему остается высокой. Обучение необходимым для этого навыкам и умениям с опорой на родной язык позволяет более эффективно преодолеть академический и лингвострановедческий барьеры при написании академических текстов на английском языке, для того чтобы повысить языковую автономность молодых исследователей, существенно уменьшив их зависимость от лингвистов-переводчиков и носителей языка, сохранить и расширить научное взаимодействие с дружественными странами и в конечном итоге обеспечить интеллектуальный суверенитет Российской Федерации.

⁶ Валерий Фальков: 2022 год принципиально поменял университеты и научную сферу // Новости Минобрнауки РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/62226/> (дата обращения: 28.12.2022).

Список источников

1. Curry M.J., Lillis T. Multilingualism in academic writing for publication: Putting English in its place // *Language Teaching*. 2022. P. 1-14. <https://doi.org/10.1017/S0261444822000040>
2. Прокопчук А.Р., Гаврилова Е.А., Удалова Н.В. Реализация монологического метода в обучении иностранному языку студентов неязыковых факультетов // *Современное педагогическое образование*. 2020. № 5. С. 220-225. <https://elibrary.ru/qjtnf>
3. Ginting D., Barella Y. Academic writing centers and the teaching of academic writing at colleges: Literature review // *Journal of Education and Learning (EduLearn)*. 2022. Vol. 16. № 3. P. 350-356. <https://doi.org/10.11591/edulearn.v16i3.20473>
4. Russian English: History, functions, features / eds. Z.G. Proshina, A.A. Eddy. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 328 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139683623>
5. Parmegiani A. Translanguaging in a bilingual writing programme: the mother tongue as a resource for academic success in a second language // *Language Culture and Curriculum*. 2022. Vol. 35. № 3. P. 290-302. <https://doi.org/10.1080/07908318.2022.2050742>
6. Sugiharto S. Impacts of bilinguality on students' academic writing skill: Additional evidence // *Indonesian Journal of Applied Linguistics*. 2015. Vol. 5. № 1. P. 63-69. <https://doi.org/10.17509/ijal.v5i1.832>
7. Nagashima Y., Lawrence L. De-nativizing academic writing in Japanese ELT: Toward a translingual approach // *Journal of Research Institute*. 2021. Vol. 62. P. 41-61. URL: <http://id.nii.ac.jp/1085/00002433/> (accessed: 28.12.2022).
8. Мильруд Р.П., Максимова И.Р. Учебный билингвизм: вчера, сегодня и завтра // *Язык и культура*. 2017. № 37. С. 185-204. <https://doi.org/10.17223/19996195/37/13>, <https://elibrary.ru/zuquiz>
9. Кушнырь Л.А. Методы обучения иностранному языку студентов естественнонаучного направления подготовки: от билингвального до монологического // *Педагогический журнал*. 2018. Т. 8. № 5А. С. 537-546. <https://elibrary.ru/donaeh>

10. Busse C., August E. How to write and publish a research paper for a peer-reviewed journal // *Journal of Cancer Education*. 2021. Vol. 36. № 5. P. 909-913. <https://doi.org/10.1007/s13187-020-01751-z>

References

1. Curry M.J., Lillis T. (2022). Multilingualism in academic writing for publication: Putting English in its place. *Language Teaching*, pp. 1-14. Available at: <https://doi.org/10.1017/S0261444822000040>
2. Prokopchuk A.R., Gavrilova E.A., Udalovala N.V. (2020). Implementation of monolingual method in teaching a foreign language to students of non-linguistic faculties. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern Pedagogical Education*, no. 5, pp. 220-225. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qjtnf>
3. Ginting D., Barella Y. (2022). Academic writing centers and the teaching of academic writing at colleges: Literature review. *Journal of Education and Learning (EduLearn)*, vol. 16, no. 3, pp. 350-356. <https://doi.org/10.11591/edulearn.v16i3.20473>
4. Proshina Z.G., Eddy A.A. (eds.). (2016). *Russian English: History, functions, features*. Cambridge, Cambridge University Press, 328 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139683623>
5. Parmegiani A. (2022). Translanguaging in a bilingual writing programme: the mother tongue as a resource for academic success in a second language. *Language Culture and Curriculum*, vol. 35, no. 3, pp. 290-302. <https://doi.org/10.1080/07908318.2022.2050742>
6. Sugiharto S. (2015). Impacts of bilinguality on students' academic writing skill: Additional evidence. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*, vol. 5, no. 1, pp. 63-69. <https://doi.org/10.17509/ijal.v5i1.832>
7. Nagashima Y., Lawrence L. (2021). De-nativizing academic writing in Japanese ELT: Toward a translanguaging approach. *Journal of Research Institute*, vol. 62, pp. 41-61. Available at: <http://id.nii.ac.jp/1085/00002433/> (accessed 28.12.2022).
8. Milrud R.P., Maksimova I.R. (2017). Learner bilingualism: yesterday, today and tomorrow. *Yazyk i kul'tura = Language and Culture*, no. 37, pp. 185-204. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19996195/37/13>, <https://elibrary.ru/zuquiz>
9. Kushnir L.A. (2018). Methods of foreign language teaching of students of science directions: from the bilingual to monolingual. *Pedagogicheskii zhurnal = Pedagogical Journal*, vol. 8, no. 5A, pp. 537-546. (In Russ.) <https://elibrary.ru/donaeh>
10. Busse C., August E. (2021). How to write and publish a research paper for a peer-reviewed journal. *Journal of Cancer Education*, vol. 36, no. 5, pp. 909-913. <https://doi.org/10.1007/s13187-020-01751-z>

Информация об авторах

Абрамова Ирина Евгеньевна, доктор филологических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-1263-3599>
lapucherabr@gmail.com

Ананьина Анастасия Валерьевна, старший преподаватель, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0001-5488-8162>
ananyinastya@yahoo.com

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 19.01.2023
Поступила после рецензирования 13.04.2023
Принята к публикации 27.04.2023

Information about the authors

Irina E. Abramova, Dr. habil. (Philology), Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-1263-3599>
lapucherabr@gmail.com

Anastasia V. Ananyina, Senior Lecturer, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation,

<https://orcid.org/0000-0001-5488-8162>
ananyinastya@yahoo.com

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

Received 19.01.2023
Approved 13.04.2023
Revised 27.04.2023

Научная статья
УДК 372.881.111.1

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-634-646>

Теоретические и методические основы развития стратегий интеракции у студентов лингводидактических направлений подготовки

Кристина Телмановна ТЕМУРЯН

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»
119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1
christinatem5@gmail.com

Актуальность. Исследования интеракции в обучении иностранным языкам начались в 1960-х гг. Сейчас исследователи определяют влияние интеракции на процесс обучения иностранному языку как благотворное в целом, однако продолжается изучение характеристик интеракции, повышающих ее эффективность в случае использования с обучающимися определенного возраста или уровня языка. В связи с такой неоднородностью умения учителя, чья роль в процессе интеракции на занятии по иностранному языку описывается как ключевая, особенно важны.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили труды отечественных и зарубежных специалистов в таких областях, как обучение иностранным языкам и психологии. Методы исследования включают в себя анализ научно-исследовательской литературы и классификацию.

Результаты исследования. Изучены различные подходы к определению интеракции и предложено определение, релевантное для подготовки учителей иностранного языка. Рассмотрена роль интеракции в процессе обучения иностранному языку обучающихся различных возрастов и уровней языка, проанализирована роль стратегий интеракции как компонента профессионально-коммуникативной компетенции учителя иностранного языка. Описаны предлагаемые исследователями модели развития стратегий интеракции у учителей иностранного языка.

Выводы. Несмотря на то, что сейчас интеракция считается неотъемлемым элементом занятия по иностранному языку, в настоящее время существует ряд моделей, направленных на развитие стратегий интеракции у учителей иностранного языка, однако к настоящему моменту не была предложена модель развития этих стратегий у будущих учителей.

Ключевые слова: обучение иностранным языкам, интеракция, подготовка учителей иностранного языка, профессионально-коммуникативная компетенция, классная коммуникативная компетенция

Для цитирования: Темурян К.Т. Теоретические и методические основы развития стратегий интеракции у студентов лингводидактических направлений подготовки // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3. С. 634-646.
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-634-646>

Original article
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-634-646>

Theoretical and methodical foundations for the interaction strategies development for linguodidactic training program students

Christina T. TEMURYAN

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation
christinatem5@gmail.com

Importance. Research on interaction in foreign language teaching started in the 1960s. Researchers now determine the impact of interaction on the process of foreign language teaching as beneficial in general. However, the study of the characteristics of interaction that increase its effectiveness when used with students of a certain age or language level continues. Due to such heterogeneity, the skills of a teacher, whose role in the process of interaction in a foreign language classroom is described as the decisive one, are especially important.

Materials and methods. The materials for this research are the works in such fields as foreign language teaching and psychology. Research methods include research literature analysis and classification.

Result and Discussion. In the course of the research, various approaches to the definition of interaction were studied and a definition relevant for foreign language teacher training was proposed. The role of interaction in the process of teaching a foreign language to students of different ages and language levels was also considered, the role of interaction strategies as a component of the professional communicative competence of a foreign language teacher is analyzed. In addition, the models proposed by the researchers for the development of interaction strategies for foreign language teachers is described.

Conclusion. Despite the fact that interaction is now considered an integral element of a foreign language lesson, there are currently a number of models aimed at developing interaction strategies in foreign language teachers, but as of now no model has been proposed for the development of these strategies in trainee teachers.

Keywords: foreign language teaching, interaction, foreign language teacher training, professional communicative competence, classroom interactional competence

For citation: Temuryan, C.T. (2023). Theoretical and methodical foundations for the interaction strategies development for linguodidactic training program students. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 3, pp. 634-646. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-634-646>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Интеракция называется исследователями ключевым компонентом в коммуникации и «фундаментом» для овладения иностранным языком [1, p. 79-80]. Исходя из того, что речь обучающихся, порождаемая во время интеракции, более эффективна в обучении, чем просто речь учителя [2, p. 30], умения интеракции учителя иностранного языка подде-

жат развитию – для того, чтобы сделать обучение более эффективным (под эффективностью подразумевается, что интеракция способствует обучению, а не препятствует ему) [3, p. 2]. Говоря об эффективности обучения, в настоящее время исследователи рассматривают не только деятельность учителя, обращая большее внимание на интеракцию между учителем и обучающимся и то, какое влияние оно на них оказывает [4, p. 321].

В более поздних работах отмечается, что исследователи пришли к согласию в вопросах влияния интеракции¹ на изучение языка [5], в результате чего внимание исследователей в настоящее время уделяется специфике интеракции на занятии по иностранному языку и поиску способов увеличить пользу от интеракции в классе. В связи с этим встает вопрос о роли стратегий интеракции как компонента профессиональной подготовки учителей иностранных языков.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Цель и задачи исследования предопределили применение теоретических и эмпирических методов: анализ литературы и классификация. Материалом для исследования послужили научно-исследовательская литература отечественных и зарубежных ученых в таких областях, как обучение иностранным языкам и психология, изученная с позиций релевантности для развития профессионально-коммуникативной компетенции учителя иностранного языка.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Подходы к определению интеракции.

Согласно «Новому словарю методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)», интеракция, играющая важную роль не только в общении, но и в овладении иностранным языком, представляет собой «устный и/или письменный обмен информацией между двумя и более людьми, в ходе которого процессы восприятия и порождения информации могут чередоваться, либо накладываться друг на друга»². Помимо этого, характерной чертой интеракции явля-

ется восприятие и порождение речи одновременно обоими собеседниками.

Стоит отметить, что при определении лексической единицы *интеракция* в русскоязычных словарях в качестве этимологической справки авторами изданий приводятся не только латинские морфемы *inter* (между) и *actio* (деятельность), но и ее англоязычный аналог *interaction*³.

Наряду с гуманитарными и социальными науками понятие *интеракция* встречается также в точных и естественных науках, куда оно проникло из социологии [6]. В Словаре социолингвистических терминов интеракция как общественное и как речевое явление рассматривается отдельно, так как не всякое взаимодействие между индивидами происходит на речевом уровне⁴.

В работах некоторых психологов⁵ интеракция приравнивается к взаимодействию или взаимному влиянию индивидов друг на друга в процессе общения [7]. Говоря о возникшем на основе понятия об интеракции направлении в социальной психологии, получившем название интеракционизм, специалисты в области психологии рассматривают любое социальное взаимодействие как межличностную коммуникацию, главной из характерных черт которой является способность человека «примерять» роль собеседника, таким образом, интерпретируя ситуацию общения, в соответствии с которой совершаются собственные действия, что в рамках теории рассматривается как необходимое условие для развития личности⁶.

Американская психологическая ассоциация (АПА) рассматривает *interaction* как «отношения между двумя или более <...> людьми

³ Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО, 2006. 669 с.

⁴ Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В.Ю. Михальченко. М., 2006. 312 с.

⁵ Головин С.Ю. Словарь практического психолога. М.: АСТ, Харвест, 1998; Психология общения. Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Бодалева. М.: Когито-Центр, 2011. 600 с.

⁶ Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского. М.: ПЕР СЭ, 2005.

ми или группами, которые приводят к <...> взаимному влиянию»⁷ (перевод наш. – К. Т.). Рассматривая понятие *social interaction*, которое заключается во взаимном влиянии двух или более индивидов, АПА раскрывает его содержание как развитие сотрудничества и конкуренции, влияние статуса и социальных ролей, а также динамику группового поведения, лидерство и соответствие нормам⁸. Взаимное влияние участников интеракции друг на друга отмечено и в *The Cambridge Dictionary of Psychology*, авторы которого определяют *interaction* как «ограниченные по продолжительности отношения, в которых обе стороны влияют друг на друга»⁹ (перевод наш. – К. Т.).

Интеракция в документах Совета Европы предполагает три типа деятельности (устная, письменная, онлайн) и три стратегии (очередность, совместная деятельность, просьба о пояснении), которые задействуются не только на занятиях по иностранному языку, но и во внеучебной жизни¹⁰. В отечественной методике под формированием умений интеракции исследователи часто подразумевают «овладение способами социального взаимодействия с использованием разных видов (межличностная, групповая в малых и больших группах, массовая), сфер (повседневная, деловая/регламентированная, публичная, научная и др.) и форм (жанров) коммуникации» [8, с. 92]. Исходя из этого, интеракция понимается нами как устное или письменное взаимодействие с обучающимся или группой в онлайн- или офлайн-пространстве, нацеленное на совместную деятельность, в ходе которой всеми участниками применяется рецепция, продукция и согласование значения и формы. При этом

интеракция имеет свои особенности в зависимости от ситуации.

2. Роль интеракции в обучении иностранным языкам. В настоящее время обучение иностранным языкам чаще всего рассматривается в рамках четырех психолого-педагогических теорий:

1) бихевиоризма, согласно которой процесс обучения сводится к последовательности стимулов и реакций, обоснованных физиологически [9, р. 51-52];

2) когнитивизма, которая объясняет овладение языком в процессе обучения к сознательной умственной деятельности и практике [10, р. 31];

3) конструктивизма, согласно которой индивид конструирует знания самостоятельно, а не принимает их пассивно извне, то есть является участником, а не объектом в процессе обучения [9, р. 123-124; 10, р. 50-51];

4) коннективизма, в рамках которой обучение описывается как креативный процесс, протекающий в условиях общения и социализации ученика [11].

Три методологические и гносеологические установки – эмпиризм, рационализм и интеракционизм – соотносятся с бихевиоризмом, когнитивизмом и конструктивизмом (с социальной направленностью)¹¹. Теория интеракционизма базируется на утверждении о том, что взаимодействие с другими личностями – катализатор формирования личности¹².

Аналогично на занятиях по иностранному языку в определенной степени формируется вторичная языковая личность. Вторичная языковая личность – термин, предложенный в 1989 г. Ю.Н. Карауловым, – соотносится с термином языковая личность (1930 г.) В.В. Виноградова (цит. по: [12]), используемого для обозначения носителя языка. Под вторичной языковой личностью понимается

⁷ The APA Dictionary of Psychology / American Psychological Association. Washington, D. C., 2007. URL: dictionary.apa.org (accessed: 24.01.2022).

⁸ Там же.

⁹ The Cambridge Dictionary of Psychology / ed. by David Matsumoto. N. Y.: Cambridge University Press, 2009. P. 260.

¹⁰ Common European Framework of Reference for Languages ...

¹¹ Назаренко А.Л. Информационно-коммуникационные технологии в лингводидактике: дистанционное обучение. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. 271 с.; Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. С. 61-62.

¹² Андреева Г.М. Социальная психология. М., 2003. 229 с.

изучающий язык, способный осуществлять иноязычное общение с представителями различных культур¹³. Аналогичное определение вторичной языковой личности дает Н.Д. Гальскова: это «совокупность способностей человека к иноязычному обучению на межкультурном уровне, под которым понимается адекватное взаимодействие с представителями других культур»¹⁴, отмечая, что процесс формирования вторичной языковой личности происходит на фоне обучения иностранному языку и, соответственно, освоению иностранной культуры¹⁵ [13]. Так, межкультурная коммуникативная компетенция определяется как способность вторичной языковой личности осуществлять межкультурное общение [14, с. 16], что соотносится с плюрилингвальной и плюрикультурной компетенциями (поликультурная компетенция при этом может рассмотрена как компонент социокультурной [15, с. 136]), выделяемыми Советом Европы, получившими особое внимание в связи с тем, что стремление к «идеальности» носителя языка больше не актуально и намного важнее, например, умение обходиться с особенностями разных культур для общения и сотрудничества¹⁶. То есть в рамках иного подхода, не созвучного идеям о вторичной языковой личности, в документах Совета Европы понятие о вторичной языковой личности не встречается, так как оно противоречит положению о том, что все ресурсы, задействуемые пользователем языка, принадлежат одной, единой личности¹⁷.

Стоит отметить, что в отечественной языковой педагогике ориентация на поликультурность началась значительно раньше [15, с. 130], что отражено в разработке в рамках социокультурного подхода учебных материалов [15].

¹³ Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Современный словарь методических терминов и понятий ... С. 52.

¹⁴ Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М.: АРКТИ-ГЛОССА, 2000. С. 46.

¹⁵ Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Современный словарь методических терминов и понятий ... С. 23, 52.

¹⁶ Common European Framework of Reference for Languages ...

¹⁷ Там же.

Рассматривая языковую личность в рамках лингводидактики и методики преподавания иностранных языков, Ю.Н. Караулов предлагает следующую ее модель:

1) вербально-семантический уровень (также указывается автором как «нулевой»), состоящий из слов и отношений между ними;

2) лингвокогнитивный или тезаурусный уровень, состоящий из, например, концептов и их совокупностей;

3) мотивационный уровень (автор называет его высшим), единицы которого связаны, не подлежат перечислению¹⁸, связанные с коммуникативно-деятельностными потребностями личности, условиями сферы общения, особенностями ситуации общения и ролей ее участников¹⁹.

На психологическом уровне эти компоненты соотносятся с семантическим, когнитивным и прагматическим компонентами соответственно²⁰, на уровне компетенций – с лингвистической, лингвокультурологической и прагматической [12]. Роль прагматической составляющей коммуникативной компетенции подчеркивалась еще Д. Хаймсом, который отмечал: «...типично развивающийся ребенок усваивает предложения не только с точки зрения грамматики, но и с точки зрения уместности. У него или у нее развивается компетентность касаясь того, когда говорить, а когда нет, и о чем говорить с кем, когда, где и каким образом. Говоря кратко, ребенок становится способным исполнять репертуар речевых актов, принимать участие в речевых событиях и оценивать их выполнение другими» (перевод наш. – К. Т.) [16, р. 277]. С прагматической точки зрения рассматривает коммуникативную компетенцию и В.И. Карасик («коммуникативная компетенция [выступает] как проявление языкового сознания в выборе средств общения»²¹).

¹⁸ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

¹⁹ Там же. С. 54.

²⁰ Там же. С. 56.

²¹ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004. С. 12.

Стоит отметить, что термин *коммуникативная компетенция* Д. Хаймс ввел в 1966 г. [17], в ответ на концепцию Н. Хомского о лингвистической компетенции, существующей обособленно от использования языка в конкретных ситуациях [18]. Н. Хомский также постановил, что язык – это не когнитивная функция, а «генетический дар», и что каждый человек обладает «языковой способностью» (англ. language acquisition device, LAD) – механизмом, способствующим освоению человеком языка. Согласно этой теории, дети, например, грамматике не обучаются – она уже как бы «встроена» в их мозг и просто активируется. Аргументы, доказывающие «встроенность» языка в мозг человека, можно сформулировать следующим образом:

- 1) дети осваивают язык, даже если их не обучают ему эксплицитно;
- 2) дети воспринимают много «неправильного» языка, однако, каким-то образом приходят к правильности;
- 3) скорость детского овладения языком настолько высока, что не может быть объяснена какой-либо психолого-педагогической теорией;
- 4) дети способны генерировать высказывания, которые они не слышали и не читали.

При рассмотрении вопросов овладения языком в платоновском русле, ссылаясь на диалоги об априорном познании²², такие как «Менон», «Федр» или «Федон», Н. Хомский также называл их «Проблемой Платона» (англ. “Plato’s Problem”), которую он определял как «проблему объяснения того, каким образом мы можем знать так много, учитывая, что у нас есть такие ограниченные основания для этого» (перевод наш. – К. Т.) [19, р. XXV].

Противоположную точку зрения представляет Л.С. Выготский, в рамках социокультурной модели²³ которого изучение языка рассматривается как социально обусловленный процесс, в котором язык выступает как бы посредником в деятельности, то есть

²² Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. 860 с.

²³ Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. / гл. ред. А.В. Запорожец. М.: Педагогика, 1984. Т. 6. 400 с.

изучение языка происходит посредством взаимодействия с миром, представленным не только вещами, но и людьми, что отражается в социоконструктивистских положениях.

Так, рассматривая обучение иностранным языкам как интерактивный процесс, исследователи отмечают, что в его основе лежит коммуникация между обучающимся и более продвинутым пользователем языка, который изменяет сложность своей речи, чтобы обеспечить понимание²⁴. В подобных ситуациях более продвинутый пользователь языка выступает в роли «более осведомленного другого» (англ. a more knowledgeable other / МКО) в положении Л.С. Выготского о Зоне ближайшего развития (ЗБР)²⁵ [20].

3. Стратегии интеракции как компонент профессиональной подготовки учителей иностранного языка. Еще на втором этапе (1970–1990 гг.) становления образования, основанного на компетенциях, понятия *компетенция* и *компетентность* находят применение не только в обучении иностранным языкам, но и в других сферах: компетенции начинают выделять применительно к различным видам деятельности, а их сформированность принимается за цель образовательного процесса. Так, в 1990 г. в коммуникативной компетенции педагога выделяется пять компонентов²⁶:

- 1) специальная и профессиональная компетентность;
- 2) методическая компетентность;
- 3) социально-психологическая компетентность (в области процессов общения);
- 4) дифференциально-психологическая компетентность;
- 5) аутопсихологическая компетентность.

Профессионально-коммуникативная иноязычная компетенция педагога иностранных языков – неотъемлемая часть его профес-

²⁴ Interaction in Learning a Second Language // Professor Jack C. Richards. URL: <https://www.professorjackrichards.com/interaction-learning-second-language/> (accessed: 29.01.2022).

²⁵ Выготский Л.С. Собрание сочинений ...

²⁶ Кузьмина Н.В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. М.: Высш. шк., 1990. С. 90.

сиональной компетентности в XXI веке [21, с. 136-137]. Профессионально-коммуникативная компетенция также может быть рассмотрена как компонент коммуникативной компетенции, представленный в виде «совокупности знаний, навыков и умений, позволяющей осуществлять общение на определенном языке или нескольких языках в рамках определенной профессии и обеспечивающей решение характерных для данной сферы деятельности профессиональных задач» [22, с. 88].

Составляющие коммуникативной компетенции педагога могут быть разделены на знания (например, теория коммуникации, возрастные особенности коммуникантов), умения (например, осуществлять общение) и личностные качества (например, эмпатия) [23]. В настоящее время «знаниецентричность» образования уступает место практическим умениям и их использованию²⁷. В дополнение, занятия по иностранному языку в виду ряда факторов (количество и индивидуальные отличия участников, разнообразие условий и т. д.) неоднородны, из-за чего значительная роль отводится умениям [24]. Более того, интерактивная компетенция, речь о которой пойдет далее, состоит главным образом из того, что человек делает в процессе совместной деятельности с другими людьми, а не из знаний [25, р. 430].

Говоря об умениях, отечественные исследователи выделяют четыре группы профессионально значимых коммуникативных умений учителя иностранного языка²⁸:

- 1) направленные на познание (обучающихся и собственное);
- 2) связанные с планированием иноязычного общения на занятии;
- 3) связанные с осуществлением иноязычного общения на занятии;
- 4) ориентированные на анализ общения на иностранном языке.

²⁷ Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: продвинутый курс. М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 11.

²⁸ Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Современный словарь методических терминов и понятий ... С. 263-264.

Рассматриваемые как часть профессионально-коммуникативной компетенции учителя иностранного языка умения интеракции таким образом могут быть отнесены к третьей группе профессионально-коммуникативных умений.

Профессионально-коммуникативная компетенция учителя оказывает непосредственное влияние на формирование коммуникативной компетенции обучающихся, умения интеракции связаны также с интерактивной компетенцией, которая, несмотря на сходство с коммуникативной, «делает акцент на взаимодействие» [26, с. 236], в то время как коммуникативная компетенция меньше связана с совместной деятельностью или направленностью на совместный результат [3, р. 164; 25, р. 430]. Иными словами, интерактивная компетенция может быть рассмотрена как некое продолжение коммуникативной, но ее составляющие «влекут за собой участие в интеракции»²⁹, что в устной речи включает в себя: очередность, поддержание или смену темы, уточнения, а также инициацию, поддержание или завершение разговора [27, р. 53].

Профессионально-коммуникативная компетенция учителя иностранного языка реализуется в классе и вне класса [24], и эти контексты требуют задействования неодинаковых знаний, умений и навыков. В связи с этим некоторые исследователи, ограничивая ситуации общения учителя иностранного языка занятиями, говорят о классной интерактивной компетенции (англ. classroom interactional competence, CIC) [3, р. 165], определяемой как «способности учителей и обучающихся использовать интеракцию в качестве инструмента для посредничества и

²⁹ Dings A. Developing Interactional Competence in a Second Language: A Case Study of a Spanish Language Learner. Dissertation Presented to the Faculty of the Graduate School of The University of Texas at Austin in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. The University of Texas at Austin. 2007. 250 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/37256307_Developing_interactional_competence_in_a_second_language_A_case_study_of_a_Spanish_language_learner (accessed 30.05.2022).

помощи в обучении» [3, p. 165], среди особенностей которой выделяют следующие:

1) использование языка и достижение педагогических целей: подразумевает знание учителем стратегий интеракции, использование которых уместно для той или иной цели;

2) потребность в пространстве для интеракции: обучающимся еще предстоит учиться интеракции, поэтому учитель должен помогать им, например, выжидая достаточную паузу при ответе;

3) способность учителей «придавать форму» вкладу обучающихся в интеракцию: например, через перефразирование или уточнения.

Позднее к характеристикам классной интерактивной компетенции учителя иностранного языка были добавлены эффективное задействование элиситации, учебный диалект (речевые привычки учителя) и осведомленность в интеракции [28, p. 221].

С тех пор как фокус исследователей сместился с речи учителя в сторону интеракции на занятии по иностранному языку, было разработано несколько моделей для развития у учителей необходимых знаний, умений и навыков: SETT, IMDAT и SWEAR [28, p. 226-227].

Модель SETT (Self Evaluation of Teacher Talk) была разработана на основе исследований, проведенных в Соединенном Королевстве в 2006 г., и нацелена на развитие профессионально-коммуникативной компетенции учителя иностранного языка на основе интеракции в классе. Так, авторы исследования, рассматривая занятие по английскому языку как цепочку микро-контекстов [3], выделяют четыре основных, связывая их с педагогическими целями (перевод наш. – К. Т.).

1. Режим управления (managerial mode): передавать информацию, организовывать классное пространство, направлять обучающихся к учебным материалам, начинать и завершать активности на занятии, переходить от одного режима к другому.

2. Режим работы с материалами (materials mode): предоставлять возможность

для практики языка на основе конкретных материалов, проводить элиситацию на основе конкретных материалов, проверять ответы, пояснять при необходимости, оценивать участие обучающихся в интеракции.

3. Режим языковых умений и системы языка (skills and system mode): предоставлять возможность для продукции обучающимися правильных форм, предоставлять возможность для использования активного языкового материала, предоставлять обратную связь, предоставлять возможность для практики, предоставлять правильные ответы.

4. Режим контекста занятия (classroom context mode): позволять обучающимся выражать себя и собственное мнение, предоставлять контекст и способствовать беглости речи.

Авторами исследования отмечается, что у разных учителей работа в этих режимах будет неодинаковой, однако, в ней будет присутствовать часть из следующих элементов интеракции в классе (перевод наш. – К. Т.) [3, p. 125, 214]:

1) вспомогательные действия (scaffolding): переформулировка, расширение реплики обучающегося или предоставление модели для ответа;

2) обратная связь по содержанию речи обучающегося (content feedback): реакция на содержание ответа, а не на правильность речи;

3) увеличенная продолжительность времени ожидания ответа (extended wait-time): предоставление обучающимся достаточного времени на размышление перед ответом и сам ответ;

4) подтверждение понимания (confirmation checks): подтверждение понимания реплики учителя или обучающегося;

5) предоставление времени для речи обучающихся (extended learner turn): предоставление обучающемуся возможность ответить более чем одной репликой;

6) прямое исправление (direct repair): прямое исправление ошибки сразу после того, как она была совершена;

7) разъяснение (seeking clarification): обучающиеся просят учителя разъяснить что-то из его речи или же наоборот;

8) учительское эхо (teacher echo): учитель повторяет собственную реплику или реплику обучающегося;

9) вмешательство учителя (teacher interruptions): учитель перебивает реплику обучающегося;

10) обратная связь к форме речи (form-focused feedback): реакция на правильность речи обучающегося, а не содержание реплики;

11) вопросы для справки (referential question): вопросы, задаваемые с целью узнать ответ;

12) демонстрационные вопросы (display questions): вопросы, задаваемые с целью демонстрации обучающимся знания в ответе;

13) предоставление времени для речи учителя (extended teacher turn): предоставление учителю возможность говорить более, чем одной репликой;

14) завершение реплики (turn completion): учитель завершает реплику за обучающегося.

Другая модель развития профессионально-коммуникативной компетенции учителя иностранного языка на основе интеракции в классе, IMDAT [28, p. 228], с учетом мультимодальности, мультилингвальности, эпистемичности и желания участвовать в интеракции как аспектов интеракции, предполагает следующие этапы (перевод наш. – К. Т.):

1) знакомство учителей с понятием классной интерактивной компетенции (Introduction of CIC to teachers);

2) микро-/начальный опыт обучения (Micro/initial-teaching experiences:) – первый, не длительный опыт применения интеракции на занятии;

3) диалогическое осмысление записанных на видео педагогических практик с помощью наставника/руководителя/тренера (Dialogic reflection on video-recorded teaching practices with the help of a mentor/supervisor/trainer) – рефлексия на основе видео-

записи своего опыта (пункт 2), при участии ментора;

4) повторное наблюдение коллег (Another round of teaching observed by a peer) – второй этап использования интерактивных умений на занятии, при этом в качестве наблюдателей выступают такие же учителя, а не стоящие выше менторы или руководители;

5) сотрудничество учителей для получение обратной связи друг от друга (Teacher collaboration for peer-feedback).

Стоит отметить, что повышение осведомленности учителей о значимости интеракции на занятии по иностранному языку и работа в сотрудничестве с другими учителями для развития собственных умений входят в «повестку дня» в рамках исследований интеракции [29, p. 113].

В 2020 г. была представлена еще одна модель, основывающаяся на принципе разноречия, – многообразия «социальных голосов» в одном языке³⁰ – определяемого автором как возможность «насыщения» конкретного высказывания более чем одним голосом, или использования его для достижения более чем одной цели, среди которых могут быть порядок, равенство, обучение, участие, прогрессивность и инклюзивность, то есть, управляя разноречием, учитель может одновременно контролировать интеракцию и создавать пространство для участия в нем обучающихся [28, p. 229]. Эта модель, получившая название SWEAR, состоит из пяти этапов (перевод наш. – К. Т.):

1) постановка проблемы (Situating a problem) – обозначение ситуации в классе, на которую учителю необходимо повлиять;

2) работа со сделанной в классе записью (Working with a classroom recording) – работа с уроками в записи;

3) расширение обсуждений (Expanding discussions) – обсуждение просмотренного;

4) определение стратегий (Articulating strategies) – выработка собственных стратегий;

³⁰ Бахтин М.М. Слово в романе. М., 1934.

5) запись и повторение (Recording and repeating) – повторная запись фрагмента урока и последующая работа с ним.

Несмотря на достоинства модели SWEAR, она требует дальнейших исследований с целью определения и расширения пункта 1 (ситуации в классе, на которую учителю необходимо повлиять) [28, р. 230].

Так, в настоящее время исследователи предлагают несколько моделей для развития у учителей необходимых для осуществления интеракции на занятии по иностранному языку знаний, умений и навыков. Основную роль во всех из них играет интеракция и сотрудничество с другими учителями для получения обратной связи. Таким образом, уже существующие модели вряд ли могут быть использованы в процессе обучения студентов лингводидактических направлений подготовки, так как включают в себя в том числе опыт обучения и постановку проблемы, посредством разрешения которой и происходит развитие актуальных стратегий.

ВЫВОДЫ

Процесс интеракции, в рамках которого двое или более людей производят обмен информацией, характеризуется также тем, что в этом процессе восприятие речи происходит одновременно с ее порождением. Другая особенность интеракции заключается в том, что в рамках этого процесса участники подвержены взаимному влиянию, что особенно

актуально при рассмотрении обучения иностранным языкам через призму конструктивизма (индивид конструирует знания сам – в том числе в процессе интеракции – а не принимает их извне) или коннективизма (обучение происходит в условиях общения и социализации). Способность к иноязычной интеракции с представителями иных культур лежит в основе вторичной языковой личности. Сейчас, когда представление о вторичной языковой личности отходит на второй план на фоне повышенного внимания к плюрилингвальной и плюрикультурной компетенциями, роль интеракции в обучении языку, механизмы в основе которого до сих пор не до конца изучены, продолжает привлекать внимание исследователей, которые к настоящему моменту сошлись во мнении о том, что интеракция благотворно влияет на овладение языком. При этом, принимая во внимание гипотезы о взаимодействии и роли входного материала, в настоящее время исследователи концентрируются в большей степени на изучении специфики процессов интеракции в обучении иностранным языкам с целью увеличить их пользу.

В настоящее время исследователями предложены три модели развития стратегий интеракции у учителей иностранного языка, однако, пока что не была описана методика развития стратегий интеракции у студентов лингводидактических направлений подготовки, что определяет перспективы данного исследования.

Список источников

1. *Brown H.D., Lee H.* Teaching by Principles: An Interactive Approach to Language Pedagogy. N. Y.: Pearson Education, 2015. 668 p.
2. *Hall G.* Exploring English Language Teaching: Language in Action. N. Y.: Routledge, 2011. 282 p.
3. *Walsh S.* Exploring Classroom Discourse: Language in Action. N. Y.: Routledge, 2011. 256 p. <https://doi.org/10.4324/9780203827826>
4. *Borich G.* Effective Teaching, Characteristics Of // Encyclopedia of Educational Psychology / ed. by Neil J. Salkind. Thousand Oaks: Sage Publications, 2008. P. 321-325.
5. *Loewen S., Sato M.* Interaction and instructed second language acquisition // Language Teaching. 2018. Vol. 51. № 3. P. 285-329. <https://doi.org/10.1017/S0261444818000125>
6. *Шаимкулов О.А.* «Интеракция» и «интерактивность» в обучении // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 11-3. С. 93-97. <https://elibrary.ru/wzzgfv>

7. Рассказова А.Л. Проблема синонимизации и соподчинения категорий «отношение», «взаимоотношение», «общение» и «взаимодействие» в психологии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2017. № 2. С. 96-105. <https://elibrary.ru/zdbgln>
8. Колесников А.А. Анализ актуальных ориентиров в обучении иностранным языкам // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. № 2 (38). С. 89-100. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2020.38.2.10>, <https://elibrary.ru/vstahh>
9. Richards J.C., Schmidt R. Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics. L.: Pearson, 2011. 656 p. <https://doi.org/10.4324/9781315833835>
10. Thornbury S. An A-Z of ELT. L.: Macmillan, 2017. 256 p.
11. Siemens G. Connectivism: A learning theory for the digital age // International Journal of Instructional Technology and Distance Learning. 2005. Vol. 2. № 1. P. 1-9.
12. Токарева И.Ю. Понятие языковой личности в свете компетентностного подхода // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. Т. 24. № 4-1 (24). С. 217-221. <https://elibrary.ru/plfqcp>
13. Устинова Т.В. Межязыковое взаимодействие в сознании изучающего иностранный язык: когнитивный подход и экспериментальные методы исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2021. № 1 (838). С. 165-176. https://doi.org/10.52070/2500-3488_2021_1_838_165, <https://elibrary.ru/aiewow>
14. Коряковцева Н.Ф. Научно-методическая школа Московского государственного лингвистического университета: 90 лет истории и векторы развития // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2021. № 1 (838). С. 11-27. https://doi.org/10.52070/2500-3488_2021_1_838_11, <https://elibrary.ru/xtfjii>
15. Сафонова В.В. Соизучение языков и культур в зеркале мировых тенденций развития современного языкового образования // Язык и культура. 2014. № 1 (25). С. 123-141. <https://elibrary.ru/rzrktv>
16. Hymes D.H. On communicative competence // Sociolinguistics: Selected Readings. Harmondsworth: Penguin Books, 1972. P. 269-293.
17. Hymes D.H. Two types of linguistic relativity (with examples from Amerindian ethnography) // Sociolinguistics: Proceedings of the UCLA Sociolinguistics Conference. Hague: De Gruyter Mouton, 1964. P. 114-158. <https://doi.org/10.1515/9783110856507>
18. Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. Cambridge: M.I.T. Press, 1965. 296 p.
19. Chomsky N. Knowledge of Language: Its Nature, Origins, and Use. Westport: Praeger, 1986. 314 p.
20. Thoms J.J. Classroom Discourse in Foreign Language Classrooms: A Review of the Literature // Foreign Language Annals. 2012. Vol. 45. № 1. P. 8-27. <https://doi.org/10.1111/j.1944-9720.2012.01177.x>
21. Тумова С.В. Карта компетенций преподавателя иностранных языков в условиях цифровизации образования // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 5. С. 133-149. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-5-133-149>, <https://elibrary.ru/jmljrw>
22. Корнев А.А. Профессионально-коммуникативная компетенция учителя и преподавателя иностранного языка: умения аудирования // Научный журнал Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2017. Т. 35. № 3. С. 88-97. <https://elibrary.ru/zoldlp>
23. Езова С.А. Коммуникативная компетенция библиотечного специалиста // Научные и технические библиотеки. 2008. № 4. С. 101-108. <https://elibrary.ru/kvqduj>
24. Михайлова А.М., Корнев А.А. Профессионально-коммуникативные задачи преподавателя иностранного языка (по результатам анализа должностных инструкций) // Moscow University Young Researcher's Journal Languages, Cultures and Area Studies. 2014. № 3. С. 1-15.
25. Young R.F. Interactional competence in language learning, teaching, and testing // Handbook of research in second language teaching and learning / ed. by E. Hinkel. N. Y.: Routledge, 2011. Vol. 2. P. 426-443. <https://doi.org/10.4324/9780203836507>
26. Гусев Д.А., Флеров О.В. Основные иноязычные компетенции и особенности их формирования в дополнительном профессиональном образовании // Преподаватель XXI век. 2016. № 4-1. С. 236-252. <https://elibrary.ru/xgsojt>
27. Nunan D. Teaching English to Speakers of Other Languages. N. Y.: Routledge, 2015. 210 p.

28. Sert O. Classroom Interaction and Language Teacher Education // The Routledge Handbook of English Language Teacher Education / ed. by S. Walsh, S. Mann. L.: Routledge, 2019. P. 216-238. <https://doi.org/10.4324/9781315659824>
29. Hall J.K. L2 classroom interaction and its links to L2 learners' developing L2 linguistic repertoires: A research agenda // Language Teaching. 2020. Vol. 55. № 1. P. 100-115. <https://doi.org/10.1017/S0261444820000397>

References

1. Brown H.D., Lee H. (2015). *Teaching by Principles: An Interactive Approach to Language Pedagogy*. New York, Pearson Education Publ., 668 p.
2. Hall G. (2011). *Exploring English Language Teaching: Language in Action*. New York, Routledge Publ., 282 p.
3. Walsh S. (2011). *Exploring Classroom Discourse: Language in Action*. New York, Routledge Publ., 256 p. <https://doi.org/10.4324/9780203827826>
4. Borich G. (2008). Effective Teaching, Characteristics Of. *Encyclopedia of Educational Psychology*. Thousand Oaks, Sage Publications, pp. 321-325.
5. Loewen S., Sato M. (2018). Interaction and instructed second language acquisition. *Language Teaching*, vol. 51, no. 3, pp. 285-329. <https://doi.org/10.1017/S0261444818000125>
6. Shaimkulov O.A. (2016). "Interaction" and "interactive" training. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual Problems of Humanities and Natural Sciences], no. 11-3, pp. 93-97. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wzzgfv>
7. Rasskazova A.L. (2017). The problem of denomination and interdependence of the categories of "respect", "relationship", "communication" and "interaction" in psychology. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology], no. 2, pp. 96-105. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zdbgln>
8. Kolesnikov A.A. (2020). Linguodidactic analysis of current methodological trends in foreign language teaching. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie = MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, no. 2 (38), pp. 89-100. (In Russ.) <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2020.38.2.10>, <https://elibrary.ru/vstahh>
9. Richards J.S., Schmidt R. (2011). *Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics*. London, Pearson Publ., 656 p. <https://doi.org/10.4324/9781315833835>
10. Thornbury S. (2017). *An A-Z of ELT*. London, Macmillan Publ., 256 p.
11. Siemens G. (2005). Connectivism: A learning theory for the digital age. *International Journal of Instructional Technology and Distance Learning*, vol. 2, no. 1, pp. 1-9.
12. Tokareva I.Yu. (2012). Ponyatie yazykovoi lichnosti v svete kompetentnostnogo podkhoda [The concept of linguistic personality in the light of the competence approach]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University], vol. 24, no. 4-1 (24), pp. 217-221. (In Russ.) <https://elibrary.ru/plfqcp>
13. Ustinova T.V. (2021). Cross-linguistic effects in the L2 learner's cognition: the cognitive approach and experimental methods. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and teaching*, no. 1 (838), pp. 165-176. (In Russ.) https://doi.org/10.52070/2500-3488_2021_1_838_165, <https://elibrary.ru/aiewow>
14. Koryakovtseva N.F. (2021). Moscow State Linguistic University scientific school of foreign language teaching: 90-year history and prospects of development. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and teaching*, no. 1 (838), pp. 11-27. (In Russ.) https://doi.org/10.52070/2500-3488_2021_1_838_11, <https://elibrary.ru/xtfjii>
15. Safonova V.V. (2014). Co-learning of languages and cultures in the mirror of world tendencies in developing modern language education. *Yazyk i kul'tura = Language and Culture*, no. 1 (25), pp. 123-141. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rzrktv>

16. Hymes D.H. (1972). On communicative competence. *Sociolinguistics: Selected Readings*. Harmondsworth, Penguin Books Publ., pp. 269-293.
17. Hymes D.H. (1964). Two types of linguistic relativity (with examples from Amerindian ethnography). *Proceedings of the UCLA Sociolinguistics Conference "Sociolinguistics"*. Hague, De Gruyter Mouton Publ., pp. 114-158. <https://doi.org/10.1515/9783110856507>
18. Chomsky N. (1965). *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, M.I.T. Press, 296 p.
19. Chomsky N. (1986). *Knowledge of Language: Its Nature, Origins, and Use*. Westport, Praeger Publ., 314 p.
20. Thoms J.J. (2012). Classroom Discourse in Foreign Language Classrooms: A Review of the Literature. *Foreign Language Annals*, vol. 45, no. 1, pp. 8-27. <https://doi.org/10.1111/j.1944-9720.2012.01177.x>
21. Titova S.V. (2022). The map of competencies of a foreign language university teacher in the context of digitalization of education. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, vol. 31, no. 5, pp. 133-149. (In Russ.) <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-5-133-149>, <https://elibrary.ru/jmljrw>
22. Korenev A.A. (2017). Language teacher's professional-communicative competence: listening skills. *Nauchnyi zhurnal Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya = Scientific Journal Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches*, vol. 35, no. 3, pp. 88-97. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zoldlp>
23. Ezova S.A. (2008). A librarian's communication competency. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki = Scientific and Technical Libraries*, no. 4, pp. 101-108. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kvqduj>
24. Mikhailova A.M., Korenev A.A. (2014). Language teachers' communicative tasks (an analysis of job descriptions). *Moscow University Young Researcher's Journal Languages, Cultures and Area Studies*, no. 3, pp. 1-15. (In Russ.)
25. Young R.F. (2011). Interactional competence in language learning, teaching, and testing. *Handbook of Research in Second Language Teaching and Learning*. New York, Routledge Publ., vol. 2, pp. 426-443. <https://doi.org/10.4324/9780203836507>
26. Gusev D.A., Flerov O.V. (2016). Main foreign language competences and peculiarities of their forming in further professional education. *Prepodavatel' XXI vek = Prepodavatel XXI Vek*, no. 4-1, pp. 236-252. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xgsojt>
27. Nunan D. (2015). *Teaching English to Speakers of Other Languages*. New York, Routledge Publ., 210 p.
28. Sert O. (2019). Classroom Interaction and Language Teacher Education. *The Routledge Handbook of English Language Teacher Education*. London, Routledge, pp. 216-238. <https://doi.org/10.4324/9781315659824>
29. Hall J.K. (2020). L2 classroom interaction and its links to L2 learners' developing L2 linguistic repertoires: A research agenda. *Language Teaching*, vol. 55, no. 1, pp. 100-115. <https://doi.org/10.1017/S0261444820000397>

Информация об авторе

Темурян Кристина Телмановна, научный сотрудник кафедры теории преподавания иностранных языков, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.
<https://orcid.org/0000-0001-6851-0486>
christinatem5@gmail.com

Поступила в редакцию 06.03.2023
Поступила после рецензирования 29.05.2023
Принята к публикации 19.06.2023

Information about the author

Christina T. Temuryan, Research Scholar of Theory of Teaching Foreign Languages Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
<https://orcid.org/0000-0001-6851-0486>
christinatem5@gmail.com

Received 06.03.2023
Approved 29.05.2023
Revised 19.06.2023

ОЗДОРОВИТЕЛЬНАЯ И АДАПТИВНАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Научная статья

УДК 796.011.3

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-647-656>

Исследование применения элементов йоги на занятиях по физической культуре для улучшения здоровья

Зинаида Васильевна КУЗНЕЦОВА , Людмила Павловна ФЕДОСОВА ,

Галина Викторовна ФЕДОТОВА , Вера Александровна БЕЛОВА
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
350044, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Калинина, 13

*Адрес для переписки: zinaidakyznecova@mail.ru

Актуальность. Низкий уровень здоровья современного общества поднимает вопрос о возможностях его оздоровления и физического развития. Йога как один из инновационных методов оздоровления выделяется в данном вопросе эффективной, особенно при внедрении в занятия физической культурой в вузе. Цель – исследование влияния внедрения элементов йоги в занятия физической культурой и спортом в вузе и его оценка как в разрезе здоровья, так и физической подготовки.

Методы исследования. Проведен эксперимент с участием 48 студентов, разделенных на экспериментальную и контрольную подгруппы в разрезе видов спорта плавания и легкой атлетики. Проведено внедрение в занятия физической культурой экспериментальной группы элементов йоги при разминке и в заключительной части занятия. Оценка эффективности занятий была проведена на основе данных, зафиксированных на начало и конец эксперимента в 1 семестре по скорости выполнения заданного норматива и по данным о самочувствии, записанных в дневник самоконтроля.

Результаты исследования. В процессе исследования более высокие результаты изменения скорости показала экспериментальная группа, занимающаяся йогой, – это не менее чем на 8 %. Показатели, которые фиксировались в дневнике самоконтроля, к концу исследования также были лучше в экспериментальной группе. В результате было выявлено общее положительное влияние занятий спортом на организм студента и, в частности, по оцениваемым показателям выявлено более высокое влияние включения элементов йоги в занятия.

Выводы. Вопрос оздоровления общества эффективно решается методами физической культуры. Также проведенное исследование доказало, что занятия физической культурой и йогой положительно влияют на организм человека, и именно йога позволяет организму быстрее адаптироваться не только к физическим нагрузкам, но и к воздействию на него окружающей среды.

Ключевые слова: физическая культура, йога, физическая подготовка, здоровье, динамика показателей, дневник самоконтроля, комплексы упражнений

Для цитирования: Кузнецова З.В., Федосова Л.П., Федотова Г.В., Белова В.А. Исследование применения элементов йоги на занятиях по физической культуре для улучшения здоровья // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3. С. 647-656. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-647-656>

RECREATIONAL AND ADAPTIVE PHYSICAL EDUCATION

Original article

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-647-656>

Research on the use of yoga elements in physical education classes to improve health

Zinaida V. KUZNETSOVA ^{*}, Lyudmila P. FEDOSOVA ,

Galina V. FEDOTOVA , Vera A. BELOVA

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
13 Kalinina St., Krasnodar, 350044, Russian Federation

*Corresponding author: zinaidakyznecova@mail.ru

Importance. The low level of health of modern society raises the question of the possibilities of its recovery and physical development. Yoga, as one of the innovative methods of health improvement, stands out in this matter as effective, especially when introduced into physical education classes at the university. The aim is to research the impact of the introduction of yoga elements in physical education and sports at the university and its assessment both in terms of health and physical training.

Research methods. An experiment was conducted with the participation of 48 students divided into experimental and control subgroups in the context of swimming and athletics sports. An experimental group of yoga elements was introduced into physical education classes during the warm-up and in the final part of the lesson. The evaluation of the effectiveness of classes was carried out on the basis of data recorded at the beginning and end of the experiment in the 1st semester on the speed of fulfillment of a given standard and according to the data on well-being recorded in the self-control diary.

Result and Discussion. In the course of the research, the experimental group engaged in yoga showed higher results of speed change – this is not less than 8 %. The indicators recorded in the self-control diary were also better in the experimental group by the end of the research. As a result, the overall positive effect of sports activities on the student's body was revealed and, in particular, according to the assessed indicators, a higher influence of the inclusion of yoga elements in classes was revealed.

Conclusion. The issue of improving society is effectively solved by methods of physical culture. The research also proved that physical education and yoga have a positive effect on the human body, and it is yoga that allows the body to quickly adapt not only to physical exertion, but also to the effects of the environment on it.

Keywords: physical culture, yoga, physical training, health, dynamics of indicators, self-control diary, exercise complexes

For citation: Kuznetsova, Z.V., Fedosova, L.P., Fedotova, G.V., & Belova, V.A. (2023). Research on the use of yoga elements in physical education classes to improve health. *Vestnik*

Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities, vol. 28, no. 3, pp. 647-656. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-647-656>

АКТУАЛЬНОСТЬ

О положительном влиянии занятий йогой на организм человека написано достаточное количество трудов, в которых проводятся исследования и эксперименты, доказывающие данное утверждение [1; 2]. В связи с этим для преподавателей физической культуры и спорта в вузах встает вопрос о прикладном использовании элементов йоги на своих занятиях для улучшения здоровья студентов, уменьшения травматизма, ускорения восстановления организма и повышения его адаптационных качеств.

Самым важным фактором эффективности занятий является уровень здоровья студентов. Именно крепкое здоровье позволяет адаптироваться под разные виды нагрузки, восстанавливаться после травм, сопротивляться различным заболеваниям. Основными причинами заболеваний у студентов являются факторы внешней среды (инфекции, вирусы), стресс, сидячий образ жизни и недостаточное количество сна [3]. Эти причины между собой связаны: недостаточное количество сна ведет к повышению стресса для организма и снижению иммунитета. Высокий стресс может влиять на качество и продолжительность сна. Поэтому для преподавателя физической культуры важно, чтобы занятия влияли на снижение стресса у студентов, минимизировали ущерб от сидячего образа жизни, повышали иммунитет и улучшали качество сна [4]. Предполагается, что введение элементов йоги в занятия по физической культуре и спорту в вузе позволит решить описанные проблемы.

Травматизм на занятиях может быть обусловлен недоброкачественной разминкой и неверным выполнением упражнений студентами [5]. На занятиях по плаванию, например, может возникнуть судорога в конечностях, растяжение мышц и отдышка, которые чаще всего вызваны неверным выполне-

нием техники упражнений или недостаточной разминкой [6]. То же случается и на занятиях по легкой атлетике. Введение элементов йоги в занятия по физической культуре позволит не только размять мышцы и связки человека и укрепить их, но и предотвратить травматизм.

Кроме того, на практике у большинства студентов имеется базовый уровень физической подготовки или недостаток навыков, а для ведения эффективной бытовой и профессиональной жизнедеятельности и в частности участия в соревнованиях необходимо иметь уровень выше среднего [7]. Уменьшение времени физической подготовки студентов – еще одна из важных задач для преподавателей вузов. Поскольку адаптация организма к нагрузке и восстановление после нее являются одними из фундаментальных процессов в организме человека во время и после занятий по физической подготовке, то ускорение данных процессов позволит сократить время развития навыков у студентов. Введение элементов йоги в занятия по физической культуре позволит увеличить адаптацию к нагрузке во время занятий и ускорить восстановление организма после них.

Цель работы – исследование влияния внедрения элементов йоги в занятия физической культурой и спортом в вузе и его оценка как в разрезе здоровья, так и физической подготовки.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для исследования применения элементов йоги на занятиях по физической культуре и спорту в ФГБОУ ВО «Кубанском государственном аграрном университете им. И.Т. Трубилина» (г. Краснодар) был проведен эксперимент продолжительностью в один семестр, который заключался во внедрении элементов йоги в обычные занятия и замере начальных и итоговых результатов. В течение семестра

проводилась оценка самочувствия студентов посредством анализа дневника самоконтроля, а также замерялись физические показатели и спортивные результаты (контрольные точки – начало и конец семестра).

Для эксперимента были выбраны разнородные группы, занимающиеся по направлениям «плавание» и «легкая атлетика». Студенты по каждому направлению были разделены на две подгруппы по 6 юношей и 6 девушек в возрасте от 19 до 21 года. Общее число студентов, принявших участие в эксперименте, составило 48 человек (табл. 1). В избранных группах все студенты имели примерно одинаковую базовую физическую подготовку и основную медицинскую группу, профессионально спортом никто не занимался.

Суть эксперимента заключалась во внедрении элементов йоги до и после занятий физической культурой и спортом для одной из подгрупп для каждого вида спорта. Данную группу будем обозначать как экспериментальную подгруппу (ЭП), обычную группу – как контрольную подгруппу (КП).

При проведении разминки студенты из экспериментальных групп выполняли следующие комплексы упражнений в дополнение к обычной разминке: «Сурья-намаскара» (3 раза) и «Динамическая пирамида» (2 раза – по одному на каждую сторону). Порядок выполнения комплексов описан ниже [8; 9].

Порядок выполнения комплекса «Сурья-намаскара» состоит из следующих действий.

Таблица 1
Распределение студентов по группам
Table 1
Distribution of students by groups

Группа по плаванию		Группа по легкой атлетике	
ЭП	КП	ЭП	КП
6 юношей	6 юношей	6 юношей	6 юношей
6 девушек	6 девушек	6 девушек	6 девушек

1. Исходное положение: стоя, стопы вместе, ладони соединены перед грудью. Полный выдох.

2. На вдохе вытянуть руки над головой, прогнуться в спине назад как можно дальше, сохраняя комфортное положение.

Вытянуть все тело.

3. Плавно наклониться к стопам, поставить ладони рядом с ними. Копчик должен стремиться вверх, голова к коленям, спина и ноги прямые. Выдох.

4. Выпад назад правой ногой. Прогнуть спину и смотреть вверх. Пальцами рук опираться о пол для сохранения равновесия тела. Вдох.

5. Перенести левую ногу назад к правой, прижимая стопы к полу. Голова опускается между рук. Ягодицы устремлены вверх. Выдох.

6. Задержав дыхание, поочередно опустить на пол колени, грудь и подбородок.

7. Выпрямить ноги. Отжимаясь на руках, выпрямить их, прогнуться в позвоночнике. Лицо вверх. Руки держат туловище. Вдох.

8. Сохраняя руки и ноги прямыми, тянуть ягодицы вверх. Голова опускается между руками. Выдох.

9. Правой ногой сделать выпад вперед, стопа между руками. Прогнуть спину и смотреть вверх. Вдох.

10. Левую ногу перенеси к правой. Наклонить туловище к стопам, голова стремится к коленям. Спина и ноги прямые. Выдох.

11. Выпрямить туловище, вытянуть руки вверх над головой. Прогнуться в спине, вытянуть все тело. Вдох.

12. Выпрямить туловище, встать прямо, стопы вместе, ладони соединены перед грудью. Полный выдох.

Порядок выполнения комплекса «Динамическая пирамида» состоит из следующих действий.

1. Исходное положение: стоя, ноги на ширине 70–80 см, тело расслаблено. Полный выдох.

2. На вдохе поднять через стороны руки вверх так, чтобы правая рука остановилась на уровне правого плеча ладонью вниз, а левая оказалась прижатой к голове ладонью вправо. В конце вдоха потянуться правой стороной туловища вверх, зафиксировать положение.

3. Сохраняя положение рук, с выдохом наклониться вправо, пока правая рука не упрется в правую ногу, а левая не примет горизонтальное положение.

4. На вдохе, удерживая туловище в наклонном положении, развернуть его вправо так, чтобы грудь оказалась направленной к полу, а руки – вытянутыми в стороны.

5. С выдохом еще больше развернуть туловище вправо, опереться левой рукой в подъем правой стопы, а правую вытянуть вертикально вверх. Развернуть голову вправо и перевести взгляд на кисть правой руки.

6. На вдохе, сохраняя позу, вытянуться всем телом вверх.

7. С выдохом опуститься на правую руку, поместить ее на кисть левой руки, подтянуться к правой ноге и прижать лоб к колену.

8. На вдохе, не приподнимая туловища, переместить его влево, в центр, и переплести руки.

9. С выдохом хорошо потянуться вниз, преимущественно за счет натяжения мышц поясничной области.

10. На вдохе распрямить руки, подняться вверх, выпрямить тело и с выдохом через стороны перевести руки вниз.

При проведении заключительной части занятия студенты из экспериментальных групп выполняли комплекс упражнений «Сарванга-пушти» в дополнение к обычной программе данной части занятий.

Порядок выполнения комплекса «Сарванга-пушти» состоит из следующих действий.

1. Исходное положение: стоя, ноги дальше ширины плеч, ступни разведены в стороны. Руки опущены и сжаты в кулаки таким образом, чтобы большие пальцы оказались внутри

кулаков. Запястье левой руки помещено на запястье правой.

2. На вдохе поднять руки вверх и вытянуть их. Подтянуть живот и потянуться всем телом.

3. Зафиксировать тело на секунду в таком положении. Затем повернуть тело к правой ноге и с выдохом наклониться к ней так, чтобы кулаки коснулись ступни, а лоб – колена. Зафиксировать тело на секунду в таком положении.

4. На вдохе, удерживая голову между рук, начать медленно подниматься и провоцировать тело, подавая таз вперед, тянуться сначала в правую сторону, затем, прогибаясь в пояснице, отклониться назад и, описав туловищем полукруг, с выдохом наклониться к левой ноге. Зафиксировать тело на секунду в таком положении.

5. На задержке дыхания переместить руки и туловище к правой стопе. Зафиксировать тело на секунду в таком положении.

6. На вдохе, продолжая удерживать голову между рук, подняться вверх, потянуть туловище влево, потянуться и с выдохом опустить руки и расслабиться.

Студентам экспериментальных групп выделялось дополнительно 5 минут на разминку и 2 минуты на заминку.

Для фиксации физических показателей и спортивных результатов в конце первого и последнего занятия семестра в группе по плаванию было измерено, за какое время студенты проплывут дистанцию 100 м в технике «Кроль на груди», а в группе по легкой атлетике – за какое время студенты пробегут дистанцию 1 км. Для фиксации самочувствия во время эксперимента студенты вели дневник самоконтроля, в котором фиксируется их состояние здоровья до и после занятий. В шапке дневника указывается информация о студенте (ФИО, группа и др.) и далее в таблице по столбцам заполняются данные по датам по показателям здоровья: пульс до и после занятия, скорость восстановления пульса, работоспособность, самочувствие, настроение, аппетит, сон [10].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты эксперимента были подведены в конце испытательного семестра. В группе по плаванию было измерено, за какое время студенты проплывут 100 м в технике «Кроль на груди», а в группе по легкой атлетике – за какое время студенты пробегут дистанцию 1 км. Результаты на начало и конец семестра между студентами каждой группы были усреднены и в итоге выведена динамика изменения замеров затраченного времени на заданную дистанцию (скорость) в процентах (табл. 2). Положительная динамика говорит о приросте скорости в конце семестра относительно скорости в начале семестра.

Из табл. 2 следует, что студенты из экспериментальных групп имеют лучшую динамику прироста скорости относительно студентов из контрольных групп, разница прироста в группах по плаванию 9 %, в группах по легкой атлетике – 8 %. На динамику развития физических показателей экспериментальной группы повлияли обычные занятия физической культурой в течение всего семестра и дополнительно внедренные элементы йоги, динамика контрольной группы зависела только от обычных занятий [11].

Также были изучены дневники самоконтроля студентов из всех групп, проведено сравнение динамики изменения показателей здоровья до и после занятий в течение первых и последних 2 недель занятий, субъективные показатели оценивались по 10-балльной шкале (табл. 3).

Если оценить первый показатель «пульс до занятий», можно сделать вывод, что пульс студентов, которые не занимаются спортом, не стабилен и чаще бывает немного повышен, благодаря занятиям физической культурой и спортом пульс нормализуется вне зависимости от того, включена ли в занятия йога (норма 60–90 уд./мин). Повышенный пульс после занятий норма, однако, чем ближе к нижней границе нормы, тем лучше, в табл. 3 видно, что занятия спортом, особенно с включением йоги, позволили уменьшить данный показатель

Таблица 2

Динамика изменения замеров скорости

Table 2

Dynamics of changes in speed measurements

Группа по плаванию		Группа по легкой атлетике	
ЭП	КП	ЭП	КП
+22 %	+13 %	+24 %	+16 %

Таблица 3

Динамика изменения показателей здоровья

Table 3

Dynamics of changes in health indicators

Показатели	Группа по плаванию		Группа по легкой атлетике	
	ЭП	КП	ЭП	КП
Пульс до занятий (уд./мин)	–15	–12	–17	–11
Пульс после занятий (уд./мин)	–35	–16	–32	–14
Скорость восстановления пульса (мин)	–19	–10	–18	–9
Работоспособность (балл)	+4	+1	+3	+2
Самочувствие (балл)	+3	+2	+4	+1
Настроение (балл)	+4	+2	+4	+1
Аппетит (балл)	+4	+3	+3	+2
Сон (балл)	+3	+1	+3	+2

(норма 120–160 уд./мин). При выполнении заминки с упражнениями йоги уже начинается постепенное восстановление пульса, что положительно влияет на устойчивость организма. Также и показатель скорости восстановления пульса значительно улучшился, что значит, что под влиянием йоги организм быстрее расслабляется и легче переносит нагрузки (норма 5–30 мин). Показатели состояния здоровья приблизились к отметке «отлично» к 10 баллам, так и обычные занятия физической культурой позволили улучшить данные показатели, но занятия в ЭП были более эффективны. Йога является частью инновационных оздоровительных методик физической культуры, которая позволяет воздействовать на все системы организма, укрепляя иммунитет, работу сердечно-сосу-

дистой, опорно-двигательной, нервной и других систем, а также комплексно воздействует на развитие физических способностей организма [12; 13].

Таким образом, можно говорить о том, что применение элементов йоги на занятиях по физической культуре способствует улучшению здоровья и повышению спортивных показателей.

ВЫВОДЫ

Вопрос недостатка здоровья и физической подготовки в современном обществе эффективно решается методами физической культуры в вузах. Проблема здоровья молодого поколения становится менее выраженной

благодаря новым методикам в сфере физического воспитания и квалификации преподавателей [14]. Так и в данной работе был проведен анализ влияния занятий по физической культуре на спортивную подготовку и здоровье студента. В итоге получен вывод, что физическая культура и в частности йога оказывают положительное влияние на процессы, происходящие в организме. Внедрение элементов йоги в занятия позволяет лучше подготовить организм к занятиям физической культурой и спортом и быстрее снять стресс после нагрузки, что укрепляет организм и оптимизирует его работу как во время нагрузки, так и после, при этом улучшается психический фактор – снижается стресс, повышается настроение.

Список источников

1. Серпер С.А. Итоги педагогического эксперимента по внедрению элементов гимнастики йогов в подготовку бакалавров профиля «физическая культура и спорт» // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 221-224. <https://doi.org/10.26140/anip-2019-0802-0052>, <https://elibrary.ru/dzuyuo>
2. Иванов В.Д., Ярушин С.А. Занятия йогой. Условия благоприятного влияния на организм человека // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2019. № 4 (15). С. 427-433. <https://elibrary.ru/vxrpyv>
3. Славинский Н.В., Служителев А.В., Брянцева А.Р. Роль физической культуры в разрешении проблем здоровья человека // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 79-3. С. 129-133. <https://doi.org/10.18411/trnio-11-2021-126>, <https://elibrary.ru/lqxden>
4. Харьковская А.Г., Ильницкая Т.А., Сень С.В., Кузнецова З.В. Инновационные оздоровительные и реабилитационные технологии проведения практических занятий по дисциплине «элективные курсы по физической культуре и спорту» // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 2 (192). С. 349-352. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2021.2.p349-352>, <https://elibrary.ru/rbfyvg>
5. Яткин И.В., Кузнецова З.В. Организация самостоятельных занятий по физической культуре и спорту в дистанционном режиме обучения с соблюдением техники безопасности // Современные методические подходы к преподаванию дисциплин в условиях эпидемиологических ограничений: сб. ст. по материалам уч.-метод. конф. / отв. ред. Д.С. Лилякова. Краснодар, 2021. С. 364-365. <https://elibrary.ru/lxytyg>
6. Ковалева Т.В., Ильницкая Т.А. Проблемы адаптивного плавания в высших учебных заведениях // Физическая культура и спорт в высших учебных заведениях: актуальные вопросы теории и практики: сб. ст. по материалам нац. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию образования кафедры физ. воспитания Кубанского ГАУ / отв. ред. А.В. Яни. Краснодар, 2020. С. 751-758. <https://elibrary.ru/xukzyf>
7. Федосова Л.П., Кузнецова З.В., Федотова Г.В., Удовицкая Л.У. Сравнительный анализ методов физической культуры, направленных на развитие выносливости и силы в контексте здоровья // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 3 (193). С. 448-450. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2021.3.p448-450>, <https://elibrary.ru/dtrfjl>
8. Постол О.Л., Панкратова О.Н., Воробьев О.И. Популярность восточных оздоровительных практик у студентов вузов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 12 (190). С. 174-178. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.12.p174-178>, <https://elibrary.ru/hsxozc>

9. Печерский С.А., Кузнецова З.В., Уманский М.И. Физические упражнения при неправильной осанке // Актуальные проблемы физической культуры и спорта в современных условиях: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. И.И. Бородин. Уссурийск, 2022. С. 46-48. <https://elibrary.ru/srdjma>
10. Карачина А.А., Белова В.А., Мельников А.И. Эффективные технологии реализации учебных программ по дисциплинам «физическая культура и спорт» и «элективные дисциплины по физической культуре и спорту» // Физическая культура и спорт в высших учебных заведениях: актуальные вопросы теории и практики: материалы нац. науч.-практ. конф. / гл. ред. В.Ю. Морозов. СПб., 2021. С. 244-247. <https://elibrary.ru/eopniv>
11. Мельников А.И., Служителей А.В. Физическая культура и спорт как основа здоровой деятельности студентов Кубанского ГАУ // Итоги научно-исследовательской работы за 2021 год: материалы Юбилейной науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Кубанского ГАУ / отв. ред. А.Г. Кошачев. Краснодар, 2022. С. 485-486. <https://elibrary.ru/ahewmk>
12. Кузьмин В.А., Копылов Ю.А., Кудрявцев М.Д., Галимов Г.Я., Ермаков С.С. Обоснование эффективности занятий по оздоровительной методике для студентов со сниженным уровнем двигательной подготовленности // Физическое воспитание студентов. 2015. № 6. С. 43-49. <https://doi.org/10.15561/20755279.2015.0606>, <https://elibrary.ru/xcswkt>
13. Цыганкова В.О., Биличенко Д.А., Яни А.В. Спортивно-оздоровительное питание, стратегия, проблемы, результаты // Актуальные проблемы и перспективы развития физической культуры и спорта в аграрных вузах России: сб. науч. тр. по материалам Нац. науч.-практ. конф. / под. ред. А.Р. Валиева, Б.Г. Зиганшина, А.В. Дмитриева и др. Казань, 2022. С. 541-545. <https://elibrary.ru/oqewqu>
14. Желтушкина Е.В., Желтов А.А., Соболев Ю.В., Белова В.А. Актуальные проблемы физической культуры и спорта в высших учебных заведениях // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2022. № 9 (211). С. 123-125. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2022.9.p123-126>, <https://elibrary.ru/lhptyo>

References

1. Serper S.A. (2019). Results of the pedagogical experiment on the implementation of the elements of yoga gymnastics in the preparation of bachelors of the physical culture and sport profile. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* = *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, vol. 8, no 2 (27), pp. 221-224. (In Russ.) <https://doi.org/10.26140/anip-2019-0802-0052>, <https://elibrary.ru/dzuyuo>
2. Ivanov V.D., Yarushin S.A. (2019). Yoga class. Conditions of favorable influence on the human body. *Zdorov'e cheloveka, teoriya i metodika fizicheskoi kul'tury i sporta* = *Health, Physical Culture and Sports*, no. 4 (15), pp. 427-433. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vxrpyv>
3. Slavinskii N.V., Sluzhitelev A.V., Bryantseva A.R. (2021). Rol' fizicheskoi kul'tury v razreshenii problem zdorov'ya cheloveka [The role of physical culture in solving human health problems]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the Development of Science and Education], no. 79-3, pp. 129-133. (In Russ.) <https://doi.org/10.18411/trnio-11-2021-126>, <https://elibrary.ru/lqxden>
4. Kharkovskaya A.G., Initskaya T.A., Sen' S.V., Kuznetsova Z.V. (2021). Innovative health and rehabilitation technologies for conducting practical exercises on the discipline "elective courses in physical education and sport". *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta* = *Uchenye Zapiski Universiteta Imeni P.F. Lesgafta*, no. 2 (192), pp. 349-352. (In Russ.) <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2021.2.p349-352>, <https://elibrary.ru/rbfyvg>
5. Yarkin I.V., Kuznetsova Z.V. (2021). Organizatsiya samostoyatel'nykh zanyatii po fizicheskoi kul'ture i sportu v distantsionnom rezhime obucheniya s soblyudeniem tekhniki bezopasnosti [Organization of independent classes in physical culture and sports in the distance learning mode in compliance with safety regulations]. In: Lilyakova D.S. (executive ed.). *Sbornik statei po materialam uchebno-metodicheskoi konferentsii «Sovremennye metodicheskie podkhody k prepodavaniiyu distsiplin v usloviyakh epidemiologicheskikh ogranichenii»* [Proceedings Based on the Materials of the Educational and Methodical Conference "Modern Methodical Approaches to Teaching Disciplines in Conditions of Epidemiological Restrictions"]. Krasnodar, pp. 364-365. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lxytyg>

6. Kovaleva T.V., Ilitskaya T.A. (2020). Problemy adaptivnogo plavaniya v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh [Problems of adaptive swimming in higher educational institutions]. In: Yani A.V. (executive ed.). *Sbornik statei po materialam natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 70-letiyu obrazovaniya kafedry fizicheskogo vospitaniya Kubanskogo GAU «Fizicheskaya kul'tura i sport v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh: aktual'nye voprosy teorii i praktiki»* [Proceedings Based on the Materials of the National Scientific and Practical Conference Dedicated to the 70th Anniversary of the Formation of the Department of Physical Education of the Kuban State Agrarian University "Physical Culture and Sport in Higher Educational Institutions: Topical Issues of Theory and Practice"]. Krasnodar, pp. 751-758. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xukzyf>
7. Fedosova L.P., Kuznetsova Z.V., Fedotova G.V., Udovitskaya L.U. (2021). Comparative analysis of the methods of physical cultures for endurance and strength development in the context of health. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta = Uchenye Zapiski Universiteta Imeni P.F. Lesgafta*, no. 3 (193), pp. 448-450. (In Russ.) <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2021.3.p448-450>, <https://elibrary.ru/dtrfjl>
8. Postol O.L., Pankratova O.N., Vorob'ev O.I. (2020). Popularity of eastern health practices among university students. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta = Uchenye Zapiski Universiteta Imeni P.F. Lesgafta*, no. 12 (190), pp. 174-178. (In Russ.) <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.12.p174-178>, <https://elibrary.ru/hxsozc>
9. Pecherskii S.A., Kuznetsova Z.V., Umanskii M.I. (2022). Physical exercises with improper posture. In: Borodin I.I. (executive ed.). *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy fizicheskoi kul'tury i sporta v sovremennykh usloviyakh»* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Actual Problems of Physical Culture and Sports in Modern Conditions"]. Ussuriysk, pp. 46-48. (In Russ.) <https://elibrary.ru/srdjma>
10. Karachina A.A., Belova V.A., Melnikov A.I. (2021). Effektivnye tekhnologii realizatsii uchebnykh programm po distsiplinam «fizicheskaya kul'tura i sport» i «elektivnye distsipliny po fizicheskoi kul'ture i sportu» [Effective technologies for the implementation of curricula in the disciplines "physical culture and sport" and "elective disciplines in physical culture and sport"]. In: Morozov V.Yu. (ed.-in-chief). *Materialy natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Fizicheskaya kul'tura i sport v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh: aktual'nye voprosy teorii i praktiki»* [Proceedings of the National Scientific and Practical Conference "Physical Culture and Sport in Higher Educational Institutions: Topical Issues of Theory and Practice"]. St. Petersburg, pp. 244-247. (In Russ.) <https://elibrary.ru/eopniv>
11. Melnikov A.I., Sluzhitelev A.V. (2022). Fizicheskaya kul'tura i sport kak osnova zdorovoi deyatel'nosti studentov Kubanskogo GAU [Physical culture and sport as the basis of healthy activity of students of Kuban State Agrarian University]. In: Koshchaev A.G. (executive ed.). *Materialy Yubileinoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu Kubanskogo GAU «Itogi nauchno-issledovatel'skoi raboty za 2021 god»* [Proceedings of the Jubilee Scientific and Practical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Kuban State Agrarian University. "Results of Research Work for 2021"]. Krasnodar, pp. 485-486. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ahewmk>
12. Kuzmin V.A., Kopylov Yu.A., Kudryavtsev M.D., Galimov G.Ya., Ermakov S.S. (2015). Substantiation of effectiveness of trainings on health related methodic for students with weakened motor fitness. *Fizicheskoe vospitanie studentov = Physical Education of Students*, no. 6, pp. 43-49. (In Russ.) <https://doi.org/10.15561/20755279.2015.0606>, <https://elibrary.ru/xcswwt>
13. Tsygankova V.O., Bilichenko D.A., Yani A.V. (2022). Sports and wellness nutrition, strategy, problems, results. In: Valiev A.R., Ziganshin B.G., Dmitriev A.V. et al. (eds.). *Sbornik nauchnykh trudov po materialam Natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya fizicheskoi kul'tury i sporta v agrarnykh vuzakh Rossii»* [Proceedings of Scientific Papers Based on the Materials of the National Scientific and Practical Conference "Actual Problems and Prospects of Development of Physical Culture and Sports in Agricultural Universities of Russia"]. Kazan, pp. 541-545. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oqewqu>
14. Zheltushkina E.V., Zheltov A.A., Sobol' Yu.V., Belova V.A. (2022). Current problems of physical culture and sport in higher educational institutions. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta = Uchenye Zapiski Universiteta Imeni P.F. Lesgafta*, no. 9 (211), pp. 123-125. (In Russ.) <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2022.9.p123-126>, <https://elibrary.ru/lhptyo>

Информация об авторах

Кузнецова Зинаида Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-9862-7148>
zinaidakyznecova@mail.ru

Федосова Людмила Павловна, старший преподаватель кафедры физического воспитания, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-5966-0391>
luda_fedosova@mail.ru

Федотова Галина Викторовна, старший преподаватель кафедры физического воспитания, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-0794-2637>
galusa67@inbox.ru

Белова Вера Александровна, старший преподаватель кафедры физического воспитания, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-6394-0038>
bertaver8@mail.ru

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 27.01.2023
Поступила после рецензирования 21.04.2023
Принята к публикации 19.05.2023

Information about the authors

Zinaida V. Kuznetsova, PhD (Education), Associate Professor of Physical Education Department, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-9862-7148>
zinaidakyznecova@mail.ru

Lyudmila P. Fedosova, Senior Lecturer of Physical Education Department, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-5966-0391>
luda_fedosova@mail.ru

Galina V. Fedotova, Senior Lecturer of Physical Education Department, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-0794-2637>
galusa67@inbox.ru

Vera A. Belova, Senior Lecturer of Physical Education Department, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-6394-0038>
bertaver8@mail.ru

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

Received 27.01.2023
Approved 21.04.2023
Revised 19.05.2023

Научная статья
УДК 796/799

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-657-664>

Антропометрические данные хоккеиста как основа вариативности методики игровой адаптации в любительских студенческих командах

Дмитрий Александрович ЗОБКОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
zebl2989@mail.ru

Актуальность. Рассмотрены условия планирования компонента спортивной подготовки, направленного на игровую адаптацию студентов, обладающих особыми антропометрическими показателями, и занимающихся хоккеем в непрофессиональных студенческих командах. Необходимыми условиями структуризации являются: характеристика необходимых двигательных игровых действий и их адекватность при выполнении игроками с соответствующими антропометрическими параметрами; совершенствование вестибулярного аппарата при обеспечении статического и динамического равновесий в игровой деятельности, а также корректирование временных параметров двигательных действий, обеспечивающих эффективность игрового взаимодействия. Исследованные антропометрические показатели обусловили предпосылки для оптимизации процесса игровой адаптации игроков с особенностями антропометрического развития, что послужило основанием соответствующей модификации содержания тренировочного процесса хоккеистов. Цель исследования – сравнительный анализ антропометрических данных спортсменов хоккейной команды «Держава» для формирования индивидуально-дифференцированных компонентов спортивной подготовки хоккеистов с особенностями антропометрического развития.

Методы исследования. Методологической основой данного исследования был выбран системно-структурный, индивидуально-дифференцированный подход, позволивший структурировать тренировочный процесс с учетом данных антропометрии хоккеистов. Анализ научно-методической литературы по проблеме исследования, систематизация, педагогическое наблюдение, инструментально-диагностический метод: InBody – анализатор состава тела, основанный на измерении биоэлектрического импеданса (BIA), методы математической статистики, обобщение.

Результаты исследования. Проанализированы антропометрические данные спортсменов хоккейного студенческого клуба «Держава», выявлены спортсмены с особыми антропометрическими показателями, влияющими на скорость игровой адаптации в подготовительном периоде. Результаты исследования могут быть использованы в качестве дополнительной информации тренерами любительских команд видов спорта, где игровая специфика требует определенных антропометрических показателей игроков различных амплуа.

Выводы. Обоснована необходимость в модификации структуры спортивной подготовки хоккеистов, обладающих особыми антропометрическими данными.

Ключевые слова: спортивная подготовка, игровая адаптация, антропометрические показатели, структуризация тренировочного процесса, статическое и динамическое равновесие, игровое взаимодействие

Для цитирования: Зобков Д.А. Антропометрические данные хоккеиста как основа вариативности методики игровой адаптации в любительских студенческих командах // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3. С. 657-664. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-657-664>

Original article
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-657-664>

Hockey player anthropometric data as the variability basis of the game adaptation method in amateur student teams

Dmitry A. ZOBKOV

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation
zebl2989@mail.ru

Importance. The conditions of planning a component of sports training aimed at the game adaptation of students with special anthropometric indicators and engaged in hockey in non-professional student teams are considered. The necessary conditions for structuring include: the characteristics of the necessary motor game actions and their adequacy when performed by players with appropriate anthropometric parameters; improving the vestibular apparatus while ensuring static and dynamic equilibrium in gaming activities, as well as correcting the time parameters of motor actions that ensure the effectiveness of gaming interaction. The studied anthropometric indicators determined the prerequisites for optimizing the process of game adaptation of players with the peculiarities of anthropometric development, which served as the basis for an appropriate modification of hockey players training process content. The purpose of the research is a comparative analysis of athletes anthropometric data of the hockey team “Derzhava” for development of individually differentiated components of hockey players sports training with the anthropometric development peculiarities.

Research methods. The methodological basis of the research is a system-structural, individually differentiated approach, which allowed structuring the training process taking into account the data of hockey players anthropometry. Analysis of scientific and methodic literature on the research problem, systematization, pedagogical observation, instrumental diagnostic method: InBody – body composition analyzer based on the bioelectric impedance analysis (BIA), methods of mathematical statistics, generalization.

Result and Discussion. The anthropometric data of hockey student club “Derzhava” athletes are analyzed, athletes with special anthropometric indicators affecting the speed of game adaptation in the preparatory period are identified. The results of the study can be used as additional information by coaches of amateur sports teams, where the game specifics require certain anthropometric indicators of various types players.

Conclusion. The necessity of the hockey players with special anthropometric data sports training structure modifying is substantiated.

Keywords: sports training, game adaptation, anthropometric indicators, training process structuring, static and dynamic equality, game interaction

For citation: Zobkov, D.A. (2023). Hockey player anthropometric data as the variability basis of the game adaptation method in amateur student teams. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 3, pp. 657-664. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-657-664>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Проблема игровой адаптации хоккеистов усугубляется тем, что связана в первую очередь с хоккеистами, чьи антропометрические данные определяют успешность игрового амплуа. Особенности антропометрии: высокий рост, значительный вес создают дополнительные возможности спортсмену в силовом противостоянии, к примеру, в защите. В то же время «особенная» антропометрия спортсмена-любителя вносит в тренировочный процесс определенные сложности в начале сезона, когда так называемое «вкатывание», подразумевающее под собой уверенное передвижение на коньках, высокий уровень маневренности и легкости перемещений, из-за биомеханических параметров, связанных с ростом-весовыми показателями спортсмена, занимает более длительный период, нежели у спортсменов со среднестатистическими данными. Это усложняет процесс спортивной подготовки, вносит определенный диссонанс в деятельность тренера и команды при решении стратегических задач подготовительного сезона.

Одним из важнейших аспектов игры в хоккей является техника катания. Являясь базовым компонентом хоккея, правильное катание обеспечивает мобильность мгновенных перемещений в нужную точку в геометрии игры по любой траектории. Любой технический элемент катания: будь то поворот, разгон, бег по окружности – все это требует совершенного навыка управления собственным телом, а именно, целесообразным распределением общего центра тяжести, способности к мгновенному ускорению, управлению инерционными характеристиками движений¹, а также расчета времени внезапной остановки

для решения технико-тактических задач при игровом взаимодействии с другими спортсменами [1].

Биомеханика перемещений на льду и на земле существенно различна. Она вызвана дополнительными усложнениями двигательной деятельности хоккеиста, такими как владение шайбой и перемещение с физическими характеристиками сил, действующих на хоккеиста в отсутствие силы трения. Учитывая вышесказанное, следует отметить, что такие антропометрические показатели, как рост, вес, соотношение жировой и тощей массы влияют как на скорость освоения техники катания, так и на процесс ускоренного «вкатывания» в подготовительном периоде тренировочного процесса хоккеистов после летних каникул². А учитывая тот факт, что студенты университета в основное время занимаются освоением компетенций своей будущей профессии, дополнительное время для хоккеистов с особыми антропометрическими данными в тренировочном процессе не предполагается. В данном исследовании предметом исследования были выбраны особенности антропометрических данных студентов, занимающихся хоккеем в хоккейном клубе «Держава».

Актуальность данного исследования связана с проблемой – поиском обоснований эффективных методик игровой адаптации хоккеистов с высокими ростом-весовыми показателями.

Цель исследования – теоретико-практическое обоснование условий планирования компонента спортивной подготовки, направленного на игровую адаптацию хоккеистов с особыми антропометрическими показателями, занимающихся в непрофессиональных студенческих командах.

¹ Савин В.П. Теория и методика хоккея. М.: Академия, 2003. 397 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/cord/01002385392>

² Панов Г.А. Врачебно-педагогический контроль в процессе физического воспитания студентов. М.: РУДН, 2012. 190 с.

Основные задачи исследования:

1) определить особенности и отличия антропометрических показателей хоккеистов различных игровых позиций;

2) выявить компоненты физических показателей, требующие корректировочных мероприятий в процессе учебно-тренировочных сборов.

В настоящее время в непрофессиональных студенческих командах процесс игровой адаптации игроков, а особенно игроков с высокими росто-весовыми показателями протекает достаточно сложно и долго. Кроме того, существенным фактором, влияющим на качество игры, является управление равновесием как в статических положениях, так и в динамике [2; 3].

В этом направлении необходимость учета следующих составляющих, а именно, избытка жировой массы, анализа пропорций тощей массы по сегментам, анализа пропорций жировой массы по сегментам предполагает дифференцированный подход к содержанию и методической последовательности использования тренировочных средств в процессе игровой адаптации.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В соответствии с логикой исследования для достижения цели и решения поставлен-

ных задач использовался комплекс взаимодополняющих методов: анализ, инструментально-диагностический метод, систематизация, конкретизация. В качестве метода инструментальной диагностики использовался анализатор состава тела человека inBody с целью определения у исследуемого контингента сегментарных параметров жировой массы, мускулатуры в соотношении с росто-весовыми показателями и индексом массы тела³. Кроме того, были определены размеры стоп хоккеистов, проанализированы соотношения длины конечностей, а также положения общего центра тяжести, что, по мнению Е. Козловой и А. Климашевского, включая прочность «пояснично-тазобедренного комплекса», является детерминантами параметров площади опоры – основы статодинамической устойчивости хоккеиста на льду [4].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Каждый вид спорта требует свойственные только конкретной специализации антропометрические признаки, различный уровень двигательной активности и определенный уровень координационных возможностей

³ Корягина Ю.В., Нопин С.В. Компонентный состав массы тела человека № 2008610039 // Программы для ЭВМ... (офиц. бюл.). 2008. № 2. С. 33-42.

Таблица 1

Сравнительный анализ антропометрических показателей и состава тела игроков команды «Держава»

Table 1

Comparative analysis of "Derzhava" team players anthropometric indicators and body composition

Количество игроков в группах	Антропометрические показатели игроков			ИМТ	Состав тела (сегментный анализ)			
	Рост в диапазоне, см	Вес тела, X, кг	Длина стопы, X, см		Жировая масса		Мускулатура	
				Верхний сегмент, %	Нижний сегмент, %	Верхний сегмент, %	Нижний сегмент, %	
10	170–179	≈74	41,6	норма	норма	норма	норма	
			(27,4)	18,5–25	158,8	115	90	96
9	180–185	≈86	42,8	норма	норма	превышение	норма	
			(28,7)	18,5–25	158	170	96	102
6	186–189	≈91	44,2 (29,5)	превышение	превышение	превышение	превышение	
				25–32	300	180	110	110

[InBody270]

Анализ Состава Тела

Оценка InBody

* Это общая оценка отражает состав тканей тела и телосложение. Человек с развитой мускулатурой может набрать более 100 баллов.

Идеальный Вес	100.8 kg
Контроль Веса	-13.3 kg
Контроль Жира	-13.3 kg
Контроль Мышц	0.0 kg

Протеин ☒ Норма ☐ Недостаток
 Минералы ☒ Норма ☐ Недостаток
 Жировая масса ☐ Норма ☐ Недостаток ☒ Избыток

ИМТ	☐ Норма	☐ Недостаток	☐ Избыток	☒ Новое превышение
ПСЖ	☐ Норма	☒ Новое превышение	☐ Превышение	

Верхняя половина	☒ Слизистая	☐ Новое исследование	☐ Очень информативно
Нижняя половина	☒ Слизистая	☐ Новое исследование	☐ Очень информативно
Верхний-Нижний	☒ Слизистая	☐ Новое исследование	☐ Очень информативно

0.98 0.80 0.90

Уровень 12

Безжировая масса	85.6 kg
Уровень базального метаболизма	2220 kcal (2255~2674)
Рекомендуемый полюс питания	3121 kcal

Гольф	201	Гейтбол	217
Ходьба	228	Йога	228
Бадминтон	258	Настольный теннис	258
Теннис	342	Езда на велосипеде	342
Бокс	342	Баскетбол	342
Ходьба пешком	372	Прыжки через скакалку	399
Аэробика	399	Оздоровительный бег	399
Футбол	399	Плавание	399
Японское фехтование	571	Ракетбол	571
Сквош	571	Тэквондо	571

- * На основе Вашего текущего веса
- * На основе отрезка времени в 30 минут

	ПР	ЛР	ТУ	ПН	ЛН
$Z(\Omega)$ 20 kHz	267.2	264.1	20.8	223.3	218.5
100 kHz	236.5	234.2	17.4	193.8	191.7

Анализ Ожирения

Точная масса	Содержание нитратов
%	%
Оценка	Оценка

Анализ жировой массы по сегментам

* Жировая масса оценивается по сегментам.

[illegible]

Fig. 1. Protocol of the “Derzhava” hockey team player body composition analysis results

спортсмена. В сложном контексте координационных способностей спортсмена важнейшей составляющей является осуществление функции равновесия. При перемещении по ледовой поверхности с минимальными проявлениями силы трения эта функция усложняется, и повышаются требования к зрительным, вестибулярным, проприоцептивным анализаторам, образующим «систему систем» регуляции положения тела [5].

В рамках проведенных исследований были определены антропометрические характеристики и сравнительный анализ у хоккеистов различных игровых амплуа (табл. 1). Был проведен анализ состава тела: анализ соотношения мышцы – жир, анализ ожирения, анализ тощей массы по сегментам, анализ жировой массы по сегментам (рис. 1). За основную концепцию брался тот факт, что катание, включающее в себя способность к статодинамическому равновесию, обеспечивалось невысоким положением общего центра массы (определенным соотношением длин конечностей и туловища). Более того, ведущим фактором, способствующим более высокому уровню вертикальной устойчивости, практически доказанным, считается факт наличия сниженного роста тела.

К примеру, наклон вперед и низкое положение общего центра тяжести становятся необходимыми условиями для обеспечения оптимального ускорения, замедления, а также повышения устойчивости статического и динамического положений [6]. Игрок с низко расположенным центром тяжести может реализовать приложение большей горизонтальной силы быстрее и, таким образом, бы-

стрее изменять боковое направление, чем спортсмен, обладающий более высоким ростом [7–9].

Кроме того подтверждено, что низкое содержание жира в организме и высокая скорость смены направления движения являются важными связанными аспектами в исследуемом виде спорта.

В ранее проведенных исследованиях выявлены корреляционные связи регуляции вертикальной позы с различными антропометрическими данными человека, такими как рост тела, высота свода стопы [10], длина стопы и ширина пятки стопы [11], масса тела [11; 12], окружность грудной клетки, длины ног и туловища [12].

ВЫВОДЫ

Таким образом, проведенный сравнительный анализ диапазона антропометрических показателей, а также анализ состава тела студентов, занимающихся хоккеем, позволил определить предпосылки для оптимизации процесса игровой адаптации игроков с высокими ростовыми параметрами. Определены направления в модификации содержания тренировочного процесса хоккеистов в спектре возможностей совершенствования статодинамической устойчивости спортсменов в единстве с повышением технического мастерства и развитием двигательных качеств. Была подтверждена необходимость индивидуализации методических подходов к процессу ускоренного «вкатывания» для игроков с высокими показателями роста, веса и т. д.

Список источников

1. Sheppard J. Improving the sprint start with strength and conditioning exercise // *Modern Athlete and Coach*. 2004. № 42 (4). Р. 9-13.
2. Завалишина С.Ю., Каченкова Е.С. Физиологические изменения в сердечно-сосудистой системе при вестибулярном раздражении у представителей игровых видов спорта // *Теория и практика физической культуры*. 2021. № 8. С. 24-26. <https://elibrary.ru/dfbzvu>
3. Исаев А.П., Эрлих В.В., Шевцов А.В. и др. Интегральные критерии системообразующих факторов функциональной системы организма спортсменов высокой спортивной квалификации разных видов спорта // *Человек. Спорт. Медицина*. 2021. Т. 21. № 2. С. 7-18. <https://doi.org/10.14529/hsm210201>, <https://elibrary.ru/yzwbge>

4. Козлова Е., Климашевский А.К. Динамическое равновесие как фактор повышения эффективности двигательных действий в спорте (на примере метания копья) // Наука в Олимпийском спорте. 2017. № 3. С. 29-35. <https://elibrary.ru/ylypad>
5. Angyan L., Teczely T., Angyan Z. Factors affecting postural stability of healthy young adults // Acta Physiologica Hungarica. 2007. Vol. 94. № 4. P. 289-299. <https://doi.org/10.1556/aphysiol.94.2007.4.1>
6. Болобан В., Литвиненко Ю., Нижниковски Т. Системная стабилография: методология и методы измерения, анализа и оценки статодинамической устойчивости тела спортсмена // Наука в Олимпийском спорте. 2012. № 1. С. 27-35. <https://elibrary.ru/qyodon>
7. Махов А.С., Медведев И.Н. Влияние спортивной подготовки в игровых видах спорта на функцию сохранения равновесия тела в условиях локального мышечного утомления // Научный поиск: личность, образование, культура. 2021. № 1 (39). С. 34-37. <https://elibrary.ru/agaety>
8. Назаренко А.С., Мавлиев Ф.А., Чинкин А.С. Влияние ступенчато возрастающей нагрузки на стабильнографические показатели статокINETической устойчивости хоккеистов // Физиологические и биохимические основы и педагогические технологии адаптации к разным по величине физическим нагрузкам: материалы 2 Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию Поволжской гос. академии физ. культуры, спорта и туризма / под ред. Ф.Р. Зотовой, Н.Х. Давлетовой, В.М. Афанасьевой. Казань, 2014. С. 80-82. <https://elibrary.ru/utcdlj>
9. Назаренко А.С., Хаснутдинов Н.Ш., Чинкин А.С. Влияние ступенчато-возрастающей нагрузки на статокINETическую систему хоккеистов и футболистов // Вестник Томского государственного университета. Биология. 2014. № 3 (27). С. 176-185. <https://elibrary.ru/sqritb>
10. Lin C.H., Lee H.Y., Chen J.J. Development of a quantitative assessment system for correlation analysis of footprint parameters to postural control in children // Physiological Measurement. 2006. Vol. 27. № 2. P. 119-130. <https://doi.org/10.1088/0967-3334/27/2/003>
11. Kejonen P., Kauranen K., Vanharanta H. The relationship between anthropometric factors and body-balancing movements in postural balance // Archives of Physical Medicine and Rehabilitation. 2003. Vol. 84. № 1. P. 17-22. <https://doi.org/10.1053/apmr.2003.50058>
12. Тришин А.С., Тришин Е.С., Бердичевская Е.М., Камрич Л.В. Специфика вертикальной устойчивости спортсменов, специализирующихся в ситуационных видах спорта // Вестник Уральской медицинской академической науки. 2014. № 3 (49). С. 192-193. <https://elibrary.ru/styokt>

References

1. Sheppard J. (2004). Improving the sprint start with strength and conditioning exercise. *Modern Athlete and Coach*, no. 42 (4), pp. 9-13.
2. Zavalishina S.Yu., Kachenkova E.S. (2021). Physiological changes in cardiovascular system with vestibular irritation among representatives of team sports. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury = Theory and Practice of Physical Culture*, no. 8, pp. 24-26. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dfbzvu>
3. Isaev A.P., Erlikh V.V., Shevtsov A.V. et al. (2021). Integral criteria for system forming characteristics of the functional system in highly skilled athletes from different sports. *Chelovek. Sport. Meditsina = Human. Sport. Medicine*, vol. 21, no. 2, pp. 7-18. (In Russ.) <https://doi.org/10.14529/hsm210201>, <https://elibrary.ru/yzwbge>
4. Kozlova E., Klimashevskii A.K. (2017). Dynamic equilibrium as a factor of increasing the effectiveness of motor actions in sports (on the material of javelin throwing). *Nauka v Olimpiiskom sporte = Science in Olympic Sport*, no. 3, pp. 29-35. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ylypad>
5. Angyan L., Teczely T., Angyan Z. (2007). Factors affecting postural stability of healthy young adults. *Acta Physiologica Hungarica*, vol. 94, no. 4, pp. 289-299. <https://doi.org/10.1556/aphysiol.94.2007.4.1>
6. Boloban V., Litvinenko Yu., Nizhnikovski T. (2012). Stabilography system: methodology and methods of measurement, analysis and evaluation of static-dynamic stability of the athlete's body and a system of bodies. *Nauka v Olimpiiskom sporte = Science in Olympic Sport*, no. 1, pp. 27-35. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qyodon>
7. Makhov A.S., Medvedev I.N. (2021). The influence of sport training in playing sports on the function of preserving body equilibrium under local muscle fatigue. *Nauchnyi poisk: lichnost', obrazovanie, kul'tura*

- [Scientific Search: Personality, Education, Culture], no. 1 (39), pp. 34-37. (In Russ.) <https://elibrary.ru/agaety>
8. Nazarenko A.S., Mavliev F.A., Chinkin A.S. (2014). Vliyanie stupenchato vozrastayushchei nagruzki na stabilograficheskie pokazateli statokineticheskoi ustoichivosti khokkeistov [The influence of a stepwise increasing load on the stabilographic indicators of the statokinetic stability of hockey players]. In: Zotova F.R., Davletova N.Kh., Afanaseva V.M. (ed.). *Materialy 2 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 40-letiyu Povolzhskoi gosudarstvennoi akademii fizicheskoi kul'tury, sporta i turizma «Fiziologicheskie i biokhimicheskie osnovy i pedagogicheskie tekhnologii adaptatsii k raznym po velichine fizicheskim nagruzkam»* [Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 40th Anniversary of Volga Region State University of Physical Culture, Sport and Tourism "Physiological and Biochemical Foundations and Pedagogical Technologies of Adaptation to Different Physical Loads"]. Kazan, pp. 80-82. (In Russ.) <https://elibrary.ru/utcdlj>
 9. Nazarenko A.S., Khasnutdinov N.Sh., Chinkin A.S. (2014). Influence of stepwise increasing load on statokinetic system of hockey and soccer players. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Biologiya = Tomsk State University Journal of Biology*, no. 3 (27), pp. 176-185. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sqritb>
 10. Lin C.H., Lee H.Y., Chen J.J. (2006). Development of a quantitative assessment system for correlation analysis of footprint parameters to postural control in children. *Physiological Measurement*, vol. 27, no. 2, pp. 119-130. <https://doi.org/10.1088/0967-3334/27/2/003>
 11. Kejonen P., Kauranen K., Vanharanta H. (2003). The relationship between anthropometric factors and body-balancing movements in postural balance. *Archives of Physical Medicine and Rehabilitation*, vol. 84, no. 1, pp. 17-22. <https://doi.org/10.1053/apmr.2003.50058>
 12. Trishin A.S., Trishin E.S., Berdichevskaya E.M., Katrich L.V. (2014). Specification of vertical stability of athletes specializing in situational sports. *Vestnik Ural'skoi meditsinskoi akademicheskoi nauki = Journal of Ural Medical Academic Science*, no. 3 (49), pp. 192-193. (In Russ.) <https://elibrary.ru/styokt>

Информация об авторе

Зобков Дмитрий Александрович, аспирант, кафедра адаптивной физической культуры и безопасности жизнедеятельности, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0001-5510-004X>
zebl2989@mail.ru

Поступила в редакцию 11.01.2023
Поступила после рецензирования 05.04.2023
Принята к публикации 27.04.2023

Information about the author

Dmitry A. Zobkov, Post-Graduate Student, Adaptive Physical Culture and Life Safety Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0001-5510-004X>
zebl2989@mail.ru

Received 11.01.2023
Approved 05.04.2023
Revised 27.04.2023

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94(47)

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-665-672>

Торгово-промышленные занятия и повинности южнорусских пушкарей в XVII веке (по материалам крепостей региона Белгородской черты)

Павел Владимирович ПОПОВ^{1,2,3}

¹ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
399770, Российская Федерация, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28-1

²АНПО «Колледж Воронежского института высоких технологий»
394043, Российская Федерация, г. Воронеж, ул. Ленина, 73а

³ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
394018, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская пл., 1
popov.pavel.94@mail.ru

Актуальность. Актуальность избранной темы обусловлена тем, что полное и глубокое изучение российской истории XVII века невозможно без изучения региональной истории и, в частности, такой важной ее составляющей, как изучение истории провинциального общества, в том числе вопросов, связанных с торгово-промышленными занятиями и повинностями местного населения. В связи с этим были исследованы торгово-промышленные занятия и повинности одной из групп служилого населения общества Юга России – пушкарей. Пушкарки в южнорусских городах являлись довольно немногочисленной группой служилых «приборных» людей, которые обслуживали артиллерию. Цель исследования – рассмотреть вопросы, связанные с торгово-промышленными занятиями и повинностями южнорусских пушкарей в XVII веке.

Методы исследования. Методологическая база исследования базируется на следующих основных исторических принципах и методах: принцип историзма, принцип объективности, сравнительно-исторический метод, историко-типологический метод, статистический метод. В целом работа построена на основе применения проблемно-хронологического и системного методов, что позволяет рассматривать события в рамках единого общеисторического контекста. Работа опирается на широкий круг архивных и опубликованных источников.

Результаты исследования. Рассмотрена торгово-промышленная деятельность южнорусских пушкарей в XVII веке, а также выявлена их значительная роль в торговле в первой половине XVII века. Также изучены основные налоги и повинности южнорусских пушкарей в XVII веке и факты неофициального притеснения со стороны начальствующих лиц.

Выводы. Особенностью южнорусских городов было активное участие служилых людей, в том числе пушкарей, в торгово-промышленных занятиях. Наиболее значительную роль в мест-

ной южной торговле служилые люди (в том числе и люди пушкарского чина) занимали в первой половине XVII века. Но эта ситуация меняется во второй половине века. Изменения были связаны с принятием Соборного уложения 1649 г., которое упразднило льготы служилым людям в сфере торговли, в связи с чем их значение в торговле несколько снизилось. Количество налогов и повинностей южнорусских пушкарей было довольно значительным. Кроме того, пушкари часто подвергались неофициальным притеснениям со стороны начальствующих лиц.

Ключевые слова: Россия, XVII век, южное пограничье, Белгородская черта, служилые люди, пушкари, торговля, промыслы, налоги, повинности

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

Для цитирования: Попов П.В. Торгово-промышленные занятия и повинности южнорусских пушкарей в XVII веке (по материалам крепостей региона Белгородской черты) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3. С. 665-672. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-665-672>

NATIONAL HISTORY

Original article

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-665-672>

Trade and commercial occupations and duties of South Russian cannoneers in the 17th century (based on the Belgorod trait region fortresses materials)

Pavel V. POPOV^{1,2,3}

¹Bunin Yelets State University

28-1 Kommunarov St., Yelets, 399770, Lipetsk Region, Russian Federation

²College of Voronezh High Technologies Institute

73a Lenina St., Voronezh, 394043, Russian Federation

³Voronezh State University

1 Universitetskaya Sq., Voronezh, 394018, Russian Federation

popov.pavel.94@mail.ru

Importance. The importance of the chosen topic is due to the fact that a complete and in-depth research of the Russian history of the 17th century is impossible without regional history research and, in particular, such an important component of it as the history of provincial society research, including issues related to trade and trade occupations and duties of the local population. In this regard, the trade and commercial occupations and duties of the South of Russia society military population one of groups – cannoneers were investigated. Cannoneers in the southern Russian cities were a rather small group of military “instrument” people who serviced the artillery. The purpose of the research is to consider issues related to trade and trade occupations and duties of South Russian cannoneers in the 17th century.

Research methods. The methodological basis of the research is based on the following general historical principles and methods: principle of historicism, principle of objectivity, comparative-

historical method, historical-typological method, statistical method. In general, the work is based on the use of problem-chronological and system methods, which allows to consider events within a single general historical context. The work is based on an archival and published sources wide range.

Results and Discussion. The trade and commercial activity of South Russian cannoneers in the 17th century is considered, also their significant role in trade in the first half of the 17th century is revealed. The main taxes and duties of the South Russian gunners in the 17th century and the facts of commanders unofficial oppression are also studied.

Conclusion. A feature of the Southern Russian cities was the active participation of serving people, including cannoneers, in trade and commercial occupations. The most significant role in the local southern trade was played by military people (including people of the cannoneer rank) in the first half of the 17th century. But this situation is changing in the second half of the century. The changes were associated with the adoption of the Council Ordinance of 1649, which abolished the benefits of military people in the field of trade, and therefore their importance in trade decreased somewhat. The number of taxes and duties of South Russian cannoneers was quite significant. In addition, the cannoneers were often subjected to commanders unofficial oppression.

Keywords: Russia, 17th century, southern borderland, Belgorod line, serving people, gunners, trade, crafts, taxes, duties

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project no. 21-18-00024) on the basis of the Bunin Yelets State University.

For citation: Popov, P.V. (2023). Trade and commercial occupations and duties of South Russian cannoneers in the 17th century (based on the Belgorod trait region fortresses materials). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 3, pp. 665-672. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-665-672>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Объективное понимание российской истории XVII века невозможно без изучения региональной истории и, в частности, такой важной ее составляющей, как изучение истории провинциального общества, в том числе вопросов, связанных с торгово-промышленными занятиями и повинностями местного населения. Нами рассмотрены торгово-промышленные занятия и повинности одной из групп служилого населения общества Юга России – пушкарей. Пушкари в южнорусских городах являлись довольно немногочисленной группой служилых «приборных» людей, которые обслуживали артиллерию. Цель исследования – рассмотрение вопросов, связанных с торгово-промышленными занятиями и повинностями южнорусских пушкарей в XVII веке.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическая база исследования основывается на следующих основных исторических принципах и методах: принцип историзма, принцип объективности, сравнительно-исторический метод, историко-типологический метод, статистический метод. Исследование проведено на основе применения проблемно-хронологического и системного методов, что позволяет рассматривать события в рамках единого общеисторического контекста. Работа опирается на широкий круг архивных и опубликованных источников.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Новые южнорусские города-крепости основывались как военные пункты, вследствие чего в них далеко не сразу появлялось торгово-посадское и ремесленное население или же оно было очень немногочисленным.

Торговлей здесь занимались служилые люди, в том числе и представители пушкарского чина. Например, в Воронеже в 1615 г. (к этому времени город существовал уже 30 лет) было 63 лавки и полулавки, из них только 26 принадлежали торговым людям. Остальные лавки принадлежали служилым людям, монастырским крестьянам и бобылям. Пушкарям и затинщикам принадлежало по 6 лавок¹. Торговали пушкар и в других южнорусских городах². При этом довольно часто пушкар входили в число наиболее обеспеченных людей города, видимо, наживаясь на торговом деле. Например, в 1648 г. воронежцы всем городом и уездом заняли у воронежского пушкар и торгового человека П. Прибыткова 100 рублей для городских нужд³. Прибытковы были одной из самых богатых и знаменитых фамилий Воронежа.

Пушкар, как и другие торговые люди, реализовывали на рынке различные товары без определенной специализации: хлеб, муку, рыбу, икру, соль, крупы, мед, вино, изделия из кожи, посуду, драгоценные металлы, различных животных (лошадей, пушных зверей и пр.).

Соль попадала на рынок или от донской торговли с казаками, или от соляных промыслов. Одним из крупных центров соляного промысла были Торские соляные озера (в районе города Славянска, ДНР). Однако отметим, что Торские соляные озера располагались за Белгородской чертой и не были под постоянным контролем московского правительства⁴. Поездки сюда были опасным заня-

тием. Тем не менее пушкар предпочитали идти на риск и часто ездили за солью⁵. В 1625 г. валуйчанин Помин Котельников, рассказывая о Царевоборисовском городище и его окрестностях, отметил: «А соленые озера от Царева городища верст с 30. И ныне в тех озерах из Белгорода, и с Волуйки, и с Оскола, и с Ельца, и с Курска, и с Ливен, и с Воронежа охочие люди ежелет варят соль, а от татар делают крепость»⁶. Из этого сообщения ясно, что добыча соли на Торских соляных озерах была сопряжена с опасностью татарских набегов, однако, выгоды от этого предприятия перевешивали риски для многих служилых людей, так как добыча велась постоянно («ежелет»).

Рыба, икра, соль, лошади, а также дорогие восточные товары (ковры, ткани [1, с. 29-30], жемчуг, серебро, золото⁷) попадали на южнорусский рынок в результате торговли с Доном. Среднее и нижнее течение Дона отличалось богатством рыбы, есть даже упоминания об осетре и белуге⁸. Активно участвовали в выгодной донской торговле и пушкар⁹. Донские казаки в это время не занимались хлебопашеством, поэтому основными товарами, которые везли на Дон, были хлеб, мука, крупы. Также везли на Дон мед, вино, кожевенные изделия, посуду и другие товары. Следует добавить, что рыбу покупали не только у донских казаков: часто служилые люди, в том числе пушкар, самостоятельно отправлялись на Дон для ее

¹ Материалы для истории Воронежской и соседних губерний: Воронежские писцовые книги / вст. ст.: Л. Вейнберг, А. Полторацкая. Воронеж: Тип. губ. правления, 1891. Т. II. С. 2-4.

² Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. I. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII в. М.: Тип. Д.И. Иноземцева, 1894. С. 85.

³ ГАВО (Государственный архив Воронежской области). Ф. И-182. Оп. 6. Д. 80. Л. 8.

⁴ Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова / собр. и изд. Н. Второвым и К. Александровым-Дольником. Воронеж: Тип. губ. правления, 1853. Кн. 3. С. 48-50.

⁵ Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1968. С. 35, 63-65.

⁶ Воронежский край с древнейших времен до конца XVII в.: Документы и материалы по истории края / сост. В.П. Загоровский; ред. В.А. Муконина. Воронеж: ВГУ, 1976. С. 63.

⁷ Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова / собр. и изд. Н. Второвым и К. Александровым-Дольником. Воронеж: Тип. губ. правления, 1851. Кн. 1. С. 65.

⁸ Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова / собр. и изд. Н. Второвым и К. Александровым-Дольником. Воронеж: Тип. губ. правления, 1852. Кн. 2. С. 81.

⁹ ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 39. Л. 1-9.

ловли, для чего требовалось получить разрешение у воеводы¹⁰.

Как правило, рыбу, пушного зверя, мед для реализации на рынке добывали в результате промыслов. Промыслами чаще всего занимались на территории ухажьев. Ухажьи представляли собой отдельные участки земли, которые сдавались в аренду («на откуп») частным лицам. В административном отношении ухажьи входили в состав уездов и были приписаны к определенным городам. На местном уровне надзор за их территориями в XVII веке осуществлял воевода¹¹. В общегосударственном масштабе откупные ухажьи на южной окраине были подведомственны в основном Разрядному приказу. Владеть откупными ухажьями было очень прибыльно, природных ресурсов в XVII веке было гораздо больше по сравнению с сегодняшним днем. В лесах было большое количество дичи: орлы, лебеди, аисты, журавли, цапли, лоси, кабаны, олени, козы, рыси, дикие коты, медведи, барсуки, норки. Также в лесах добывали мед и воск диких пчел. В многочисленных реках водилось большое количество рыбы. Все эти природные богатства были важными объектами купли-продажи в XVII веке¹².

Владельцами и арендаторами ухажьев становились представители различных слоев населения [2, с. 114]. Особо следует отметить черное духовенство. Например, большинство крупных монастырей Воронежского уезда распоряжались ухажьями¹³. Кроме монастырей откупщиками воронежских ухажьев были дворяне и дети боярские, служилые люди «по прибору», а также крестьяне, в том числе крепостные¹⁴. Откупщики не всегда самостоятельно эксплуатировали свои угодья, используя для этой цели наемных работников. Также практиковалась сдача угодий в аренду частным лицам [2, с. 115].

Решение о сдаче на откуп ухажьев принималось в Разрядном приказе. Туда, желающие взять ухажей на откуп, подавали челобитные. Иногда таких желающих было много, и происходили торги. Выигрывал торги тот, кто предлагал большую сумму за аренду ухажая¹⁵. Приняв решение, Разряд доставлял соответствующее распоряжение воеводе города и уезда, к которому относился ухажей. Воевода передавал угодья откупщику, как правило, с 1 сентября. Сбор откупных денег обычно возлагался на местные власти. Откупщик платил нужную сумму в приказной избе¹⁶. Случались и задержки платежей. Тогда из Москвы воеводе предписывалось взыскать долг. Иногда практиковалась присылка специальных должностных лиц на места для сбора откупных денег, которым воевода должен был всячески содействовать¹⁷. Также воевода должен был ограждать владения откупщиков от посягательства посторонних лиц. Если возникали какие-либо жалобы и споры об ухажьях, воевода устраивал сыск о владении теми или иными угодьями¹⁸.

В документах сохранились сведения о споре в 1646 г. по поводу аренды ухажая, в котором участвовал пушкарь. В 1641 г. в Воронежском уезде иноземец Савелий Хомицкий взял на откуп ухажьи по реке Битюг и Осередь, за которые платил ежегодно по 86 рублей 2 алтына 2 с половиной деньги. В 1646 г. срок аренды подошел к концу, и Хомицкий собирался еще раз взять в аренду эти ухажьи. Однако у него появились конкуренты – «пушкарь, торговый человек» Клим Московкин и Семилуцкая пустынь. Все три челобитные воронежский воевода послал в Москву. Каждый из претендентов приводил аргументы в свою пользу. Савелий Хомицкий указывал на то, что у него не было поместья; священнослужитель Семилуцкой пустыни жаловался на то, что у многих других воронежских монастырей есть ухажьи, и

¹⁰ Слюсарский А.Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины, XVII–XVIII вв. Харьков: Кн. изд., 1964. С. 83.

¹¹ Древние грамоты и другие письменные памятники... С. 13–17.

¹² ГАВО. Ф. И-182. Оп. 3. Д. 164. Л. 19.

¹³ Там же. Оп. 2. Д. 170. Л. 1–2.

¹⁴ Там же. Оп. 3. Д. 182. Л. 1–6.

¹⁵ Там же. Оп. 2. Д. 218. Л. 7–8.

¹⁶ Древние грамоты и другие письменные памятники... С. 160.

¹⁷ ГАВО. Ф. И-182. Оп. 6. Д. 44. Л. 1.

¹⁸ Там же. Д. 12. Л. 1–2.

причем многие монастыри за них не платят, а у Семилуцкой пустыни ухажьев нет. Что касается пушкаря Клима Московкина, то у него была одна аргументация – он обещал дать за аренду ухажьев больше денег, чем другие. В конечном счете, Клим Московкин и Савелий Хомицкий были вызваны в Москву, где были устроены торги. Пушкарь предложил платить за аренду ухажьев 161 рубль ежегодно, что было неподъемной для Савелия Хомицкого суммой, и он отступился¹⁹. Следует отметить, что сумма в 161 рубль ежегодно была достаточно большой по меркам XVII века, кроме того, для того чтобы эксплуатировать огромные природные богатства ухажьев, Клим Московкин, очевидно, должен был иметь достаточное количество наемных людей. Из всего этого можно сделать вывод, что пушкарь Клим Московкин был довольно богатым торговым человеком.

В XVII веке кроме ухажьев на откуп часто сдавались сборы таможенных и кабацких доходов. Откупщик должен был внести в казну заранее оговоренную денежную сумму, а все доходы сверх этой суммы доставались ему. Если обнаруживался беспошлинный товар, то он изымался, и половина его стоимости доставалась откупщику [3, с. 28-30]. Пушкарки участвовали и в этих откупных процедурах. Например, коломенский пушкарь Василий Степанов подал челобитную о желании взять на откуп таможенную и кабацкую в Епифани за 116 рублей в год²⁰. Брать «на откуп» таможенную и кабацкую не в своем уезде было удобно: не нужно было учитывать родственные или дружественные связи, а можно было сконцентрироваться на сборе пошлин и получении личной прибыли²¹. Как и в случае с откупными ухажьями, воеводам на местах предписывалось из Москвы всячески помогать откупщикам с товарами и не притеснять их. В Москве исхо-

дили из того, что вмешательство воеводы может отразиться на сумме сборов. В таком случае недобор должен был быть доправлен на воеводе²².

Заканчивая обзор торгово-промысловых занятий пушкарей в XVII веке, хотелось бы отметить, что в первой половине XVII века пушкарки, как и другие служилые люди, принимали более активное участие в торговле. С одной стороны, как уже отмечалось, это было связано с небольшим количеством торгово-посадского населения в южнорусских городах-крепостях. С другой – с определенными льготами служилых людей в торговле, например, они не несли посадского тягла, а платили только таможенные пошлины и оброк²³. Однако Соборное уложение 1649 г. эти льготы отменило, и если служилые люди занимались торговлей, то должны были нести вместе с другими торгово-ремесленными людьми посадское тягло²⁴. Это, а также развитие торговли в ряде южнорусских городов, а следовательно, и увеличение количества посадского населения, привело к некоторому снижению объемов торговли служилыми людьми во второй половине XVII века. Однако в ряде городов служилые люди по-прежнему составляли значительную часть торговцев²⁵.

Кроме податей и пошлин, связанных с торговлей, служилые люди несли и другие повинности. Тяжелым и обременительным для служилых людей, в том числе и пушкарей, было «городовое дело». Пушкарки участвовали во всех работах подобного рода. Эта повинность была довольно обременительной для них и отвлекала от остальной деятельности²⁶.

Кроме того, с конца XVI – начала XVII века служилые люди должны были работать на так называемой «государевой десятинной

¹⁹ Загоровский В.П. Белгородская черта ... С. 140-142.

²⁰ Левыкин А.К. Русские городовые пушкарки второй половины XVII века. Вопросы истории. 1985. № 3. С. 180.

²¹ ГАВО. Ф. И-182. Оп. 7. Д. 24. Л. 1-2.

²² Там же. Л. 7.

²³ Там же. Оп. 7. Д. 20. Л. 12-12об.

²⁴ Полное собрание законов Российской империи. Спб., 1830. Т. I. 1070 с.

²⁵ Левыкин А.К. Русские городовые пушкарки второй половины XVII века ... С. 180.

²⁶ Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства ... С. 159, 213.

пашне». Пушкари не были освобождены от этой повинности. После Смутного времени размер десятинной пашни в южнорусских городах был сокращен вдвое, до 100 десятин «в поле» для каждого города. На протяжении XVII века десятинная пашня обрабатывалась по-разному: в одном случае это была прямая повинность служилого населения, в другом – она обрабатывалась вольнонаемными работниками, которые получали плату за свою работу. На протяжении XVII века правительство в ряде южнорусских городов заменило работу на десятинной пашне выплатой натурального оброка – «посопным хлебом». Например, в Воронеже посопный хлеб стали собирать с 1621 г., а в Курске – с 1628 г. За каждую десятину «государевой пашни» следовало собрать со служилых людей и посадских людей по 10 четвертей ржи и по 10 четвертей овса [4, с. 46].

Для удовлетворения военных и иных нужд правительству на южный рубежах требовались различные ресурсы, часто они взимались с местного, в том числе служилого населения в виде единовременных налогов. Так, в 1658 г. служилые люди Нового Оскола писали, что у них брали лошадей, лен, древесный уголь и золу²⁷. Такие разовые чрезвычайные сборы не были редкостью, например, если пушкари занимались торговлей и были в городском тягле, то на военные нужды вынуждены были платить пятаю, десятую²⁸, пятнадцатую деньги и т. д.

Кроме официальных правительственных повинностей, налогов и сборов служилые люди вынуждены были выполнять неофициальные работы. Часто воеводы, голо-

вы и другие начальствующие лица заставляли служилых людей работать на себя бесплатно [5, с. 45], давать взятки²⁹, а то и пытались сделать их своими крепостными³⁰.

ВЫВОДЫ

Особенностью южнорусских городов было активное участие служилых людей, в том числе пушкарей, в торгово-промышленных занятиях. Наиболее значительную роль в местной южной торговле служилые люди (в том числе и люди пушкарского чина) играли в первой половине XVII века. Это было связано как с рядом льгот, которые предоставлялись правительством служилым людям, так и с тем, что в южнорусских городах сразу после основания торгово-посадское население было незначительным. Но эта ситуация изменилась во второй половине XVII века. Изменения были связаны с принятием Соборного уложения 1649 г., которое упразднило льготы служилым людям в сфере торговли, в связи с чем их значение в торговле несколько снизилось. Однако в ряде южнорусских городов служилые люди продолжают составлять значительное число торговцев.

Если говорить о налогах и повинностях южнорусских пушкарей, то следует отметить, что их количество было довольно значительным, причем во второй половине XVII века появляются новые подати, упраздняются льготы в торговой сфере. Также пушкари подвергались и неофициальным притеснениям со стороны начальствующих лиц. Все это делало и без того тяжелую службу пушкарей еще более обременительной, что, в свою очередь, часто вело к их разорению и бегству со службы.

²⁹ Там же. Оп. 1. Д. 5. Л. 1-3.

³⁰ Акты Московского государства ... С. 6.

Список источников

1. Жиброва Т.В. Ремесла, промыслы и торговля на юге России в XVII веке (на примере Воронежского уезда) // Страницы российской истории / отв. ред. В.Н. Глазьев. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2012. Вып. 6. С. 25-41. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007494212>

2. Камараули Е.В. Эксплуатация природных ресурсов на южных окраинах Российского государства в XVII веке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 2. С. 114-117. <https://elibrary.ru/rhuc1h>
3. Жиброва Т.В. Организация таможенного и питейного управления в Воронежском уезде в XVII веке. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2011. 210 с. <https://elibrary.ru/qptnor>
4. Глазьев В.Н. Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI–XVII веках. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2018. 270 с. <https://elibrary.ru/gsmtrt>
5. Глазьев В.Н. Осадные головы в городах южного российского пограничья в XVII в. // Белгородская черта / под ред. В.М. Жигалова, А.И. Папкова, Е.В. Шварева. Вып. 4. Белгород, 2019. С. 44-49. <https://elibrary.ru/dahtdg>

References

1. Zhibrova T.V. (2012). Remesla, promysly i trgovlya na yuge Rossii v XVII veke (na primere Voronezhskogo uезда) [Crafts, commercial and trade in the South of Russia in the 17th century (on the example of the Voronezh county)]. In: Glazev V.N. (executive ed.). *Stranitsy rossiiskoi istorii* [Pages of Russian History]. Voronezh, Istoki Publ., issue 6, pp. 25-41. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007494212>
2. Kamarauli E.V. (2013). Exploitation of natural resources on the southern outskirts of the Russian state in the 17th century. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* = *Proceedings of Voronezh state University. Series: History. Political Science. Sociology*, no. 2, pp. 114-117. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rhuc1h>
3. Zhibrova T.V. (2011). *Organizatsiya tamozhennogo i piteynogo upravleniya v Voronezhskom uезде v XVII veke* [Organization of Customs and Drinking Administration in the Voronezh County in the 17th Century]. Voronezh, Istoki Publ., 210 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qptnor>
4. Glazev V.N. (2018). *Ocherki istorii goroda Voronezha i Voronezhskogo uезда v kontse XVI–XVII vekakh* [Essays on the History of the City of Voronezh and the Voronezh County in the late 16th–17th Centuries]. Voronezh, Voronezh State University Publishing House, 270 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gsmtrt>
5. Glazev V.N. (2019). *Osadnye golovy v gorodakh yuzhnogo rossiiskogo pogranič'ya v XVII v.* [Siege heads in the cities of the southern Russian borderland in the 17th century]. In: Zhigalov V.M., Papkov A.I., Shvarev E.V. (eds.). *Belgorodskaya cherta* [Belgorod Trait]. Belgorod, issue 4, pp. 44-49. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dahtdg>

Информация об авторе

Попов Павел Владимирович, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Бунинская Россия», Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, Липецкая область, Российская Федерация; преподаватель, колледж Воронежского института высоких технологий, г. Воронеж, Российская Федерация; преподаватель кафедры политической истории, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0009-0000-7046-2647>
popov.pavel.94@mail.ru

Поступила в редакцию 09.03.2023
Поступила после рецензирования 31.05.2023
Принята к публикации 19.06.2023

Information about the author

Pavel V. Popov, Research Scholar of Research Laboratory “Bunin’s Russia”, Bunin Yelets State University, Yelets, Lipetsk Region, Russian Federation; Lecturer, College of Voronezh High Technologies Institute, Voronezh, Russian Federation, Lecturer of Political History Department, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation.

<https://orcid.org/0009-0000-7046-2647>
popov.pavel.94@mail.ru

Received 09.03.2023
Approved 31.05.2023
Revised 19.06.2023

Научная статья

УДК 94(470.56):[140.8:314-054.5*1905/1907*

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-673-688>

Крестьянское поколение «революционного перелома»: начало становления

Дмитрий Анатольевич САФОНОВ

ФБГОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 106

d-safonov@mail.ru

Актуальность. Изучение поколения «революционного перелома» позволяет проникнуть во внутренний мир людей эпохи революции и гражданской войны. Особый интерес представляет начальный этап становления представителей данного поколения, приходившийся на первую революцию 1905–1907 гг.

Методы исследования. Из всех групп молодежи менее всего изучена крестьянская молодежь – в немалой степени из-за ограниченности источниковой базы. Формулирование выводов и наблюдений возможно только на основе представительной базы данных по социальной активности крестьян и источников личного происхождения. В исследовании использованы аналитические и историко-статистические методы.

Результаты исследования. На основе полной коллекции источников по Оренбургской губернии и ее анализа стало возможным опровергнуть мнение о всеобщности распространенных в литературе утверждений о нарастании в рассматриваемый период сознательности крестьянской молодежи и проявлении межпоколенческих конфликтов. В то же время факты свидетельствуют о начале этого процесса.

Выводы. Сделанные наблюдения не претендуют на всеобщность, но позволяют предположить схожесть условий и возможностей рассматриваемой губернии с иными, также окраинными. Большие территории, слабые коммуникации наряду с иными характерными чертами окраин создавали дополнительные сложности политическому просвещению сельской молодежи. Отсюда проявления крестьянской активности ценны не только и не столько количеством случаев, но и фиксацией качественных изменений в крестьянском сознании. Изучение воззрений крестьянской молодежи периода революции и гражданской войны требует обращения к самому началу формирования таковых.

Ключевые слова: крестьянство, поколение «революционного перелома», первая революция, молодежь, поколенческая история, источники личного происхождения

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00132 «Поколение «революционного перелома» в судьбе российской деревни первой трети XX века».

Для цитирования: Сафонов Д.А. Крестьянское поколение «революционного перелома»: начало становления // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3. С. 673–688. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-673-688>

Original article
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-673-688>

Peasant generation of the “revolutionary turning point”: beginning of its formation

Dmitriy A. SAFONOV

Tambov State Technical University
106 Sovetskaya St., Tambov, 392000, Russian Federation
d-safonov@mail.ru

Importance. The study of “revolutionary turning point” generation allows to penetrate into the inner world of people of revolution and civil war era. Of particular interest is the initial stage of formation of representatives of this generation, which occurred during the first revolution of 1905–1907.

Research methods. Of all the groups of youth, peasant youth is the least studied – in considerable part due to the limited source base. The formulation of conclusions and observations is possible only on the basis of a representative database on the social activity of peasants and sources of personal origin. Analytical and historical-statistical methods were used in the research.

Results and Discussion. On the basis of a complete collection of sources on the Orenburg gubeyskaya and its analysis, it became possible to challenge the opinion about the universality of statements common in the literature about the increase in the consciousness of peasant youth and the manifestation of intergenerational conflicts in the period under review. At the same time, the facts indicate the beginning of this process.

Conclusion. The observations made do not pretend to be universal, but allow us to imagine the similarity of the conditions and capabilities of the governorate under review with other, also adjacent ones. Large territories, weak communications, along with other characteristic features of the outskirts created additional difficulties for the political education of rural youth. Therefore, the manifestations of peasant activity are valuable not only and not so many cases, but by fixing qualitative changes in the peasant consciousness. The study of the views of peasant youth during the revolution and the Civil War requires an appeal to the beginning of such formation.

Keywords: peasantry, generation of the “revolutionary turning point”, the first revolution, youth, generational history, sources of personal origin

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Scientific Foundation no. [22-18-00132](#) “Generation of the “revolutionary turning point” in the fate of the Russian village of the first third of the 20th century”.

For citation: Safonov, D.A. (2023). Peasant generation of the “revolutionary turning point”: beginning of its formation. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 3, pp. 673-688. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-673-688>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Тема «поколения «революционного перелома», или «поколения революции» в настоящее время привлекает повышенное внимание исследователей [1–3]. В принципе каждое очередное поколение можно рассматривать как новый качественный уровень раз-

вития социума – но эпоха революции и вос-
последовавшей за ней гражданской войны с
кардинальными переменами во всех сферах
заслуженно занимает особое место.

Мы учитываем, что понятие «поколения» может иметь несколько объяснений: все, живущие в определенный исторический период; выросшие/сформировавшиеся в та-

ковой; либо самая активная часть современников, чьи действия в итоге и предопределили «особость» данного исторического периода. При наблюдаемой многовариантности подходов все же есть общее – качественные изменения в обществе вообще, накладывающиеся на матрицу определенного возраста. При этом эффект такового воздействия сказывается не сразу, может иметь место отсроченный эффект.

То, что с этой точки зрения наиболее выразительны именно представители молодежи, также очевидно. Советская историография исходила из исходной констатации молодежного протеста и поступательного нарастания его массовости и организованности. Особое внимание к последнему выводило за рамки факты, не вписывающиеся в концепцию, и позволяло рассматривать представления как нечто единое. К «поколению революционного перелома» относятся родившиеся в период, начиная с середины 1880-х гг. Таким образом, первая революция становится начальным этапом их личностного становления.

Касаясь темы «молодежь и первая революция», исследователи в качестве объекта выбирали преимущественно студенчество, учащуюся молодежь, а также молодых рабочих [4–11]¹. Эти группы были наиболее представлены в источниках, что способствовало созданию наглядной картины их революционизирования. За студентами и иными группами обучающихся наблюдение велось; причем по нескольким каналам – от спецслужб до администраций конкретных учебных заведений. Оставляя в стороне эффективность подобного надзора, субъективизм

оценок и тому подобное, констатируем, что таковой был, и, что немаловажно, оставлял за собой бумажный след, образовавший впоследствии источниковую базу. Прибавим сюда еще их уровень грамотности и образованности, позволяющий впоследствии писать мемуары. Рабочая молодежь, разумеется, находилась в менее комфортных информационных условиях – но зато идеологический посыл о высокой сознательности рабочего класса вкупе с иным стереотипом относительно безусловной веры в истинность источников из «рабочей» среды гарантировал полное доверие даже мемуарам. Сообщения о деятельности конкретного человека в период гражданской войны подвергались внимательной проверке и были в массе своей перепроверяемы. Сведения об участии того или иного мемуариста в какой-либо подпольной организации/кружке/группе в период первой революции в массе своей не подтверждались ничем, никакими прямыми или косвенными свидетельствами, но принимались с должным доверием. А это побуждало сочинителей к новым рассказам. Участие в первой революции ощутимо увеличивало революционный стаж и работало на имидж автора.

Из всех тогдашних групп молодежи крестьянская молодежь явно проигрывала в информационном плане. Практически до 1907 г. существовала знаменитая иллюзия власти о крестьянстве как единой массе, настроенной в стиле «теории официальной народности», власти воспринимали сельское общество как единое целое. Информация о конфликтах в том или ином селе, как правило, не персонифицировалась.

Свойственные советской историографии подходы по сути сохранились и по сей день. И сегодня авторы пишут о студенческой и тому подобных группах молодежи, представляя сочетаемую мозаичную картину из подобранных фактов и свидетельств, в итоге делая вывод о всеобщности сделанных наблюдений и выводов. Те, кто берет проблемы в рамках отдельно взятого региона, поступают аналогично, только ограничиваясь источниками в границах этого региона [5–8]. Лю-

¹ Даже в случаях, когда в заголовке речь шла о молодежи «вообще», авторы все же уточняли, что объект исследования – учащаяся и рабочая молодежь [*Перебийнос А.Е.* Уральская молодежь в конце XIX – начале XX вв.: численность, облик, настроения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2000. С. 2], учащаяся молодежь (*Н.В. Малышева*) [7, с. 805]; *Ищенко О.В.* Студенческая и учащаяся молодежь в общественном движении и культурной жизни Сибири: конец XIX – начало XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2011. 43 с.

бопытно указать, что раньше, например, в 1920-х гг., картина «революционизирования» молодежи включала в себя молодежь крестьянскую².

Широко распространена традиция говорить о крестьянстве обобщенно, в целом, именно как классе, социальной группе с едиными желаниями и требованиями [12; 13]. Так, И.С. Свиридов, ставя задачу выяснить причины пробуждения самосознания «великорусского крестьянства» на рубеже двух веков [14], тем самым молчаливо исходит из посыла, что до указанного периода у крестьян самосознания не было. Заключая, что «поводом к пробуждению самосознания» явились «ухудшение взаимоотношений между крестьянами и их администрацией в лице земских начальников, волостных старшин и волостных писарей»; агитация эсеров и социал-демократов, он основывается на документах Государственного архива РФ о деятельности Всероссийского крестьянского союза (ВКС). Это достаточно рискованная система доказательств, поскольку если выводы строятся на материалах ВКС, то простая логика подсказывает, что если в какой-либо губернии ячеек ВКС не было, то губерния эта в документации ГА РФа не отражена. А это, в свою очередь, означает, что говорить о всеобщности того или иного явления нет оснований (в Оренбургской губернии ячеек ВКС не было). Примеры смелых, но слабо доказанных суждений можно продолжить: что крестьяне «несли в себе **первобытную разрушительную силу бунта**» (А.Н. Назаров) [8, с. 92]; что «с образованием Государственной думы и получением права открыто выражать свои требования великорусское крестьянство **в полной мере осознало себя** как полноценное сословие в рамках русского общества» (И.С. Свиридов) [14, с. 125], что «атмосфера нестабильности и хаоса в 1905 г., как в политике, так и в повседневной жизни», благоприятствовала «бунтарству

молодежи» (С.И. Бусько) [4, с. 133]. А.Ю. Вязинкин, К.А. Якимов высказываются о восприимчивости крестьян к революционной агитации и последующем «формировании крестьянской программы преобразований», основываясь на свидетельстве неонародника В.Г. Богораза [1, с. 1300]. Между тем книга последнего («Новое крестьянство») была издана в 1905 г., то есть до массовых крестьянских волнений 1906 г., и представляла собой наблюдения автора за «деревенскими настроениями» в конкретном селе Балашовского уезда Саратовской губернии.

Когда исследователь убежденно сообщает, что «большинство» крестьян придерживалось определенных взглядов, то он, по сути, обходит минимум три острых вопроса: почему он полагает крестьянство России единым целым – без возрастных и национальных особенностей (оговорка, что объект изучения – «великорусское» крестьянство – не спасает; тогда дополнительный вопрос: каковы представления не-великороссов), какими приемами автор будет доказывать точку зрения «большинства» и, наконец, каковы взгляды «меньшинства»? Только по Оренбургской губернии можно привести несколько примеров социальной активности крестьян в 1905 г., но, условно говоря, с «отрицательным знаком»: в с. Ломовке манифестация под руководством студента Добросердова по случаю манифеста 17 октября встретила с иной манифестацией: ««Дай нам бумагу-то от государя, а так мы вас за начальство не признаем», крикнул кто-то из толпы встретившихся крестьян. Толпа зашумела, заволновалась. «Не ходите, мы вас не пустим... Вы самозванцы... У нас царь белый, а вы пришли с красными флагами... Мы за белого царя умереть готовы...» Толпа бросилась на манифестантов, а вечером начался погром участвовавших в демонстрации»³. В с. Гавриловке, Бузулукского уезда приехавшая группа «революционно настроенных»

² Киров А. Молодежь в 1905 г.: [сборник] / Ист.-мол. ЦК РЛКСМ. Комиссия по изучению истории юн.-движения в России; сост. А. Киров. Москва; Ленинград: Молодая гвардия, 1926. 134 с.

³ 1905 г. в Оренбургской губернии: (К 20-летию юбилею Первой русской революции 1905 года) / сост. М. Гришин и др. Оренбург: Изд. Оренбург. губист.-парта, 1925. С. 67.

учителей и мелких торговцев попыталась провести митинг: «Но провести митинг вышеуказанной группе не удалось, кулачество с. Гавриловка в лице Сапожниковых, Губановых, Куляниных и другие организовали противодействие»⁴.

И только относительно недавно стали появляться работы, ставящие проблему несколько в ином ракурсе. Так, авторы монографии «Человек в революции: Казанская губерния» прямо указывают, что они представляют первую русскую революцию «не как коллективное движение масс с абстрактными требованиями в виде различных петиций и проектов, а как мысли, чаяния, действия отдельно взятого человека», как «историко-антропологическую картину революционной эпохи» [15].

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Акцентирование внимания на нарастании революционных настроений, на приходе в революцию неизбежно определяло отбор источников. Однако архивные изыскания показывают, что ожидание ярких примеров уже на начальном этапе достаточно иллюзорно. Вероятно поэтому для рассмотрения часто берется период «начала XX века» или «первые десятилетия XX века» [3], что позволяет смикшировать материал и тем самым компенсировать слабые позиции по первой революции за счет данных по второй. Источники, раскрывающие внутренний мир людей, достаточно субъективны и чаще всего используются как иллюстрации. Так, Р.В. Рыбаков заявленную тему восприятия революции в России молодежью раскрывает на материалах писем и дневников 1917-го – первой половины 1920-х гг., используя три архивные ссылки на дела и книгу «Дневники и письма комсомольцев», изданную в 1976 г. [16].

Гораздо более важны, но значительно более сложноуловимы моменты начальных моментов деформации сознания, причем у

конкретных людей. Мы ставим перед собой задачу рассмотрения таковых применительно к крестьянской молодежи в одном отдельно взятом регионе – в данном случае, Южном Урале – с максимально репрезентативной источниковой базой. Это, прежде всего, данные о социальной активности крестьян и источники личного происхождения. По первому мы располагаем хроникой⁵, по второму – каталогом [17]. Хроника отражает практически все известные случаи проявления крестьянского активного протеста в период 1855–1923 гг. на Южном Урале (на середину XIX века – практически Оренбургская губерния). Каталог суммирует информацию обо всех источниках личного происхождения по содержанию двух типов: написанные оренбуржцами либо написанные о событиях в Оренбуржье. Таким образом, имеющиеся мемуары и сходные с ними источники (например, автобиографии) можно рассматривать как естественную выборку.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Поднимаемая в последнее время проблема изучения поколений и особенно «поколения революции» не может пройти мимо сюжета о первой революции. Хотя мы говорим о «поколении революции», имея в виду прежде всего революцию 1917 г., начинаться изучение должно с первой, а то и несколько ранее – с учетом возраста участников. Чтобы быть вовлеченными хоть как-нибудь в происходящее в 1905-м, подросткам надо было бы быть рожденными не позднее начала 1890-х гг. По сути, это было второе пореформенное поколение, не помнившее крепостного права, но владевшее памятью предков. Так, житель Преображенского завода К.С. Голубцов вспоминал: «Отец с детства воспитывал во мне ненависть к царизму и раскрывал глаза неправду, в то же время, указывая на тяжелое экономическое положение уральских горно-заводских крестьян и

⁴ Научный архив Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея (НА ОГИКМ). Ф. 2554. Оп. 1н. Ед. хр. 1003. Л. 2.

⁵ Сафонов Д.А. Крестьянское движение на Южном Урале. 1855–1922. Хроника и историография. Оренбург: Оренбургская губерния, 1999. 315 с.

рабочих, в последнем отношении особенно много для меня сделал мой дед, который был сам крепостным, работал в шахтах и который своими рассказами о крепостном праве много делал для моего политического воспитания»⁶.

Поначалу, после эмансипации, все конфликты у крестьян были так или иначе связаны с землей – владением ей, возвращением ее, получением ее, обретением возможности распоряжаться землей, а также платы за пользование и т. п.; то есть вопросы исключительно экономические. Все названные проблемы волновали прежде всего тех, кого они предметно затрагивали – кто работал, кто платил и т. п., кто имел право голоса на сходе. Иными словами, подростки оставались как бы за рамками происходящего, одновременно оставаясь если не участниками, то наблюдателями. Если еще более точно – то участниками, не отмеченными в источниках. Хронологически впервые мы встречаемся с упоминанием о них в южноуральском регионе в 1876 г. Пристав начал освидетельствование хозяйств в д. Мендянова Белебеевского уезда Уфимской губернии на предмет поиска самовольно вырубленного леса из «участка, отмежеванного про запас». В первом же дворе ему преградили путь женщины и подростки с рычагами⁷.

К концу XIX века прежние споры вокруг земли потеряли свою актуальность для молодого поколения – как, например, вопрос об отрезках, столь болезненный для крестьян периода реформы. Помещик перестал быть «главным злом», особенно в окраинных губерниях, где помещичье землевладение было не таким распространенным. И в то же время простая логика подсказывает, что в сельском обществе неизбежно сохранялась память об истоках конфликта – бывшие на начальном этапе подростками, крестьяне вырастали, становились совершеннолетними, равноправными членами общины. Активность именно молодежи мы наблюдаем там, где

была традиция конфликта – как, например, в д. Сукулак Оренбургской губернии, где спор тянулся со времени подписания уставных грамот и до начала XX века. Так, после нескольких лет упорного отказа платить выкупные платежи, в ноябре 1877 г., властями была начата опись имущества. В ответ толпа вооружилась – по свидетельству пристава, «даже у мальчишек и девиц были видны ружья, сабли, пики, ножи». Крестьяне заявили, что они уничтожат несколько человек – «им нужен один конец – безразлично, смерть или каторга». Основную массу сопротивляющихся составили именно молодые крестьяне – когда пристав приказал силой взять сопротивляющихся, то последние «сбросили с себя верхнюю одежду, поклонились отцам и матерям в ноги, простились друг с другом и направили в пристава ружья и пики» со словами «ну идите, мы готовы»⁸.

Впрочем, до начала XX века подобные случаи были редки; существовавшая система давала недовольному крестьянину возможность жалоб и, соответственно, надежду на правильное справедливое решение, и даже некоторую альтернативу – уйти в город. Известно, что крестьяне прибегали к насильственным мерам в исключительных случаях, предпочитая разрешение любого конфликта в законных рамках; правда, по своим представлениям о законности и справедливости.

В годы первой революции многое менялось, активность крестьянских обществ возрастала – порубки, покосы, захваты земли и т. п. Перемены коснулись и молодых; они начинают активно поддерживать «своих» (что фиксируется в документах): во время сбора податей крестьянин Васючков отказался платить 20 руб., при поддержке сына с помощью ножа и топора оказал сопротивление (март 1905 г., Оренбургская губ., Нижне-Авзяно-Петровское общество)⁹; отец и сын Митченко распространяли прокламации и агитировали за республиканскую форму правления (июнь 1907 г., Уфимская губ.,

⁶ ОГАОО (Объединенный государственный архив Оренбургской области). Ф. 6002. Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 1.

⁷ НА РБ (Национальный архив Республики Башкортостан). Ф. 1/187. Оп. 1. Ед. хр. 638. Л. 170.

⁸ ОГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Ед. хр. 516. Л. 1-49об.

⁹ ОГАОО. Ф. 21. Оп. 7. Ед. хр. 4. Л. 93.

Стерлитамакский уезд, с. Ново-Макарово)¹⁰; волостной судья с сыном агитировали, что царя повесят, а землю разделят между крестьянами (август 1907 г., Уфимская губ., Стерлитамакский уезд, Уршаклинская вол.)¹¹ и т. п.

Если говорить о крестьянской молодежи периода первой революции более предметно, то среди таковой можно выделить три группы.

Прежде всего – это подростки годов рождения начала 1890-х. Так, сестра активного крестьянского деятеля С. Блиничкина в с. Спасском Данилова писала в 1928 г.: «мне приходилось выполнять поручения такого рода: разбрасывание, распространение прокламаций, листовок, брошюр и даже книг среди крестьян окрестных сел. Всю эту работу обыкновенно приходилось делать по ночам. <...> Далее мне приходилось выполнять работу по привлечению крестьян и крестьянок на митинги, устраиваемые моим братом и группой товарищей по лесам и оврагам окрестных сел и хуторов»¹². Другая крестьянка – Ракитина – эмоционально описывала, что в 1905 г., когда ей было 13 лет, к ее братьям, состоявшим в некоей подпольной организации, ночью пришли с обыском. В возникшей суматохе рассказчица надела только нижнюю юбку, покрыла платком плечи и за воротник сорочки спрятала револьвер. Оружие искали везде – но поскольку девочка была, очевидно, полуодета, ее обыскивать не стали; так оружие было сохранено для революции¹³. Другой рассказчик, Платон Щербак, вспоминал, что когда ему было 11 лет, учитель их села в Черниговской губернии Афанасий Михайлович «брал меня с собой чтоб я охранял когда они занимаются в кружке чтоб не мог никто из посторонних пройти к ним»¹⁴. Он же специально привел мальчика к себе на квартиру: «провел со мной беседу на тему что я был всегда с ним и выполнял все пору-

чения»¹⁵: среди таковых была поездка в город Новосеверск, в типографию, передать корзину – «на пристани меня встречал А.М., тихонько спрашивает как дела, я отвечаю все в порядке». Платон привез обратным путем листовки и протоколы, которые потом «часто» с учителем носили на завод «вроде за грибами с корзиной, в ней листовки»¹⁶.

Другой подросток И.Е. Слащинин вспоминал, как в 1905 г. к ним в с. Поляковку приезжал рабочий Оренбургских ж. д. главных мастерских Иван Кучеров. С группой крестьян из Поляковки и соседнего села Спасское они ушли в лес справлять маевку: «Я и со мной товарищи-подростки пошли в лес и там видели и слышали, как они проводили маевку и пели революционные песни против царя и помещиков». Односельчанин Прохоров – «дядя Вася» – «дал нам майский гостинец и вместе с тем дал несколько листовок, которые просил нас ночью расклеить их в селе на заборах и одновременно пригрозил нас, чтобы мы об этом никому не рассказывали и запугал нас тюрьмой – узнают, посадят в кутузку. Мы поручение это выполнили, а на утро урядник искал по селу виновников в этом, но установить ему не удалось, так сделано было втихую». Позднее, в 1907 г. «в ночное время, меня, Облицова и Титова встретил дядя Вася и сказал нам: «Идите и сожгите сено на гумне Эверсмана». Сено было сожжено, но в то время до нас ничего не доходило, и мы не разбирались в этом. А когда разобрались, что сено сожжено было потому, Эверсман отдавал крестьянину косить луга исполу, и тут же, в страдную пору, крестьянина заставлял возить сено ему на гумно, и свое сено крестьянин обязан увезти себе на гумно. Но в момент уборочной трудно было возить, не было сбури и времени, а до зимы оставлять на лугах – помещик не разрешал»¹⁷.

Видно, что детей использовали практически втемную. Не будем также забывать, что это их собственные рассказы, записанные значительно позднее; в условиях, когда

¹⁰ НА РБ. Ф. 1832. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 28.

¹¹ Там же. Л. 31.

¹² ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 93. Инициалов в документах нет.

¹³ Там же. Л. 120. Инициалов в документах нет.

¹⁴ ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 47об.-48. Так в тексте.

¹⁵ ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 48об.

¹⁶ Там же. Л. 49.

¹⁷ ОГАОО. Ф. 2900. Оп. 1. Ед. хр. 171. Л. 72.

«удревление» своего участия или содействия революционному движению было в осязаемый зачет. Потому и рассказ о своей помощи революции чаще всего был достаточно неопределен, конкретика скрыта за общими фразами.

Практически то же самое можно сказать о свидетельствах молодых крестьян постарше, чьи годы рождения приходились примерно на середину и вторую половину 1880-х гг. О своем участии в революции 1905 г. писал Я. Немчинов (1889 г. р.): «Участвовал на тайном собрании, устроенном в лесу, приехавшими с Самары представителями эсеровской партии и партии социал-демократов. Собрание проходило под лозунгом: «Долой царское самодержавие, долой помещиков! Землю крестьянам». Закончился митинг пением революционных песен и шествием с красными флагами». Далее он заключал: «Царское правительство подавило революцию в рабочих центрах и бросило ряд карательных отрядов для подавления крестьянских восстаний, этого не миновало и наше село Гаршино, где также часть зачинщиков было арестовано, а за вырубку помещичьего леса и разграбленный инвентарь главари передовики подверглись экзекуции розгами, до полусмерти. Я в это время скрылся, уехал в Среднюю Азию и там мог избавиться от наказания царских палачей»¹⁸. Автор фактически только участвовал в «тайном собрании». Сходным образом, П.Н. Мосин (1884 г. р.) эмоционально описывал, как он хранил запрещенные книги: «Загорелась искра в селе Белозерки... В доме Мосина П.Н. полились к нам книги, бесцензурной книги мы поимели и крепкую связь между собой и стали подбирать крепких товарищей к политическому настроению и к свержению царской своры и капитала. Кровавый Николай похвастался своим манифестом, через этот манифест сколько в крови людей потопили но наша работа проводилась с большой гордостью и крепла наша сила и дух. Не отступали от политического настроения и от работы своей,

¹⁸ Архив Бузулукского краеведческого музея. Т. 7. Л. 22.

но как ни крепок наш дух и сила и политическое настроение царская свора применила военно-полевой суд, казни и расстрел, тут же жандармская полиция стала делать облаву и стала искать зачинщиков, делать обыски, искать книги бесцензурные, в которых только что указано свержение царя и капитал. Жандармская полиция сколько она рыла, но зачинщиков нашла»¹⁹. Другой участник «подпольной организации», только в с. Буланове, В. Маклашов сообщал о себе, что он в пивной «распространял политическую литературу <...> крестьянам смотря по их технической грамотности всовывал в карманы запрещенную литературу среди небольшого размера книжечек была и программа Р.С.Д.Р.П., которая развозилась по другим селам особенно после базарных дней»²⁰. Г.К. Секерин в 1905 г., будучи подмастерьем у кузнеца М.Е. Харитонova, занимавшегося, помимо прочего, пропагандой, был хранителем привозимой последним из Оренбурга литературы: «Хранил эту литературу можно сказать я, нагребен снег около крыльца, тут была вырыта небольшая печка для ящика и заливалась помоями»²¹.

И к третьей группе можно отнести молодых рабочих, вчерашних выходцев из деревни. Так, в Оренбурге в 1904–1905 гг. были построены Главные железнодорожные мастерские, которые стали самым крупным предприятием губернского центра; следствием был приток населения из деревень. Так, П.В. Кузнецов вспоминал о своем «первом революционном крещении» – распространении прокламаций: «дня за 2 до 1-го Мая утром Георгий Коростелев, снабдил меня необходимым количеством листовок для распространения и расклейки, и предупреждает: Попадешься, так говори нашел, но не понимаешь что в них написано, и расклей где можно... Расклеить и подбросить можно было в первую очередь – в уборной, куда ходят

¹⁹ НА ОГИКМ. Ф. 2554. Оп. 1. Д. 945. Л. 8. Так в тексте.

²⁰ ОГАОО. Ф. 8180. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 5.

²¹ ОГАОО. Ф. 2900. Оп. 1. Ед. хр. 169. Л. 69. Так в тексте.

рабочие из кузницы и литейной. Это поручение было выполнено более удачно... Маленькое поручение окрылило надежды на большее **мне захотелось сделать значительно заметное дело**²². Например: подбросить листовку своему первому начальнику по бригаде – бригадиру. Долго ждал удобного случая, и вот когда бригадир на несколько минут был вызван к мастеру кузницы, осторожно, чтобы никто не заметил со стороны из медников, помощников и учеников и вообще тех кому еще пока не следовало знать, один миг и листовка в книге заказов шкафа бригадира. А затем некоторое время нервное состояние. Вдруг де спросит бригадир, кто положил, да и со стороны укажут, что в его отсутствии крутился какой-то. Напрягаю силы, нажимаю на дрожащую пилу. Волнение еще больше усилилось когда бригадир из цеховой конторы направился прямо к шкафу, я отвернувшись к верстаку и тисам начал с ожесточением пилить, стараясь скрыть внутреннее волнение. Листовка находилась уже в его руках – приковало его внимание, чувствую прикосновение его руки на своем плече. Спрашивает: «Петюша, не видал ли ты кто может быть подходил к шкафу и положил чего либо», собрав силы, – отвечаю – «Не знаю и не видал». Затем бригадир говорил с товарищем Скоростеловым [Коростелевым], что ему кто-то подбросил прокламацию. Значит меня не подозревал. Таким образом я выполнил поручение партии и получил первое революционное крещение»²³.

И.Т. Кочевин (1892 г. р.) вспоминал, что «в дни революционной волны 1905 годов я еще был мальчишкой, мне было всего 13-й год, но ввиду нехватки заработка отца я работал на элеваторе Ташкентской железной дороги. Конечно, в политике еще ничего не смыслил, то есть не понимал, но сам по себе инстинкт, чувство говорило во мне, что все стачки и забастовки ведут рабочий бедный класс к улучшению его жизни, но я должен передать про тех товарищей, которые не по-

кладая рук работали в то время за улучшение нас, бедных рабочих и крестьян». Себе в записку он ставил то, что когда митинг стали разгонять казаки, он «спрятал листовки под рубашку, бросился через заплот, но в то время подошел ко мне один казак, ожег несколько раз нагайкой, я крикнул «мама», пока добежал домой, то у меня рубашка пристыла к телу, да еще попало дома, когда родители увидели у меня листовки. Конечно, скорее схватили их у меня и сожгли»²⁴.

Привлечение молодежи к социальной активности в условиях начавшейся революции, как, впрочем, и привлечение крестьян вообще, происходило исключительно через агитацию. Здесь также есть варианты. Прежде всего – привозная в село литература: единичные экземпляры листовок и брошюр, чаще всего нефиксируемых названий и партийной принадлежности – все что их объединяло, это бесцензурность издания. Разумеется, местные левые организации пытались, начиная с первых же месяцев революции, издавать что-либо свое, но это было неизбежно сопряжено с разного рода сложностями, поэтому в ход шло все, что было. Например, известно, что агитатор от Оренбургской группы РСДРП, посланный в деревню в августе 1905 г., вез с собой газеты «Революционная Россия» № 39 за 1904 г., «Социал-демократ» № 3, оттиски газеты «Искра» №№ 59, 61, 79, номера 19, 22–23 «Освобождения» и 41 прокламацию – местные и Самарских организаций ПСР и РСДРП²⁵.

Свидетельствующие о полученных и прочитанных изданиях крестьяне, как правило, крайне неконкретны. Так, Платон Щербак вспоминал, что его отец привез из Киева три листовки «протоколы марксистско-ленинской теории № 8-9-11», а он, в свою очередь, привез из Новосеврска «протоколы 8-9-10-11-12»²⁶. Ссылные латыши К. Убарс и И. Калнинь свидетельствовали, что они распространяли среди крестьян Оренбургского уезда несколько экземпляров програм-

²² Выделено нами. – Д. С.

²³ ОГАСПИ. Ф. 7924. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 31-32об. Так в тексте.

²⁴ ОГАОО. Ф. 7924. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 1-4об.

²⁵ ОГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 433-433об.

²⁶ ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 47об.

мы РСДРП, несколько брошюр о Государственной Думе и номер «Санкт-Петербургской газеты»²⁷.

М.А. Синицын, утверждавший, что он входил в «полит. кружок», созданный в 1905 г. в с. Исаево-Дедово неким политическим ссылочным В.А. (учитель), где у него была «обязанность распространения и раскидки полит. прокламаций и раздача крестьянам полит. книг. Мною было распространено и раскидано до 5000 экземпляров прокламаций и книг»: «Для того, чтобы распространяющего не могли заметить, когда он разбрасывал листовки, таковые были свернуты формой **конфеты** и их было легко разбрасывать, совсем почти незаметно. А каждого увидевшего их, они заманивали, так как представляли из себя форму конфеты. Поневоле каждый брал, разворачивал и читал. Книги, брошюры и листовки разбрасывались и передавались через знакомых не только в с. Исаево-Дедово, но и во все окрестные села в области». Но мемуарист не мог вспомнить ни одного названия, ограничиваясь упоминанием, что «литература доставлялась нам из города Оренбурга политпартией с.-р.»²⁸.

Едва ли не исключение – крестьянин с. Спасского Оренбургской губернии И. Филатов, прямо назвавший возбудившую его книгу – «Пауки и мухи»: «Мне тогда было 24 года, но в политике я ничего совершенно не понимал, а также о революции понятия не имел, и по своей темноте, как и другие, верил в Бога и чтил царя-батюшку, как помазанника божьего, и как не тяжело жить, а выхода из тяжелого положения не видел, но совершилось то, о чем я и никогда и не думал. Приехавшие студенты остановились у односельца Семена Яковлевича Блиничкина, с ним они начали вести беседу о начинающейся революции, видимо дали ему сполна понять, что до сего времени народ был одурачен царем, правительством, попами и помещиками. И не смотря то, что он до этого момента тоже был религиозен и чтил батюшку-

царя, ибо он не имел образования, даже сельского, а учился у старушки. Но я был одарен природным умом и развил себя самообразованием, был начитан и считался в нашей местности одним из умных и грамотных крестьян, а так как мы с ним случайно были членами Спасского Кред[итного] т[оварищес]тва, были в самых дружеских отношениях, то он по выслушанному от студентов пришел за мной, и первое его ко мне было обращение, когда я пришел к нему: «Я хочу говорить с тобой – вещи секретные, не бойся что я тебе скажу, ведь мы до сего времени были одурачены царем и его правительством». Он замолчал, а я смутился, **потрусил** и понять его не мог, думал, что он с ума сошел. Он видя, что я не понимаю, ввел меня в другую комнату, где были т.т. Колчанов и Дезорцев. И последние дали мне подробное разъяснение: что такое революция, для какой цели она совершается, и что царь – это крупный помещик, обладающий чуть ли не миллионами десятками земли, а вы крестьяне земли не имеете. И дали мне книжку под названием «Пауки и мухи» изд. Донская речь. И предупредили меня, что книжка эта нелегальная, будь осторожней и прочитай, но пока никому ничего не говори. Взяв эту книжку, я спрятал ее под исподнюю рубаху и туго подпоясался ремнем, поторопясь уйти и прочитать. Пришел домой, запер дверь из избы на крючок, чтобы никто не пришел. Начал читать с жадностью и когда дошел до слов «все что лживо и фальшиво правят страной, и что честно справедливо топчат ногой», я понял, что «пауки» это царь, министр, помещики и попы, а «мухи» это бедный одураченный народ, который даже поколения забитый, одичалый, заброшенный в медвежьих углах мужицкой жизни слепо верят в Бога и царя, и подставляя свои сгорбленные спины и несет все трудности и невзгоды жизни, молчали. Книжка эта была в несколько листов, я скоро ее прочитал. Во мне взволновалась кровь, я озлобивший схватил эту книжку и бегом пошел в дом С.Я. Блиничкина. По дороге в размышлении, что с глаз моих эта книжка сорвала повязку темноты, я стал ве-

²⁷ ОГАОО. Ф. 7924. Оп. 1. Ед. хр. 151. Л. 46.

²⁸ ОГАОО. Ф. 7924. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 1-8. Так в тексте.

сел, и когда пришел то С.Я. заметил мой веселый вид, сказал мне: «Вижу, что и ты так же скоро понял, как мы были обмануты, ну будь мне брат, и мы с ним побратались. Затем мы вошли в другую комнату к студентам и начали вести беседу, гораздо оживленнее, чем в первый раз»²⁹.

Как раз приезжающие студенты, как и иные «не-крестьяне» и составляют условное второе направление. М.А. Синицын вспоминал, что в Исаево-Дедово «несколько раз на наших митингах выступали с речами ораторы, приезжающие из города Оренбурга: «Они нас воодушевляли в полит. духе, вводя нас все более в полит. работу»³⁰. Он же утверждал, что учитель В.А., создавший кружок в с. Исаево-Дедово, «энергично взялся за организацию по свержению царя, угнетавшего наши **крестьянские и рабочие массы**»³¹.

А.Я. Савельев вспоминал о ночных митингах и собраниях рабочих фабрики и крестьян села Измайловки и других сел, куда из города Симбирска приезжали ораторы³². С.Д. Сучков утверждал, что «предшественником» его «активного участия в революционной борьбе», было присутствие в 1905 г., когда ему было 15 лет, на митинге, который в с. Гавриловке Бузулукского уезда попыталась провести «группа революционно настроенных, интеллигенции (учителей из второклассной Алексеевской школы), а также мелких торговцев»³³.

И, наконец, вероятно, самая эффективная – агитация самими крестьянами, причем, «своими», то есть знакомыми. Так, Данилова писала, что «до 1905 г. я была совершенно темная безграмотная крестьянка и никакой конечно революционной работы не знала, до тех пор пока мой брат Семен Блиничкин не разъяснил мне значение революции и что она дает народу. С этого момента я почувствова-

ла и поняла правоту борьбы трудящихся с угнетателями помещиками и стала выполнять разного рода поручения группы революционеров»³⁴. К.С. Голубцов сообщал, что до 20 лет я жил в [Преображенском] заводе, ездил с отцом в извоз, косил траву, жал хлеб и выполнял другие работы. В этот период, как ученый, но сын извозчика, одного роду и племени с крестьянами, говорил им о царизме, об эксплуатации и многом другом, и мне верили, и я говорил, агитировал»³⁵. Т.Н. Гребенников (1887 г. р.) владел пивной, в с. Буланове Оренбургской губернии, где крестьянам засовывали в карманы запрещенную литературу, а кроме того, угощал знакомых папиросами, «ведя в то же время объяснение не ясности в жизни, о безкультурии» – «подтачивая» устои дома Романовых»³⁶. По свидетельству подмастерья кузнец М.Е. Харитонов «во время базара вставал где-нибудь на высокую [пропуск в тексте] или на прилавок. Он обладал хорошей речью и призывал народ к восстанию, к свержению самодержавия, раздавал литературу, которую привозил из города Оренбурга»³⁷.

Отсюда возникает важный вопрос: что именно из агитации усваивали молодые люди? Еще конкретнее: что им говорили и что из этого они усваивали? Ответ на этот вопрос – в их свидетельствах.

Уже упомянутый И. Филатов перечислял, что же он сделал «в революционном движении» (логика подсказывает, что он делал то, что ему рекомендовали делать как «революционеру» приезжие агитаторы): организация схода крестьян, где выступили студенты, раздача революционной литературы крестьянам, ее чтение «в секретных собраниях», расклейка ночью прокламаций, поездки в Оренбург за революционной литературой, выступления на митингах, участие в манифестациях с пением революционных песен по улицам села Спасского, и в итоге «участвовал в заговоре и убийстве двух по-

²⁹ ОГАОО. Ф. 7924. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 1-6об. Так в тексте.

³⁰ ОГАОО. Ф. 7924. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 1-8.

³¹ Там же. Так в тексте.

³² ОГАОО. Ф. 2900. Оп. 1. Ед. хр. 169. Л. 22-25.

³³ НА ОГИКМ. Ф. 2554. Оп. 1н. Ед. хр. 1003. Л. 1-20.

³⁴ ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 93.

³⁵ ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 2.

³⁶ ОГАОО. Ф. 8180. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 24.

³⁷ ОГАОО. Ф. 2900. Оп. 1. Ед. хр. 169. Л. 69.

лицейских стражников 26 декабря ст. ст. 1907 г. в селе Спасском»³⁸.

Восемнадцатилетний В. Юркин в селе Спасское ходил на собрания жителей в лесу, где выступали ораторы и пели революционные песни: «Я сам присутствовал на митингах, мне нравились эти политические песни, хотя я в политике ни чего не понимаю, но почему-то залезло в душу и голову революционная песня»³⁹. И только когда казаки разогнали толпу крестьян нагайками, «и даже в это время моего дядю Гордея забили насмерть нагайками», то у него «зародилась злоба на сердце против этих паразитов помещиков и империалистов, как то Николай и его приспешники»⁴⁰.

Савельев А.Я.: «На митинге рабочих и крестьян призывали к единому сплочению и говорили, каким путем и чего нужно добиваться рабочим и крестьянам»⁴¹. Как писал значительно позднее Карл Убарс, «наших премудростей» крестьяне не понимали, гораздо лучше давались решения вопросов из хозяйственного быта – вот и в листовках к крестьянам они «просто указали на недостатки и как от них избавиться»⁴². Впрочем, и сами агитаторы понимали задачи агитации по-своему: «Притом мы сами как рабочие с малой практикой в партработе тоже неясно еще усвоили к чему мы должны крестьянство учить. Одно только для нас ясно было, что мы должны в крестьянстве возбудить ненависть к существующему строю, что они в некоторых случаях уже сами имели»⁴³. Слово «ненависть» встречается в воспоминаниях неоднократно – являясь, несомненно, словом знаковым.

В октябре 1905 г. К. Гуреев вместе с другими односельчанами работал в Оренбурге на земельной сдельной работе. Когда началась забастовка, они все также бросили работу. Далее рассказчик, которому было 19 лет, и

которые по его словам, не знал, что такое собрания и митинги, тем не менее, вступил, по его словам, в спор с бастующими рабочими: «Большинство из них в дым пьяные, и между собой они вели горячий спор, одни рабочие говорили: «Нам нужно добиться полного свержения буржуазного самодержавного правительства и царизма. Избрать и восстановить рабочую власть, добиться восьмичасового рабочего дня и прекращения империалистических войн». В этом споре и я принимал участие, другие прихлебатели и приспешники буржуазии и капитала горячо оспаривали и говорили, что нам и так хорошо: едим, пьянствуем и больше нам не надо ничего. Я возражал против горячо защищающих буржуазию и капитал, я с уверенностью говорил им, что лучше будет рабочему классу жить тогда, когда он свергнет буржуазный самодержавный царизм, и изберет и восстановит свои рабочие правительство и власть, рабочий контроль над всем и установить восьмичасовой рабочий день, охрану труда и так далее и прекратить империалистические войны»⁴⁴.

Проигнорировать подобное свидетельство нельзя; точно так же, как сложно его принять за абсолютную правду – по причине субъективности, свойственной вообще источникам личного происхождения – прежде всего мемуарам. Записывались свидетельства в меньшей мере во второй половине 1920-х гг., по заданиям Истпарта, в большей – в середине 1950-х гг., в рамках массовой инициативы по сбору свидетельств живых участников событий, в связи с приближающимся тогда празднованием 40-летия Великого Октября. Помимо естественного влияния временного разрыва между описываемыми событиями (в данном случае – первой революцией) и временем написания воспоминаний, на текст ощутимо влияла эпоха. Не вдаваясь в подробности, отметим, что речь идет о том, что люди были как бы приучены к тому, что и как надо писать. Бросаются в глаза четко и

³⁸ ОГАОО. Ф. 7924. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 35.

³⁹ ОГАОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 58. Л. 7-7об.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ ОГАОО. Ф. 2900. Оп. 1. Д. 171. Л. 22-25.

⁴² ОГАОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 151. Л. 41об.

⁴³ Там же.

⁴⁴ ОГАОО. Ф. 7924. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 1-1об.; 8-8об.

политические грамотно построенные фразы, оценки.

Вызывают большее доверие свидетельства иного рода; «было мне 13 лет. Село захолустное, ничего о политике не знал» (П.С. Сметков)⁴⁵; «революционная волна 1905 и 1906 г. в мои молодые годы была не ясно понятной» (Ф.Г. Юбарев)⁴⁶; «в 1906 г. <...> поступил в оренбургские главные мастерские и стал работать пом. токаря, и до весны 1907 года работал, не обращая внимания на революционное движение» (И.П. Елистратов (1888 г. р.))⁴⁷. При том, что, как уже отмечалось выше, приписать себе заслуги в те далекие годы было достаточно просто, подобные утверждения вызывают доверие.

ВЫВОДЫ

Таким образом, сплошное изучение источников личного происхождения в одном отдельно взятом регионе – в данном случае Оренбургской губернии (юго-восток европейской части России) – по периоду первой революции 1905–1907 гг. позволяет поставить под сомнение распространенное в литературе утверждение о резком нарастании сознательности крестьянской молодежи в рассматриваемый период; более того – о проявлении в российской деревне тех лет межпоколенческих конфликтов. В условиях первой революции крестьянские массы получили несопоставимые с прежним периодом возможности приобщения к политике. Новые идеи и левая пропаганда постепенно

проникали в крестьянское сознание, прежде всего молодежи. Это, наряду с отмечаемыми фактами крестьянской активности, пусть не массовыми и даже единичными, свидетельствовало о начале сложного процесса формирования нового менталитета тех, кого в дальнейшем принято определять как поколение «революционного перелома».

Значительная территория губернии и слабые коммуникации серьезно усложняли возможности политического просвещения молодежи – что повышает ценность собранных свидетельств.

Сделанные выводы не претендуют на всеобщность; мы готовы допустить, что в губерниях центра имели место случаи проявления активности крестьянской молодежи. Но все же следует учитывать разницу между регионами с крупными городами и промышленными центрами и регионами провинциальными. Выразим сомнение суждению А.Н. Назарова, определявшего Санкт-Петербургскую губернию как «типичную великорусскую» [8, с. 92]. На наш взгляд, «типичной» уместнее назвать Оренбургскую, и то с оговоркой, что речь идет об «окраинных» губерниях.

Кроме того, на Южном Урале те крестьяне, которые были действительно активны в 1905–1906 гг., в дальнейшем были изъяты из деревенской среды, круга прежнего общения и влияния, и были так или иначе репрессированы – например, высланы. Те, которые были активны в 1917-м, в массе своей переселились в Оренбуржье после первой революции. В то же время полного разрыва опыта и традиций не могло произойти. Поколение «революционного перелома» стало просыпаться.

⁴⁵ ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Ед. хр. 1118. Л. 3.

⁴⁶ ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 139.

⁴⁷ Там же. Л. 36.

Список источников

1. Вязинкин А.Ю., Якимов К.А. Крестьянский традиционализм в годы «революционного перелома» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27. № 5. С. 1296-1303. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-5-1296-1303>, <https://elibrary.ru/carsng>
2. Вязинкин А.Ю. Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в.: проблемы историографии // Вопросы истории. 2022. № 7-2. С. 153-165. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46>, <https://elibrary.ru/ipecnd>

3. Слезин А.А. Сельская молодежь первой трети XX в. и ее влияние на социум в оценках современных исследователей // Вопросы истории. 2022. № 8-2. С. 106-128. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi32>, <https://elibrary.ru/xkodrt>
4. Бусько С.И. Молодежь в революции 1905–1907 гг. (на примере белорусских губерний) // София: электронный научно-просветительский журнал. 2019. № 1. С. 133-138. <https://elibrary.ru/lnlcro>
5. Ищенко О.В. Учащаяся молодежь Сибири в период первой российской революции 1905–1907 годов: характер протестных движений // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 34. С. 148-160. <https://elibrary.ru/ktutxd>
6. Кистанов С.В. Молодежь Мордовского края в революционных событиях накануне и в период революции 1905–1907 гг. // Молодежь как активный субъект современного общества: материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. Н.М. Арсентьев. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарева, 2013. С. 44-49. <https://elibrary.ru/uzbtmg>
7. Малышева Н.В. Молодежное движение в провинциальной России в конце XIX – начале XX в. (по материалам Среднего Поволжья) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 805-809. <https://elibrary.ru/pkbdwd>
8. Назаров А.Н. Революция 1905–1907 гг. в контексте изучения массового сознания населения (на материалах Санкт-Петербургской губернии) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2007. № 4. С. 92-97. <https://elibrary.ru/qabmcn>
9. Попова О.Д., Попова А.Д. Бунтующая семинария: протестное движение в духовных учебных заведениях (вторая половина XIX – начало XX века) // Новый исторический вестник. 2017. № 2 (52). С. 39-56. <https://elibrary.ru/zpdytd>
10. Рушанин В.Я. Учащаяся молодежь России начала XX века: политическая культура, партийные пристрастия и настроения // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 2 (30). С. 49-55. <https://elibrary.ru/pjjiqr>
11. Тебиев Б.К. Студенческая и учащаяся молодежь в революции 1905–1907 гг. // Высшее образование в России. 2017. № 2 (209). С. 157-168. <https://elibrary.ru/xwvllav>
12. Сафонов Д.А. «Земля и воля» как вековая мечта российского крестьянства // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. № 189. С. 149-154. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2020-25-189-149-154>, <https://elibrary.ru/zgjzzu>
13. Соколова В.И., Ласточкин В.Б., Бойко С.И. Крестьянский мир Чувашии в социально-экономическом и политическом противостоянии власти в годы первой русской революции 1905–1907 гг. // Вопросы истории. 2021. № 9-2. С. 16-29. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202109Statyi01>, <https://elibrary.ru/oootqdp>
14. Свиридов И.С. Пробуждение самосознания великорусского крестьянства в начале XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 22. № 4 (168). С. 125-130. [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-4\(168\)-125-130](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-4(168)-125-130), <https://elibrary.ru/yuadcz>
15. Человек в революции: Казанская губерния: в 2 т. / под ред. Л.Р. Габдрафиковой. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2016. Т. 1. 1905–1907 гг. 360 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008689796>
16. Рыбаков Р.В. Восприятие революции в России молодежью: по материалам писем и дневников 1917-го – первой половины 1920-х гг. // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2017. № 2. С. 31-33. <https://elibrary.ru/yoyqxd>
17. Сафонов Д.А. Эпоха революционных перемен первой четверти XX века в воспоминаниях современников: оренбургские источники. Оренбург: ОГУ, 2021. 311 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_010841785/

References

1. Vyazinkin A.Yu., Yakimov K.A. (2022). Peasant traditionalism during the era of the “revolutionary turning point”. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 27, no. 5, pp. 1296-1303. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-5-1296-1303>, <https://elibrary.ru/carsng>

2. Vyazinkin A.Yu. (2022). Generation of the “revolutionary turning point” in the fate of the Russian village in the first third of the 20th century: problems of historiography. *Voprosy istorii = Voprosy Istorii*, no. 7-2, pp. 153-165. (In Russ.) <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46>, <https://elibrary.ru/ipecnd>
3. Slezin A.A. (2022). Rural youth of the first third of the 20th century and its impact on society from the perspective of contemporary researchers. *Voprosy istorii = Voprosy Istorii*, no. 8-2, pp. 106-128. (In Russ.) <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi32>, <https://elibrary.ru/xkodrt>
4. Busko S.I. (2019). Youth in the 1905–1907 revolution (on the example of Belarusian provinces). *Sofiya: elektronnyi nauchno-prosvetitel'skii zhurnal* [Sofia: Electronic Scientific and Educational Journal], no. 1, pp. 133–138. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lnlcro>
5. Ishchenko O.V. (2008). Uchashchayasya molodezh' Sibiri v period pervoi rossiiskoi revolyutsii 1905–1907 godov: kharakter protestnykh dvizhenii [Siberian students during the First Russian Revolution of 1905–1907: the nature of protest movements]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 34, pp. 148-160. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ktutxd>
6. Kistanov S.V. (2013). Molodezh' Mordovskogo kraia v revolyutsionnykh sobytiyakh nakanune i v period revolyutsii 1905–1907 gg. [Youth of the Mordovian region in the revolutionary events on the eve and during the revolution of 1905–1907]. In: Arsentev N.M. (executive ed.). *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Molodezh' kak aktivnyi sub'ekt sovremennogo obshchestva»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Youth as an Active Subject of Modern Society”]. Saransk, N.P. Ogarev Mordovian State University Publ., pp. 44-49. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uzbtmg>
7. Malysheva N.V. (2012). Youth movement in provincial towns of Russia in the late 19th century and early 20th century (Sredneye Povolzh'ye). *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo = Izvestia Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.G. Belinskogo*, no. 27, pp. 805-809. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pkbdwd>
8. Nazarov A.N. (2007). The revolution of 1905–1907 in the context of studying people's mass consciousness (on the materials of saint-petersburg province). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. = Vestnik of Saint Petersburg University. History*, no. 4, pp. 92-97. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qabmcn>
9. Popova O.D., Popova A.D. (2017). The Rebellious Seminary: The Protest Movement in Spiritual Educational Institutions (second half of the 19th – beginning of the 20th Centuries). *Novyi istoricheskii vestnik = The New Historical Bulletin*, no. 2 (52), pp. 39-56. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zpdytd>
10. Rushanin V.Ya. (2012). Student youth of the Russia of the beginning of the 20th century: political culture, party predilections and minds. *Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv* [Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts Herald], no. 2 (30), pp. 49-55. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pjjiqr>
11. Tebiev B.K. (2017). Students and studying youth in the revolution of 1905–1907. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, no. 2 (209), pp. 157-168. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xwwlav>
12. Safonov D.A. (2020). “Land and liberty” as the age-old dream of the Russian peasantry. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 25, no. 189, pp. 149-154. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2020-25-189-149-154>, <https://elibrary.ru/zgjzuz>
13. Sokolova V.I., Lastochkin V.B., Boiko S.I. (2021). The peasant world of the Chuvash region in the socio-economic and political confrontation with the authorities during the first Russian revolution of 1905–1907. *Voprosy istorii = Voprosy Istorii*, no. 9-2, pp. 16-29. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202109Statyi01>, <https://elibrary.ru/oottqdp>
14. Sviridov I.S. (2017). The awakening of Great Russian peasantry's consciousness at the beginning of 20th century. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 22, no. 4 (168), pp. 125-130. (In Russ.) [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-4\(168\)-125-130](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-4(168)-125-130), <https://elibrary.ru/yuadcw>
15. Gabdräfikova L.R. (academ. ed.). (2016). *Chelovek v revolyutsii: Kazanskaya guberniya: v 2 t.* [A Man in the Revolution: Kazan Governorate: in 2 vols.]. Kazan, S. Marcini Institute of History Publ., vol. 1, 1905–1907, 360 p. (In Russ.) URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008689796>
16. Rybakov R.V. (2017). Perception of Russian revolution by youth: on materials of letters and diaries, 1917 – first half of the 1920th. *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' = Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*, no. 2, pp. 31-33. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yoyqxd>

17. Safonov D.A. (2021). *Epokha revolyutsionnykh peremen pervoi chetverti XX veka v vospominaniyakh sovremennikov: orenburgskie istochniki* [The Era of Revolutionary Changes of the First Quarter of the 20th century in the Memories of Contemporaries: Orenburg Sources]. Orenburg: Orenburg State University Publ., 311 p. (In Russ.) Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_010841785/

Информация об авторе

Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0003-0882-4592>
d_safonov@mail.ru

Поступила в редакцию 17.02.2023

Поступила после рецензирования 12.05.2023

Принята к публикации 19.05.2023

Information about the author

Dmitriy A. Safonov, Dr. habil. (History), Professor, Leading Research Scholar, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0003-0882-4592>
d_safonov@mail.ru

Received 17.02.2023

Approved 12.05.2023

Revised 19.05.2023

Научная статья

УДК 94(47).084.1:94(47).084.2:94(47).084.3:94(436).08:94(437)

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-689-702>

Чешско-Словацкий корпус летом 1918 г.

Владимир Валерьевич МИРОНОВ , Павел Эдуардович САЛЬНИКОВ *

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

*Адрес для переписки: legat392@gmail.com

Актуальность. Представлен интерес к истории Гражданской войны в России, в которой остается немало «белых пятен». К их числу относится участие Чешско-Словацкого корпуса в иностранной интервенции в России и характер его отношений с антибольшевистскими силами. Летом 1918 г. Чешско-Словацкий корпус, ведя активную борьбу против советской власти, захватил контроль над Транссибирской магистралью. Численный перевес над местными силами большевиков, лучшая выучка, подготовка, внезапность выступления, а также энтузиазм легионеров позволили им в короткий промежуток времени овладеть рядом крупных городов в Поволжье, Урале, Сибири и на Дальнем Востоке. Это в свою очередь привело к становлению местных антибольшевистских сил – Комитета членов Учредительного собрания (КОМУЧ) и Временного Сибирского правительства в Омске.

Методы исследования. Использован историко-системный метод, который позволил выявить роль Чешско-Словацкого корпуса в эскалации Гражданской войны в России с учетом «чехо-словацкого фактора» в международных отношениях того времени.

Результаты исследования. На основе тщательного анализа документов и директив, подготовленных большевиками, антибольшевистскими силами, союзниками по Антанте, военным и политическим руководством Чешско-Словацкого корпуса, показано, что корпус преследовал свою цель – добраться до Владивостока, для достижения которой осуществлялись захват городов и свержение советской власти. В то же время был налажен контакт с местными ячейками эсеров главным образом через коммерцию. Кроме того, во взаимоотношениях с союзниками корпус продолжал следовать своим целям, помогая Народной армии Комитета членов Учредительного собрания до того момента, когда это перестало отвечать его интересам. Констатируется, что корпус оказался втянут в иностранную интервенцию, поскольку его успехи в борьбе против советской власти заставили страны Антанты пересмотреть его роль в России.

Выводы. Чешско-Словацкий корпус не только инициировал «острый» этап Гражданской войны в России, но и стал катализатором ряда процессов как в России, так и в мире, которые привели к дальнейшей эскалации конфликта.

Ключевые слова: Чешско-Словацкий корпус, мятеж Чешско-Словацкого корпуса, Первая мировая война, Гражданская война в России, иностранная интервенция, Антанта, Р. Гайда, С. Чечек, В. Войцеховский, Т.Г. Масарик, Л. Троцкий, КОМУЧ, интервенция

Для цитирования: Миронов В.В., Сальников П.Э. Чешско-Словацкий корпус летом 1918 г. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3. С. 689-702. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-689-702>

Original article
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-689-702>

Czech-Slovak corps in the summer of 1918

Vladimir V. MIRONOV , Pavel E. SALNIKOV *

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

*Corresponding author: legat392@gmail.com

Importance. An interest in the history of the Civil War in Russia, in which there are many “white spots” is presented. These include the participation of the Czech-Slovak corps in the foreign intervention in Russia and the nature of its relations with the anti-Bolshevik forces. In the summer of 1918, the Czech-Slovak corps, waging an active struggle against the Soviet government, seized control of the Trans-Siberian railway. The numerical superiority over the local Bolshevik forces, the best training, preparation, suddenness of the advance, as well as the enthusiasm of the legionnaires allowed them to take over a number of large cities in the Volga region, the Urals, Siberia and the Far East in a short period of time. This in turn led to the formation of local anti-Bolshevik forces – the Committee of Members of the Constituent Assembly (KOMUCH) and the Provisional Siberian Government in Omsk.

Research methods. A historical and systematic method was used to identify the role of the Czech-Slovak corps in the escalation of the Civil War in Russia, taking into account the “Czech-Slovak factor” in international relations of that time.

Results and Discussion. Based on a thorough analysis of documents and directives prepared by the Bolsheviks, anti-Bolshevik forces, allies in the Entente, the military and political leadership of the Czech-Slovak corps, it is shown that the corps pursued its goal – to get to Vladivostok, to achieve which the seizure of cities and the overthrow of Soviet government were carried out. At the same time, contact was established with local cells of Social Revolutionaries mainly through commerce. In addition, in relations with the allies, the corps continued to pursue its goals, helping the People’s Army of the Committee of Members of the Constituent Assembly until the moment when it ceased to meet its interests. It is stated that the corps was involved in foreign intervention, since its successes in the struggle against Soviet government forced the Entente countries to reconsider its role in Russia.

Conclusion. The Czech-Slovak corps not only initiated the “sharp” stage of the Civil War in Russia, but also became a catalyst for a number of processes both in Russia and in the world that led to further escalation of the conflict.

Keywords: Czech-Slovak corps, mutiny of the Czech-Slovak corps, World War I, Civil War in Russia, foreign intervention, Entente, R. Gajda, S. Čech, V. Wojciechowski, T.G. Masaryk, L. Trotsky, KOMUCH, intervention

For citation: Mironov, V.V., & Salnikov, P.E. (2023). Czech-Slovak corps in the summer of 1918. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 3, pp. 689-702. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-689-702>

АКТУАЛЬНОСТЬ

25 мая 1918 г. вспыхнул мятеж Чешско-Словацкого корпуса, который был создан осенью 1917 г. и к этому времени растянулся на всем протяжении Транссибирской магистрали от Пензы до Владивостока. Пользуясь численным преимуществом, фактором внезапности, а также благодаря лучшей подготовке, солдаты корпуса в короткий срок захватили все крупные города на магистрали. Выступление корпуса послужило внешней силой для свержения советской власти в Поволжье, Сибири, Урале и на Дальнем Востоке. Вступая в контакт с местными подпольными ячейками, силы корпуса внесли свой вклад в создание центров борьбы против советской власти – Комитета учредительного собрания (КОМУЧ) в Самаре и Временного сибирского правительства в Омске. Развивая успех и координируя свои действия с союзниками, корпус в середине лета сумел установить контроль над всей Транссибирской магистралью. Данные успехи привлекли внимание Антанты, которая, исходя из этого, стала использовать Чешско-Словацкий корпус как авангард союзнических сил в России, сделав его не по своей воле участником иностранной интервенции в России.

Публикация новых документов как из российских, так и чешских архивов позволяет ответить на некоторые вопросы, связанные с участием Чешско-Словацкого корпуса в Гражданской войне в России. В современной историографии ряд работ посвящен истории Чешско-Словацкого корпуса в отдельных регионах России [1–5], взаимодействию с местными антибольшевистскими силами [4; 6]. Также исследуется причина мятежа корпуса 25 мая 1918 г. и предшествующие события в городе Мариинске [7; 8]. Ряд работ затрагивает проблему интервенции и участия Чешско-Словацкого корпуса в ней [9; 10]. Уделено внимание в историографии темы и отражению событий, связанных с участием Чешско-Словацкого корпуса в Гражданской войне в России, в периодической печати тех лет [11].

М.А. Васильченко в своих работах затрагивает деятельность Чешско-Словацкого корпуса в Поволжье [1] от начала мятежа до ухода с данной территории сил корпуса. Ученый приходит к выводу, что действия Чешско-Словацкого корпуса способствовали активизации местных антибольшевистских сил и созданию временного союза между ними и чехословаками, поскольку основной задачей для корпуса оставалось обеспечить путь во Владивосток, и он был мало заинтересован в русских делах. В работе [2], посвященной боям за Казань, ученые приходят к заключению, что участие в них не отвечало интересам Чешско-Словацкого корпуса и, наоборот, нанесло не только материальный, но и психологический вред legionерам. В другой работе [3], посвященной взаимодействию с большевиками, ученые приходят к выводу, что до 25 мая конфликты, которые возникали между корпусом и местными Советами, были успешно урегулированы с помощью переговоров.

В своей двухтомной работе Г.К. Гинс дает характеристику антибольшевистским силам в Сибири [6]. Ученый отмечает, что позиции большевиков в данном регионе были особенно неустойчивы, что и обусловило появление здесь сильного антисоветского подполья, которое в лице эсеров вступило в контакт с силами Чешско-Словацкого корпуса.

Важным исследованием является совместная работа А.Н. Ермолаева и И.Ю. Ускова, посвященная событиям в городе Мариинске [7]. Исследователи, проведя анализ местных газет и документов, пришли к выводу, что бытовой конфликт между двумя отрядами Красной гвардии, переросший в грабеж местного населения, вынудил местные силы корпуса вмешаться. Это, в свою очередь, было расценено Советами в Омске как открытое выступление против законной власти, и в ответ на их телеграмму был послан ответ Л. Троцкого о разоружении Чешско-Словацкого корпуса, что и послужило поводом для начала мятежа.

Деятельности Чешско-Словацкого корпуса в Зауралье посвящена работа А.Е. Ко-

корина [5]. Ученый рассматривает положение корпуса в Курганском уезде, где эсерами предпринимались попытки возродить дореволюционные органы местного самоуправления. Ученый приходит к выводу, что кратковременность существования новых властей была вызвана тем, что Чешско-Словацкий корпус отступил из данного региона в августе 1918 г. из-за наступления Красной армии.

В работе Н.А. Копылова рассматривается положение Чешско-Словацкого корпуса от участия в Первой мировой войне до подписания Версальского договора 28 июня 1919 г. [8]. Ученый отмечает, что не только союзники видели в корпусе удобную силу для достижения своих целей в России. Лидеры чешского национально-освободительного движения также были заинтересованы в том, чтобы корпус оставался в России как можно дольше, используя его положение при торге с союзниками о будущих границах Чехословакии в послевоенной Европе. Именно чешские политики, по мнению ученого, достигли всех своих целей.

Особый интерес представляет работа А.Г. Рыбкова и Э.С. Маруцкого, где на основе изучения периодической печати того времени был воссоздан образ Чешско-Словацкого корпуса [11]. В частности, прослежено освещение в прессе боев за Самару. Ученые установили, что освещение тех и иных событий в периодической печати и в публицистике зависело от политических убеждений авторов.

Также нами использовались материалы из сборника документов, посвященного Чешско-Словацкому корпусу в России 1918–1920 гг., где представлены документы из российских и чешских архивов, часть из которых ранее не публиковались.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе над статьей использовался историко-системный метод, который позволил выявить роль Чешско-Словацкого корпуса в эскалации Гражданской войны в России с учетом «чехо-словацкого фактора» в между-

народных отношениях того времени. При изучении свержения советской власти Чешско-Словацким корпусом мы использовали проблемно-хронологический и ретроспективный методы исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Борьба против советской власти. 25 мая 1918 г. произошел мятеж Чешско-Словацкого корпуса. Установлено, что одними из основных факторов мятежа являлись отсутствие централизованной власти, а также сложности, возникшие при взаимодействии легионеров с местными Советами и попытки разоружения корпуса. Важное место в причинах мятежа занимают события в городе Мариинске 25 мая. Накануне в этом городе произошли столкновения между местной Красной гвардией и следовавшими на борьбу против атамана Г.М. Семенова красногвардейцами, именуемыми «партизанами», что привело к началу беспорядков и грабежу местного населения. Видя опасность беспорядков для продвижения во Владивосток, отряд Чешско-Словацкого корпуса решил вмешаться и разоружить партизан [7, с. 136]. Советы в Омске расценили это как открытое выступление против советской власти и отправили телеграмму в Москву, после чего последовала мгновенная ответная телеграмма от Л.Д. Троцкого, которая предписывала разоружить Чешско-Словацкий корпус. Телеграмма была перехвачена легионерами, и, следуя ранее разосланным инструкциям, Чешско-Словацкий корпус поднял восстание. Используя численный перевес, лучшую организацию, выучку легионеры в короткий промежуток времени захватили все станции от Челябинска до Омска. 26 мая был захвачен Новониколаевск (совр. Новосибирск). «Солдаты горели нетерпением, но внешне были совершенно спокойны. Вечером, как всегда, у водокачки играл полковой оркестр, на концерт которого собрались жители всего города и много красногвардейцев. Когда стемнело, то многие солдаты, по заранее отданному приказу, разошлись по городу. В 11

часов оркестр ушел. Наступила мертвая тишина. Около часа ночи над вокзалом высоко взлетела сигнальная ракета. Это был условный сигнал к началу сражения... Город был взят через 40 мин. Мы потеряли 2-х убитыми и 3-х ранеными...» [10, с. 40].

27 мая началось наступление Р. Гайды на Иркутск. В тот же день был захвачен Челябинск. Несмотря на непрекращавшиеся бои, легионеры и большевики несколько раз пытались договориться о мире; было подписано кратковременное перемирие, которое продержалось недолго. Причиной срыва переговорного процесса стала невозможность найти компромисс по основным вопросам. Главное требование, выдвигавшееся со стороны корпуса, – беспрепятственное движение во Владивосток, без попыток их расформирования – полностью противоречило позиции большевиков, которые добивались полного разоружения легионеров. Переговоры о прекращении военных действий были приостановлены по приказу Л.Д. Троцкого, который потребовал следующее: «...приказываю главнокомандующим всех трех фронтов действовать со всей энергией, дабы в кратчайший срок ликвидировать постыдную авантюру». 11 июня в своем обращении временный командующий 2-й Чехословацкой стрелковой дивизией капитан Р. Гайда к командирам чехословацких частей отказался от дальнейших попыток мирного урегулирования. «Какие-либо переговоры с большевиками или заключение с ними мира исключены, и между ними и нами – бой не на жизнь, а на смерть, и мы должны любой ценой уничтожить большевиков». Кроме того, направление делегаций для переговоров использовалось обеими сторонами для разведки территории противника.

После отказа от мирного урегулирования конфликта обе стороны окончательно настроились на борьбу, целью которой являлось полное уничтожение своего противника. Чешско-Словацкий корпус выпустил воззвание, где говорилось о борьбе против большевиков, за освобождение территории Сибири от советской власти, которая, по мнению,

легионеров, была полностью подконтрольна Германии и Австро-Венгрии.

К 10 июня были захвачены Пенза, Полтаво, Сызрань, Томск, Курган, Самара. При взятии Пензы легионерам С. Чечека противостояли «красные» чехи из 1-го советского чехословацкого полка, который потерял в этих боях 128 чехов и словаков [4, с. 130]. Важным этапом стал захват Самары 8 июня 1918 г. Правые эсеры, которые находились здесь и помогали корпусу, создали КОМУЧ. О захвате города отложились сообщения советской печати, обвинявшие легионеров в жестоком обращении с пленными и гражданским населением. Так, в газете «Известия Саратовского губернского Совета депутатов» была помещена заметка «Кровавые дни Самары» о событиях, последовавших после свержения власти Советов: «Пытки и убийства красноармейцев, происходили убийства женщин и стариков. Особую жестокость легионеры проявляли по отношению к интернационалистам, особенно чехам» [11, с. 152].

Совершенно другую картину описывал представитель противоположного политического лагеря, несогласный с политикой большевиков. В заметке, напечатанной в газете «Волжский день», указывалось на радужный прием жителями города вступивших в него легионеров: «Жители Самары, которые не согласны с большевиками и терпели притеснения с их стороны, встречали солдат корпуса как освободителей, ждали их с нетерпением» [11, с. 152]. О фактах расправы с большевиками, в том числе и самосуда, ареста тех, кто их поддерживал, в заметке ничего не упоминалось. Вместе с тем военрук А.Г. Пахомов в своей телеграмме отмечал, что местное население относилось к чехам доброжелательно. Чехи к реквизициям у местного населения не приступали. Сестра милосердия Е. Рудова, проведя в плену у чехов 9 дней, на допросе заявила: «Рабочие относятся к чехо-словакам очень дружелюбно, так как чехо-словаки ко всем обывателям относятся хорошо. Грабежей со стороны чехо-словаков не наблюдается. Самосуды в

бою под Самарой чехо-слов[аки] производили, теперь о таких не слышно». В то же время деревенское население относилось к большевикам враждебно, обворовывая убитых и информируя чехов обо всех их передвижениях.

7 июня 1918 г. Чешско-Словацкий корпус, действуя сообща с войсками атамана И.Н. Красильникова, овладели Омском. Затем под ударами корпуса будут взяты Петропавловск, Нижнеудинск, Канск. 12 июня был захвачен Екатеринбург, 17 июня – Барнаул, 21 июня пал Симбирск. 29 июня начались бои за Владивосток, а 5 июля пала Уфа. 26 июня после трехдневного штурма, предпринятого солдатами корпуса и местными антиреволюционными силами, был взят г. Бузулук. После этого было опубликовано воззвание к населению города, в котором разъяснялись история появления чехословаков в России и причины, толкнувшие их на мятеж, – а именно, сотрудничество большевиков с Германией. Завершалось воззвание подчеркиванием освободительной миссии Чешско-Словацкого корпуса, где солдаты с оружием в руках добывают себе и русскому народу свободу. Окончанием их борьбы должно было стать возрождение России во главе с высшим органом – Учредительным собранием.

8 июля группа военнослужащих корпуса под командованием С. Чечека, которая до этого участвовала в боях за Пензу, встретилась с группой С.Н. Войцеховского на станции Миньяр. 9 июня группа Я. Сырова соединилась с пришедшими из Новониколаевска и Мариинска группами Гайды и Кадлеца [12, с. 93]. Таким образом, к середине месяца Чешско-Словацкий корпус контролировал всю железную дорогу от Волги до Байкала. 14 июля Р. Гайда в телеграмме Т.Г. Масарику сообщал: «Сегодня дороги от Пензы до Байкала в наших руках. У нас 300 убитых и 1200 раненых. Избыток оружия. Настроение отличное. Сибирь очищена».

С момента начала мятежа С. Чечек и С.Н. Войцеховский продолжали видеть в свержении советской власти способ прокладки пути во Владивосток. Так, С. Чечек в

беседе с американским консулом в Самаре Дж. Вильямсом заявил о желании попасть во Владивосток как можно скорее. Он также отметил, что их движение полностью управляется союзниками. Кроме того, он в своих воспоминаниях упоминал момент, когда к нему явился делегат от организации, которая будет содействовать и помогать корпусу в борьбе с большевиками. На основе этого можно сделать вывод, что первоначально Чешско-Словацкий корпус не ставил своей целью захват всего Поволжского региона, а наоборот, стремился к выходу из данной территории [1, с. 85]. В то время как Р. Гайда и Э. Кадлец выступили за активную борьбу против большевиков.

Во Владивостоке к концу июля – началу августа складывалась критическая ситуация по словам М.К. Дитерихса. Используя численное превосходство, а также превосходство в артиллерии, большевики отбивали все атаки солдат корпуса. Командованием «красных» был разработан план по окончательному уничтожению чешских сил в городе. Исходя из этого, командование корпуса решило принять помощь от «белых» сил в лице есаула И.П. Калмыкова, но он не смог переломить ситуацию в пользу корпуса. В середине августа его отряд был разбит. Ситуация заставила Чехо-Словацкий национальный совет (ЧСНС) обратиться к Антанте для ускорения высадки союзных сил во Владивостоке. Просьба была принята, 9 августа прибыл британский отряд численностью 543 человека. Вместе с ним в распоряжении корпуса оказались тяжелые орудия, снятые с кораблей и установленные на платформы. Затем 13 августа прибыл французский отряд. Оба отряда не смогли переломить ситуацию в пользу корпуса. Она начала меняться только с прибытием частей 12-й японской дивизии, еще через несколько дней прибыли американские части. Используя эти силы, чехи вступили в бой, вернув часть позиций, утраченных ранее, после чего приступили к выполнению главной задачи – соединению с силами в Забайкалье.

В начале августа Чешско-Словацкий корпус вместе с Народной армией (НА) 7 августа взял Казань. Стоит отметить, что захват города не отвечал интересам корпуса. Против него выступал С. Чечек, считая целесообразным захват Саратова вместо Казани. Он аргументировал это недостатком войск и плохим снабжением. Два представителя Антанты (майор Гинэ и капитан Борда) сумели повлиять на мнение С. Чечека, и он изменил свою точку зрения. Его довод сводился к тому, что захват Казани позволит направиться на соединение с войсками, которые выступают из Вологды в Вятку. Войскам необходимо было после Казани соединиться с ними на пути в Вятку. Позже выяснилось, что это все была выдумкой капитана Борда [2, с. 133]. От С. Чечека войскам поступил приказ, где говорилось, что 1-й чешский полк остается на месте, так как захват в города не входит в планы чешского командования. На захват Казани был отправлен полк под командованием Й. Швеца, на самом деле – два батальона. Таким образом, взятие Казани произошло фактически вопреки мнению чешского командования [2, с. 133]. Следует отметить, что именно здесь, начиная с 1915 г., хранился золотовалютный запас России стоимостью 657 млн рублей. Эта сумма включала: «6517 ящиков русской монеты (499 млн рублей), 220 ящиков иностранной монеты (40,5 млн рублей), 391 ящик слитков (95 млн рублей) и 261 ящик дефектной монеты (15 млн рублей)» [2, с. 134]. Позже из-за тяжелой ситуации было принято решение перевести его в Самару 22 августа.

20 августа был захвачен Верхнеудинск (совр. Улан-Удэ). В этом же месяце, 28 августа, командиром корпуса в ходе кадровой перестановки стал Я. Сыровы. 31 августа была взята Чита и расположенная недалеко от нее станция Оловянная, где произошло соединение Восточной и Владивостокской группировок. Тем самым было установлено наземное сообщение между Владивостоком и Волжским регионом. В этот же день Р. Гайда объявил о начале мобилизации всех чехов и словаков, проживавших на территории, заня-

той корпусом и Временным Сибирским правительством.

Захват крупных городов и установление связи на протяжении всей Транссибирской магистрали стало последним крупным успехом Чешско-Словацкого корпуса. Используя неудачи Германии на Западном фронте, внутреннюю нестабильность, политический кризис в Австро-Венгрии, большевики, не опасаясь нового немецкого наступления, смогли направить на борьбу с корпусом больше ресурсов. Связанно это было также с тем, что большевиков стал больше беспокоить Чешско-Словацкий корпус, приобретая куда более серьезную угрозу, чем это было в начале лета. На это влияло несколько причин: действия корпуса, которые в конечном итоге могли отрезать Сибирь от европейской части России, а также вызвать голод, перекрыв поставки продовольствия. Сыграла свою роль и высадка англичан в Мурманске, которые в своих действиях ориентировались на Чешско-Словацкий корпус, поэтому по нему необходимо было нанести удар и по возможности «изолировать». Исходя из этого, большевики начали мобилизацию двух возрастов в Петрограде, а до этого в Москве, после чего отправили дополнительные силы и ресурсы на борьбу против корпуса.

Помимо этого со временем усугублялись проблемы внутри корпуса. Воюя на протяжении нескольких месяцев, солдаты корпуса стали уставать от частых боев, сказывались условия, в которых они оказались. Обещанная помощь от союзников не могла полностью удовлетворить все потребности корпуса в снаряжении. Кроме того, ухудшались отношения и с антибольшевистскими силами из-за их слабого участия в борьбе против большевиков. Первые, по мнению солдат, не оказывали нормальную материальную поддержку, вторые не смогли сформировать единое правительство и единую сильную армию. Особенно на усталость войск оказывала влияние экономическая ситуация. После того, как произошел мятеж, единая структура корпуса распалась на несколько частей, что привело к разрыву экономических связей

между ними. В результате разобщенные группы солдат были вынуждены искать фураж, боеприпасы и продовольствие самостоятельно. Из-за этого участились случаи грабежей, мародерства и спекуляций среди солдат корпуса, которые самовольно реквизировали имущество местного населения [1, с. 86], что оказывало негативное влияние на боевой дух солдат и ухудшало отношение местного населения к корпусу. Такая ситуация сложилась не только в Поволжье. 10 августа Т.Г. Масарик получил телеграмму, где характеризовались проблемы корпуса: «С каждым днем наше положение в Сибири становится все более критическим; численность наших войск уменьшается; <...> мы рискуем, что в течение этих двух месяцев мы, возможно, будем уничтожены в Сибири; мы рискуем подвергнуться разгрому, если нам не удастся соединиться с нашими западными дивизиями».

Таким образом, к концу месяца ситуация изменилась коренным образом. Большевикам удалось направить больше ресурсов и солдат на борьбу против Чешско-Словацкого корпуса, который начал испытывать трудности, связанные с затягиванием боевых действий. В итоге инициатива перешла к большевикам, что привело к оставлению корпусом ряда городов в Поволжье: 10 сентября – Казани, 12 сентября – Симбирска, 13 сентября – Вольска, 7 октября – Самары.

Отношения с Антибольшевистскими силами. До мятежа Чешско-Словацкого корпуса, начавшегося 25 мая 1918 г., произошел ряд мелких выступлений противников большевиков, которые были быстро подавлены. Это были первые попытки антибольшевистских сил оказать сопротивление установлению новой власти. К этим небольшим выступлениям относятся: восстание юнкеров в Петрограде, которое стало первым выступлением против новой власти, мятеж Керенского–Краснова с целью восстановления власти Временного правительства, вооруженная борьба в Москве с целью захвата власти большевиками, где им был организован отпор. Все эти попытки будут подавлены.

Важным событием был разгон Учредительного собрания в январе 1918 г., который стал одной из причин начала крупномасштабной Гражданской войны в России. После данных событий по всей стране стали создаваться антибольшевистские подполья, в основном под руководством эсеров: «Как подпольные деятели эсеры незаменимы» [6, с. 47-48] и примкнувших к ним бывшим офицеров. Их целью являлась агитация и ведение борьбы против советской власти на местах: «В мае 1918 г. все социалисты, не примыкавшие к большевикам, считались «социал-предателями», сочувствовавшими реакционерам в их замыслах свергнуть большевизм. Кого же могли они повести за собою против «народной власти»? Смертельные враги большевиков не скрывались; они были и среди крестьян, и среди рабочих» [6, с. 49]. В отдельных городах произошли нападения на склады с оружием и амуницией. Эти выступления носили стихийный характер. Между тем шла медленная подготовка почвы для выступления там, где влияние и власть большевиков была слабой – в Сибири. Так эсеры смогли сосредоточить в своих руках почти всю потребительскую кооперацию [6, с. 59], что помогло подготовить восстание против большевиков. В целом в Сибири к лету 1918 г. восстание против большевиков было маловероятным. Необходима была внешняя сила, которая могла бы свергнуть власть Советов. Такой силой стал Чешско-Словацкий корпус. Кроме того, корпус через продуктовую кооперацию смог наладить связи с антибольшевистским подпольем: «К тому времени, когда проявилось явно враждебное отношение Москвы к чехам, последние успели завязать тесные отношения с сибирской кооперацией, принявшей на себя снабжение эшелонов продовольствием и фуражом, а через потребительскую кооперацию, почти сплошь эсеровскую по составу, чехи связались с подпольными антибольшевистскими организациями. Выступление чехов произошло, таким образом, неожиданно и для них, и для всех врагов большевизма. Как думали тогда, это была счастливая звезда Си-

бири, и чехов встретили, как Богом посланных избавителей» [6, с. 59].

После начала мятежа и начала борьбы против большевиков в рядах корпуса были замечены «русские контрреволюционные группы» из бывших офицеров. «Установлена тесная связь с контрреволюцией – русские офицеры и белогвардейцы обнаружены в кадре сражающихся чехословаков».

После захвата Самары 8 июня 1918 г. правые эсеры, находившиеся до этого в подполье, стали сотрудничать с чехами и создали КОМУЧ. В этот же день была создана НА, в которую мобилизовали бывших офицеров и юнкеров, а после создания командных кадров началась мобилизация остального городского населения. Такая ситуация была и в других областях, освобожденных от большевиков. На этой территории создавались как в Поволжье, так и в Сибири местные органы. Кроме того, например, в Кургане была сделана попытка возродить дореволюционные органы, такие как городская дума, уездное самоуправление [5, с. 120]. Активную деятельность в формировании НА развернул Чешско-Словацкий корпус, поскольку на территории, контролируемой эсерами, порядок обеспечивался его солдатами, а эсеры не обладали военным опытом формирования частей. Кроме того, корпус был предан демократическим идеям, которые были близки эсерам. Они видели в Чешско-Словацком корпусе идеал, к которому стремились. Под созданием армии подразумевалось формирование единой системы антибольшевистских сил, в которые входили НА, Чешско-Словацкий корпус и оренбургские казаки. Командиром НА по приказу КОМУЧа стал командир первой стрелковой дивизии С. Чечек. Помимо НА, ему подчинялись Оренбургские и Уральские казаки. Выбор командира Чешско-Словацкой дивизии был обусловлен еще тем, что не было авторитетного военного, как например, на юге страны, где были такие военачальники, как Л.Г. Корнилов, М.В. Алексеев [3, с. 27]. Помимо военного взаимодействия активно развивалось и экономическое:

Чехословацкий национальный совет (ЧНС) отвечал за хозяйственное состояние корпуса и направлял запросы о необходимых объемах фуража и снаряжения, необходимого корпусу.

В Омске, захваченном 7 июня, 28 июня был создан другой центр антибольшевистской борьбы – Временное сибирское правительство, председателем которого стал П.В. Володарский. По приказу Временного Сибирского правительства в Новониколаевке (совр. Новосибирск) была создана Сибирская армия, которая подчинялась командиру Чешско-Словацкого корпуса В.Н. Шокорову. Но по мере роста численности армии и ее укрепления отношения между В.Н. Шокоровым и генерал-майором А.Н. Гришиным-Алмазовым стали портиться из-за подчинения Сибирской армии Чешско-Словацкому корпусу. В то же время Сибирское правительство взяло на себя обязательства по содержанию чешско-словацких частей, а также ссуду на погашение прошлых задолженностей. Кроме того, несмотря на сотрудничество, Временное Сибирское правительство старалось не допускать слишком активного вмешательства корпуса и союзников в свои дела.

На территории, освобожденной от советской власти, свирепствовал «белый террор». После захвата г. Челябинск солдаты корпуса начали арестовывать тех, кто, по их мнению, был сторонником большевиков. Так, городская тюрьма, рассчитанная на 1000 мест, была переполнена. Большевиков, занимавших высокие посты, расстреливали на месте, без суда и следствия. Так, расправились с чиновниками Колющенковым, Могильниковым, Тряскиным [12, с. 94]. Таким же образом легионеры действовали и в других захваченных городах. Например, в г. Троицк сразу же после занятия города солдаты корпуса стали устраивать расправу над местными коммунистами, красноармейцами и теми, кто им сочувствовал. Все это происходило при активной помощи местных представителей интеллигенции и торговцев. Они ходили по городу и указывали на советских работников, после чего тех расстреливали на месте. Оче-

видец событий С. Моравский в тот день насчитал около 50 трупов [12, с. 94]. По данным другого очевидца, к концу дня было убито около 1000 человек [12, с. 94]. Все это сказывалось на отношении к корпусу местного населения. Первоначально оно было положительным, многие слои населения приветствовали приход Чешско-Словацкого корпуса. Среди них были не только буржуазия, бывшие чиновники, но и рабочие и крестьяне. Со временем под воздействием репрессий, тяжелой экономической ситуации на данной территории, в частности, роста цен на продукты, а также мобилизации, которая не пользовалась поддержкой местного населения, оно резко изменилось.

В целом Чешско-Словацкий корпус, помогая антибольшевистским силам в Поволжье и Сибири, преследовал свои цели, главной из которых была скорейшая эвакуация из России во Францию. Точки зрения, что корпус до конца года должен быть эвакуирован, придерживалась и часть антибольшевистских сил, в частности адмирал А.В. Колчак, несмотря на то, что их власть и контроль над территорией поддерживались с помощью штыков Чешско-Словацкого корпуса, он стал внешней силой, способной очистить территорию от власти большевиков, где были созданы антибольшевистские органы власти, направленные на борьбу против Советов. В то же время корпус продолжал следовать своим целям, не поддерживая и не разделяя интересы ни одной из сторон [3, с. 29]. Его позиция изменилась после того, как союзники окончательно приняли решение о начале интервенции в Россию, в которой корпус был призван играть ведущую роль. Именно это решение стало главной причиной того, что корпус остался в России и стал теснее сотрудничать с антибольшевистскими силами для в интересах союзников.

Участие в иностранной интервенции. Союзные державы, которые вели войну уже 4-й год, восприняли подписание Брест-Литовского мирного договора крайне негативно. В первую очередь из-за того, что теперь Германия могла высвободить свои

большие силы на Востоке и направить их на Запад. И поэтому они всячески хотели ускорить отъезд Чехословацкого корпуса из России. Поскольку Франция к тому времени испытывала сильный людской голод, прибытие свежих сил могло облегчить эту ситуацию, что, конечно, не хотели допустить германские политики. Еще одним фатальным фактором в выступлении корпуса стали события в мае 1918 г. на Западном фронте. Германия провела спешное «Весеннее наступление», которое достигло определенных успехов, но в итоге привело к истощению сил германской армии. В этот момент союзники расстались с мечтами о восстановлении Восточного фронта, а также утратили надежду на Чешско-Словацкий корпус. По мнению союзников, Германия оказывала слишком большое влияние на правительство большевиков [6, с. 48]. Единственный выход они видели в поиске и поддержке сил, способных их свергнуть. Для этого идеальным кандидатом был как раз Чешско-Словацкий корпус. Для этой цели британская и французская военные миссии передали корпусу через ЧСНС около 15 млн рублей [8, с. 48].

Декретом президента Франции Р. Пуанкаре от 25 января 1918 г. Чешско-Словацкий корпус переходил в подчинение французских вооруженных сил. Таким образом, на момент мятежа 25 мая корпус был иностранным вооруженным формированием на территории России, которое подчинялось французскому генеральному штабу. К этому времени некоторые страны Антанты начали интервенцию в России, преследуя свои цели. Так, в январе 1918 г. был произведен захват Румынией Бессарабии [9, с. 901]. А в марте в Мурманске, а затем в Архангельске высадились десанты англичан, американцев, итальянцев, канадцев и сербов.

Важную роль в начавшейся интервенции должен был играть Чешско-Словацкий корпус. Спустя три дня после начала мятежа 28 мая на встрече в Лондоне обсуждалось, в частности, использование сил Чешско-Словацкого корпуса в интервенции. Активным сторонником этого была Англия в лице лор-

да Р. Сесила, министра блокады. Он предлагал не эвакуировать корпус из Владивостока, а оставить его в Сибири: «чтобы стать ядром межсоюзнического корпуса». С данной позицией была не согласна Франция, которая все еще желала видеть корпус на Западном фронте. Э. Бенеш и Т.Г. Масарик, присутствующие на этой встрече, были против того, чтобы оставить корпус в Сибири, поскольку придерживались политики невмешательства в русские дела. На этой встрече, в целом, обсуждалась возможность участия Чешско-Словацкого корпуса в интервенции в Сибири и его возможности в этом деле. Было решено эвакуировать часть корпуса, а другую часть отправить на север, чтобы укрепить позиции союзников.

4 июня нарком иностранных дел Г.В. Чичерин получил заявление от представителей стран Антанты о том, что Чешско-Словацкий корпус является союзником. Любые акты агрессии против него будут считаться недружественными и продиктованными Германией. Спустя два дня отделение ЧСНС в России получило распоряжение, переданное через консула в Самаре. В нем указывалось, что солдаты корпуса должны остаться на своих местах и не должны действовать без указаний союзников, обеспечивая постоянную связь на всей Транссибирской линии. Отмечалось, что настоящая цель – восстановление Восточного фронта, эвакуация на Западный фронт отменена.

Французы изменили свою позицию по ряду причин. Первая – невозможность эвакуировать корпус из Владивостока. Вторая – в Париже были впечатлены военными успехами корпуса на захвату Транссибирской магистрали. «Цель группы [С. Чечека] – по возможности быстрое продвижение на восток для соединения с частями чехословацкого корпуса в Сибири» [1, с. 84] – была выполнена. Предлагалось использовать силы корпуса в качестве авангарда сил союзников (Японии, Италии, Англии, Франции). Все это было необходимо для прикрытия высадки японских войск во Владивостоке, которые должны были стать основной си-

лой интервенции на Востоке. 6 июля во Владивостоке высадились американские и японские части (700 американцев и 7000 японцев), укрепив тыл Чешско-Словацкого корпуса.

24 августа командующим войсками Антанты в России и главнокомандующего чехословацкой армии стал генерал М. Жанен. Одной из его задач было действовать так, чтобы чехословацкая армия использовалась как можно лучше в смысле интересов союзников.

На волне успехов Чешско-Словацкого корпуса и его участия в интервенции французское правительство летом 1918 г. признало парижский ЧСНС основой будущего Чехословацкого правительства, к этому решению присоединились позже Великобритания и США. В связи с этим народ Чехословакии был признан союзником, а легионеры – союзной армией.

ВЫВОДЫ

Таким образом, мятеж Чешско-Словацкого корпуса 25 мая 1918 г. и последующие за ним бои против советской власти окончательно способствовали активизации полномасштабной Гражданской войны в России – ее переходу от малых стычек, имевших место ранее, к полноценному противостоянию. Быстрый захват городов и освобождение территории от советской власти позволил местным антибольшевистским силам при помощи чехов создать центры борьбы против большевиков – КОМУЧ в Самаре и Временное Сибирское правительство в Омске. Жизнеспособность обоих центров полностью зависела от чешских штыков. Народная армия КОМУЧа формировалась с помощью Чешско-Словацкого корпуса; ее командиром стал С. Чечек. В Сибирской армии также заметную роль играли чехи. В то же время успехи корпуса заинтересовали союзников, они видели в нем фактор, способный стать авангардом союзнических сил в России. Чешские политики первоначально сопротивлялись данной идее, но после того, как они осознали,

что участие корпуса в интервенции в России могло помочь им в торге за границы будущей Чехословакии, они дали свое согласие.

Таким образом, корпус, преследуя свои цели, а именно, пробиться во Владивосток, оказался втянут не только во внутрirosсийский конфликт, но и в интервенцию союзников. К концу лета корпус контролировал всю Транссибирскую магистраль. К осени боевые возможности корпуса сократились, это было связано с непрекращающимися боями, тяжелой материальной ситуацией, отношением с

русскими силами, непониманием целей пребывания в России. В то же время большевики стали активно бороться против корпуса, к концу августа они перешли в наступление. В сентябре Чешско-Словацкий корпус оставил Казань, Сызрань, Самару. Окончательно солдаты корпуса утратили желание воевать и оставаться в России после завершения Первой мировой войны и провозглашения 28 октября 1918 г. независимости Чехословакии. К концу года корпус был отведен в тыл для охраны Транссибирской магистрали.

Список источников

1. Васильченко М.А. Чехословацкий корпус в Поволжье в 1918 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. № 3. С. 83-87. <https://elibrary.ru/rocybl>
2. Васильченко М.А., Захаров А.М. «Чужой город»: доктор Франтишек Лангер и бои за Казань в августе-сентябре 1918 г. // Genesis: исторические исследования. 2021. № 4. С. 131-137. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2021.4.35379>, <https://elibrary.ru/fhovnr>
3. Васильченко М.А., Панин Е.В. Чехословацкий корпус и антибольшевистские силы Поволжья: ключевые аспекты взаимодействия // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 7. С. 26-29. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.7.4>, <https://elibrary.ru/lndqsw>
4. Дулатов Б.К. Отношение представителей чешского легиона с противоборствующими политическими силами в Поволжье: от переговоров к войне // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 2. С. 127-139. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.2.10>, <https://elibrary.ru/xmjtbr>
5. Кокорин А.Е. Деятельность чехословацкого легиона в Зауралье 1918–1920 гг. // 16 Зыряновские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. В.В. Менщикова, Н.И. Наumenko, Д.Н. Маслюженко и др. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2018. С. 118-120. <https://elibrary.ru/yqyydz>
6. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства): в 2 т. Пекин: Типо-лит. Рус. духов. миссии, 1921. Т. 1. 325 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008489460>
7. Ермолаев А.Н., Усков И.Ю. Начало гражданской войны в России: события в городе Мариинске 25 мая 1918 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 4. С. 128-139. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.12>, <https://elibrary.ru/dlksbk>
8. Копылов Н.А. Чехословацкий корпус в Первой мировой войне и революции: от нейтралитета к противостоянию // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2019. № 3 (64). С. 39-53. <https://elibrary.ru/qymilo>
9. Мельситов В.В., Сергиенко Н.Л., Чернышева С.А. О некоторых спорных аспектах гражданской войны и интервенции в России // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 124. С. 897-909. <https://doi.org/10.21515/1990-4665-124-060>, <https://elibrary.ru/xqzomt>
10. Соколов Б. Чехословацкий легион: освободители или агрессоры? К вопросу о характере участия Чехословацкого легиона в иностранном военном вторжении (интервенции) 1918–1920 годов // Свободная мысль. 2018. № 1 (1667). С. 37-52. <https://elibrary.ru/yschss>
11. Рыбков А.Г., Маруцкий Э.С. Чехословацкий корпус периода гражданской войны в периодической печати и мемуарной публицистике (на материалах Поволжья) // Исторические, философские, поли-

- тические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7-1 (57). С. 151-153. <https://elibrary.ru/tsxqif>
12. Салдугеев Д.В. Чехословацкий легион в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. № 2 (18). С. 88-98. <https://elibrary.ru/nxxelp>

References

1. Vasilchenko M.A. (2013). Czechoslovak corps in the Volga region in 1918. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya = Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, vol. 13, no. 3, pp. 83-87. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rocybl>
2. Vasilchenko M.A., Zakharov A.M. (2021). "A Foreign City": Dr. František Langer and the battles for Kazan in August – September 1918. *Genesis: istoricheskie issledovaniya = Genesis: Historical Research*, no. 4, pp. 131-137. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2021.4.35379>, <https://elibrary.ru/fhovnr>
3. Vasilchenko M.A., Panin E.V. (2020). The Czechoslovak corps and anti-Bolshevik forces of the Volga region: key aspects of interaction. *Manuskript = Manuscript*, vol. 13, no. 7, pp. 26-29. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/manuskript.2020.7.4>, <https://elibrary.ru/lndqsw>
4. Dulatov B.K. (2018). Relations between the czech legion's representatives and the opposing political forces in the volga region: from negotiations to war. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya = Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, vol. 23, no. 2, pp. 127-139. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.2.10>, <https://elibrary.ru/xmjtr>
5. Kokorin A.E. (2018). Deyatel'nost' chekhoslovatskogo legiona v Zaural'e 1918–1920 gg. [Activity of the Czechoslovak Legion in the Trans-Urals 1918–1920]. In: Menshchikov V.V., Naumenko N.I., Maslyuzhenko D.N. et al. (eds.). *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «16 Zyrjanovskie chteniya»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference "The 16th Zyrjanov Readings"]. Kurgan: Kurgan State University Publ., pp. 118-120. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yqyydz>
6. Gins G.K. (1921). *Sibir', soyuzniki i Kolchak. Povоротnyi moment russkoi istorii. 1918–1920 gg. (Vpechatleniya i mysli chlena Omskogo pravitel'stva): v 2 t.* [Siberia, the Allies and Kolchak. A Turning Point in Russian History. 1918–1920 (Impressions and Thoughts of a Member of the Omsk Government): in 2 vols.]. Pekin, Typo-lithography of the Russian Ecclesiastical Mission Publ., vol. 1, 325 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008489460>
7. Ermolaev A.N., Uskov I.Yu. (2022). The beginning of the Russian Civil War: events in the city of Mariinsk on May 25, 1918. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya = Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, vol. 27, no. 4, pp. 128-139. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.12>, <https://elibrary.ru/dlksbk>
8. Kopylov N.A. (2019). The Czechoslovak corps in World War I and the Russian revolution: from neutrality to confrontation. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina = Bulletin of Ryazan State University Named for S.A. Yessenin*, no. 3 (64), pp. 39-53. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qymilo>
9. Melsitov V.V., Sergienko N.L., Chernysheva S.A. (2016). About some controversial aspects of Civil War and intervention in Russia. *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University*, no. 124, pp. 897-909. (In Russ.) <https://doi.org/10.21515/1990-4665-124-060>, <https://elibrary.ru/xqzomt>
10. Sokolov B. (2018). Czechoslovak legion: liberators or aggressors? The question of the nature of the participation of the Czechoslovak legion in a foreign military invasion (intervention) 1918–1920. *Svobodnaya mysl' = Free Thought*, no. 1 (1667), pp. 37-52. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yschss>
11. Rybkov A.G., Marutskii E.S. (2015). The Czechoslovak corps of the period of the Civil War in periodicals and autobiographical political essays (by the materials of the Volga region). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, no. 7-1 (57), pp. 151-153. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tsxqif>

12. Saldugeev D.V. (2005). Chekhoslovatskii legion v Rossii. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 2 (18), pp. 88-98. (In Russ.)
<https://elibrary.ru/nxxelp>

Информация об авторах

Миронов Владимир Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация.

<https://doi.org/0000-0002-7974-0022>
mironov.vladimir@hotmail.com

Сальников Павел Эдуардович, научный сотрудник лаборатории социальной истории, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация.

<https://doi.org/0000-0002-9887-8828>
legat392@gmail.com

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 10.03.2023
Поступила после рецензирования 05.05.2023
Принята к публикации 19.05.2023

Information about the authors

Vladimir V. Mironov, Dr. habil. (History), Associate Professor, Professor of History and Philosophy Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation.

<https://doi.org/0000-0002-7974-0022>
mironov.vladimir@hotmail.com

Pavel E. Salnikov, Research Scholar of Laboratory of Social History, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation.

<https://doi.org/0000-0002-9887-8828>
legat392@gmail.com

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

Received 10.03.2023
Approved 05.05.2023
Revised 19.05.2023

Научная статья
УДК 93/94

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-703-715>

Особенности формирования и реализации регионального бюджета в условиях советской модернизации конца 1920-х – 1930-х гг. на примере Нижнего Поволжья

Елена Александровна ЕФИМОВА *, Александр Викторович ЗАХАРОВ
ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А.»
410054, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Политехническая, 77

*Адрес для переписки: helenn79@mail.ru

Актуальность. Рассмотрен региональный аспект в развитии вопросов теории и практики финансов в начальный период советской индустриализации. В этот период промышленность и сельское хозяйство совершили огромный качественный и количественный скачок. Несмотря на давность, положительные сдвиги в экономике продолжают вызывать огромный интерес у широкого круга исследователей, в том числе историков.

Методы исследования. Принципы историзма и объективизма позволили проанализировать основные аспекты государственной финансовой политики и методы, которыми пользовалась региональная власть для достижения высоких результатов по исполнению бюджета.

Результаты исследования. В годы первой пятилетки финансовая система СССР подверглась существенной реорганизации, что было вызвано необходимостью мобилизации всех денежных ресурсов на нужды форсированной индустриализации. На основе широкого спектра источников удалось выявить, что в этот период были найдены новые формы и методы пополнения государственного бюджета, способы перераспределения ресурсов в пользу тяжелой промышленности и опробованы механизмы взаимодействия центральных и региональных финансовых органов.

Выводы. Процесс советской индустриализации напрямую зависел от источников финансирования. В этой связи была проведена существенная трансформация всей финансовой системы СССР. Кроме того, налоговые инструменты позволили разрешить противоречия эпохи и полностью перейти к социалистической модели экономики. Государственная собственность стала преобладающей.

Ключевые слова: индустриализация, советская модернизация, бюджет, налоговая система, финансовая политика, Нижневолжский край, пятилетний план

Для цитирования: Ефимова Е.А., Захаров А.В. Особенности формирования и реализации регионального бюджета в условиях советской модернизации конца 1920-х – 1930-х гг. на примере Нижнего Поволжья // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3. С. 703-715. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-703-715>

Original article
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-703-715>

Development and implementation features of the regional budget in Soviet modernization conditions of the late 1920s – 1930s on the Lower Volga region example

Elena A. EFIMOVA ^{*}, Alexander V. ZAKHAROV
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
77 Politekhnikeskaya St., Saratov, 410054, Russian Federation
^{*}Corresponding author: helenn79@mail.ru

Importance. The regional aspect in the development of the finance theory and practice in the Soviet industrialization initial period is considered. During this period, industry and agriculture made a huge qualitative and quantitative leap. Despite the prescription, positive developments in the economy continue to arouse great interest among a wide range of researchers, including historians.

Research methods. The principles of historicism and objectivism made it possible to analyze the main aspects of state financial policy and the methods used by the regional authorities to achieve high results in budget execution.

Results and Discussion. During the first five-year plan, the financial system of the USSR underwent a significant reorganization, which was caused by the need to mobilize all monetary resources for the needs of forced industrialization. Based on a wide range of sources, it was revealed that during this period new forms and methods of replenishing the state budget, ways of redistributing resources in favor of heavy industry were found and mechanisms of interaction between central and regional financial authorities were tested.

Conclusion. The process of Soviet industrialization directly depended on the sources of financing. In this regard, a significant transformation of the entire financial system of the USSR was carried out. In addition, tax instruments made it possible to resolve the contradictions of the New Economic Policy and completely switch to the socialist economy model. State ownership has become predominant.

Keywords: industrialization, Soviet modernization, budget, tax system, financial policy, Lower Volga territory, five-year plan

For citation: Efimova, E.A., & Zakharov, A.V. (2023). Development and implementation features of the regional budget in Soviet modernization conditions of the late 1920s – 1930s on the Lower Volga region example. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 3, pp. 703-715. (In Russ., abstract in Eng.)
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-703-715>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Период советской модернизации представляет огромный интерес для широкого круга исследователей: историков, политологов, социологов и экономистов. С одной стороны, это объясняется тем, что в научном сообществе советский период по-прежнему оценивается неоднозначно, что требует более детального изучения. Кроме того, анализ и

учет социалистического опыта масштабных преобразований имеет существенное значение в современных условиях, когда в Российской Федерации идет поиск новой инновационной экономической модели, способной обеспечить не только рост внутренних потенциалов страны, но и ее конкурентоспособность на мировом рынке. Сегодня правительство и общественность страны обсуждают проекты так называемой «новой индуст-

риализации», направленной на повышение доходов государства и граждан, создание высокооплачиваемых рабочих мест, а также условий для качественного скачка в развитии науки и образования, повышения обороноспособности страны, что в конечном итоге позволит обеспечить социальную стабильность в обществе. Проведение исторических параллелей, несмотря на существенную разницу экономических укладов прошлого и настоящего нашей страны, позволит объективно оценить полученный опыт преобразований, выявить возможные риски масштабного обновления, разработать векторы развития российской экономики на ближайшую и долгосрочную перспективу.

Учитывая, что основой стабильности любой экономической модели является финансовая система, то очевидно, что именно грамотная финансовая политика во многом способствовала выполнению индустриальных планов в СССР в кратчайшие сроки. Проблеме развития советской финансовой системы уделено достаточно внимания в историографии [1–3], поэтому мы подробно остановимся на региональном аспекте и рассмотрим реализацию модернизационного сценария на примере Саратовского Поволжья. Выбор региона определяется тем, что, с одной стороны, реформы здесь проходили в общем контексте экономических преобразований. Но разнообразие социально-экономических и культурных условий, преобладание сельского населения вносили существенную специфику в реализацию финансовых планов государства. Помимо этого, Нижневолжский край представляет интерес в плане того, что именно здесь, благодаря в том числе грамотной финансовой политике, за короткий срок были достигнуты впечатляющие результаты – регион сделал колоссальный индустриальный скачок, превратившись из аграрного в индустриальный.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Использованы принципы историзма и объективизма для анализа основных аспек-

тов государственной финансовой политики. Исследованы методы региональных властей, которые использовались для достижения высоких результатов по исполнению бюджета.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Конец 1920-х гг. ознаменовал собой эпоху кардинальных перемен во всех сферах жизнедеятельности советного общества, и в первую очередь, в развитии народного хозяйства. Начиная с 1927 г., происходило свертывание элементов нэпа и разработка практических мероприятий по индустриализации и коллективизации. Внешнеполитическая обстановка и реальное состояние советской экономики требовали от правительства ускоренной модернизации. Как считает профессор В.А. Чолахян, форсирование индустриализации привело СССР в перманентное состояние мобилизации и штурмовщины, а также способствовало укреплению административно-командной системы управления экономикой. В ее основе лежала государственная собственность, планирование и централизация [3, с. 30].

Однако одним ускорением новую модель экономики построить невозможно, были необходимы средства, в том числе технологические, сырьевые, трудовые и финансовые. Финансовая программа первой пятилетки (1928/29 – 1932/33 гг.) требовала мобилизации ресурсов в объеме 91,6 млрд рублей. Предусматривалось, что главным финансовым источником станут накопления предприятий промышленности и обобществленного сельского хозяйства (70,9 млрд рублей), а также привлеченные средства населения (17,3 млрд рублей). Основную долю средств (более 60 %) предполагалось направить непосредственно на финансирование народного хозяйства, прежде всего, промышленности и сельского хозяйства. Кроме того, грандиозные, даже по современным оценкам, планы строительства и реконструкции крупной индустрии были невыполнимы без привлечения огромного количества рабочей силы в города, которую нужно было не только обеспе-

чить жильем и всей необходимой социальной инфраструктурой, но и сделать ее высококвалифицированной, способной к реализации столь масштабных задач. Поэтому значительная доля расходов была запланирована в сфере социально-культурного строительства (21,4 млрд рублей), из которых около половины всех средств должно было покрыть нужды системы образования¹.

Советская модернизация, составной частью которой стали индустриализация, коллективизация и «культурная революция», требовали огромных финансовых ресурсов, получить которые на первом этапе планировалось за счет изъятия оборотного капитала у торговых организаций и предприятий легкой промышленности. Инструментом для реализации поставленной цели стала налоговая система, включавшая в себя многочисленные налоги, платежи и сборы, значительная часть которых была дополнена уже в период свертывания нэпа. Так, к 1930 г. около 80 платежей взималось только с обобщественного сектора экономики. Доходная часть бюджета пополнялась за счет прямых налогов (промышленный, единый натуральный, денежный подворный, сельскохозяйственный, подоходно-поимущественный, на сверхприбыль, с наследств и дарений), всевозможных акцизов, пошлин, сборов (гербовый, патентный, на нужды культурно-бытового строительства).

Следует отметить, что налогообложение в СССР в этот период выполняло не только фискальные, но и политические функции. Так, классовый подход к взиманию налогов позволял выкачивать средства с помощью высоких ставок с так называемых «капиталистических элементов» (нэпманов и кулаков). К частному капиталу применялся более жесткий налоговый режим, чем к государственному сектору.

¹ Два года пятилетки. Материалы к отчету Нижневожского краевого исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за период от I до II Краевого съезда Советов. Саратов: Изд-во Нижневож. краевого исполн. комитета, 1931. С. 49.

На региональном уровне существенную роль в формировании бюджетов играли местные налоги и сборы, которые большевистское руководство разрешило взимать местными органами власти для покрытия собственных нужд еще в 1917 г. Но в годы первой пятилетки местные финансы также были лишены автономности.

В соответствии с обозначенными правительством высокими темпами развития экономики к перестройке всей работы финансовых органов приступил и Саратовский край. Осуществление первой пятилетки здесь началось в условиях укрупнения административно-территориальной единицы, что повлекло за собой реорганизацию органов местной законодательной и исполнительной власти, в том числе и финансовых структур. В июле 1928 г. Саратовская, Сталинградская, Астраханская, часть Самарской губернии, а также АССР немцев Поволжья и Калмыкия были объединены в одну «экономическую область» – Нижневожский край, с центром в Саратове. Край занимал 324 тыс. км², имел 5,5 млн человек населения, из которых почти 4/5 проживали в сельской местности.

Территориальные изменения вызвали трансформацию госучреждений, в том числе финансовых. Так, Саратовский губернский финансовый отдел был преобразован в Крайфинотдел, который располагался в Саратове, а с 1932 г. – в Сталинграде. Он функционировал в составе Нижне-Волжского Краевого исполнительного комитета и выполнял как непосредственные распоряжения и задания Народного комиссариата финансов (НКФ) РСФСР, так и Крайисполкома в пределах их компетенции. Заведующий Крайфинотдела нес персональную ответственность за деятельность самого отдела и всех подведомственных учреждений как перед НКФ РСФСР, так и перед Крайисполкомом. Первоначально эту должность занимал Р.М. Шнейдер, а затем был назначен Ф.В. Сулковский. Руководство финансами строилось по принципу увязки бюджетов с пятилетними планами. Основными финансовыми задачами Нижнего Поволжья стали

обеспечение роста вложений в тяжелую промышленность, проведение коллективизации сельского хозяйства, подготовка инженерно-технических специалистов, повышение качества жизни и культурно-образовательного уровня граждан².

Первый пятилетний план хозяйственного развития Нижневолжского края требовал огромных финансовых затрат, что ставило перед краевыми финансовыми органами задачу найти новые источники повышения доходов, а также возможности сокращения административно-управленческих расходов.

Одной из первых проблем, с которой столкнулись финансовые органы, стала оценка доходных и расходных статей, объединенных в единый бюджет ранее самостоятельных регионов. Сделать это с учетом того, что территориальные изменения произошли буквально накануне, оказалось очень сложно. По ориентировочным данным, все доходы по бюджетам края (без АССР немцев Поволжья) на этот год составляли 56199,7 тыс. рублей, из них на государственные пособия приходилось 53,8 % всех доходов. Местные доходы, таким образом, определялись в 25925 тыс. рублей с удельным весом в 46,2 %.

Расходы без отчислений в фонды регулирования по бюджетам края на 1927/28 гг. также ориентировочно были определены в 57072,7 тыс. рублей. Разница между расходами и доходами в 873 тыс. рублей частично покрывалась займами в сумме 518,8 тыс. рублей и включенной в остатки бюджетных средств стоимостью процентных бумаг в 175 тыс. рублей, после чего оставался не покрываемый никакими средствами дефицит в 179,2 тыс. рублей (по быв. Пугачевскому уезду Самарской губернии)³.

Предварительный анализ, проведенный местными финансистами, показал, что создание крупного экономического района, каким

являлся Нижневолжский край, должно было обеспечить прирост доходов и высвобождение части средств за счет сокращения административно-управленческих расходов, что предусматривалось, в первую очередь, направить на культурно-социальные мероприятия. При этом разнородный по национальности состав населения края обуславливал необходимость увеличения ассигнований на удовлетворение потребностей национальных меньшинств, прежде всего, обучение их грамоте.

По группе хозяйственно-производственных расходов совершенно очевидной была необходимость увеличения ассигнований на промышленность и сельское хозяйство, в том числе на его коллективизацию и финансирование сельскохозяйственной кооперации. Обязательным также было оказание помощи бедняцкому населению, борьба с безработицей, благоустройство промышленных центров и рабочих поселков. Состояние дорог требовало значительного роста расходов на дорожное строительство. Наряду со всем этим, в соответствии с директивами правительства, необходимо было увеличить зарплату работников минимум на 8 %.

Отображение в бюджете всех предъявленных требований было возможно лишь при условии значительного роста доходов. Ожидать этого не было оснований, но и составление дефицитных бюджетов было недопустимо. С учетом этих обстоятельств финансовым органам нужно было приложить немало усилий при построении краевого бюджета, чтобы, с одной стороны, обеспечить финансовыми средствами реализацию первоочередных проектов, соответствующих основным линиям модернизационной политики партийной власти, с другой – учесть местные потребности края, а с третьей – уложить расходы в возможные доходные источники. И это притом, что все округа, вопреки директиве Крайисполкома, представили бюджеты с дефицитом, который пришлось ликвидировать при рассмотрении бюджетов в краевом центре.

В распределении по уровням бюджетов был взят курс на наиболее полную передачу

² Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М.: Изд. Госплана СССР, 1933. С. 176.

³ Местный бюджет Нижневолжского края на 1928–1929 год. Нижневолжский краевой финансовый отдел. Саратов, 1929. С. 6-7.

Таблица 1
Объем бюджета края (кроме бюджета АССР немцев Поволжья) на 1928–1929 гг.

Table 1
The volume of the territorial budget (except for the ASSR's budget of the Volga region Germans) for 1928–1929

Бюджет	Назначено на 1927–1928 гг.	Назначено на 1928–1929 гг.	Рост, %
Доходы	57 829,8	73 421,4	+26
Расходы	58 184,0	73 421,4	+26
Дефицит	354,2	–	

хозяйственно-оперативных расходов городским, районным и сельским бюджетам и освобождение от них регулирующих бюджетов. Вместе с тем стояла задача значительно-го расширения сети сельских бюджетов и увеличения объема их доходной и расходной частей (табл. 1).

Столь значительное увеличение бюджетных средств вызвано изменением законодательства, повышением размера пособий, передачей в состав краевой промышленности новых предприятий, а также включением в бюджет некоторых сумм (средства земобществ, кратные штрафы) и т. п. Предполагаемые показатели роста доходов, основанных на развитии краевого хозяйства, были не такими впечатляющими. Так, доходы от коммунальных услуг увеличивались только на 13 %, от коммунальных предприятий – на 19,5 %, от сельского хозяйства – на 17 %. Самую заметную роль в образовании прироста играли налоговые доходы, которые составляли 59,2 % в общем объеме бюджета⁴.

Выполнение заданий первого года пятилетки (1928/29 гг.) по Нижневолжскому краю складывалось под влиянием планового и регулирующего начала в хозяйстве региона; укрепления и расширения роли обобществленного сектора в сельском и рыбном хозяйстве и товарообороте; удовлетворительного урожая в 1928 г. в производящих районах; значи-

тельного роста промышленной продукции; резкого обострения классовой борьбы, особенно на селе.

Положительный эффект для финансовой системы региона в 1928/29 г. дали развернувшееся крупное строительство, расширение посевных площадей и, как следствие, рост производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов, в результате чего вывоз зерновых из края вырос более чем в 3 раза. Кроме того, промышленность показала высокие темпы развития, происходило вытеснение частного капитала из рыбной промышленности, увеличение охвата обобществленным сектором товарной части продукции сельского хозяйства, рост вовлечения в производство и строительство незанятой рабочей силы.

За первые два года пятилетки промышленность Нижневолжского края дала быстрый рост производства. Уже к 1930 г. были введены в эксплуатацию метизный завод и завод комбайнов в Саратове, тракторный и кожевенный заводы в Сталинграде, дубильный завод в Вольске, возведен мост через Волгу в Саратове в районе Увека, а к концу года приступили к работе Сталинградская районная электростанция (СталГРЭС) и Саратовская ГРЭС. Достраивались и реконструировались и другие крупные промышленные объекты, например, «Универсаль» в Саратове и «Красный Октябрь» в Сталинграде.

Резкое увеличение объемов строительства стало следствием огромных инвестиций в нижневолжскую промышленность, которые росли в геометрической прогрессии. Так, если в 1927/28 г. они составляли 2,1 млн рублей, в 1928/29 г. – 49,5 млн рублей, то в 1929/30 г. они превысили 150 млн рублей, то есть были почти в семь раз выше показателей 1927/28 г. В соответствии с общегосударственными плановыми показателями, значительная часть средств направлялась на изготовление средств производства (тракторная, металлургическая промышленность и т. п.), что привело к изменению структуры региональной промышленности, в частности, к

сокращению в ней доли производства средств массового потребления.

Неплохие результаты в первые два года пятилетки показало сельское хозяйство. Рост посевных площадей, развертывание сети машинотракторных станций, активизация огородничества и садоводства в колхозах и совхозах способствовали укреплению финансового положения региона. В результате увеличения продукции сельского хозяйства, расширения промышленного производства и строительства, роста практики контрактации, увеличения объема сельскохозяйственного кредита значительно выросли доходы населения края. По сравнению с 1927/28 г. по конъюнктурным данным увеличение определялось в 22,5 %⁵.

Анализ краевого бюджета по статьям расхода показывал типичную для всей страны финансовую картину. Большинство средств было направлено на промышленность, сельское и коммунальное хозяйство. Новым по сравнению с периодом нэпа стало возросшее ассигнование сферы социально-культурного развития. Это объяснялось взятым партией курсом на «культурную революцию», которая подразумевала ликвидацию

неграмотности, введение всеобщего обязательного образования, подготовку квалифицированных кадров через систему среднего и высшего профессионального образования и т. п. Только в 1928/29 г. на эти нужды было израсходовано более 34 млн рублей из краевого бюджета.

В целом рост народного хозяйства Нижневолжского края уже за 2 года первой советской пятилетки обеспечил увеличение краевого бюджета. Это объяснялось, с одной стороны, экономическим развитием региона и, с другой – хорошо организованной работой всех финансовых учреждений (табл. 2).

В 1929/30 г., как, впрочем, и в предыдущем, основной базой бюджета края являлись налоговые поступления, составляющие больше половины всех доходов. Незначительное снижение удельного веса налоговых доходов произошло главным образом вследствие уменьшения контингента сельхозналога. В 1929/30 г. несколько увеличился удельный вес неналоговых доходов за счет доходов от рыболовных угодий и земельных имуществ и включения в налог земельных обществ. Стремительный рост прочих доходов в 1929/30 г. был связан с включением в состав этой группы кратных штрафов и увеличения по сравнению с предыдущим годом суммы пособий из госбюджета (субвенций, дотаций).

⁵ Контрольные цифры народного хозяйства и культуры Нижневолжского края на 1929–30 год. Саратов: Изд. Нижневолж. краевого планового отдела, 1930. С. 3.

Рост доходов бюджета 1928–1939 гг.

Таблица 2

Growth of budget revenues 1928–1939

Table 2

Наименование групп дохода	1928/1929			1929/1930		
	Назначено	Выполнено	%	Назначено	Выполнено за 9 месяцев	%
Налоговые	40096,7	41366,4	103,1	51696,3	27714,6	72,9
Неналоговые	18420,9	17019,2	92,4	28275,1	18251,1	64,3
Прочие	9253,2	11121,5	120,2	18958,6	20800,7	109,7
ИТОГО	67770,8	69497,1	102,6	98930,0	76766,4	77,5
В % к предыдущему году	19,1			46		

Общей характеристикой краевых бюджетов первых двух лет пятилетки являлось их формирование чуть более чем на 50 % за счет источников общегосударственного значения. Кроме того, было зафиксировано превышение показателей выполнения по «прочим доходам». Это было следствием активизации деятельности по привлечению средств населения посредством краткосрочных займов. Советская власть учла и стала массово распространять опыт эпохи нэпа, когда на восстановление экономики фактически изымались огромные суммы у населения. В период форсированной индустриализации на это направление финансовой работы были брошены лучшие агитационные силы, которые сумели внушить гражданам необходимость участия в строительстве счастливого социалистического будущего.

Население Нижневолжского края, конечно, не смогло остаться в стороне от этой кампании. За 1927–1930 гг. темпы подписки набирали стремительные обороты. Если в 1927 г. было размещено займов на сумму 7 млн рублей, в следующем году – 12,5 млн рублей, а в 1929–1930 гг. – почти 25 млн рублей. Та же картина наблюдалась и в отношении вкладов по линии сберегательных касс. С 1 октября 1928 г. по 1 октября 1930 г. общая сумма вложений выросла в 2 раза, а число вкладчиков – с 119287 до 405111 человек. Но, как и прежде, большинство клиентов сберкасс были горожане, развитие сберегательного дела на селе значительно отставало.

В этот период особое внимание местной исполнительной власти, в том числе финансовых органов, уделялось сельским бюджетам, что способствовало их укреплению и расширению. Так, в 1927/1928 г. в пределах Нижневолжского края сельских бюджетов насчитывалось 140 с общим объемом в 635,6 тыс. рублей. Средний показатель одного сельбюджета исчислялся 4,8 тыс. рублей и состоял на 32,8 % из неналоговых доходов, 7 % налоговых и 12,5 % прочих. В числе налоговых доходов главное место занимал сельхозналог. Уже в 1928/29 г. самостоятельные бюджеты имели 376 сельсоветов,

или 18,3 % от общего числа сельсоветов края. Но этот процент был явно недостаточен для планомерного проведения в стране укрепления местных органов советской власти. Кроме непосредственных бюджетных средств, финансовой базой для развития хозяйственного и культурного строительства у сельсоветов являлись также средства от самообложений, которые составляли в 1928/29 году 5241 тыс. рублей, в 1929/30 г. – 5714 тыс. рублей⁶.

Положительный опыт привел к тому, что III пленум Крайисполкома, состоявшийся 25–29 июля 1929 г., обязал окружные исполкомы ввести сельские бюджеты на 1929/30 г. повсеместно. Это решение укрепляло материальную базу огромного числа сельсоветов края и давало им возможность проявить творческую инициативу в области полного выявления доходных источников и правильного направления средств в расходной части.

В связи с этим перед большинством финансовых органов возникла ответственная и трудная задача правильной организации сельских бюджетов. Крайфинотдел составил дифференциацию доходов и расходов между окружным, районным и сельскими бюджетами и направил их на места. Это позволило сельсоветам заранее знать объемы доходов и расходов, чтобы грамотно распределить их в интересах сельских жителей и направить на наиболее важные мероприятия. В конце 1929/30 г. количество сельских бюджетов было доведено до 1978, или 98 %⁷, что способствовало экономическому и социокультурному развитию сельских территорий и повышению роли сельсоветов как первичного звена органа советской власти.

Весь период советской модернизации налоговая политика государства носила ярко выраженный классовый характер. Особо четко такой подход проявлялся в начислении сельскохозяйственного налога. Например, в

⁶ Два года пятилетки. Материалы к отчету ... С. 53.

⁷ Герасимов М. К построению сельских бюджетов в крае на 1929–30 г. // Известия Нижневолжского краевого исполнительного комитета. 1929. № 24–25. С. 201–202.

1929/30 хозяйственном году от этого вида налога было получено 12200000 рублей. От его уплаты были освобождены все бедняцкие хозяйства (39 % всех хозяйств). Средняки выплатили 43,4 % от общих поступлений, в среднем по 15 рублей на каждое владение. На зажиточные хозяйства с доходностью свыше 500 рублей пришлось около 12,5 %, при средней ставке налогообложения 102 рубля, на хозяйства кулаков пришлось около 44 % всей суммы сельхозналога (по 192 рубля на каждое). Налог с колхозов был уплачен со скидкой 66,5 % от ставок середняков. В 1931 г., когда был взят курс на ликвидацию кулачества как класса, налогообложение этой категории хозяйств увеличилось в разы, в то время как льготы колхозам расширились. Подобная картина складывалась и в городах, где с помощью налогов уничтожались элементы частного предпринимательства. Так, путем обложения промысловым, подоходным налогом сверхприбылей из частного сектора было изъято 20 % всей доходности в 1929 г., а в следующем году еще 32 %. Под тяжестью жесткого налогового бремени удержаться на плаву предпринимателям было крайне сложно. В итоге на 1 октября 1930 г. в Нижневолжском крае оставалось всего 666 частных предприятий в сфере производства и торговли с общим оборотом в 2,8 млн рублей. Налогообложение кустарей и ремесленников проводилось таким образом, чтобы заставить их объединяться в артели, для членов которых устанавливались льготные ставки⁸.

Однако, несмотря на все усилия центральных и региональных властей по расширению доходных поступлений в бюджет, денег на комплексную модернизацию страны было явно недостаточно. Поиск новых финансовых резервов для индустриальной стройки в масштабах всей страны вызвал необходимость реорганизации налоговой, а затем и кредитной систем, внедрение новых принципов распределения и перераспределения национального дохода.

⁸ Два года пятилетки. Материалы к отчету ... С. 32.

В 1930–1932 гг. в масштабах СССР была проведена новая налоговая реформа. Преобразования изменили всю структуру налоговых поступлений. Вместо множества различных налогов и платежей в бюджет, которые регулировали производственную деятельность предприятий (промысловый, подоходный, акцизы, с доходов от недр и т. п.), было введено два основных вида налогов с предприятий: налог с оборота и отчисления от прибыли (для колхозов устанавливался один вид – подоходный налог).

В результате упрощения налоговой системы налогом с оборота заменялись 53 вида налогов и платежей, а налогом от прибыли – 6. Как самостоятельные сохранялись 27 сборов и платежей, составляющих 20 % доходов бюджета. Промышленным предприятиям была установлена ставка налога на прибыль в размере 81 % взамен 38 %, а оставшаяся прибыль направлялась в фонд улучшения быта работников, на расширение производства и на премирование работников, то есть служила экономическим стимулом для работников и руководителей предприятий [2, с. 103].

В 1932 г. для предприятий сферы услуг был введен дополнительный налог с нетоварных операций. Налоговая реформа по-прежнему была направлена против частного сектора: для предпринимателей повышен подоходный налог до 86,5 % с дохода, взимались налог на сверхприбыль и сбор на нужды культурного и жилищного строительства в размере 200 % от оклада подоходного налога [1, с. 71].

Большое внимание финансовые органы уделяли кредитованию. Кредитная система в советском государстве выполняла функции перераспределения народного дохода между отдельными секторами экономики, кредиты направлялись только на целевые нужды. Так, кредиты сельскому хозяйству были использованы преимущественно на колхозное и совхозное строительство для контрактиции посевов, проведения важнейших сельскохозяйственных кампаний. А средства, предоставленные кооперации и государственной

Таблица 3

Изменения в краевом бюджете 1929–1930 гг.

Table 3

Changes in the territorial budget of 1929–1930

Бюджет	Назначено на 1929–1930 г., тыс. рублей	Удельный вес, в %	С упразднением округов переданные суммы, тыс. рублей	Объем бюджетов после ликвидации округов	Удельный вес, в %
Краевой	14111,6	13,4	211,2	14324,8	13,8
Городские без Саратова	23040,0	21,9	2929,6	25969	25,3
Районные	20724,5	19,8	2731,3	23505,8	22,7
Сельские	12791,2	12,3	11489,4	24460,4	23,7

торговле, способствовали вытеснению из этой сферы деятельности частника.

В начале 1930-х гг. на основе Постановления ЦИК и СНК СССР от 30 января 1930 г. началась кредитная реформа, направленная на замену взаимных расчетов между хозорганами социалистического сектора на основе коммерческого кредитования прямым банковским кредитованием. Сущность реформы заключалась в приближении кредита непосредственно к кредитруемому хозяйству, что должно было, во-первых, содействовать переводу каждого предприятия на хозяйственный расчет и его укреплению, во-вторых, создать гибкую форму контроля рублем за выполнением хозяйственной организацией задания по финплану и за ходом ее накоплений. Кредитная реформа, упразднив товарно-вексельную форму, как несоответствующую плановой и централизованной экономике, установила прямую связь между размерами и условиями кредита, с одной стороны, и Промфинпланом – с другой [4, с. 109]. Планы кредитования промышленных объединений и трестов утверждались Высшим советом народного хозяйства СССР совместно с Государственным банком. Централизация кредитной системы выражалась в особых полномочиях Госбанка, который, по сути, превратился в единый расчетный центр, обслуживающий государственный бюджет, специальные банки и предприятия.

В ходе преобразований была создана социалистическая кредитная система, главной

функцией которой стало перераспределение свободных государственных средств на решение приоритетных задач развития народного хозяйства. Экономист Ю.Б. Кочеврин считает, что реформа лишила экономику механизма, посредством которого ее развитие шло в направлении потенциального потребительского спроса. На место потребителя было поставлено государство, которое отныне могло определять, что нужно стране [5].

В результате налоговой и финансово-кредитной реформы был осуществлен переход к прямому плановому распределению денежных ресурсов на капитальное строительство. К 1930 г. все капиталовложения в государственную промышленность союзного и республиканского подчинения стали производиться в порядке прямого безвозвратного бюджетного финансирования [6, с. 26].

В 1930 г. произошли очередные изменения в рамках территориального внутрикраевого деления: упразднялись округа и создавались более мелкие единицы – районы. На территории Нижневолжского края было создано 76 структурных подразделений. Все материальные средства, культурные силы округов передавались районам, для укрепления которых направлялись не менее 90 % ответственных руководящих и оперативных работников округов. В области бюджетных прав райисполкомы получали все доходы, закрепленные ранее за окрисполкомами, пересматривалась вся структура бюджета для того, чтобы появилась возможность провести

в жизнь действительное усиление районных бюджетов и предоставить большую финансовую самостоятельность поселениям и организациям сельских территорий.

Изменялись не только методы построения бюджетов, но также содержание и объем отдельных бюджетов. Краевой финансовый отдел проделал большую работу по распределению доходов и расходов между отдельными бюджетами, взяв за основу бюджет 1930 г. и исключив из него бюджеты округов. В результате этой работы произошло увеличение объемов бюджетов (табл. 3).

Финансовая работа в 1931 г. в Нижневолжском крае проходила в очень трудных условиях. Ряд организаций не сумел выполнить качественные показатели годового плана. В результате прибыль по отдельным финпланам, охватывающим местное хозяйство, была реализована лишь на 66,2 %. Вместо предполагаемых 47 млн рублей накопленный реально имелось лишь 18,7 млн рублей, то есть всего 40 %. Финансовый недобор по прибыли в 1931 г. составил 29 млн рублей. Невыполнение плана накопления повлекло за собой снижение объема капитальных затрат⁹.

Не оправдала финансовый прогноз и местная промышленность, выполнившая план выпуска продукции только на 81 %, с недобором в денежном выражении в 24 млн рублей. Вместо снижения себестоимости продукции на 10 % произошло ее повышение на 1,2 %. В итоге по местной промышленности план накопления был выполнен лишь на 46 % и капитальные затраты – только на 68,6 %. При этом краткосрочное кредитование промышленности выросло до 10,6 млн рублей вместо 2,7 млн рублей по плану.

Неудачные результаты промышленного сектора в некоторой степени были компенсированы успехами мобилизации средств населения на нужды социалистического строительства. План работы в этом направлении по краю в 1931 г. был выполнен на 103 %, в том числе по обязательным платежам на

109 % и по добровольным на 99 %. Основным каналом мобилизации средств, благодаря применению новых агитационных подходов, являлись именно добровольные платежи, составлявшие 63 % от общего объема поступлений в казну (для сравнения: в 1926 г. они исчислялись всего 20 %). Активная агитационная деятельность всех финансовых учреждений и специально созданных на предприятиях и в колхозах комиссий содействовала выполнению финплана и госкредита. Широко применялись уже зарекомендовавшие себя методы, такие как социалистическое соревнование, ударничество, социалистический буксир, комсомольский поход, финансовая эстафета и т. п. В борьбе за выполнение финплана участвовала грандиозная армия порядка 120–150 тыс. сотрудников¹⁰.

В 1932 г. Нижневолжский крайком подвел итоги реализации первого пятилетнего плана. Механизмы аккумуляции как частных, так и государственных финансовых средств позволили направлять их через бюджет в качестве капитальных вложений на нужды народного хозяйства.

За годы первой советской пятилетки капиталовложения в промышленность Нижневолжского края составили 492,2 млн рублей, 81 % из которых были направлены в тяжелую промышленность. В отрасли, производящие средства производства, было вложено 440 млн рублей, что составляло 89,4 % от всех инвестиций, а в сектор, производящий средства массового потребления, 52,2 млн рублей, то есть 10,6 %¹¹. За годы первой пятилетки Нижневолжский край показал впечатляющие результаты, превратившись из аграрного региона в передовой индустриальный центр Советского Союза. По оценкам В.А. Чолахяна, «валовая продукция всей промышленности Нижнего Поволжья увеличилась за эти годы на 238 %. Удельный вес

⁹ Сулковский Ф. Об основных вопросах нашей финансовой работы // Известия Нижневолжского краевого исполнительного комитета. 1932. № 1-2. С. 3.

¹⁰ Сулковский Ф. Об основных вопросах нашей финансовой работы ... С. 4.

¹¹ Нижнее Поволжье: социально-экономическая справочная книга / под ред. Самсонова, Ефимова [и др.]. Сталинград: Нижневолж. краевое гос. изд-во, 1934. С. 77.

края в союзной промышленности удвоился» [3, с. 26].

Существенные сдвиги произошли и в социокультурной сфере. Только на развитие народного образования Нижнего Поволжья в 1932 г. было ассигновано 56,5 млн рублей, то есть в 3,7 раза больше, чем в 1928 г., что позволило не только существенно расширить сеть школьных и внешкольных учреждений, но и практически полностью ликвидировать неграмотность взрослого населения¹².

ВЫВОДЫ

На примере Саратовского Поволжья наглядно видно, что в годы первой советской пятилетки началась трансформация всей финансовой системы СССР, сущностью которой стало вытеснение капиталистических инструментов эпохи нэпа и замена их пол-

ным государственным контролем. Государственная собственность стала преобладающей, что обусловило концентрацию всех финансовых ресурсов в руках государства. Финансовая система была приведена в соответствие с командно-административной моделью экономики. Ее основой стал механизм формирования государственных доходов и планового распределения прибыли советских предприятий. Над всеми финансами страны был установлен жесткий контроль, позволяющий маневрировать ресурсами и направлять их на решение первоочередных задач, прежде всего, на индустриализацию страны. Несмотря на ряд существенных недостатков, внедрение новых финансовых механизмов позволило в кратчайшие сроки провести индустриализацию народного хозяйства, существенно укрепить обороноспособность страны, создать условия для победы в Великой Отечественной войне.

¹² Нижнее Поволжье: социально-экономическая справочная книга ... С. 358.

Список источников

1. Караваева И.В., Мальцев В.А. Приоритеты бюджетной политики в период индустриальных преобразований 1920–1930-х годов // Финансы и кредит. 2005. № 15 (183). С. 67–75. <https://elibrary.ru/hvfnjj>
2. Самаруха В.И., Самаруха А.В., Самаруха И.В. Развитие финансового и налогового механизмов в советской России и СССР // Известия Байкальского государственного университета. 2020. Т. 30. № 1. С. 100–112. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2020.30\(1\).100-112](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2020.30(1).100-112), <https://elibrary.ru/kdauf1>
3. Чолахян В.А. Нижневолжский вариант индустриальной модернизации (конец XIX в. – 1930-е гг.) // Российская история. 2012. № 3. С. 20–32. <https://elibrary.ru/pabcbf>
4. Ефимова Е.А. Кредитная реформа 1930–1932 гг. и ее реализация в Саратовском Поволжье // От СССР к современной России: история страны в ретроспективе XX–XXI вв. (события, символы, образы): материалы Междунар. науч. конф. / под ред. А.А. Гуменюка, В.Н. Данилова. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2021. С. 107–114. <https://elibrary.ru/wtytjs>
5. Кочеврин Ю.Б. Кредитная реформа 1930 года и ее последствия // Экономическая политика. 2011. № 6. С. 60–83. <https://elibrary.ru/okcpbr>
6. Караваева И.В. Формирование финансового фундамента советской промышленности в преддверии Второй мировой войны // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2012. № 2. С. 26–37. <https://elibrary.ru/plbwrn>

References

1. Karavaeva I.V., Mal'tsev V.A. (2005). Prioritety byudzhetnoi politiki v period industrial'nykh preobrazovaniy 1920–1930-kh godov [Budget policy priorities during the Industrial Transformations of the 1920s–1930s]. *Finansy i kredit = Finance and Credit*, no. 15 (183), pp. 67–75. <https://elibrary.ru/hvfnjj>
2. Samarukha V.I., Samarukha A.V., Samarukha I.V. (2020). Development of financial and taxation mechanisms in Soviet Russia and in the USSR. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of*

- Baikal State University*, vol. 30, no. 1, pp. 100-112. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2020.30\(1\).100-112](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2020.30(1).100-112), <https://elibrary.ru/kdauf1>
3. Cholakhyan V.A. (2012). Nizhnevolzhskii variant industrial'noi modernizatsii (konets XIX v. – 1930-e gg.) [The Lower Volga version of industrial modernization (late 19th century – 1930s)]. *Rossiiskaya istoriya = Russian History*, no. 3, pp. 20-32. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pabcbf>
 4. Efimova E.A. (2021). Credit reform 1930–1932 and its implementation in the Saratov Volga region. In: Gumenyuk A.A., Danilov V.N. (eds.). *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Ot SSSR k sovremennoi Rossii: istoriya strany v retrospektive XX–XXI vv. (sobytiya, simvoly, obrazy)»* [Proceedings of the International Scientific Conference “From the USSR to Modern Russia: the History of the Country in Retrospect 20th–21st Centuries. (Events, Symbols, Images)”]. Saratov, Saratov Source Publ., pp. 107-114. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wtytjs>
 5. Kochevrin Yu.B. (2011). Kreditnaya reforma 1930 goda i ee posledstviya [The credit reform of 1930 and its consequences]. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*, no. 6, pp. 60-83. (In Russ.) <https://elibrary.ru/okcpbr>
 6. Karavaeva I.V. (2012). The formation of financial foundation of the Soviet industry in anticipation of the second world war. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk = The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, no. 2, pp. 26-37. (In Russ.) <https://elibrary.ru/plbwrn>

Информация об авторах

Ефимова Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «История и политология», Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А., г. Саратов, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0003-0341-1617>
helenn79@mail.ru

Захаров Александр Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «История и политология», Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А., г. Саратов, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0001-9796-4364>
ZaharovAV2007@yandex.ru

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 17.03.2023
Поступила после рецензирования 09.06.2023
Принята к публикации 19.06.2023

Information about the authors

Elena A. Efimova, PhD (History), Associate Professor, Associate Professor of “History and Political Science” Department, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0003-0341-1617>
helenn79@mail.ru

Alexander V. Zakharov, Dr. habil. (History), Associate Professor, Professor of “History and Political Science” Department, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0001-9796-4364>
ZaharovAV2007@yandex.ru

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

Received 17.03.2023
Approved 09.06.2023
Revised 19.06.2023

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Научная статья

УДК 93(4)

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-716-724>

Дамаский как источник по интеллектуальной истории ранневизантийских Афин

Ирина Викторовна ДЕНИСОВА

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85

eivv@mail.ru

Актуальность. Изучение биографии и наследия философа Дамаския – одного из ранневизантийских философов-неоплатоников является актуальным в контексте изучения интеллектуальной жизни ранневизантийских Афин V – начала VI века. Особая роль среди источников по истории философии V – начала VI века принадлежит произведению философа-неоплатоника Дамаския «Философская история, или Жизнь Исидора». При этом помимо «Философской истории» Дамаский является автором ряда иных работ и неоплатонических комментариев, о которых упоминается в источниках.

Методы исследования. В рассмотрении проблем исторического знания в контексте интеллектуальной истории на основе изученных источников и историографии, учитывая весь комплекс методологических подходов, следует выделить следующие методы, использованные в исследовании: сравнительно-исторический, историко-генетический, системный.

Результаты исследования. Исследована биография автора этого сочинения, в результате чего показано, что он имел непосредственное отношение к ранневизантийским Афинам, где учился, а затем работал преподавателем. Также проанализирована и верифицирована информация Дамаския об Афинах в вышеуказанную эпоху. В ходе исследования установлено, что Дамаский является важным и достоверным источником по данному вопросу, так как получал информацию либо из первых рук – от друзей-студентов или учителей в Афинской философской школе, либо был непосредственным очевидцем или участником событий.

Выводы. Сделан вывод о том, что, хотя акцент в «Философской истории» сделан на философской школе в Афинах, сочинение Дамаския является непосредственным продолжением трактата «Жизнь философов и софистов» писателя IV века Евнапия, развивая жанр интеллектуальной истории с биографическим акцентом.

Ключевые слова: Дамаский, ранневизантийские Афины, Афинская философская школа, Жизнь Исидора, Евнапий, интеллектуальная история

Для цитирования: Денисова И.В. Дамаский как источник по интеллектуальной истории ранневизантийских Афин // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3. С. 716-724. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-716-724>

FOREIGN COUNTRIES' HISTORY

Original article

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-716-724>

Damascius as a source on the intellectual history of Early Byzantine Athens

Irina V. DENISOVA

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation
eivv@mail.ru

Importance. The study of the biography and legacy of the philosopher Damascius, one of the early Byzantine Neoplatonic philosophers, is relevant in the context of studying the intellectual life of Early Byzantine Athens in the 5th – early 6th century. A special role among the sources on the history of philosophy of the 5 – beginning of the 6th century belongs to the work of the Neoplatonic philosopher Damascius “Philosophical History, or the Life of Isidore”. At the same time, in addition to the “Philosophical History”, Damascius is the author of a number of other works and neoplatonic commentaries, which are mentioned in the sources.

Research methods. In considering the problems of historical knowledge in the context of intellectual history on the basis of the studied sources and historiography, taking into account the whole range of methodological approaches, the following methods used in the study should be distinguished: comparative-historical, historical-genetic, systemic.

Results and Discussion. The biography of the author of this work is investigated, as a result of which it is shown that he was directly related to early Byzantine Athens, where he studied and then worked as a teacher. The information of Damascius about Athens in the above era was also analyzed and verified. The study found that Damascius is an important and reliable source on this issue, as he received information either first-hand – from friends, students or teachers at the Athens School of Philosophy, or was a direct eyewitness or participant in the events.

Conclusion. It is concluded that, although the emphasis in the Philosophical History is on the philosophical school in Athens, the work of Damascius is a direct continuation of the treatise “The Life of Philosophers and Sophists” by the writer of the 4th century Eunapius, developing the genre of intellectual history with a biographical emphasis.

Keywords: Damascius, Early Byzantine Athens, Athenian Philosophical School, Isidore’s Life, Eunapius, intellectual history

For citation: Denisova, I.V. (2023). Damascius as a source on the intellectual history of Early Byzantine Athens. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 3, pp. 716-724. (In Russ., abstract in Eng.)
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-716-724>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Одним из важных ранневизантийских философов-неоплатоников и источников по истории философии V – начала VI века был философ Дамаский [1, р. 342-343]. Именно в

его работе «Философская история, или Жизнь Исидора», реконструированной на основе эпитомы византийского интеллектуала и патриарха IX века Фотия (Phot. Bibl. 242) и различных статей византийского словаря X века «Суда» (нами использована реконструкция

П. Афанасиади), наиболее полно и подробно представлена общая картина интеллектуальной жизни Афин в ранневизантийский период V – начала VI века. Эта работа в наибольшей степени продолжает сочинение «Жизнь философов и софистов» языческого писателя 2-й половины IV – начала V века Евнапия, описывающее афинских интеллектуалов и школы в свою эпоху. В отличие от Дамаския, его современник и учитель философ Марин Неаполитанский [1, р. 725-726] в работе «Прокл, или о счастье» сосредотачивает внимание на биографии своего учителя философа Прокла Диадоха, говоря только про его окружение. Это делает изучение данных Дамаския об Афинах еще более важным и актуальным.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В процессе научного исследования проблемы использован историко-сравнительный метод, который позволил выявить ряд биографических данных Дамаския, определить основные факторы, влияющие на развитие личности Дамаския, исследовать его работу «Философская история, или Жизнь Исидора». Кроме того, использован просопографический метод, который позволил определить круг лиц, влияющий на воззрения риторика и философа Дамаския.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дабы понять степень осведомленности Дамаския о жизни интеллектуалов в Афинах, следует сначала рассмотреть его биографию.

Дамаский происходил из Дамаска, был риториом и философом, проходил обучение в Александрии, а затем в Афинах. По информации Фотия, он 3 года обучался у александрийского ритора Теона [1, р. 1107], а затем 9 лет преподавал (Phot. Bibl. 181). Сам Дамаский утверждает, что он занимался риторикой 9 лет в общем, а затем сменил мантию ритора на философскую (Dam. V. Isid. 122, 137), упоминая и своего учителя в вышеуказанном трактате.

Дамаский считает Теона посредственным риториом в плане прозаических и поэтических работ, но отмечает его старательность, точную память и глубокое знание древней и новой истории, а также поэтов и риториов (Dam. V. Isid. 49). Дамаский мог обучаться у Теона в Александрии в период 470–480-х гг. [2].

В Александрии Дамаский стал также изучать философию. Он учился в школе философа Аммония, который его учил теоретической философии, а затем другим отраслям. Он объяснял Дамаскию куррикулум Платона и астрономические трактаты Птолемея (Phot. Bibl. 181). Дамаский окончательно обратился к философии во времена антиязыческих репрессий в Александрии конца 480-х гг. [3]. Огромное влияние оказал на него ученик Прокла александрийский философ Исидор (Dam. V. Isid. 122, 137), жизнеописанию которого он и посвятил свой трактат «Философская история». Философия в конечном итоге привела Дамаския к бегству из Александрии [4].

Вместе с Исидором Дамаский прибыл в Афины, где стоял вопрос о философском наследии Прокла и его преемнике на пост схоларха Академии. Кафедру поочередно занимали Марин, Гегий и Исидор [5, р. 118-122].

В Афинах Дамаский учился у Марина, который преподавал ему помимо философии арифметику, геометрию и другие науки, а также у Зенодота, который обучал его теоретической философии (Phot. Bibl. 181). Также Дамаский сам упоминает, что слушал лекции философа Салюстия, который также мог быть его учителем (Dam. V. Isid. 65).

Дамаский стал главой Афинской неоплатонической школы в первой половине VI века. «Суда» называет его учениками Евлалия фригийца и Симпликия киликийца, говоря, что он процветал во времена императора Юстиниана I (527–565) (Suid. Δ 39). Наиболее известен из них философ-неоплатоник Симпликий, оставивший ряд неоплатонических сочинений [6, р. 1153-1154], где подтверждает факт того, что Дамаский был его учителем (Simpl. Comm. in Phys. Arist.

642.17, 774.28). Симпликий называет Дамаския «муж пытливейший и многие труды философии принимающий» (Simpl. Comm. in Phys. Arist. 624.38-625.1).

Однако Дамаский покинул Афины после закрытия Афинской Академии в 529 г. эдиктом Юстиниана [7], переселившись в Персию вместе с другими философами, о чем сообщают аутентичные источники и «Суда» (Agath. II.30; Malal. XVIII.47; Suid. II 2251). Историк 2-й половины VI века Агафий Миринейский перечисляет следующих афинских философов-эмигрантов: Дамаский сириец, Симпликий киликиец, Евлалий фригиец, Прискианлидиец, Гермий и Диоген финикияне, – утверждая, что они уехали, так как не приняли нового учения и христианства (Agath. II.30). «Суда» добавляет в этот список философа Исидора Газского, утверждая, что философы выехали в качестве членов посольства Ареобинда, отправленного в Персию (Suid. II 2251).

Жить в Персии и принять существующие там обычаи философы так и не смогли, вернувшись в Восточную Римскую империю и получив гарантии не быть преследуемыми. Здесь следы философа Дамаския теряются, последние упоминания о нем есть в Эмесе в 538 г., где он посвятил краткую эпиграмму-эпитафию умершей девочке-рабыне Зосиме (Ant. Gr. VII.553). Также, по мнению исследователей, после возвращения из Персии некоторые афинские философы могли осесть в городе Харран в восточной Сирии [8].

Помимо «Философской истории» Дамаский является автором ряда иных работ и неоплатонических комментариев, о которых упоминается в источниках¹. Часть из них сохранилась. Также он написал несохранившийся проязыческий трактат о невероятных вещах в IV книгах (событиях, демонах, посмертных явлениях душ природах), который критикует Фотий (Phot. Bibl. 130).

Исходя из всего вышесказанного, можно проанализировать информацию Дамаския

про ранневизантийские Афины в V–VI веках и ее достоверность и аутентичность в «Философской истории».

Афинам посвящено три тематическо-хронологических пласта в «Философской истории», которые выделяет П. Афанассиади:

1) Афины в 470-е гг., где рассматриваются школы и преподаватели философии – современники Прокла Диадоха (Dam. V. Isid. 59-70);

2) ситуация в Афинах и выбор преемника на философскую кафедру схоларха Академии Проклом между его учениками, то есть обеспечение продолжения «золотой цепи» (Dam. V. Isid. 97-105);

3) обстановка в Афинах в конце V – начале VI века, которую наблюдал Дамаский уже лично, приехав туда с Исидором, борьба между учениками Прокла за кафедру – «конец времен» (Dam. V. Isid. 145-152).

Также в отдельных главах упоминаются как преподаватели, так и ученики Афинской школы, их взаимодействие с Александрийской школой.

В целом Дамаский является аутентичным источником об интеллектуальной жизни в Афинах, так как он либо непосредственно наблюдал ситуацию в конце V века, либо получил информацию о происходящем из первых рук от преподавателей и студентов Афинской Академии, которые были его друзьями. В то же время к реконструкции «Жизни Исидора», которая собрана из разрозненных фрагментов, следует относиться с осторожностью, так как отнесение тех или иных глав к тому или иному хронологическому периоду зачастую условно и гипотетично.

В первой афинской части Дамаский характеризует персоналии разных преподавателей и студентов. Он рассказывает об обучении Исидора у Прокла (Dam. V. Isid. 59); о философе Салюстии кинике, его образе жизни, методах преподавания и поведении (Dam. V. Isid. 60, 66); о риторической школе Лахара и его ученике Супериане (Dam. V. Isid. 61-62); об учениках Плутарха и Прокла Гиерии, Николае ораторе, Оденате сирийце (Dam. V. Isid. 63-65). Отдельно освещаются отноше-

¹ Westerink L.G. Anonymous Prolegomena to Platonic Philosophy. Amsterdam: North-Holland Publishing Co., 1962. P. XV.

ния Салюстия с другим философом Афинодором, его конфликт с Проклом Диадохом из-за двух студентов, носящих имя Зенон, а также его деятельность при дворе иллирийского узурпатора Марцеллина в 460-е гг. и умения предсказателя (Dam. V. Isid. 66-70). Также Дамаский делится собственными впечатлениями от Афин, статуи Афродиты (Dam. V. Isid. 63), общения с Салюстием (Dam. V. Isid. 66): «Салюстий философ, который сказал, что нелегко для людей философствовать – фактически, это невозможно. Слушая это, я чувствовал отвращение, так как это сказанное казалось и ни правдивым, и ни ценным».

Информация Дамаския об преподавателях Афинской школы этой эпохи коррелирует с жизнеописанием Прокла от его учителя Марина, который упоминает Лахара как старшего ученика Сириана, а ритора Николая как друга и земляка Прокла, встретившего будущего великого философа при въезде в Афины (Marin. V. Procl. 10-11). Также информация о софисте Николае содержится в «Суде» (Suid. N 394-395). На основе «Суды» реконструирована информация о Супериане и его учителе Лахаре. Ритор Николай также мог быть среди учеников Лахара (Suid. A 165; Suid. Σ 799). Аналогично в «Суде» представлена информация о Салюстии (Suid. Σ 60, 62, 63). По мнению исследователей, именно Салюстий впечатлил Дамаския больше всех, вероятно, как текущий учитель Дамаския, поэтому он оставил наиболее подробную информацию именно о нем применительно к этому периоду [4].

Об этом периоде Афинской школы Дамаский мог узнать от своего друга Исидора, учителя Салюстия, а также александрийского учителя Аммония (Phot. Bibl. 181), который примерно в то же время обучался с братом Гелиодором у Прокла, а тот им уделял особое внимание как сыновьям его однокашника Гермия и родственницы его учителя Сириана Эдесии (Dam. V. Isid. 54-57).

К этому же периоду примыкает информация об ученике Прокла и земляке Дамаския Севериане из Дамаска [1, р. 998-999],

сыне колонистов в Александрии. Дамаский сообщает, что тот был одним из сановников при императоре Льве I (457–474), но поссорился с влиятельным царедворцем императора Ардабуром, сыном Аспара [1, р. 135-137]. До этого Севериан получил блестящее образование в поэзии, риторике, римском праве и философии, обучаясь в Афинах у Прокла, но по настоянию отца поступил на имперскую службу и начал политическую карьеру. Он отличался высокой честностью и справедливостью (Dam. V. Isid. 108). Об Ардабуре известно, что он и его отец Аспар, а также его брат Патрициол были убиты в 471 г. по подозрению в заговоре (Marc. Com. a. 471), что дает верхнюю точку отсчета. При императоре Зеноне (474–475, 476–491) Севериан ушел со службы, несмотря на уговоры императора, так как не хотел отказываться от язычества, вернувшись на свою малую родину. Там он стал учителем Дамаския и его младшего брата Юлиана, пристрастив последнего к литературе и поэзии. Наградой для ученика был обед, что позволяет заключить, что это обучение было в детстве Дамаския и проходило в Дамаске, а не Александрии (Dam. V. Isid. 108; Suid. Σ 180). Севериан мог быть еще одним источником Дамаския относительно школы Прокла в Афинах во 2-й половине V века.

Во второй афинской части Дамаский дает характеристику ученикам Прокла – основным претендентам на его кафедру, рассматривая их сильные и слабые качества, приводя оценку самим Проклом вероятных наследников. Сначала дается характеристика Марина Неаполитанского, к плюсам которого отнесено его благочестие, то, что он оставался аскетом и девственником до конца жизни, а к минусам – что он был слабее Исидора в теоретической философии, стремился объяснить божественные вещи через естественнонаучные теории медиков и слаб здоровьем. В связи с этим в трактате несколько раз приводится информация, что Марин посылал именно Исидору свои философские сочинения на проверку, но они были слабы в теоретическом отношении, и Исидор не рекомендовал

их публиковать (Dam. V. Isid. 38, 97, 103). В связи с этим Дамаский рассматривает кандидатуру Исидора как наиболее подходящую, апеллируя к своему вещему сну, где ему самому явился «блаженный муж» (Прокл), а также самому мнению великого Диадокха, который опасался за здоровье Марина и уговаривал именно Исидора стать своим наследником. Однако александрийский философ не соглашался (Dam. V. Isid. 98). Еще одна кандидатура – это философ Зенодот, названный «любимцем Прокла» (Dam. V. Isid. 99). Отдельно рассматривается семья архонта Феагена, который конфликтовал с Марином и вынудил того покинуть Афины: это сам Феаген, его отчим Архиад (Dam. V. Isid. 100, 101, 105). Здесь, очевидно, идет речь о кандидатуре Гегия, который был сыном Феагена (Dam. V. Isid. 145). Последний из кандидатов – это Асклепидот, но он, по мнению Дамаския, уступал и Исидору, и Марину, а также был женат; в сравнении с благочестием девственника Марина это был явно минус (Dam. 86, 103, 104). Исидор тоже впоследствии женился и завел сына Прокла, с чем может быть связан его отказ от кафедры, – Дамаский негативно относится к браку и любым телесным вещам и скорее испытывает облегчение, что жена его друга умерла вскоре после родов, «освободив от уз горького супружества» (Dam. V. Isid. 129-130). Дамаский дает и характеристику доходам от поместья диадохов Академии, составлявшего до 1000 монет (очевидно, в год) (Dam. V. Isid. 102): «Поместье *diadochi* не переходило прямо от Платона, как общепринято думали. Платон был беден, владея только садом Академии, который формировал крохотную часть *diadochica*. Доход от сада считался только до трех монет, в то время как с течением времени общий доход достигал суммы одной тысячи монет или даже больше во времена Прокла, так как благочестивые любители учености, которые умирали в различные времена, завещали философам необходимые средства для досуга и спокойствия философской жизни». Так что борьба за это была нешуточная.

Асклепидоту посвящено несколько предшествующих глав, где подчеркивается, что он имел математический склад ума, приближаясь в этой области к гениальности, очень интересовался естественными науками, но «низменность» его мыслей была связана с тем, что он пытался объяснить божественные вещи путем естественнонаучных знаний. К плюсам отнесены его сверхспособности, в частности, умение видеть в темноте, а также интерес к чудесным явлениям и человеческой природе (Dam. V. Isid. 80, 83, 87, 90, 95-96). Асклепидот также выступает как связующий мостик между первой и второй афинской частью. Он изначально был учеником философа Домнина, являвшегося старшим учеником Сириана, но ушел к Проклу. Домнин показан как уступающий Проклу в благочестии и аскетизме, но хороший математик (Dam. V. Isid. 89-90). Очевидно, его расцвет Дамаский относит к периоду 460–470-х гг., то есть когда там преподавали Салюстий и Афинодор. К этому же времени относится и еще один ученик Прокла и друг Асклепидота – Гиларий сириец, которого Диадокх выгнал за распутство. Он мог учиться вместе с Асклепидотом (Dam. V. Isid. 90-91).

Данная информация Дамаския представляется достоверной, о ней он знал от своих друзей Исидора и Асклепидота, а также учителей Марина и Зенодота. Информация про Марина и Зенодота соответствует данным Фотия, что Марин учил Дамаския математике, а Зенодот – теоретической философии (Phot. Bibl. 181). Информация про Домнина встречается у Марина (Marin. V. Procl. 26). Также информация об Архиаде, его приемном сыне Феагене, первоначально покровительствовавшем Марину, и молодом Гегии подтверждена у самого Марина. Архиад являлся сыном учителя Прокла Плутарха и лучшим другом самого Прокла, а его семья была близка к Диадокху (Marin. V. Procl. 12-14, 17, 26, 28-29). В целом, Дамаский широко дополняет Марина, давая много различных деталей и нюансов.

В третьей афинской части речь идет об упадке Академии после смерти Прокла в

конце V – начале VI века и делении кафедр между Исидором, Марином и Гегием. Дамаский рассказывает о философских способностях Гегия, приводя высокое мнение о нем самого Прокла, считавшего, что тот может сравниться со своим прадедом Плутархом Афинским и допустившего его к изучению Халдейских оракулов (Dam. V. Isid. 145). Затем Дамаский дает сведения о детях Гегия – Евпейфии и Архиаде, и, вероятно, внуке Диомеде (Dam. V. Isid. 146). Затем отрывочно представлена информация о философе Сильване, плохом состоянии здоровья Марина, который надеялся сделать своим преемником Исидора, и смерти философа из Неаполя Палестинского весной, год неизвестен (Dam. V. Isid. 147, 148, 151). Рассматриваются споры Исидора с Гегием о том, как управлять Академией, и отъезд александрийского философа из Афин, оставившего Академию Гегию и Сириану (Dam. V. Isid. 149-150, 152). Последний мог быть тем Сирианом, который восхищался братом Исидора Ульпианом (Dam. V. Isid. 123; Suid. O 914), но не учителем Прокла.

К этому периоду относится информация об Агапии, ученике Марина, который затем открыл школу в Константинополе (Dam. V. Isid. 107, 127). В «Суде» дается информация о двух Агапиях, афинском и александрийском (Suid. A 157, A 158), но мы разделяем точку зрения, что это одно и то же лицо [9, с. 177-185]. Также о константинопольском философе Агапии, как последнем, но самом талантливым ученике Прокла сообщает ранневизантийский писатель и чиновник VI века Иоанн Лид. В 512 г. он посещал его школу в Константинополе, где обучался доктринам Платона и Аристотеля (Lyd. Demag. III.26). Агапий мог быть соучеником самого Дамаския в Афинах в 490-е гг., но, скорее всего, получил образование несколько раньше, так как он еще обучался иатрософистике в Александрии, где его застигли репрессии конца 480-х гг. [3].

Информация о третьем периоде дается Дамаскием как непосредственным его свиде-

телем. Также детали разговоров ему могли рассказать учитель Марин, друзья Исидор и Агапий, причем последнего Дамаский мог знать по Александрии. Информация о философских способностях Гегия полностью соответствует тому, что о нем написал Марин (Marin. V. Procl. 26). В то же время не сохранились прямые сведения непосредственно от Дамаския о том, что преемником Марина был Зенодот, хотя косвенно Фотий передает эту информацию (Phot. Bibl. 181): «В геометрии, арифметике и других науках он имел учителем Марина, преемника Прокла; в теоретической философии Зенодот (также преемник Прокла, сразу после Марина)». Большинство специалистов не доверяет Фотию и не включает Зенодота в перечень схолархов.

Итак, Дамаский является важнейшим источником по истории интеллектуальной жизни ранневизантийских Афин, существенно дополняя сведения Марина Неаполитанского о философских школах 2-й половины V – начала VI века. Сама «Философская история, или Жизнь Исидора» Дамаския логически продолжает «Жизнь философов и софистов» Евнапия применительно к V веку. В то же время Евнапий делал акцент на афинских риториках и софистах IV века, так как в Афинах обучался в риторической школе², а Дамаский, будучи в Афинах студентом философской Академии, освещал именно философские школы Афин 2-й половины V века и начала VI века.

ВЫВОДЫ

Таким образом, «Философская история, или Жизнь Исидора» философа-неоплатоника V–VI веков Дамаския играет важную роль как исторический источник по интеллектуальной истории Афин. Дамаский являлся студентом Афинской Академии в конце V века, будучи учеником Марина, являвшегося учеником и биографом Прокла Диадоха. Также Дамаский близко знал лично других

² Penella R.J. Greek Philosophers and Sophists in the Fourth Century A.D. Studies in Eunapius of Sardis. N. Y.: Francis Cairns, 1990. P. 2-5.

афинских и александрийских учеников Прокла. Так что информацию об Афинской философской школе он давал непосредственно из первых рук или даже по личным наблюдениям. Следовательно, он является аутентичным источником, существенно дополняющим сведения Марина. В жанровом отноше-

нии «Философская история» Дамаския логически продолжает «Жизнь философов и софистов» Евнапия, но применительно к своей эпохе и с акцентом на Афинскую философскую, а не риторическую школу, являясь примером ранневизантийской интеллектуальной истории.

Список источников

1. The Prosopography of the Later Roman Empire: in 3 vols. / ed. by J.R. Martindale. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. Vol. 2. A.D. 395–527. 1342 p. Available at: <https://archive.org/details/plre-ii> (accessed: 16.12.2022).
2. Болгов Н.Н., Болгова А.М. Александрийские школы 5 в. по «Философской истории» Дамаския // Иресона. Античный мир и его наследие. 2019. Вып. 6. С. 105-136. <https://elibrary.ru/gqyfu>
3. Athanassiadi P. Persecution and response in late paganism: the evidence of Damascius // The Journal of Hellenic Studies. 1993. № 113. P. 1-29. <https://doi.org/10.2307/632395>
4. Афонасин Е.В. Дамаский в Афинах: избранные фрагменты его «Философской истории» // Платоновские исследования. 2020. Т. 13. № 2. С. 285-317. <https://doi.org/10.25985/PI.13.2.14>, <https://elibrary.ru/brwbj>
5. Watts E. City and School at Athens and Alexandria. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2006. 288 p. Available at: https://books.google.ru/books/about/City_and_School_in_Late_Antique_Athens_a.html?id=0j94OFipg2MC&redir_esc=y (accessed: 16.12.2022).
6. The Prosopography of the Later Roman Empire: in 3 vols. / ed. by J.R. Martindale. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. Vol. 3. A.D. 527–641. 1575 p. Available at: <https://archive.org/details/prosopography-later-roman-empire/PLRE-III-A/> (accessed: 16.12.2022).
7. Cameron A.L. The Last Days of the Academy in Athens // The Cambridge Classical Journal. 2019. № 15. P. 7-29. <https://doi.org/10.1017/S1750270500030207>
8. Watts E. Where to Live the Philosophical Life in the Sixth Century? Damascius, Simplicius, and the Return from Persia // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 2005. Vol. 45. № 3. P. 285-315. Available at: <https://grbs.library.duke.edu/index.php/grbs/article/view/321> (accessed: 16.12.2022).
9. Денисова И.В., Синица М.М. Ранневизантийский неоплатоник Агапий и его школа в Константинополе // Проблемы истории, филологии, культуры. 2022. № 2 (76). С. 175-186. <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2022-2-76-175-186>, <https://elibrary.ru/ixofar>

References

1. Martindale J.R. (ed.). (1980). *The Prosopography of the Later Roman Empire*: in 3 vols. Cambridge, Cambridge University Press, vol. 2, A.D. 395–527, 1342 p. Available at: <https://archive.org/details/plre-ii> (accessed 16.12.2022).
2. Bolgov N.N., Bolgova A.M. (2019). Aleksandriiskie shkoly 5 v. po «Filosofskoi istorii» Damaskiya [Alexandrian schools of the 5th century on the “Philosophical History” of Damascius]. *Iresiona. Antichnyi mir i ego nasledie* [Irecion. The Ancient World and its Legacy]. Issue 6, pp. 105-136. <https://elibrary.ru/gqyfu>
3. Athanassiadi P. (1993). Persecution and response in late paganism: the evidence of Damascius. *The Journal of Hellenic Studies*, no. 113, pp. 1-29. <https://doi.org/10.2307/632395>
4. Afonasin E.V. (2020). Damascius in Athens: selected fragments of his philosophical history. *Platonovskie issledovaniya = Platonic Investigations*, vol. 13, no. 2, pp. 285-317. <https://doi.org/10.25985/PI.13.2.14>, <https://elibrary.ru/brwbj>
5. Watts E. (2006). *City and School at Athens and Alexandria*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 288 p. Available at: https://books.google.ru/books/about/City_and_School_in_Late_Antique_Athens_a.html?id=0j94OFipg2MC&redir_esc=y (accessed 16.12.2022).

6. Martindale J.R. (ed.). (1992). *The Prosopography of the Later Roman Empire*: in 3 vols. Cambridge, Cambridge University Press, vol. 3, *A.D. 527–641*, 1575 p. Available at: <https://archive.org/details/prosopography-later-roman-empire/PLRE-III-A/> (accessed 16.12.2022).
7. Cameron Al. (2019). The Last Days of the Academy in Athens. *The Cambridge Classical Journal*, no. 15, pp. 7-29. <https://doi.org/10.1017/S1750270500030207>
8. Watts E. (2005). Where to Live the Philosophical Life in the Sixth Century? Damascius, Simplicius, and the Return from Persia. *Greek, Roman, and Byzantine Studies*, vol. 45, no. 3, pp. 285-315. Available at: <https://grbs.library.duke.edu/index.php/grbs/article/view/321> (accessed 16.12.2022).
9. Denisova I.V., Sinitsa M.M. (2022). Agapius, the early Byzantine neoplatonic, and his school in Constantinople. *Problemy istorii, filologii, kul'tury = Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, no. 2 (76), pp. 175-186. <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2022-2-76-175-186>, <https://elibrary.ru/ixofar>

Информация об авторе

Денисова Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, директор музея истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация.

<https://doi.org/0000-0002-6612-4191>
eivv@mail.ru

Поступила в редакцию 27.01.2023
Поступила после рецензирования 26.04.2023
Принята к публикации 27.04.2023

Information about the author

Irina V. Denisova, PhD (History), Associate Professor of General History Department, Director of the Museum of History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation.

<https://doi.org/0000-0002-6612-4191>
eivv@mail.ru

Received 27.01.2023
Approved 26.04.2023
Revised 27.04.2023

Научная статья

УДК 94(436); 94(450); 94(100); 1914/19; 947

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-725-736>

«Кирсановское движение» военнопленных итальянской национальности австро-венгерской армии в годы Первой мировой войны

Сергей Валериевич ШЕВЯКОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

mig1709@mail.ru

Актуальность. С 1915 по 1917 г. в г. Кирсанов Тамбовской губернии функционировал лагерь для австро-венгерских военнопленных итальянской национальности, которые приняли предложение Итальянского правительства об отправке в Италию и о последующем вступлении их в ряды ее вооруженных сил. В предшествовавший отправке период группа военнопленных, разделявших ирредентистские идеи, организовала в лагере ряд патриотических мероприятий с целью национального сплочения будущих волонтеров. Их деятельность получила название «Кирсановского движения», недостаточно освещенного в современной историографии.

Материалы и методы. Основными источниками для исследования послужили архивные материалы, а также ряд опубликованных исследований. Был использован историко-генетический метод, который позволил проследить истоки и эволюцию итальянского национального движения (ирредентизма) на принадлежавших Австро-Венгерской империи территориях.

Результаты исследования. Показано, что достижение цели национального сплочения военнопленных затруднялось как социально-экономическими обусловленными мировоззрением и довоенными стереотипами взаимного восприятия уроженцами различных территорий Габсбургской монархии с итальянским населением, так и сохранением у части военнопленных прежней лояльности к Габсбургской империи, подпитывавшейся возможными репрессиями австрийских властей по отношению к ним самим и их родственникам.

Выводы. В период ожидания отправки в Италию группа патриотически настроенных военнопленных в кирсановском лагере организовала ряд мероприятий, который получил название «Кирсановское движение». Его целью являлось вовлечение политически колебавшихся военнопленных в патриотическую деятельность.

Ключевые слова: Первая мировая война, Австро-Венгрия, Италия, Российская империя, Тамбовская губерния, Кирсанов, военнопленные, патриотические мероприятия, газета «La Nostra Fede», памятник, «Божественная комедия ирредента»

Для цитирования: Шевяков С.В. «Кирсановское движение» военнопленных итальянской национальности австро-венгерской армии в годы Первой мировой войны // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3. С. 725-736. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-725-736>

Original article
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-725-736>

“Kirsanov movement” of the Austro-Hungarian army Italian nationality prisoners of war during the World War I

Sergey V. SHEVYAKOV

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation
mig1709@mail.ru

Importance. From 1915 to 1917, a camp for Austro-Hungarian prisoners of war of Italian nationality functioned in Kirsanov in Tambov Governorate, who accepted the offer of the Italian government to send them to Italy and then join the ranks of its armed forces. In the period preceding the dispatch, a group of prisoners of war who shared irredentist ideas organized a number of patriotic events in the camp with the aim of national cohesion of future volunteers. Their activity was called the “Kirsanov movement”, which is insufficiently covered in modern historiography.

Materials and methods. The main sources for the research were archival materials, as well as a number of published researches. The historical and genetic method was used, which allowed tracing the origins and evolution of the Italian national movement (irredentism) in the territories belonging to the Austro-Hungarian Empire.

Results and Discussion. It is shown that the goal achievement of prisoners of war national cohesion was hampered both by the social and economic conditioned worldview and pre-war mutual perception stereotypes by natives of Habsburg monarchy’s various territories with the Italian population, and by the former loyalty preservation of some prisoners of war to the Habsburg Empire, fueled by possible repressions of the Austrian authorities in relation to themselves and their relatives.

Conclusion. In waiting for sent to Italy, a group of patriotic prisoners of war in the Kirsanov camp organized a number of events, which was called the “Kirsanov movement”. Its purpose was to involve politically wounded prisoners of war in patriotic activities.

Keywords: World War I, Austria-Hungary, Italy, Russian Empire, Tambov governorate, Kirsanov, prisoners of war, patriotic events, newspaper “La Nostra Fede”, monument, “The Divine Comedy of the Irredent”

For citation: Shevyakov, S.V. (2023). “Kirsanov movement” of the Austro-Hungarian army Italian nationality captives during the World War I. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 3, pp. 725-736. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-725-736>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Актуальность исследования обусловлена, прежде всего, многогранностью темы плена для исторического изучения. В исторической памяти СССР пребывание австро-венгерских солдат в плену во время Первой мировой войны не играло значительной роли, поскольку в годы существования совет-

ской власти она рассматривалась как империалистическая, неизбежным следствием которой должна была стать победа социалистической революции. Исключение составляет феномен так называемых «интернационалистов» – военнопленных, вставших на защиту советской власти [1].

К тому же Первая мировая война в российской исторической памяти была отнесена

на на второй план Гражданской войной, повлекшей за собой еще большие потери. Поэтому только после краха СССР судьба пленнх Первой мировой войны получила научное освещение.

В годы Первой мировой войны Австро-Венгрия столкнулась с тем, что представители многих населявших империю наций переходили на сторону врага. Одной из таких наций были итальянцы, населявшие территории Южного Тироля, Далмации, Истрии и города Триест. В июне 1915 г. между Российской империей и Итальянским королевством было подписано соглашение, благодаря которому военнопленные австро-венгерской армии, итальянской национальности получили возможность вступить в ряды вооруженных сил Италии и сражаться против империи Габсбургов. Ожидая своей отправки в г. Кирсанов Тамбовской губернии, патриотически настроенные итальянцы инициировали среди своих соотечественников так называемое «Кирсановское движение» [2, с. 185], недостаточно изученное в исторической науке.

В отечественной историографии этой проблемы касался В.В. Миронов [2] через призму мотивов девиантного поведения военнослужащих Габсбургской монархии. В зарубежных исследованиях рассматриваемая проблематика получила освещение в исследованиях А. Ди Микеле [3] и М. Росси [4]. Целью исследования явилось «Кирсановское движение» военнопленных австро-венгерской армии итальянской национальности в Тамбовской губернии в годы Первой мировой войны.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основными источниками для раскрытия темы послужили архивные материалы, а также ряд опубликованных исследований. Мы использовали историко-генетический метод, который позволил проследить истоки и эволюцию итальянского национального движения (ирредентизма) на принадлежавших Австро-Венгерской империи территориях.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Положение итальянцев в Австрийской империи (Австро-Венгрии). Всеобщая мобилизация, объявленная в Австро-Венгрии в начале Первой мировой войны, затронула все регионы многонационального государства. В состав вооруженных сил Габсбургской монархии влились жители италияязычных территорий Трентино (Южного Тироля) и Австрийского Приморья. Под знамена Габсбургов встали около 55 тысяч уроженцев Трентино, из них 10500 погибли на полях сражений в Галиции. В русский плен попали почти 25 тысяч итальянцев, половину из которых составляли выходцы из Трентино [5, р. 144].

В довоенное время граждане итальянской национальности империи Габсбургов подвергались дискриминации. Утвержденный в 1784 г. императором Иосифом II закон гласил, что все делопроизводство в империи должно вестись на немецком языке [6, с. 127]. Поражение Австрийской империи в войне с Северогерманским союзом 1866 г., активным участником которой являлась Италия, подтолкнуло имперскую администрацию к усиленной германизации и славянизации Трентино (Южного Тироля) и Австрийского Приморья, что было закреплено решением Совета министров от 12 ноября 1866 г. [7, S. 279].

В 1870–1880-х гг. на территории Итальянского королевства возникло общественно-политическое движение, которое выступало за присоединение к Итальянскому королевству всех территорий с италияязычным населением, в том числе Трентино и Триеста. Первая крупная организация национально-патриотического толка – «Италия ирредента» была создана в 1877 г. видным участником рисорджименто М.Р. Имбриани¹, а Дж. Гари-

¹ Андронов И.Е. Рисорджименто // Большая Российская энциклопедия. 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/3510610 (дата обращения: 26.10.2022).

бальди был в числе ее председателей². Идеи этой организации нашли поддержку населения пограничных областей Австро-Венгрии³. Так было положено начало ирредентистскому движению в Габсбургской монархии, новый подъем которого начался после победы Италии в войне с Турцией 1911–1912 гг., вызвав репрессии со стороны австрийских властей [8, с. 421]. Несмотря на вступление Италии в 1882 г. в Тройственный союз, правящие круги Австро-Венгрии испытывали обоснованные опасения в связи с возможным выдвижением Римом территориальных претензий на Трентино и Австрийское Приморье [9, р. 209]. К. фон Гетцендорфом, жестко подавившим вспыхнувшую в 1902 г. в Триесте забастовку итальянских рабочих и впоследствии возглавившим генеральный штаб Австро-Венгрии, рассматривался план превентивной войны против Италии, чтобы предотвратить возможное посягательство ее на Тироль и Триест [10, S. 55, 57, 89].

После вступления в 1915 г. Италии в Первую мировую войну на стороне Антанты общественная и культурная жизнь итальянских провинций под властью Габсбургов стала подвергаться суровым гонениям. Были закрыты десятки культурно-просветительских обществ и отправлен на переплавку установленный в колонном зале Пульского дворца бронзовый бюст Данте, творчество которого было квалифицировано как ирредентистское. После вступления Италии в войну торжественно открытый в 1906 г. в Триесте памятник великому композитору Дж. Верди, надпись на котором в итальянском оригинале нередко расшифровывалась как «Виктор Эммануил король Италии», пришлось демонтировать из-за причиненных ему повреждений. Жертвой вандализма «австрийских патриотов» летом 1917 г. стала статуя льва святого Марка в Пуле, разру-

шенная при полном попустительстве властей [11, S. 279]. После начала военных действий, вызвавших поток беженцев и эвакуированных [12, р. 813-814], 5700 признанных властями «политически неблагонадежными» итальянцев были принудительно выселены из Трентино и Австрийского Приморья и заключены в лагерях для интернированных, самым крупным из которых был Катценау в окрестностях г. Линц [12, р. 820-821].

Соглашение Российской империи с Италией об освобождении австро-венгерских военнопленных итальянской национальности (1915 г.). В начале войны российское правительство, стремившееся разыграть «национальную карту», стало разделять военнопленных Центральных держав на представителей «дружественных» и «враждебных наций». К первым относились славяне (сербы, чехи, словаки), румыны, итальянцы и уроженцы Эльзас-Лотарингии, которых согласно приказу № 337 от 16 октября 1914 г. предписывалось оставлять на территории Московского военного округа. Австрийских немцев и венгров, отнесенных ко второй категории, надлежало направлять для размещения в лагерь Омского военного округа [13, S. 174]. Вместе с тем Омский и Тюменский лагеря являлись в 1915 г. сборными пунктами для военнопленных австро-венгерской армии итальянской национальности, которые горели желанием сражаться за Италию [14, S. 253]. Большое количество военнопленных итальянской национальности насчитывалось также в Киевском (Дарница), Кирсановском, Полтавском и Орловском лагерях [15].

23 октября 1914 г. посол из России в Риме А.Н. Крупенский передал премьер-министру Италии А. Саландре предложение российского императора Николая II о готовности освободить всех австрийских военнопленных итальянской национальности, захваченных в Галиции. Оно было отклонено итальянским правительством, которое, первоначально придерживаясь нейтралитета, стремилось путем секретных переговоров с воюющими коалициями добиться более вы-

² Яхимович З.П. Гарibaldi // БРЭ. 2004–2017. URL: https://old.bi-genc.ru/world_history/text/2344785 (дата обращения: 26.10.2022).

³ Яхимович З.П. Ирредентизм // БРЭ. URL: https://old.bi-genc.ru/world_history/text/2021623 (дата обращения: 06.11.2022).

годных территориальных условий в рамках концепции «священного эгоизма». Принятие предложения российского правительства означало бы для Италии преждевременный разрыв с Тройственным союзом, лишавший ее свободы маневра на переговорах с Австро-Венгрией о статусе Трентино и Австрийского Приморья [3, с. 134]. Но, как известно, они завершились в январе 1915 г. безрезультатно [16, с. 239], несмотря на предпринимаемые впоследствии попытки их возобновления, и соблазненная условиями Лондонского договора от 26 апреля 1915 г. Италия вышла из Тройственного союза, объявив 24 мая 1915 г. войну Австро-Венгрии⁴. Королевство Италия официально объявило о своих претензиях на Трентино, Фриули-Венецию Джулию и город Триест. Это в свою очередь влекло за собой признание за итальянцами, проживавшими на данных территориях, статуса союзников России.

Премьер-министр Италии А. Саландра и министр иностранных дел Италии С. Соннино согласились в новых геополитических условиях принять поступившее ранее предложение российской стороны об отправке освобожденных военнопленных в Италию [3, с. 140]. Подписанная 2 мая 1915 г. Парижская конвенция предусматривала также взаимный обмен военными миссиями [17, с. 127]. В июне 1915 г. между правительствами Италии и России была достигнута договоренность о составлении списков военнопленных, которые были готовы отправиться на новую родину и сражаться против Габсбургской монархии. По каналам дипломатических миссий Австро-Венгрии с большой тревогой сообщалось в Вену, что Румыния и Сербия являлись перевалочными пунктами на пути переброски военнопленных-югославян и итальянцев на западноевропейский театр военных действий. Только военный

разгром Сербии осенью 1915 г. и гарантии, предоставленные Вене со стороны премьер-министра Румынии И. Брэтиану, не допустить транзита переодетых в гражданскую одежду военнопленных через ее территорию, привели к полному прекращению подобной практики [14, S. 253] и вынудили союзников к поиску новых транспортных маршрутов, позволявших осуществлять переброску военнопленных в Италию.

Кирсанов – сборный пункт военнопленных австро-венгерской армии итальянской национальности. В сентябре 1915 г. начался перевод первоначально сосредоточенных в Симбирске, Сызрани и Царицыне военнопленных-итальянцев [18], которые откликнулись на предложение итальянского правительства, в город Кирсанов Тамбовской губернии⁵. По данным на 14 января 1916 г. в лагере числились 61 офицер и 10486 нижних чинов австро-венгерской армии [2, с. 185]. При отборе итальянских пленников не было выработано единого критерия. Все зависело «от решений местных командиров русской армии: некоторые собирали исключительно добровольцев для фронта, другие – тех, кто хотел отправиться в Италию в статусе пленников, а третьи – всех италогворящих без различия, в том числе верных австрийскому трону» [3, с. 148].

На первых порах вербовка военнопленных австро-венгерской армии итальянской национальности не была столь успешной, как первоначально ожидалось. Как сообщала газета «Тамбовский листок» в номере от 7 июня 1915 г., «Из находящихся в Тамбове в числе военнопленных итальянцев только десять человек изъявили желание воспользоваться предоставленным им разрешением освободиться из плена и отправиться в Италию»⁶.

В ноябре 1915 г. генеральный консул Итальянского королевства в Москве А. Гацу-

⁴ Il documento della dichiarazione di guerra del Regno d'Italia all'impero austro-ungarico (Vienna, 23 Maggio 1915). URL: <https://archivioirredentista.wordpress.com/2017/05/23/il-documento-della-dichiarazione-di-guerra-del-regno-ditalia-allimpero-austro-ungarico-vienna-23-maggio-1915/> (data di accesso: 06.11.2022).

⁵ Palla Luciana Prigionieri ladini in Russia e prigionieri russi nella Ladinia durante la Prima Guerra Mondiale // Ladinia XXXVIII 2014. P. 65. URL: <https://micura.it/upload-ladinia/files/551.pdf> (data di accesso: 06.11.2022).

⁶ Итальянцы-военнопленные // Тамбовский листок. 1915. 7 июня.

релли посетил кирсановский лагерь для военнопленных⁷. Составленный им по итогам поездки список включал в общей сложности имена 1267 итальянцев, разделенных им на три группы. К первой он отнес тех военнопленных, которые проявляли готовность вступить в ряды вооруженных сил Италии и сражаться против Габсбургской монархии. В составе этой группы числились 303 человека, в том числе 37 офицеров. Все они были готовы публично выступить с заявлением для прессы и обнародовать свои имена, не опасаясь репрессий со стороны Австро-Венгрии, жертвами которых они сами и их семьи, несомненно, стали бы. За ними следовала самая многочисленная группа, насчитывавшая 895 человек. Они были также вдохновлены итальянским патриотизмом, но вели себя более осторожно, не желая огласки. Наконец, среди военнопленных было 66 «австрофилов», пытавшихся вести в лагере австрийскую контрпропаганду. Важно учитывать также то обстоятельство, что сведения, необходимые для составления списка военнопленных, были предоставлены итальянскому консулу представителями первой группы, которая тем самым получила официальное признание своей лидирующей роли в глазах итальянского правительства [3, с. 153]. Многие пленные, опасавшиеся снова быть отправленными на фронт в случае принятия его предложения, по-прежнему верили в близкую победу Центральных держав [19, р. 77].

Смешанные чувства и наличие колебавшихся среди итальянских военнопленных объяснялись рядом факторов. Военнопленные могли испытывать обоснованный страх за свою жизнь и судьбу своих семей, так как изменникам грозила на родине смертная казнь через повешенье, а их семьям – конфискация имущества [3, с. 145]. Были среди военнопленных и те, которые стремились трезво взвесить все выгоды от перехода из «австрийства» в «итальянство» [9, р. 213].

⁷ Архив внешней политики Российской Империи Ф. № 160, Отдел о военнопленных. Оп. № 708. Д. 2157. Л. 21484.

«Кирсановское движение»: цели и результаты. В связи с задержкой отправки в Италию представители первой группы решили взять на себя формирование твердой убежденности военнопленных в правильности сделанного ими выбора в пользу предложения итальянского правительства с помощью целого ряда мероприятий патриотического характера. Первоначально местные власти пытались воспрепятствовать любым итальянским патриотическим манифестациям. И военнопленным приходилось постоянно вести переговоры, чтобы получить разрешение на проведение того или иного патриотического мероприятия [15].

При этом следует учитывать факторы территориальной разобщенности и неравномерности социально-экономического развития регионов с итальянским населением Габсбургской монархии, сохранявшихся различий в его социальной структуре, которые налагали свой отпечаток на степень успешности национальной пропаганды среди военнопленных. Так, основным препятствием на пути формирования итальянской национальной идентичности у представителей трентинского крестьянства могла служить, по всей видимости, его политическая индифферентность, характерная для довоенного времени. И, напротив, итальянцев-уроженцев Австрийского Приморья, представлявших по преимуществу городское население, отличала бурная политическая энергия, проявлявшаяся в нестихавших национальных конфликтах с жившими по соседству словенцами и хорватами [8, с. 448-449]. Важно отметить, что политическая элита обеих локальных групп итальянского населения Австро-Венгрии, да и рядовые его представители зачастую недолюбливали друг друга, относясь к обоюдным успехам в борьбе за национальные права с нескрываемой завистью [3].

Одной из патриотических инициатив стал выпуск лагерной газеты под названием «La Nostra Fede» [2, с. 185]. Целью данной газеты, название которой переводилось как «Наша вера», было моральное поддержание военнопленных кирсановского лагеря, кото-

рые длительное время ожидали своей отправки в Италию, и способствовать формированию у них итальянской национальной идентичности. В публиковавшихся в газете статьях по истории Италии уделялось особое внимание событиям Рисорджименто и борьбе ирредентистов [3, с. 168]. Двухполосная газета, издававшаяся вручную, стала важным средством диалога между различными группами военнопленных, обращавшимися через нее с различными предложениями. Ее девизом стало изречение “Non sbigottir, ch’io vincert la prova”, означавшее «Не расстраивайся, я пройду испытание»⁸. Идея издания газеты возникла у К. Марасси из Фиуме до приезда в кирсановский лагерь, позже он стал ее соучредителем. Вторым соучредителем был С. Вьеццоли из Триеста. В штат редакции входило около тридцати человек, среди которых были выходцы из областей Трентино и Австрийского Приморья⁹. Газета, с большим интересом читавшаяся в бараках, выпускалась с 26 февраля по 19 июня 1916 г. без ведома лагерной администрации. В общей сложности вышло 11 выпусков. Когда русским властям стало известно о существовании газеты, они без промедления запретили ее издание. Также вместе с газетой распространялся в рукописной форме информационный листок «Вестник войны», который был призван держать военнопленных в курсе о ходе боевых действий на фронте [15]. Сведения для его выпуска черпались из русских газет, особенно из «Русского слова». С содержанием каждого рукописного номера военнопленных знакомили ежедневно, устраи-

вая его коллективную читку в бараках [4, р. 153].

Помимо публикаций на патриотическую тематику на страницах “La Nostra Fede” помещались литературные произведения, авторство которых принадлежало военнопленным. Одним из них являлась «Божественная комедия ирредента», представлявшая собой пародию на двенадцать песен знаменитой «Божественной комедии» Данте Алигьери. Ее авторами были Э. Бонапас из Трентино и С. Вьеццоли из Венеции Джулии. Сюжету «Божественной комедии», отсылавшему к путешествию Данте в чистилище, была придана в пародийном произведении острая идеологическая направленность. Речь шла о выстраданной военнопленными, прошедшими вместе с Данте через «Кирсановское чистилище», национальной идентичности и восприятию ими Италии как новой родины¹⁰. Вместе с тем в представлениях военнопленных о будущем национальном государстве, особенно у уроженцев Трентино, свойственные крестьянскому происхождению мотивы христианской любви могли соседствовать с анархистскими и интернационалистскими идеями [5, р. 146-147].

Одновременно с изданием «Вестника войны» в кирсановском лагере возник пародийный журнал под названием “La Nostra fame”, избравший своей эмблемой вошь и девиз “Non sbigottir, che corvi ne mangeremo ancora”, что означало «Не пугайтесь, что вороны еще съедят». Правда, вышел только один его номер¹¹.

Еще одной национально-патриотической инициативой стало создание хора и исполнение патриотических песен Итальянского королевства. В репертуар этого хора входили «Гимн Мамели», «Гимн Гарибальди», «Военный гимн», «Песнь Берсальера», «Песнь Гарибальди» и несколько гимнов, принадлежавших Чезаре Баттисти [20, р. 186-187], ставшему после своей казни летом 1916 г. австро-венгерскими властями в Тренто (Триенте) иконой ирредентистского движения.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

⁸ De Michelis I. Cantare per (r)esistere: l’Inno Nostro dei prigionieri italiani di Russia // Rappresentazioni della grande guerra, Atti del Seminario residenziale della Fondazione Sapegno – Aosta, 15–20 settembre 2014, pp. 161-171. URL: <http://www.sapegno.it/sapegno/index.php/pagina/10/3/>

⁹ De Michelis I. Dante irredento prigioniero in Russia // L’Italianistica oggi: ricerca e didattica, Atti del XIX Congresso. Roma: Adi editore, 2017. P. 3. URL: <https://www.italianisti.it/pubblicazioni/atti-di-congresso/italianistica-oggi-ricerca-e-didattica/de%20michelis.pdf> (data di accesso: 25.02.2023).

Заслуживает внимания тот факт, что наряду с исполнением патриотического репертуара, судя по дневниковым записям одного из узников Кирсановского лагеря – Д. Зонтини, военнопленным пришлось по душе и анархистский вариант Марсельезы, грозившей «огнем и мечом» монархии, церкви и буржуазии [5, p. 147].

Также среди итальянских военнопленных пользовался популярностью гимн “Inno Nostra” – «Наш гимн», сочиненный военнопленными на конкурсной основе. Его автором стал маэстро Д.Б. Джакомелли из Предаццо. Гимн был положен на музыку дирижера оркестра П. Галловича. Впервые он был исполнен 24 мая 1916 г. по случаю годовщины вступления Италии в войну, о чем сохранились воспоминания одного из очевидцев – Г. Молиньони – видного активиста «Кирсановского движения»: «Наш гимн впервые прозвучал днем 24 мая 1916 г., когда все ирредентисты, собравшиеся в большом зале и празднично одетые по этому случаю, торжественно отметили первую годовщину нашей войны. Подземная лестница, ведущая из казармы в театр, представляла в тот день прекрасное зрелище: много триколоров, знамен и гербов провинций, тогда еще не «неискупленных», зеленые ветви, портреты Витторио Эмануила II, Витторио Эмануила III, Гарибальди: все они были написаны и созданы самими военнопленными, среди которых числились несколько художников» [20, p. 187]. В апреле 1916 г. российские власти разрешили итальянцам создать свой оркестр. Итальянское консульство закупило для них несколько музыкальных инструментов. Созданный в Кирсанове небольшой оркестр дал в городе несколько концертов, на которых исполнялись преимущественно оперные арии¹².

Большое внимание в лагере уделялось итальянской национальной символике. Так, был объявлен сбор средств на покупку японского шелка, из которого был выткан итальян-

янский триколор. На нем были помещены гербы шести пока находившихся под властью Австро-Венгрии итальянских провинций, вырезанные из дубовой коры [15].

Помимо организации концертов, среди военнопленных проводились также лекции на тему итальянского патриотизма, связи истории и современности [3, с. 168]. Так, было проведено несколько «лекций» по темам: «История итальянского Рисорджименто»; «Причины нашей войны»; «Трентино в его географии и истории»; «Далмация»; «Триест»; «Подготовка и охрана здоровья армии»; «Италия в ее географии и в ее истории» [15].

Акции итальянского правительства по оказанию помощи военнопленным. Коммеморация умерших в плену. Итальянское правительство не оставалось в стороне от оказания помощи военнопленным. Итальянская дипломатическая миссия часто ходатайствовала перед русскими властями об улучшении условий жизни военнопленных в Кирсанове и стремилась предоставить материальную помощь, главным образом одежду и литературу для чтения [15]. Неоднократно из Италии в Кирсанов через итальянское посольство пересылались книги¹³.

Министерство иностранных дел Италии оформило подписку на ряд итальянских газет и журналов, а итальянские библиотеки организовали сбор и отправку сотен книг. Так, С. Пеллико из миланского муниципалитета выслал в марте 1916 г. 545 экземпляров книги «Мои темницы» [3, с. 169]. Все мероприятия внутри лагеря были организованы за счет средств военнопленных, а также пожертвований В. Чеккато, сделанных от него лично и от имени итальянской общины в России [2, с. 169]. Личные средства на нужды военнопленных нередко жертвовал и генеральный итальянский консул в Москве Гацурелли [15].

Для захоронения умерших военнопленных местные власти выделили участок земли на городском кладбище. Для участия в траурной процессии и прощании с умершими товарищами собирались, как правило, все

¹² Di Meo A. L'identità nazionale degli irredenti a Tianjin: una comparazione con il caso cinese P5. URL: <https://www.academia.edu/40449623/> (data di accesso: 06.11.2022).

¹³ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 510. Оп. 1. Д. 28. Л. 867.

военнопленные. Местные власти этому не препятствовали [21, р. 117]. В июле 1916 г. на кладбище Кирсанова был открыт памятник умершим соотечественникам работы Э. Бонапаса [4, р. 152]. Он был выполнен в форме большого бетонного креста с головой Искупителя посередине, вокруг памятника были размещены четыре столба, соединенные перилами. На памятнике была высечена надпись: «В память об ирредентистах, умерших в ожидании увидеть родину, свободную от чужеземца, благочестие товарищей, год MCMXVI (1916) 1916». Мрамор для него был приобретен В. Чеккато¹⁴.

ВЫВОДЫ

В период ожидания отправки в Италию группа патриотически настроенных военнопленных в кирсановском лагере организовала ряд мероприятий, который получил название «Кирсановское движение». Его целью являлось вовлечение политически колебавшихся военнопленных в патриотическую деятельность путем выпуска газеты, создания хора, проведения патриотических лекций, а также концертов, публичных конкурсов, сооружения воинского мемориала и изготовления национального флага. Эти меро-

приятия находили поддержку большинства военнопленных, так как проводились за счет их собственных средств без финансовой поддержки итальянского правительства. С одной стороны, они были призваны заполнить свободное время военнопленных, а с другой стороны, способствовать формированию у них итальянской национальной идентичности и лояльности к новой родине – Италии. Военнопленные находились в родной языковой среде и были окружены друзьями и земляками. Их лагерная жизнь сопровождалась демонстрацией итальянской патриотической символики. Под влиянием всех этих факторов военнопленные в своей основной массе становились убежденными итальянскими патриотами. Вместе с тем не следует однозначно отождествлять готовность военнопленных отправиться в Италию с наличием у них сформированных национальных чувств. Национальному сплочению австрийских итальянцев под эгидой Италии как новой родины мешали порожденные особенностями социальной структуры отдельных регионов Австро-Венгрии старые обиды, помноженные на традиционную лояльность к Габсбургам и реально исходившую от них угрозу уголовного преследования «изменников» и членов их семей. И хотя среди военнопленных не было зафиксировано ни одного случая отказа от отправки в Италию, она могла служить для многих единственной альтернативой беспросветной лагерной жизни.

¹⁴ Il diario di Silvio Viezzoli Diario di un trentino soldato di sua maestà l'Imperatore d'Austria 2a parte “Kirsanoff il ritorno”. URL: <https://digilander.libero.it/frontedeserto/diari/viezzoli1.htm> (data di accesso: 25.02.2023).

Список источников

1. Интернационалисты: Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России, 1917–1920 гг. / отв. ред. А.Я. Манусевич. М.: Наука, 1987. 450 с.
2. Миронов В.В. Австро-венгерская армия в Первой мировой войне: разрушение оплота Габсбургской монархии. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. 408 с. <https://elibrary.ru/qpuzlh>
3. Ди Микеле А. Между двух мундиров. Итальянские подданные Австро-Венгерской империи на Первой мировой войне и в русском плену / пер. и науч. ред. М.Г. Талалая. СПб.: Алетейя, 2022. 286 с.
4. Rossi M. I prigionieri dello zar: soldati italiani dell'esercito austro-ungarico nei lager della Russia (1914–1918). Milano: Mursia, 1997. 204 p.
5. Lyons M. The Writing Culture of Ordinary People in Europe, c. 1860–1920. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 278 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139093538>
6. Митрофанов П.П. История Австрии. СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1910. Ч. 1. С древних времен до 1792 г. 158 с.

7. Baurmann J., Hartmut G., Knoop U. Homo scribens: Perspektiven der Schriftlichkeitsforschung. Tübingen: Niemeyer, 1993. 394 S. (In Ger.)
8. Любин В.П., Шкундин Г.Д. Италия и Австро-Венгрия: terre irredente как повод для войны // Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг. / отв. ред. М. Волос, Г.Д. Шкундин. М.: Квадрига, 2012. Т. 1. С. 421–449. <https://elibrary.ru/qbtwkb>
9. Salvador A. Italian-Speaking Austrian POWs in Russia and the Italian Involvement in the Siberian Intervention 1918–1920 // Re-Visiting World War I. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2016. P. 207–223. <https://doi.org/10.3726/978-3-653-06610-4>
10. Dornik W. Des Kaisers Falke. Wirken und Nach-Wirken von Franz Conrad von Hötzendorf. Innsbruck: StudienVerlag, 2013. 279 S.
11. Wiggemann F. К.и.К. Kriegsmarine und Politik: Ein Beitrag zur Geschichte der italienischen Nationalbewegung in Istrien. Wien: Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2004. 456 S.
12. Rauchensteiner M. The First World War and the End of the Habsburg Monarchy, 1914–1918. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2014. 1181 p. https://doi.org/10.26530/oapen_482374
13. Nachtigal R. Privilegiensystem und Zwangsrekrutierung. Russische Nationalitätspolitik gegenüber Kriegsgefangenen aus Österreich-Ungarn // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkrieges. Paderborn: Schöningh, 2006. S. 167–194.
14. Nachtigal R. Russland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen (1914–1918). Remshalden: Geiner, 2003. 391 S.
15. Bellezza S.A. Tornare in Italia: Come i Prigionieri Trentini in Russia Divennero Italiani (1914–1920). Bologna: il Mulino, 2016. 236 p. (In Ita.) <https://doi.org/10.978.8815/328960>
16. Виноградов В.Н. Борьба за союзников // Мировые войны XX века: в 4 кн. / отв. ред. Г.Д. Шкундин. М.: Наука, 2002. Кн. 1. Первая мировая война. С. 238–245. URL: <https://djvu.online/file/cCQm1nmYYQfyc> (дата обращения: 25.02.2023).
17. Шендрикова Д.С. Италия. «Ампутированная победа» // Первая мировая война: историографические мифы и историческая память: в 3 кн. / под ред. О.В. Петровской. М.: РИСИ, 2014. Кн. 3. Страны Антанты и Четвертного союза. С. 117–136.
18. Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М.: РОССПЭН, 2014. 422 с.
19. Salvador A. Italian-Austrian Prisoners of War and Italian Political and Military Involvement in the Eastern Front During World War I // World War I in Central and Eastern Europe. Politics, Conflict and Military Experience. London; New York: I.B. Tauris, 2018. P. 73–87. <http://dx.doi.org/10.5040/9781350989870.ch-004>
20. Antonelli Q. Tra rimozione e tradizione (inventata): il repertorio trentino dei canti della Grande Guerra // Geschichte und Region/Storia e Regione. 2008. Vol. 17. № 1. P. 179–194. URL: https://storiaeregione.eu/attachment/get/up_90_16520957023376.pdf (data di accesso: 25.02.2023).
21. Gaetono B. Soldati Italiani nella Russia in Fiamme 1915–1920. Legione Trentina dell'Associazione Nazionali Volontari di Guerra, Trento, 1933. 429 p.

References

1. Manusevich A.Ya. (executive ed.). (1987). *Internatsionalisty: Uchastie trudyashchikhsya stran Tsentral'noi i Yugo-Vostochnoi Evropy v bor'be za vlast' Sovetov v Rossii, 1917–1920 gg.* [Internationalists: The Participation of the Workers of Central and South-Eastern Europe in the Struggle for Soviet Power in Russia, 1917–1920]. Moscow, Nauka Publ., 450 p. (In Russ.)
2. Mironov V.V. (2011). *Avstro-vengerskaya armiya v Pervoi mirovoi voine: razrushenie oplota Gabsburgskoi monarkhii* [The Austro-Hungarian Army in the World War I: the Destruction of Habsburg Monarchy's Stronghold]. Tambov, TSU named after G.R. Derzhavin Publ., 408 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qpuzlh>
3. Di Mikele A. (2022). *Mezhdv dvukh mundirov. Italoyazychnye poddannye Avstro-Vengerskoi imperii na Pervoi mirovoi voine i v russkom plenu* [Between Two Uniforms. Italian-Speaking Subjects of the Austro-Hungarian Empire During the World War I and in Russian Captivity]. St. Petersburg, Aleiteya Publ., 286 p. (In Russ.)
4. Rossi M. (1997). *I prigionieri dello zar: soldati italiani dell'esercito austro-ungarico nei lager della Russia (1914–1918)*. Milano, Mursia, 204 p. (In Ita.)

5. Lyons M. (2012). *The Writing Culture of Ordinary People in Europe, c. 1860–1920*. Cambridge, Cambridge University Press, 278 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139093538>
6. Mitrofanov P.P. (1910). *Istoriya Avstrii* [The history of Austria]. St. Petersburg, Brokgauz–Efron Publ., pt 1, From ancient times to 1792, 160 p. (In Russ.)
7. Baurmann J., Hartmut G., Knoop U. (1993). *Homo scribens: Perspektiven der Schriftlichkeitsforschung*. Tbingen, Niemeyer, 394 S. (In Ger.)
8. Lyubin V.P., Shkundin G.D. (2012). Italiya i Avstro-Vengriya: terre irredente kak povod dlya voiny [Italy and Austria-Hungary: terre irredente as a reason for war]. In: Volos M., Shkundin G.D. (executive eds.). *Narody Gabsburgskoi monarkhii v 1914–1920 gg.* [Peoples of the Habsburg Monarchy in 1914–1920]. Moscow, Kvadriga Publ., vol. 1, pp. 421–449. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qbtwkb>
9. Salvador A. (2016). Italian-Speaking Austrian POWs in Russia and the Italian Involvement in the Siberian Intervention 1918–1920. *Re-Visiting World War I*. Frankfurt am Main, Peter Lang Publ., pp. 207–223. <https://doi.org/10.3726/978-3-653-06610-4>
10. Dornik W. (2013). *Des Kaisers Falke. Wirken und Nach-Wirken von Franz Conrad von Hötzendorf*. Innsbruck, StudienVerlag, 279 S. (In Ger.)
11. Wiggermann F. (2004). *K.u.K. Kriegsmarine und Politik. Ein Beitrag zur Geschichte der italienischen Nationalbewegung in Istrien*. Wien, Verlag der Tssterreichische Akademie der Wissenschaften, 456 S.
12. Rauchensteiner M. (2014). *The First World War and the End of the Habsburg Monarchy, 1914–1918*. Wien, Köln, Weimar, Böhlau Verlag, 1181 p. https://doi.org/10.26530/oapen_482374
13. Nachtigal R. (2006). Privilegiensystem und Zwangsrekrutierung. Russische Nationalitätspolitik gegen’ber Kriegsgefangenen aus Tssterreich-Ungarn. *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkrieges*. Paderborn, Schöningh, S. 167–194. (In Ger.)
14. Nachtigal R. (2003). *Russland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen (1914–1918)*. Remshalden, Geiner, 391 S. (In Ger.)
15. Bellezza S.A. (2016). *Tornare in Italia: Come i Prigionieri Trentini in Russia Divennero Italiani (1914–1920)*. Bologna, il Mulino, 236 p. (In Ita.) <https://doi.org/10.978.8815/328960>
16. Vinogradov V.N. (2002). Bor’ba za soyuznikov [The struggle for allies]. *Mirovye voiny XX veka* [World Wars of the 20th century]. Moscow, Nauka Publ., bk 1, World War I, pp. 238–245. (In Russ.) Available at: <https://djvu.online/file/cCQm1nmYYQfyc> (accessed: 25.02.2023).
17. Shendrikova D.S. (2014). Italiya. «Amputirovannaya pobeda» [Italy. “Amputated victory”]. *Pervaya mirovaya voina: istoriograficheskie mify i istoricheskaya pamyat’ v 3 kn.* [World War I: Historiographical Myths and Historical Memory in 3 bks]. Moscow, Russian Institute of Strategic Studies Publ., bk 3, Countries of the Entente and the Quadruple Alliance, pp. 117–136. (In Russ.)
18. Surzhikova N.V. (2014). *Voennyi plen v rossiiskoi provintsii (1914–1922 gg.)* [Military Captivity in the Russian Province (1914–1922)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 422 p. (In Russ.)
19. Salvador A. (2018). Italian-Austrian Prisoners of War and Italian Political and Military Involment in the Eastern Front During World War I. *World War I in Central and Eastern Europe. Politics, Conflict and Military Experience*. London, New York, I.B. Tauris Publ., pp. 73–87. <http://dx.doi.org/10.5040/9781350989870.ch-004>
20. Antonelli Q. (2008). Tra rimozione e tradizione (inventata): il repertorio trentino dei canti della Grande Guerra. *Geschichte und Region/Storia e Regione*, vol. 17, no. 1, pp. 179–194. (In Ita.) Disponibile: https://storiaeregione.eu/attachment/get/up_90_16520957023376.pdf (data di accesso: 25.02.2023).
21. Gaetono B. (1933). *Soldati Italiani nella Russia in Fiamme 1915–1920. Legione Trentina dell’Associazione Nazionali Volontari di Guerra*. Trento, 429 p. (In Ita.)

Информация об авторе

Шевяков Сергей Валериевич, аспирант, кафедры истории и философии, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0001-8699-7240>
mig1709@mail.ru

Поступила в редакцию 24.03.2023
Поступила после рецензирования 16.06.2023
Принята к публикации 19.06.2023

Information about the author

Sergey V. Shevyakov, Post-Graduate Student, History and Philosophy Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0001-8699-7240>
mig1709@mail.ru

Received 24.03.2023
Approved 16.06.2023
Revised 19.06.2023

РЕЦЕНЗИЯ

Рецензия

УДК 378.02:372.8

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-737-740>

Рецензия на: Обучение иностранному языку на основе технологий искусственного интеллекта: коллективная монография / П.В. Сысоев, О.Г. Поляков, М.Н. Евстигнеев [и др.]; под науч. ред. П.В. Сысоева; М-во науки и высш. обр. РФ, ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2023. 132 с. ISBN 978-5-00078-732-8

Нина Васильевна ПОПОВА

ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»
195251, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
ninavaspo@mail.ru

Аннотация. Рецензия на коллективную монографию «Обучение иностранному языку на основе технологий искусственного интеллекта» под научной редакцией проф. П.В. Сысоева содержит описание актуальности проблематики исследования в эпоху цифровизации образования в целом и обучения иностранному языку в частности, структуры книги, основных вопросов, обсуждаемых в главах монографии. Автор обращает внимание как на научную новизну исследования, так и на его практическую ценность при формировании аспектов языка или развитии иноязычных видов речевой деятельности обучающихся. Автор отмечает, что работа содержит большое количество конкретных примеров работы с технологиями искусственного интеллекта, которые в значительной степени компенсируют отсутствие специализированных курсов и руководств, которые наглядно и пошагово инструктировали бы преподавателя, как обращаться с интеллектуальными технологиями, и разъясняли потенциал их использования в обучении иностранному языку.

Ключевые слова: искусственный интеллект, информационные и коммуникационные технологии, чат-боты, дополненная реальность, корпусные технологии, обучение иностранному языку

Для цитирования: Попова Н.В. Рецензия на: Обучение иностранному языку на основе технологий искусственного интеллекта: коллективная монография / П.В. Сысоев, О.Г. Поляков, М.Н. Евстигнеев [и др.]; под науч. ред. П.В. Сысоева; М-во науки и высш. обр. РФ, ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2023. 132 с. ISBN 978-5-00078-732-8 // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3. С. 737-740. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-737-740>

REVIEW

Review

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-737-740>

Review of: Foreign Language Teaching Based on Artificial Intelligence Technologies: joint monograph of P.V. Sysoev, O.G. Polyakov, M.N. Evstigneev et al., academ. ed. by P.V. Sysoev, Tambov, Publishing House “Derzhavinsky”, 2023, 132 p. (In Russ.) ISBN 978-5-00078-732-8

Nina V. POPOVA

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
29 Politekhnikeskaya St., St. Petersburg, 195251, Russian Federation
ninavaspo@mail.ru

Abstract. The joint monograph review “Foreign Language Teaching Based on Artificial Intelligence Technologies” by professor P.V. Sysoev’s academic editorship contains a description of the research issues relevance in the education digitalization era in general and foreign language teaching in particular, the book structure, the main issues discussed in the monograph chapters. The author draws attention to both the research scientific novelty and its practical value in the development of language aspects or the foreign-language types advancing of students’ speech activity. The author notes that the work contains a large number of certain examples of working with artificial intelligence technologies, which largely compensate the absence of specialized courses and manuals that would clearly and step-by-step instruct the lecturer how to handle intelligent technologies and explain the potential of their use in a foreign language teaching.

Keywords: artificial intelligence, information and communication technologies, chatbots, augmented reality, corpora, foreign language teaching

For citation: Popova, N.V. (2023). Review of: Foreign Language Teaching Based on Artificial Intelligence Technologies: joint monograph; of P.V. Sysoev, O.G. Polyakov, M.N. Evstigneev et al.; academ. ed. by P.V. Sysoev, Tambov, Publishing House “Derzhavinsky”, 2023, 132 p. (In Russ.) ISBN 978-5-00078-732-8. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 3, pp. 737-740. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-737-740>

Потребность в повышении качества высшего образования обусловила переход вузов на систему многоступенчатой подготовки специалистов, предполагающую обновление структуры, содержания и технологий образовательного процесса в соответствии с мировыми образовательными тенденциями. В этой связи актуализируется проблема обучения иностранному языку на основе технологий искусственного интеллекта.

В монографии «Обучение иностранному языку на основе технологий искусственного интеллекта» рассматривается дидактический и лингводидактический потенциал указанных технологий, корпусные технологии, технологии виртуальной и дополненной реальности в обучении иностранному языку, требования к компетенции преподавателя иностранного языка в области использования технологий искусственного интеллекта. Монография своевременна и актуальна по содержанию, доступна по стилю изложения

сложных дидактических категорий. Среди достоинств рецензируемой работы необходимо выделить также логичность и обоснованность выбора представленного авторами материала.

Монография имеет четкую и понятную структуру. В ней, в частности, отмечается, что в обучении иностранному языку технологии искусственного интеллекта могут использоваться по трем основным векторам: а) вектору преподавания дисциплины «Иностранный язык», б) вектору овладения иностранным языком, в) вектору управления педагогическим процессом обучения иностранному языку. Педагогический и дидактический потенциал технологий искусственного интеллекта по каждому из выделенных векторов рассмотрен достаточно подробно.

Наибольший интерес представляют практические аспекты применения технологий искусственного интеллекта, например, иноязычного речевого взаимодействия с чат-ботом, использования конкордансов для анализа коллокаций, программы ChatGPT для исследовательской работы аспирантов. Важно отметить, что авторы монографии осознают неоднозначность применения технологий искусственного интеллекта и рассматривают этические вопросы написания научных работ, которые будут постоянно в фокусе внимания научной общественности и станут предметом обсуждения в академической среде.

Одной из наиболее полезных для преподавателей функций технологий искусственного интеллекта, освещенной в монографии, является осуществление мониторинга учебно-познавательной деятельности обучающихся, например, при проведении проектной работы. Осуществление мониторинга учебно-познавательной деятельности обучающихся, принимающих участие в групповом проекте, нам представляется особенно актуальным, поскольку преподавателю бывает сложно определить степень участия студентов в выполнении отдельных проектных заданий. Технологии же искусственного интеллекта смогут отслеживать деятельность

каждого участника команды и его вклад в итоговый результат проектной работы.

Вслед за авторами монографии мы положительно оцениваем большую роль технологий искусственного интеллекта в реализации индивидуальных траекторий обучения. На основе анализа объемов информации из предметной области знания и когнитивной науки, а также анализа выполненных конкретным учеником заданий в сопоставлении результатов его обучения с результатами обучения других учеников компьютер может выстроить индивидуальную траекторию обучения конкретному предмету.

Для авторов монографии представляется важным определить номенклатуру не только умений, но и микроумений иноязычного речевого взаимодействия, развиваемых на основе чат-ботов, чтобы впоследствии выделенные этапы методики обучения были направлены на их развитие. Без детального рассмотрения номенклатуры умений иноязычного речевого взаимодействия часть лингводидактического потенциала чат-ботов могла бы быть потеряна при обучении, поэтому тщательный авторский подход к их рассмотрению мы, безусловно, поддерживаем.

В монографии рассмотрены также проблемы внедрения корпусных технологий в школе и вузе. В связи со значительным потенциалом применения корпусных данных в обучении иностранному языку авторами рассмотрены специальные программы, которые обеспечивают обработку огромного массива таких данных. Наиболее интересным для вузовского применения является AntConc – программа, предназначенная для использования в процессе обучения иностранному языку. Эта программа-конкордансер едва ли может быть рекомендована для школы: она гораздо эффективнее, на наш взгляд, для вузовской практики, например, может использоваться аспирантами для составления глоссария по терминам любой области знаний.

Диапазон рассмотренной в монографии тематики весьма широк. Большой интерес представляет собой, например, технология виртуальной реальности как способ форми-

рования необходимых впечатлений обучающихся и их знакомства с культурой других стран. Современные цифровые устройства позволяют ученику совершить виртуальное путешествие в страну изучаемого языка, изучить их нравы, обычаи и традиции.

Предложенная авторами монографии структура компетентности педагога иностранного языка в области использования искусственного интеллекта позволяет описать уровневую градацию сформированности коммуникативного, когнитивного, операционного и других компонентов. Рассуждения авторов о необходимости повышения компетентности преподавателя иностранного языка нам представляются логичным завершением этой качественной монографии.

Представляя большое количество конкретных примеров работы с технологиями искусственного интеллекта, монография в значительной степени компенсирует отсутствие специальных курсов и руководств, которые наглядно и пошагово инструктировали бы преподавателя, как обращаться с интеллектуальными технологиями, и разъясняли потенциал их использования в обучении иностранному языку.

Вышедшая из печати коллективная монография «Обучение иностранному языку на основе технологий искусственного интеллекта» авторов П.В. Сысоева, О.Г. Полякова, М.Н. Евстигнеева и др., под научной редакцией профессора П.В. Сысоева отвечает требованиям, предъявляемым к подобного рода научной литературе.

Информация об авторе

Попова Нина Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор Высшей школы лингводидактики и перевода Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0003-3058-7386>
Scopus Author ID: 56542653500
Researcher ID: U-2377-2018
ninavaspo@mail.ru

Поступила в редакцию 06.06.2023
Принята к публикации 19.06.2023

Information about the author

Nina V. Popova, Dr. habil. (Education), Professor, Professor of Institute of Humanities Linguodidactics and Translation Higher School, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0003-3058-7386>
Scopus Author ID: 56542653500
Researcher ID: U-2377-2018
ninavaspo@mail.ru

Received 06.06.2023
Revised 19.06.2023

